This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

МЕЖДУНАРОДНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Томъ ~~XIII.~~ I

HARV... ...LEGE
OCT 26 1897
LIBRARY.

Dr. A. L. Coolidge.
(1–13, 18–30)

НОВГОРОДСКОЕ ВОСМУЩЕНІЕ

ВЪ 1831.

HARVARD COLLEGE
OCT 26 1897
LIBRARY.

Dr. A. E. Coolidge.
(1–13, 18–30)

НОВГОРОДСКОЕ ВОСМУЩЕНІЕ

ВЪ 1831.

НОВГОРОДСКОЕ

ВОЗМУЩЕНІЕ

ВЪ

1831.

ЗАПИСКИ ОЧЕВИДЦА

Panaeff.

ПОЛКОВНИКА ПАНАЕВА,

ВРЕМЕННАГО НАЧАЛЬНИКА ВОЗМУЩЕНІЯ.

Die Empörung von Novgorod im Jahre 1831.

ЛЕЙПЦИГЪ:
Е. Л. Каспровичъ.

LEIPZIG:
E. L. Kasprowicz.

1874.

Slav 4170.4

HARVARD COLLEGE
OCT 26 1897
LIBRARY

Опишу вамъ дѣло, хотя и не военное, но я лучше бы согласился вытерпѣть нѣсколько регулярныхъ сраженій, чѣмъ быть захваченнымъ въ народный бунтъ. Дни 16, 17, 18, 19 и 20 Іюля 1831 года для меня весьма памятны.

Опишу вамъ въ началѣ мое служеніе въ округѣ военныхъ поселеній новгородскаго отряда и мое положеніе на поприщѣ поселенной службы. Въ 1820 году предположено было сформировать для гренадерскаго сапернаго баталіона поселеніе, на равнѣ съ прочими гренадерскими полками: для того и назначенъ участокъ земли отъ гренадерскаго короля прусскаго (что нынѣ Фридриха Вильгельма) полка съ деревнями: Перевозъ, Хутинъ, Гажинскъ, Зазелье, Жидово, Радюново и селомъ Великопольемъ, купленными отъ Сперанскаго. 2. Положено было изъ крестьянъ сихъ

деревень съ добавленіемъ людей изъ всѣхъ саперныхъ и піонерныхъ баталіоновъ, уроженцовъ новгородскихъ и псковскихъ, сформировать двѣ саперныя поселенныя роты. Офицеры же ко мнѣ назначены изъ піонерныхъ баталіоновъ. Я служилъ въ то время во 2-мъ саперномъ баталіонѣ, квартировавшемъ въ Лифляндіи, въ городѣ Вензелѣ. Предположено было баталіонъ этотъ, какъ не вошедшій въ составъ арміи, переформировать и, оставя двѣ роты старыхъ солдатъ, дополнивъ таковыми же двумя ротами кантонистовъ, составить изъ него учебный саперный баталіонъ; двумя же остальными ротами скомплектовать прочіе саперный и піонерный баталіоны — и я въ капитанскомъ чинѣ, бывши командиромъ 1-ой минерной роты, назначенъ командиромъ обѣихъ поселенныхъ ротъ сапернаго баталіона гренадерскаго корпуса. Назначеніе это не было пріятно графу Аракчееву, которому хотѣлось назначить командиромъ въ эти роты изъ поселенныхъ уже гренадерскихъ полковъ, болѣе привыкшихъ къ правиламъ, принятымъ въ поселенномъ войскѣ и слѣдовательно болѣе опытныхъ въ предстоящихъ хозяйственныхъ распоряженіяхъ. Мысль въ настоящемъ положеніи дѣлъ самая естественная и которая принесла бы болѣе пользы, чѣмъ назначеніе мое.

Были люди между образовавшимися тамъ командирами и трудолюбивые, и ревностные исполнители безсознательно, всѣхъ распоряженій начальства. Хвалю ихъ подвигъ, но не понимаю, какъ можно дѣйствовать успѣшно, исполняя лишь то, что имъ приказываютъ и не зная цѣли, къ чему должны направлять свои дѣйствія. Дѣло было новое и цѣль, изображенная въ проэктѣ, показывала только крайнюю точку несбыточнаго предположенія, средствъ къ достиженію коего, кажется, никто не зналъ. Мы работали много, прилѣжно, тратили матеріалы, изнуряли людей; при десятой доли умирающихъ между работавшими баталіонами, смертность не считалась большою; когда умирала восьмая доля, тогда только производились слѣдствія, начальники были отдаваемы подъ судъ, но суды оканчивались почти всегда ничѣмъ или вмѣненіемъ бытности подъ судомъ въ наказаніе и занесеніемъ въ формулярные списки, а при неудачныхъ постройкахъ наложеніемъ взысканія на людей собственности неимѣвшихъ. Отставки были воспрещены, въ отпуска не отпускали, или они были правилами такъ стѣснены, что никогда не было возможности ими воспользоваться. Однимъ словомъ мы были въ крайнемъ порабощеніи, и не

имѣя средствъ избавиться, начали для защиты своей придумывать разныя уловки. Главные начальники выбравъ что было по лучше изъ офицеровъ и болѣе способныхъ, назначили ихъ частными начальниками работъ, предоставивъ въ полное ихъ распоряженіе баталіоны, на работѣ бывшіе. Баталіонные командиры старались вытѣснить всѣми способами образованныхъ офицеровъ и поручить командованіе ротами произведеннымъ изъ унтеръ-офицеровъ или такимъ, кои, по неимѣнію средствъ къ существованію, обязаны были не разбирать средствъ и быть покорными, даже противу присяги и совѣсти. Главное правило было, что всѣ средства хороши, лишь бы сдѣлано было, что приказано начальникомъ. Шпіонства съ одной стороны и побужденіе къ доносамъ нижнихъ чиновъ противу ближайшихъ ихъ начальниковъ, когда желали ихъ перемѣнить другими, ослабили совершенно всю дисциплину и связь между начальниками и подчиненными. Инспектирующіе спрашивали всегда солдатъ о претензіяхъ, не употребляютъ-ли ихъ въ праздники и не изнурительны-ли для нихъ работы? Ежели начальника хотѣли удержать, то и по справедливой жалобѣ отдавали претендующихъ подъ судъ; а ежели хотѣли отстранить кого, то жалоба принималась, началь-

никъ отдавался подъ судъ и хотя года черезъ два оправдывался, но на ложныхъ доносителей судъ не обращалъ вниманія; ихъ переводили въ другую дивизію или назначали для присмотра какихъ нибудь матеріаловъ. Бывали случаи, что подсудимаго оправдывала коммиссія военнаго суда; но тогда обыкновенно наряжалась другая, а первая подвергалась взысканію за упущеніе обстоятельствъ; оправдывала-ли вторая, то наряжалась третья, до тѣхъ поръ, покуда ловкій аудитроъ не откроетъ какого либо упущенія въ другихъ случаяхъ службы подсудимаго. И такъ, отданный подъ судъ капитанъ за растрату казеннаго имущества иногда являлся виновнымъ, что будучи еще поручикомъ, во время стоянія въ караулѣ, отлучался съ гаубтвахты. Еще повторяю, что жестокости и строгости было много, но дисциплины не было, и войска были деморализованы начальствомъ и начальники съ своей стороны получая приказанія свыше — кои могли возбудить ропотъ между нижними чинами, исполняли приказанія не прямо, но старались внушить солдатамъ, ежелибы имъ приказано не было, то они бы не стали такъ мучить людей. Высшее начальство всегда старалось выставлять себя защитниками солдатъ, приказывая секретно не баловать ихъ, задавать уроки

больше, высылать на работу и по праздникамъ, и, ежели спросятъ отъ чего люди въ праздникъ выведены на работу, отвѣчать: что это лѣнивцы, не выдѣлавшіе своихъ уроковъ. Командиры-же, высылая по праздникамъ па работу, всегда обращались къ солдатамъ и говорили имъ: ребята, васъ велѣно выслать па работу даже и сегодня. Когда пріѣдетъ начальникъ и будетъ спрашивать меня отъ чего люди работаютъ въ праздникъ, я скажу, что это тѣ люди, которые въ теченіи недѣли не выработали своихъ уроковъ; смотрите-же поддержите меня, я дѣлаю не по своей волѣ. Ежели онъ будетъ вамъ говорить; для чего вы лѣнились, то кричите: впредъ лучше будемъ стараться, а какъ онъ проѣдетъ, то я васъ отпущу съ работы. Хитрость, употребленная противъ хитрости, не заставляя солдатъ любить начальниковъ высшихъ, лишала уваженія къ ближайшимъ командирамъ показавъ ихъ слабость.

Въ сихъ обстоятельствахъ вступилъ я въ поселенную службу въ 1821 году Декабря 27 дня и прибылъ въ Новгородъ, гдѣ предположено было сборное мѣсто, высылаемыхъ ко мнѣ изъ разныхъ баталіоновъ солдатъ. Но какъ команда моя еще не собралась вся на лицо, то офицеры мои и по частямъ пребывающіе люди употреблены

были на открывшіяся съ весною 1822 года работы, а по прекращеніи оныхъ въ концѣ Ноября съ собравшимися людьми вступилъ я въ назначенный мнѣ округъ, въ село Хутилъ, и, принявъ деревни съ жителями отъ гренадерскаго короля прусскаго полка, приступилъ къ формированію поселенныхъ ротъ 1 сапернаго баталіона Между тѣмъ, главный надъ военными поселеніями начальникъ, графъ Аракчеевъ возложилъ на меня составленіе проэкта и смѣтъ для устройства штаба для 1 сапернаго баталіона и переправки господскаго дома въ сельцѣ Великополѣ для помѣщенія корпусной квартиры гренадерскаго корпуса, а 1824 года назначенъ я производителемъ работъ во всемъ томъ округѣ. Формированіе поселенныхъ ротъ, устройство корпусной квартиры, управленіе работами, для коихъ на лѣтнее время приходило ко мнѣ шесть баталіоновъ 9 пѣхотной дивизіи, одна артиллерійская рота и одна военно-рабочая, полицейскій порядокъ въ округѣ моемъ, а по зимамъ поѣздки въ Петербургъ для составленія проэктовъ и расчетовъ для работъ будущаго года лежали на моихъ плечахъ и я просилъ г. Аракчеева, чтобъ онъ меня избавилъ отъ фронтовой части и его сіятельство перевелъ меня въ инженерный корпусъ, съ оставленіемъ при военныхъ поселе-

ніяхъ. Здавъ ввѣренныя мнѣ роты, я занялся однѣми работами и построилъ корпусную квартиру и одну поселенную роту. Въ 1825 году, 19 Марта произведенъ я въ подполковники. 1827 я былъ назначенъ производителемъ работъ полковаго штаба гренадерскаго императора австрійскаго полка, гдѣ и докончилъ всѣ начатыя постройки, какъ то: экзерциргаузъ, церковь, госпиталь, казарму баталіона кантонистовъ, ресторацію, домъ полковаго командира, четыре дома для офицеровъ, скотной дворъ, гаубтвахту, мастерскую и къ онымъ прислуги и устроилъ шоссе на 6 верстъ.

Таковыя занятія мои разнообразными должностями дѣлали меня извѣстнымъ какъ между поселянами, такъ и между дѣйствующими солдатами и начальниками, не только въ своемъ округѣ, но и въ сосѣднихъ. Австрійскіе поселяне высылались ко мнѣ для подвозки разныхъ матеріаловъ на шоссе и при отдѣлкѣ плаца; саперными я прежде командовалъ самъ; прусскіе потому, что я получилъ для сапернаго поселенія отъ ихъ округа деревни съ поселянами, кои въ прусскомъ полку имѣли родственныя связи и натурально, что послѣ отдѣленія ихъ ко мнѣ въ команду, были между ими сужденія, гдѣ служить лучше. При работахъ

принялъ я за непремѣнное правило — уроки возвеличить до возможности выдѣлывать всякому, но за тѣмъ наблюдать строжайше, что ежелибы рабочій, усиливъ трудъ окончилъ урокъ свой ранѣе, то его отпускать въ тоже время домой и, по возвращеніи въ свой баталіонъ, чтобъ онъ въ этотъ день на другія работы или ученья, или въ караулъ высылаемъ не былъ. Трудно было до этого достичь, но я упорно устоялъ въ этомъ, и однимъ этимъ простымъ средствомъ довелъ до того, что уроки возвеличенные до полутора раза, стали оканчиваться около 4 часовъ вечера, а иногда и ранѣе; тогда я началъ задавать уроки недѣльные съ тѣмъ, буде они окончены будутъ прежде, то остальные дни могутъ работать на себя и въ пятницу будуть отпускаемы въ Новгородъ на рынокъ для продажи своихъ издѣлій; успѣхъ превзошелъ ожиданія. О величинѣ уроковъ уже и помину не было, всѣ они кончались въ четвергъ довольно рано и я заваленъ былъ выдачею позволеній идти на рынокъ въ городъ; довѣріе было общее. Обстоятельства эти много помогли мнѣ въ дни бунта въ военныхъ поселеніяхъ 1831 года.

Но выступленіи дѣйствующихъ войскъ въ польскій походъ, въ поселеніяхъ остались только

резервные баталіоны, составленные изъ кадръ старыхъ солдатъ и дополненныхъ кантонистами, дѣтьми военныхъ поселянъ. Поселенные начальники, какъ окружные, такъ и ротные, будучи въ зависимости отъ нижнихъ чиновъ и опасаясь жалобъ и доносовъ, вообще командовали слабо, поселяне не любили начальство и, ежели повиновались, то единственно изъ страха, ибо поселенія были наполнены войсками, ненавидящими поселенія и поселянъ, въ собственности потому, что нигдѣ не было хуже стоянки на квартирахъ, какъ у поселянъ.

Вотъ положеніе, въ которомъ находились Округа Военнаго Поселенія Новгородскаго отряда въ началѣ 1831 года, когда дѣйствующіе баталіоны гренадерскихъ полковъ вступили въ походъ при открытіи польской кампаніи, и резервные баталіоны пѣхотныхъ полковъ, бывшіе на работѣ, въ составъ резервной арміи. За тѣмъ остались въ округахъ одни лишь резервные баталіоны своихъ полковъ, состоящіе изъ малаго числа старыхъ солдатъ и дополненные до комплекта дѣтьми военныхъ поселянъ, да въ каждомъ полку по военно-рабочей ротѣ, неимѣвшей строевой аммуниціи и вооруженія.

Въ Іюлѣ мѣсяцѣ холера начала распростра-

няться. Въ Петербургѣ учреждены были уже особыя больницы для холерныхъ, установлены карантины повсемѣстно, наконецъ и мы получили предписаніе учредить карантины; но, не смотря на то, болѣзнь начала распространиться и между нами, около 10 Іюля. Округомъ военнаго поселенія гранадерскаго императора австрійскаго полка, въ званіи начальника округа, командовалъ подполковникъ Бутовичь, резервнымъ баталіономъ маіоръ Султановъ, младшій штабъ-офицеръ маіоръ Баллашъ. Ротные командиры поселенныхъ ротъ, капитаны: 1-й — Саурскій, 2-й — Заикинъ, 3-й — Соколовъ; кто командовалъ 4-й, не упомню, но кажется, штабсъ-капитанъ Пановъ. Я въ чинѣ инженеръ подполковника распоряжался въ округѣ работами и, хотя былъ старшимъ въ округѣ, но въ управленіе не входилъ; въ томъ же округѣ былъ дѣловой дворъ и штабъ 5 военно-рабочаго баталіона въ деревнѣ Пирожкахъ, гдѣ жилъ и командиръ сего баталіона маіоръ Москвинъ; а также и штабъ 6 военно-рабочаго баталіона съ одной ротой, бывшей у меня на работѣ. Шестымъ баталіономъ командовалъ маіоръ Галиковскій, а ротой штабсъ-капитанъ Бриммеръ. Чрезъ Волховъ былъ въ округѣ короля прусскаго полка паровой лѣсопильный и мукомольный заводъ, на-

чальникомъ коего былъ артиллеріи подполковникъ Шиповъ, съ командою на заводѣ отъ 6 военно-рабочаго баталіона. При 6 баталіонѣ находилась и часть конно-рабочей команды съ 25 лошадьми, изъ коей мнѣ для разъѣздовъ по работамъ наряжалась пара лошадей. Всѣми войсками и округами командовалъ въ Новгородкѣ генералъ-лейтенантъ Эйлеръ, а старшимъ по немъ былъ артиллеріи подполковникъ Боттомъ; былъ въ Новгородѣ гарнизонный баталіонъ, которымъ командовалъ маіоръ изъ Нѣмцевъ, эскадронъ сибирскаго уланскаго полока, которымъ командовалъ маіоръ Воробьевъ; и кажется 24 орудія артиллеріи, два парохода и ластовой экипажъ съ судами.

Въ воскресеніе 12 числа Іюля я, взявъ билетъ для пропуска черезъ карантинъ отъ Бутовича, ѣздилъ въ Сырковъ монастырь для поминовенія скончавшейся недавно моей тетки, а оттуда проѣхалъ въ Вяжецкій монастырь, гдѣ и обѣдалъ; тамъ были какіе то купцы и разсказывали, что будто-бы въ Петербургѣ отравляютъ людей, совѣтовали и мнѣ остаться на нѣсколько дней въ монастырѣ; но я, отобѣдавъ, возвратился домой. Вечеромъ пришелъ ко мнѣ Бутовичь и сказалъ, что холера стала сильнѣе и что въ госпиталь поступило разомъ 13 человѣкъ, и онъ думаетъ

для успокоенія людей приказать отслужить молебень и съ крестнымъ ходомъ обойти вокругъ штаба. При этомъ сказалъ мнѣ то же, что прибывшій къ нему офицеръ изъ Петербурга говорилъ ему, что тамъ разсыпаютъ ядъ по улицамъ, и онъ, сдѣлавъ пріемку, радъ былъ, что вырвался; въ послѣдніе же дни своего пребыванія въ Петербургѣ онъ самъ почью ходилъ за водою боясь отравы и, купивъ припасовъ, сварилъ себѣ кушанье. Я совѣтовалъ Бутовичу запретить ему говорить вздоръ. На другой день 13 числа былъ церковный нарадъ и крестный ходъ для чего я прекратилъ на утро работы и всѣмъ рабочимъ приказалъ быть въ церкви. 14 числа приходилъ опять Бутовичь ко мнѣ и принесъ бумагу имъ полученную, чтобы усилить карантины, прекратить всякое сообщеніе съ Новгородотъ и созвавъ комитетъ, посовѣтоваться, какія мѣры должно предпринять, и сказалъ мнѣ: какъ карантинъ можетъ продолжаться нѣсколко недѣль, то я полагаю, пока мы еще не заперты, послать завтра въ городъ лодку и сдѣлать закупки того, чего здѣсь достать нельзя; пошлю надежнаго унтеръ-офицера и ежели вамъ что нужно напишите записку и съ деньгами пришлите ко мнѣ; вечеромъ лодку отправлю чтобъ чуть свѣтъ

успѣла вернуться и сдѣлать покупку. 15 числа Бутовичь собралъ у себя на квартирѣ комитетъ, назначили гдѣ поставить карантинную линію; карантины, будучи расположены по берегу Волхова, по коему ходятъ безпрерывно барки и лодки, то Бутовичь и пригласилъ меня, чтобы посовѣтоваться не могу ли я остановить работы въ штабѣ, безъ чего карантинъ былъ бы не дѣйствителенъ. Я ему сказалъ, чтобъ онъ увѣдомилъ меня офиціально о таковомъ положеніи комитета, и тогда я остановлю и донесу начальству; но Бутовичь мнѣ сказалъ, что онъ прямаго приказанія о прекращеніи работъ не получалъ, но чтобъ съ пользою выполнить предназначеніе начальства, у коего это обстоятельство укрылось изъ виду, то онъ проситъ: не могу ли я самъ этого разрѣшить, покуда онъ не донесетъ отъ себя и я не получу отъ генерала Эйлера наставленія на счетъ продолженія работъ. Пообдумавъ дѣло и, сообразя, что мнѣ будетъ можно дня на три занять людей на берегу Волхова работами, я согласился съ тѣмъ, чтобъ въ теченіи этого времени было ко мнѣ прислано рѣшительное постановленіе производить или остановить работы. Я хотѣлъ отправиться домой, но въ гостинной нашелъ собравшихся многихъ полковыхъ дамъ.

Бутовичева просила меня выпить чаю, а между тѣмъ дамы окружили меня и стали распрашивать объ чемъ толковали въ комитетѣ. Пошутивъ на счетъ ихъ любопытства, я имъ сказалъ, что меня приглашали на счетъ приготовленія гробовъ, — что ежели которая изъ нихъ умретъ, то не было бы остановки. Комитеты всегда собирались въ особенномъ домѣ; не знаю почему Бутовичу вздумалось на этотъ разъ открыть присутствіе на своей квартирѣ, а это въ послѣдствіи имѣло вліяніе на умы поселянъ.

Утромъ 16-го рабочіе были выведены и работы назначены на берегу Волхова, внѣ карантинной линіи. Осмотрѣвъ оныя, я хотѣлъ было пройти въ штабъ, но на карантинной линіи былъ остановленъ, а потому и пошелъ домой. Въ этотъ день жена моя послѣ родовъ дочери Екатерины въ первый разъ вышла къ столу. Пообѣдавъ въ 1-мъ часу, я пошелъ въ кабинетъ и уснулъ по обычаю. Проснувшись въ 3 часа, я засталъ жену сидящую подъ окномъ и занятую какой-то работой; она мнѣ очень хладнокровно сказала: — "Знаешь-ли, говорятъ во 2-й ротѣ бунтъ и Бутовичь туда поѣхалъ." — "Какой бунтъ? возразилъ я, откуда ты это знаешь?" — "Солдатъ, что при цейхаузѣ, мнѣ сказалъ," отвѣчала она. Я сей-

часъ вышелъ и отыскавъ на огородѣ означеннаго солдата, спросилъ его: „Что такое дѣлается во 2-й ротѣ?" и онъ мнѣ отвѣчалъ: что во 2-ой ротѣ поймана женщина съ ядомъ, и что Бутовичь поѣхалъ въ кабріолетѣ съ лѣкаремъ, и онъ слышалъ, будто бы тамъ лѣкаря убили, а Бутовича сѣкутъ въ два кнута. Узнавъ это и, будучи старшимъ въ округѣ, я приказалъ сей-часъ подать дрожки, пошелъ въ комнаты взять шпагу и фуражку. Не зная что происходило во 2-й ротѣ, я поѣхалъ туда. 2-я рота находилась на Московскомъ шоссе въ двухъ верстахъ отъ полковаго штаба. Проѣхавъ штабъ, я остановился подлѣ службъ госпитальныхъ и, увидѣвъ солдата, который при этомъ строеніи былъ сторожемъ, спросилъ его: "что дѣлается во 2-й ротѣ?" Онъ отвѣчалъ мнѣ, что сей-часъ проскакало нѣсколько поселянъ 4-й роты туда и кричали, чтобы всѣ скакали во вторую роту, потому, что тамъ отравляютъ. Я поѣхалъ далѣе и на дорогѣ еще меня обогнали человѣкъ 8 верхами и когда я спросилъ ихъ, куда они такъ поспѣшно скачутъ, закричали "выгонять холеру." Пріѣхавъ на площадь 2-й роты, я увидѣлъ человѣкъ 300 стоящихъ въ разныхъ кучкахъ; сойдя съ дрожекъ я подошелъ къ первой попавшейся кучкѣ и спросилъ ихъ'

"что они тутъ дѣлаютъ?" Они отвѣчали, что "выгоняютъ холеру," не снимая шапокъ. — „Гдѣ ваши начальники?" Они отвѣчали, указывая на ригу: "вонъ тамъ лежатъ." — Какъ лежатъ? — "Да такъ; положили, такъ и лежатъ; да что долго говорить, все одно племя, кладите и его: государь приказалъ всѣхъ бить, ибо какіе-то два генерала выстрѣлили по немъ на Исакіевскомъ мосту въ Петербургѣ." Видя, что дѣйствія свои они основываютъ на мнимой волѣ государя императора, я употребилъ тоже средство противу нихъ. Обращаясь къ тому, который объяснилъ мнѣ это, я сказалъ: ежели это воля государя, то конечно исполнить ее должно, но развѣ ты былъ въ Петербургѣ и самъ слышалъ какъ государь приказалъ? — на что онъ мнѣ отвѣчалъ, показывая на другаго: "вотъ онъ такъ говоритъ." Обратясь къ вновь показанному, я повторилъ тотъ же вопросъ; на что тотъ отвѣчалъ, что онъ самъ въ Петербургѣ не былъ, но слышалъ отъ проходящихъ мужиковъ на большой дорогѣ. Тогда я началъ имъ говорить, что этого еще недостаточно, и что слухъ этотъ можетъ быть ложный, что гораздо лучше было бы, когда бы они, вмѣсто того, чтобы повѣрить проходящимъ, зная меня и мое управленіе, подозрѣвая своихъ начальниковъ

въ отравленіи, обратились бы ко мнѣ какъ къ старшему въ округѣ. Не будучи прямымъ начальникомъ ихъ, я это дѣло разсудилъ бы безпристрастно, что для меня всѣ равны и я бы ихъ взялъ и посадилъ подъ арестъ, а между тѣмъ послали бы мы изъ нихъ поселянъ выбранныхъ для донесенія государю императору и, ежели начальники ихъ такіе изверги, что имѣли дерзновеніе идти противу государя и отравлять подчиненныхъ, то намъ самимъ не слѣдуетъ даже и марать рукъ своихъ въ ихъ крови — на то есть палачъ, коего государь пришлетъ казнить по дѣламъ ихъ. — Просилъ, чтобъ они выдали мнѣ всѣхъ, коихъ подозрѣваютъ, только не налагая на нихъ рукъ своихъ, ибо какая польза была бы, ежели бы они убивали виновнаго? Со смертію его потеряли бы средство открыть сообщниковъ, но что ихъ надо сохранить для допроса. Рѣчь эта успокоила поселямъ, нѣкоторые изъ нихъ начали говорить: "А что ребята, вѣдь онъ говоритъ дѣльно," другіе начали возражать и кричать чтобъ невѣрили. Толпа увеличилась человѣкъ до 1,000 и поднялся шумъ; въ это время нѣсколько негодяевъ закричали: — "Не слушайте, кладите всѣхъ на повалъ, ненадо намъ и государя!" Тогда настала рѣшительная минута. "Какъ разбойники!

Кто осмѣлился возстать на государя? Ребята, кто вѣренъ государю, кричите ура!" — и въ толпѣ закричали ура. Я приказалъ кричавшимъ ура становится ближе ко мнѣ и, вынувъ записную книжку, началъ спрашивать имена тѣхъ, кои объявили себя вѣрными государю; и ко мнѣ начали толпиться, прося чтобъ ихъ записать. Такимъ образомъ удалось мнѣ наконецъ раздѣлить бунтующуюся толпу на два раздѣла: одинъ, объявившихъ себя вѣрными; другихъ, желавшихъ убійствъ. Теперь, по крайней мѣрѣ, я могъ дѣйствовать рѣшительнѣе въ кругу первыхъ, и началъ имъ говорить, что я такъ и донесу государю, что они вѣрны ему, и что всякое буйство падетъ на непослушныхъ. Къ толпѣ моей ежеминутно прибывали, другіе поскакали назадъ въ свои деревни, непослушныхъ осталось не много, да и тѣ кричать противу государя не посмѣли. Тогда я началъ предлагать имъ, чтобы мнѣ выдали тѣхъ начальниковъ, кои лежали въ ригѣ, полагая, что они еще живы и имъ нужна помощь; но они долго не соглашались, увѣряя меня, что у нихъ положено изъ риги никого не выпустить живаго, но я, соединяя себя съ ними, сказалъ имъ: "Что за вздоръ, за чтобы вы меня вздумали убить! Вѣдь вамъ надобно же оставить человѣка, кото-

рый донесъ бы государю о всѣхъ происшествіяхъ; я будучи посторонній человѣкъ, одинъ могу написать ему правду и все, что видѣлъ и слышалъ; пойдемте въ ригу." Въ сопровожденіи толпы перешелъ я Московское шоссе къ ригамъ и тамъ увидѣлъ лежащими: полковника Бутовича въ сюртукѣ и бѣлой жилеткѣ; два ребра были выворочены, кантонистъ кидалъ ногою его эполетъ. Прикрикнувъ на кантониста, какъ онъ смѣлъ жалованные государемъ эполеты бросать съ такимъ презрѣніемъ, я приказалъ сей-часъ же пристегнуть оные къ умиряющему Бутовичу и подошелъ къ нему. Бутовичъ открылъ глаза и узнавъ меня, сказалъ: — "Ахъ, Николай Ивановичь, что будетъ, когда начальство узнаетъ о всѣхъ этихъ безпорядкахъ" тутъ онъ попросилъ пить и я приказалъ принести ему воды, онъ напился и сказалъ мнѣ: — "Передайте мое благословеніе женѣ и дѣтямъ." У ногъ его лежалъ убитый штабъ лекарь, подлѣ него ротный командиръ Заблинъ; онъ былъ еще живъ и судорожно обращалъ глазами, но былъ безъ всякаго сознанія и не говорилъ. По другую сторону лежалъ Пановъ, ничкомъ, и оказывалъ жизнь храпѣніемъ. Видя, что никакой помощи оказать имъ уже нельзя и къ тому же раздался крикъ, что привезли Саур-

скаго и везутъ Султанова, я вышелъ изъ риги, чтобъ спасти ихъ и обратился къ ближайшему Саурскому; но въ разстояніи шаговъ 20 подскакалъ ко мнѣ поселянинъ со шкворнемъ отъ телѣги въ рукахъ, похваляясь, что съ разу выпустилъ духъ Саурскаго, котораго выкинули изъ телѣги и за ноги потащили въ ригу съ неистовыми воплями. Видя, что тутъ уже мнѣ нечего дѣлать, обратился я къ той толпѣ, которая кинулась на встрѣчу маіору Султанову, но его уже убили кольями и жердями отъ забора и тащили по землѣ въ ригу. Въ сихъ обстоятельствахъ, оставшись съ тѣми изъ поселянъ, кои не посмѣли, или не хотѣли участвовать въ сихъ двухъ убійствахъ, я не пошелъ уже въ ригу, но, перейдя шоссе, началъ вновь уговаривать о прекращеніи убійствъ. Извощики шедшаго въ то время обоза, бросивъ лошадей, прибѣжали и то же нѣкоторые изъ нихъ кричали: — "Не слушайте, бейте всѣхъ на повалъ; въ Петербургѣ умѣли съ ними управиться православные." Замѣчательно, что сообщеніе по московской дорогѣ не прерывалось и что пьяныхъ ни поселянъ, ни извощиковъ не было. Уговоривая поселянъ, я обѣщалъ имъ, что ежели они выберугъ отъ себя хожалыхъ, то я имъ дамъ билетъ къ самому государю императору и тогда

они могутъ разсказать лично его величеству всѣ обстоятельства и принести свои жалобы; они сомнѣвались будуть ли допущены и нѣкоторые просили меня ѣхать съ ними въ Петербургъ, чего мнѣ сдѣлать было не возможно; не на кого было оставить какъ свое семейство, такъ и другихъ во время сихъ безпокойствъ. Между тѣмъ привели еще двухъ офицеровъ, одного завѣдывавшаго полковыми мастерскими, другаго изъ нѣмцевъ, но ихъ уже не убили, а отдали ко мнѣ подъ арестъ и объявили, что теперь остается взять командира 3 роты, капитана Соколова, который въ ротѣ своей укрѣпился. Услышавъ, что г. Соколовъ укрѣпился въ ротѣ, я полагалъ найти тутъ точку опоры, и соединившись съ нимъ, начать усмирять бунтъ. Я для того сталъ имъ говорить, что такъ какъ мы слушаемся государя, то конечно Соколовъ насъ не тронетъ и что я бы поѣхалъ къ нему и объяснилъ подробно все и съ нимъ бы пріѣхалъ къ вамъ. Многіе на сіе согласились и я приказавъ подать дрожки мои, поѣхалъ въ 3 роту, радуясь что нашелся человѣкъ, который умѣлъ сохранить команду. По шоссе были разсыпаны щебенки, а потому я поѣхалъ мимо связей, но поселяне отпуста меня черезъ минуту погнались; я скакалъ во весь духъ и выѣхалъ къ

мосту на шоссе, опередивъ на версту поселянъ, коимъ мѣшала разсыпанная на дорогѣ щебенка, а по обочинамъ прорытые водостоки. Уже 3 рота была въ виду, какъ я усмотрѣлъ толпу въ ротныхъ воротахъ. Полагая, что это Соколовъ идетъ на усмиреніе, я приказалъ пустить лошадей, но подскакавъ ближе, замѣтилъ, что человѣкъ 20 верхами ведутъ, или лучше сказать, тащатъ Соколова за веревку, привязанную за шею, а сзади и вся рота толпою. Я остановился и объявилъ имъ, что товарищи ихъ во 2-й ротѣ избрали меня своимъ начальникомъ и что они слушаются государя императора и хотятъ послать къ государю съ донесеніемъ и положили: до тѣхъ поръ, покуда возвратятся посланные изъ Петербурга не буйствовать, не убивать, а отдавать ко мнѣ подозрѣваемыхъ людей для содержанія подъ арестомъ. Времени для разговоровъ много не было; будучи стѣсняемъ спереди 3-й ротой, а сзади посланными въ догонку за мною изъ 2-й роты, я только успѣлъ приказать снять веревку съ шеи Соколова, на коей онъ задыхался.

Соединившись въ общую толпу, поселяне нѣкоторые кричали: ведите его разбойника на судбище во 2 роту, тамъ мы съ нимъ расправимся, и толпа пошла во 2 роту. Я ѣхалъ съ

ними, но предъ концомъ дороги нѣсколько обогналъ и подъѣхалъ къ оставшимся въ ротѣ менѣе буйнымъ, разсказалъ имъ, что Соколовъ идетъ къ нимъ и уговаривалъ, чтобы его не трогали, а отдали бы мнѣ подъ арестъ, или отправили бы съ тѣми, кои пойдутъ съ жалобами въ Петербургъ. Мнѣнія были разныя, кто кричалъ посадить его за желѣзную решетку, кто предлагалъ тащить въ ригу и тамъ покончить, т. е. убить. Въ то время привели Соколова, шумъ умножился, партія неистовыхъ потащила его въ ригу на убійство, моя бросилась отнимать и рвала его на гауптвахту, осыпая побоями какъ та, такъ и другая. Разъ 12 несчастный Соколовъ былъ перетаскиваемъ поперегъ шоссе, смотря которая партія одерживала верхъ, наконецъ моя партія одолѣла и безчувственнаго Соколова утащили на гауптвахту. Въ то время, когда была борьба за Соколова, я увидѣлъ унтеръ-офицера съ нѣсколькими нашивками на рукавѣ, лежавшаго ничкомъ на крыльцѣ и горько плачущаго. На вопросъ мой, о чемъ онъ плачетъ, онъ показывая на Соколова сказалъ: Что дѣлается! Убиваютъ не командира, а отца! Я началъ ему говорить, что вмѣсто того, чтобы плакать въ сторонѣ, онъ пошелъ бы лучше туда и старался уговаривать поселянъ, чтобъ его оста-

вили и отдали мнѣ. Онъ побѣжалъ туда, но не прошло двухъ минутъ, какъ пробившись съ нѣкоторыми поселянами на помощь Соколову, я увидѣлъ того же унтеръ-офицера съ коломъ въ рукѣ бьющаго его. — Что ты дѣлаешъ, не самъ ли ты мнѣ говорилъ, что онъ былъ вамъ отецъ, а не командиръ? На это онъ мнѣ отвѣчалъ: *уже видно что теперъ пора такая*, ваше высокоблагородіе, *видите что весь міръ бьетъ*, чтожъ я буду стоять такъ. Вотъ образецъ сужденій большей части людей въ такихъ случаяхъ; ихъ можно штыкомъ или пушкою. Едва я успѣлъ управиться съ Соколовымъ, какъ ко мнѣ прибѣжали нѣсколько поселянъ и со страхомъ кричали, что идетъ баталіонъ и всѣхъ перестрѣляетъ. Я обратился въ ту сторону куда показывали, и увидѣлъ, что резервный баталіонъ прилижается въ колоннѣ сомкнутой и строится около гауптвахты, впереди же маіоръ Баллашъ съ нѣсколькими человѣками — имѣвшими ружья на перевѣсъ шагахъ въ 30 отъ колонны идетъ къ намъ. Полагая что маіоръ осматриваетъ позицію, я сказалъ поселянамъ, что пойду переговорить съ маіоромъ, чтобъ не стрѣлялъ; пошелъ къ нему на встрѣчу, и подходя сказалъ: ну слава Богу что вы пришли. Но маіоръ Баллашъ мнѣ отвѣтилъ: что дѣлать, я не виноватъ ни въ чемъ,

ведутъ меня убивать. Видя, что и тутъ нѣтъ спасенія, я отправился къ баталіону и оный остановилъ, скомандовалъ издали: баталіонъ стой! Подошедши ближе я началъ говорить солдатамъ что поселяне выбрали меня надъ собой начальникомъ, что мы вѣрны государю императору, что Бутовичь убитъ и потому я, какъ старшій въ округѣ, принялъ на себя командованіе; повторилъ все то, что говорилъ и поселянамъ на счетъ офицеровъ посаженныхъ на гауптвахту, приказалъ кричать государю ура. Баталіонъ закричалъ ура; человѣкъ 6 офицеровъ были па флангамъ взводовъ по уставу.

Маіора Баллаша привели ко мнѣ обратно, но покуда я распоряжался около баталіона, поселяне побѣдивъ страхъ, начали подходить и разговаривать и одинъ схватилъ за воротъ офицера Гажмана. Баталіонъ, состоя изъ кантонистовъ и старыхъ солдатъ, выдалъ имъ своего офицера, котораго я однако успѣлъ отнять, и чтобъ утишить волненіе, приказалъ ему идти на гауптвахту. Между тѣмъ началъ я распрашивать офицеровъ въ какомъ духѣ люди, они мнѣ сказали, что старые солдаты имъ объявили, что они ихъ не тронуъ, но и защищать не будутъ; кантонисты же положили отдать ихъ своимъ отцамъ, военнымъ

поселянамъ, чтобъ дѣлали съ ними что хотятъ. Разсмотрѣвъ пристальнѣе баталіонъ, я увидѣлъ, что одной роты не достаетъ и на вопросъ гдѣ одна рота? Баллашъ мнѣ сказалъ, что она была взята Бутовичемъ и гдѣ теперь, не извѣстно. Баталіонъ этотъ пришелъ дня за два изъ лагеря и былъ поставленъ за карантинную линію въ ригахъ, и всякое сообщеніе съ семействами было прервано, это поселяло большой ропотъ. По собраннымъ справкамъ и по всему что я видѣлъ и слышалъ, я вздумалъ обезоружить кантонистовъ, и для того приказалъ старымъ солдатамъ выйти на флангъ своихъ ротъ, а кантонистамъ, поставивъ ружья въ козлы, снять аммуницію и повѣсить на штыки, самимъ же имъ идти къ отцамъ на квартиры; а старыхъ солдатъ распредѣлилъ слѣдующимъ образомъ: одной ротѣ приказалъ занять гауптвахту, другой отправиться въ штабъ, отнести съ церемоніей знамя и поставивъ на квартирѣ моей, оставить караулъ въ 30 человѣкъ, а остальнымъ людямъ 2 роты вмѣстѣ съ таковыми 3 роты занять главную гауптвахту въ полковомъ штабѣ, гдѣ находиться и маіору Баллашу со всѣми офицерами, и занявъ всѣ посты въ штабѣ сохранять полковой ящикъ. Отдавъ такое приказаніе, ружья съ аммуниціей

кантонистовъ велѣлъ я перенести въ находящуюся подлѣ гауптвахты ротную школу, а поселянамъ приказалъ выбрать по три человѣка изъ роты для отправленія въ Петербургъ съ донесеніемъ къ государю императору обо всемъ, что случилось. По отбытіи моемъ отъ баталіона, поручикъ Чернцовъ хотѣлъ было нести знамя и приказалъ становиться людямъ во фронтъ, но никто не хотѣлъ слушать, знамя нести не соглашались, говоря, что оное лучше бы оставить не у меня на квартирѣ, а на гауптвахтѣ въ ротѣ; но Чернцовъ не соглашался нарушить приказаніе, и какъ люди разбрелись, то онъ взявъ барабанщика и поднявъ въ одну руку знамя, а въ другую полусаблю, приказалъ ударить подъ знамена и пошелъ одинъ съ барабанщикомъ. Солдаты увидя, что знамя уносится и взвода нѣтъ, начали къ нему пристроиваться, такъ что наконецъ набралось человѣкъ 20. Тогда Чернцовъ отдалъ знамя унтеръ-офицеру, въ порядкѣ пришелъ въ штабъ, и остановившись у моей квартиры, отдалъ честь знамени, и внеся въ комнаты поставилъ часоваго, а съ остальными людьми остался въ караулѣ у квартиры моей. Покончивъ съ поселянами выборъ людей, посылаемыхъ къ государю, я назначилъ имъ ротныхъ командировъ изъ числа оставшихся

офицеровъ; три роты ихъ приняли, одна не хотѣла, и сказала: что найметъ себѣ начальника, выбравъ къ тому одного унтеръ-офицера, съ обѣщаніемъ платить ему по 10 к. мѣдью съ каждаго дома въ день. Утвердивъ по необходимости этотъ выборъ, ибо для меня нужно было чтобъ кто нибудь выполнялъ мои распоряженія, я приказалъ еще назначить въ распоряженіе мое 24 человѣка верхами на лошадяхъ для разъѣздовъ и 12 человѣкъ стариковъ изъ почетныхъ поселянъ, чтобы съ ними вмѣстѣ составить комитетъ управленія подъ моимъ предсѣдательствомъ; а старый комитетъ, въ которомъ они хотѣли искать дѣло объ отравѣ и о полученныхъ будто бы отъ Поляковъ 5 милліонахъ денегъ, я для сбереженія дѣлъ и чтобы избѣжать расхищенія суммъ, приказалъ запечатать, увѣривъ ихъ, что когда все успокоится тогда я соберу отъ всѣхъ ротъ выборныхъ и при нихъ порядкомъ разберемъ дѣла и, какъ многіе желали раздѣла этихъ суммъ, то составимъ раздаточные списки и расчитавъ по скольку придется на каждаго, раздадимъ въ порядкѣ; теперь же начать его нельзя, ибо въ такомъ безпорядкѣ одинъ захватитъ много, другому ничего не достанетъ. Тутъ какой то поселянинъ принесъ ко мнѣ около 4,000 руб. асс. денегъ, объявивъ, что нашелъ ихъ

въ карманѣ у штабсъ-капитана Панова и что эти деньги, должны быть тоже полученныя отъ Поляковъ, которыя я принялъ и тутъ же отдалъ ихъ на прогоны тѣмъ, кои выбраны были ѣхать въ Петербургъ съ донесеніемъ. Въ это время капитанъ Соколовъ пришелъ въ память и не видя на гауптвахтѣ караула, ибо солдаты распораженій моихъ не слушали и кромѣ Черницова, умѣвшаго собрать взводъ къ знамени, всѣ разошлись, подумалъ, что пришло время скрыться и для того бросился бѣжать на дровяной дворъ и спрятался тамъ между дровами, но кто-то его увидѣлъ и закричалъ, тогда всѣ бросились за нимъ на дровяной дворъ и я думалъ, что его непремѣнно убьютъ, однако какъ дѣло было уже рѣшено, чтобъ ждать рѣшенія государя, то его, чтобъ имѣть свидѣтеля, оставили живымъ. Въ то время явился ко мнѣ капитанъ Носовъ. Этотъ офицеръ командовалъ прежде разными ротами, зналъ всѣхъ людей и былъ извѣстенъ каждому, онъ много мнѣ способствовалъ къ усмиренію, и я назначилъ его адъютантомъ. Приказавъ отправлявшимся въ Петербургъ пріѣхать ко мнѣ въ штабъ за билетомъ, я хотѣлъ уже отправиться домой и распустилъ поселянъ по домамъ, какъ увидѣлъ, что старшій священникъ нашъ, отецъ Лавръ, идетъ изъ Новго-

рода въ роту. Мнѣ доложили, что ѣдетъ священникъ и что его остановили, то такъ какъ и онъ членъ комитета, то не прикажу ли я позвать его, чтобъ распросить не знаетъ ли онъ о присылкѣ денегъ отъ Поляковъ.

Желая переговорить со священникомъ на счетъ обстоятельствъ и воспользаваться его знаніемъ поселянъ и вліяніемъ его духовнаго сана, я приказалъ его позвать къ себѣ; священникъ сказалъ поселянамъ, что онъ поѣдетъ ко мнѣ, но вмѣсто того ударилъ по лошади и хотѣлъ ускакать, но ему перегородили дорогу и коломъ ударивъ лошадь по головѣ, раздробили священнику руку и притащили ко мнѣ. Священникъ оторопѣвъ, началъ мнѣ оправдываться и божиться, что онъ ничего не знаетъ; чтобъ прекратить шумъ, я приказалъ ему взять изъ часовни крестъ и выйти къ поселянамъ, въ часовнѣ дверь была заперта, я приказалъ ее выломать, но какъ тамъ были только мѣстные образа, то я взявъ икону съ гауптвахты отдалъ священнику въ руки и приказалъ вынесть на крыльцо къ собравшейся толпѣ. Я началъ требовать, чтобъ они дали мнѣ присягу, что остаются вѣрными государю, и что болѣе буйствъ дѣлать не будутъ. Поселяне же потребовали отъ меня, чтобъ я самъ далъ обѣщаніе, что

я все какъ было разскажу государю. Я обѣщалъ и перекрестившись, приложился къ образу, а за мною и всѣ поселяне стали прикладываться, тутъ только я увидѣлъ, что священникъ держалъ образъ *ликомъ къ низу*. Послѣ этого я распустилъ всѣхъ и съ 24 конными поѣхалъ домой.

По прибытіи моемъ въ штабъ, я нашелъ тамъ уже одну толпу бунтовщиковъ, которая ходила по квартирамъ офицерскимъ и искала спрятавшихся офицеровъ, лѣкарей, писарей и прочихъ должностныхъ лицъ. Я разогналъ ихъ съ помощію находящагося при мнѣ конвоя, приставилъ къ комитету караулъ запечатавъ двери и учредивъ разъѣзды и патрули, отправился къ себѣ на квартиру, это было въ 11 часовъ вечера. Тутъ я нашелъ всѣхъ офицерскихъ женъ, кои узнавъ, что я усмиряю бунтъ, бросились спасаться къ моей женѣ. Здѣсь были: Бутовичева, Султанова, коихъ мужья были въ моихъ глазахъ убиты, всѣ окружили меня и спрашивали, что дѣлаютъ ихъ мужья и скоро ли будутъ назадъ. Я успокоивалъ ихъ сколько могъ и не сказалъ о постигшей ихъ участи. Между тѣмъ ко мнѣ пріѣхали тѣ поселяне, кои отправлялись въ Петербургъ для полученія билета. Я написалъ имъ обыкновенный видъ безъ всякой другой бумаги и отправилъ въ

Петербургъ, приказавъ взять съ собою унтеръ-офицера путей сообщенія и дѣвку, которая обличала его, что у него былъ ядъ и отъ коего, какъ я послѣ узналъ, произошла вся эта тревога. Я опасался оставить ихъ въ округѣ, чтобъ ихъ не убили, ибо толпа вновь окружила мой домъ, узнавъ, что полковая акушерка находится у меня, и которая съ почты утромъ получила письмо присланное изъ Польши. Я позвалъ нѣсколькихъ стариковъ въ комнату и сказалъ имъ, что какъ жена моя недавно родила, то и имѣетъ надобность къ акушеркѣ, а письмо полученное ее было отъ полковаго штабъ-лекаря, а ящикъ ею въ домъ мой принесенный была шкатулка съ разными вещами и высочайшими подарками, полученными ею за службу ея; они настояли, чтобъ все это имъ показано было и разсмотрѣвъ, оставили ее въ покоѣ, какъ равно и иностранца Ламона, бывшаго у меня помощникомъ въ чинѣ 10 класса.

Оставшись одинъ, я написалъ три экземпляра рапорта одинакого содержанія къ начальствующему въ городѣ, генералъ-лейтенанту Эйлеру, гдѣ, написавъ все кратко и донося, что при мнѣ нѣтъ болѣе людей, какъ человѣкъ 80, просилъ его прислать хотя одну роту, и ежели можно, помѣстить на пароходъ хотя одно или два орудія. Донесеніе

сіе послалъ я съ болѣе надежными людьми изъ мастеровыхъ 6-го баталіона по тремъ разнымъ дорогамъ. Послѣ того далъ я предписаніе командирамъ 5-го и 6-го военно-рабочихъ баталіоновъ, собравъ людей имѣющихся на лицо, явиться ко мнѣ къ 5 часамъ утра, какъ равно и начальнику лѣсопильнаго завода, подполковнику Шипову прислать всѣхъ излишнихъ людей на заводѣ въ работѣ бывшихъ. Конно-рабочую команду, снабдивъ сдѣлами фурлейтскими изъ мастерской, обратилъ въ кавалерійскій отрядъ, вооруживъ ружьями со штыками, бывшими въ мастерской въ починкѣ; приказалъ равно собраться и всей инвалидной командѣ, бывшей при домахъ, госпиталѣ и другихъ заведеніяхъ. Потомъ объѣхалъ весь штабъ и по всѣмъ дорогамъ раставилъ караулы; такимъ образомъ къ утру начали собираться ко мнѣ люди, впрочемъ не вооруженные, я приказалъ вооружить ихъ топорами и ломами. Между тѣмъ еще на разсвѣтѣ явились ко мнѣ съ дѣловаго двора 5-го рабочаго баталіона 4 человѣка съ предложеніемъ взять баталіоннаго командира и посадить его подъ арестъ, а денежный ящикъ раздѣлить по солдатамъ. Приказавъ денежный ящикъ хранить до моего приказанія, на счетъ маіора Москвина я сказалъ имъ, что по утру рано онъ

будетъ у меня, тогда я самъ распоряжусь съ нимъ, и записавъ ихъ имена отпустилъ, приказавъ исполнять всѣ приказанія, которыя будутъ получать отъ меня. Въ ту же ночь посланъ былъ уланскаго полка маіоръ Воробьевъ изъ Новгорода въ разъѣздъ, какъ скоро узнали о бунтѣ, и онъ доѣхавъ до Комкова, остановился, а самъ съ трубачемъ и двумя карабинеръ-уланами доѣхалъ до того мѣста, гдѣ убивали офицеровъ. Поселяне такъ испугались, что бросились ко мнѣ донести, что Татары наступаютъ и что они укладываются на телѣты и хотятъ удалиться въ лѣсъ.

Москвинъ не зная, что его люди тоже бунтуются, въ пять часовъ по утру пріѣхалъ ко мнѣ и, подавъ раппортъ сколько людей на лицо выйдетъ изъ его баталіона, и расчитывая на 6-ую и разныя другія команды мною собранныя, считалъ, что можетъ собраться всѣхъ человѣкъ до 600, будучи увѣренъ, что всѣ будутъ дѣлать, что прикажемъ, полагалъ взять всѣхъ зачинщиковъ и отправить въ городъ; но когда я ему сказалъ, что ночью приходили ко мнѣ съ предложеніемъ его самаго взять, онъ мнѣ не повѣрилъ, но вышелъ отъ меня, справился у приверженныхъ къ нему и тѣ ему посовѣтовали какъ можно скорѣе скрыться. Онъ возвратился ко мнѣ и просилъ совѣта, что

дѣлать. Я присовѣтовалъ ему, взявъ отъ меня бумаги къ генералу Эйлеру, а ежели его въ городѣ нѣтъ, то къ губернатору Лепферу, явиться и объяснить лично мое положеніе и просить помощи, хотя небольшой числомъ, но состоящей изъ людей, на вѣрность коихъ положиться можно, ибо люди его баталіона въ такомъ же расположеніи какъ и поселяне. Люди 6-го баталіона объявили, что противу поселянъ не пойдутъ; инвалидная команда не надежна, а люди съ пароваго завода объявили, что они отправятся обратно, ибо и въ ихъ округѣ бунтуются, а они оставили тамъ свои семейства. Москвинъ, переодѣвшись въ солдатскую шинель, отправился съ лодкой, посланной съ казенными вещами въ Новгородъ; въ лодку посадилъ свою жену, а самъ съ двумя солдатами тащилъ ее на бичевѣ, и такимъ образомъ прошелъ черезъ штабъ своего баталіона, и уже миновавъ оный, сѣлъ въ лодку, которую два раза обыскивали его же солдаты и поселяне.

Отправивъ Москвина, я вышелъ къ собраннымъ людямъ, но духъ ихъ мнѣ не показался хорошимъ, и для того, уговаривая ихъ быть послушными начальству, не дозволять поселянамъ бушевать, бить начальниковъ и быть вѣрными присягѣ и государю, я нашелъ за лучшее ихъ рас-

пустить, приказавъ быть готовыми когда потребуютъ. Не много погодя по отпускѣ рабочихъ, разъѣзды мои дали знать, что въ 3-ей ротѣ собираются поселяне ѣхать ко мнѣ, спросить: почему я писалъ секретныя бумаги и послалъ ночью въ Новгородъ, требуя помощи; два раппорта мои были перехвачены, и черезъ полчаса явились человѣкъ полтораста верхами, съ кольями, саблями, нѣкоторые имѣли охотничьи ружья и какіе-то алебарды, откуда они ихъ взяли, этого я понять не могу, но только одна и до сихъ поръ у меня сохраняется. Они стали кричать, что ихъ обманываютъ, просятъ помощи противу нихъ. Я помолившись Богу, вышелъ на крыльцо, не зная, что отвѣчать имъ, но на первый разъ приказалъ снять шапки, сойти съ лошадей, молчать и бросить колья и ружья; послѣ того я имъ сказалъ: такъ-ли слѣдуетъ пріѣзжать къ начальнику? Чего вы хотите? Они показали мнѣ два мои раппорты и спрашивали: я-ли писалъ и почему къ немцамъ? На первый вопросъ я отѣчалъ имъ, что писалъ дѣйствительно я, но что они мужики, а не солдаты, что воинскій уставъ приказываетъ начальникамъ, кто бы они ни были, писать раппортами, но что имъ этого не понять, потому что никогда не служили и устава не знаютъ, и обращаясь

къ одному унтеръ-офицеру съ анненскимъ крестомъ и шевронами на рукавѣ, сказалъ: вотъ старый служивый такъ это знаетъ, неправда-ли старина, что начальникъ до тѣхъ поръ пока начальникъ, всегда получаетъ рапорты и честь ему отдается? Тотъ отвѣчалъ: знаю ваше высокоблагородіе, да вотъ какъ я служилъ въ дѣйствующихъ и стояли въ Кіевѣ, то на главной гауптвахтѣ сидѣлъ генералъ и мы всѣ становились предъ нимъ во фронтъ, снимали шапки и говорили ваше превосходительство, а какъ потомъ пріѣхалъ маіоръ съ аудиторомъ, да прочли бумагу, то его взяли и повезли въ Сибирь. Всѣ поселяне стали извиняться передо мною, что они этого не знали, имъ показалось и Богъ знаетъ что такое, а теперь будутъ знать, и до тѣхъ поръ пока ихъ посланные не возвратятся отъ государя и не привезутъ приказанія, что дѣлать съ генераломъ Эйлеромъ, то ему должно писать рапорты. Побранивъ ихъ за подозрѣніе къ начальству, которое всегда знаетъ что нужно дѣлать, болѣе чѣмъ подчиненные, я отпустилъ ихъ. Въ тоже утро началось буйство въ округѣ гренадерскаго короля прусскаго полка; поселяне перехватили двухъ офицеровъ спасавшихся на нашемъ берегу Волхова, но уже не убили ихъ, а привели ко мнѣ на гаупт-

вахту, какъ что у меня было уже 38 человѣкъ подъ арестомъ. Часовъ въ 10 нѣсколько человѣкъ пришли мнѣ объявить, что у нихъ въ ротѣ нашлось 30 боченковъ пороху, до 300 ружей и нѣсколько ящиковъ патроновъ. и что поселяне хотятъ порохъ этотъ привезти въ штабъ и подорвать строенія. Я отвѣчалъ на это, что ежели они рѣшатся на это, то ни одного дома ихъ не останется на мѣстѣ, а для того лучше этотъ порохъ и ружья отправить на лодкѣ въ Новгородъ, пусть тамъ дѣлаютъ съ ними что хотятъ, а намъ его не надо. Совѣтъ мой былъ принятъ, и я нагрузивъ лодку порохомъ и ружьями при запискѣ отправилъ въ Новгородъ; но въ то время на Волховѣ стоялъ пароходъ, который лодку отправилъ назадъ, и уже по вторичной моей посылкѣ порохъ приняли, но вмѣстѣ съ нимъ удержали и людей бывшихъ на лодкѣ, а это чуть мнѣ не стоило головы. Поселяне подумавъ, что я нарочно ихъ выдалъ, приступили на другой день ко мнѣ, и еслибы не знамя, бывшее въ моихъ рукахъ, которое въ случаѣ какого либо насилія я обѣщалъ жечь, то дѣло было бы плохо. Унтеръ-офицеръ Перекопаевъ, стоявшій въ караулѣ при знамени, собравъ 30 человѣкъ, удерживалъ цѣлый день поселянъ, а къ вечеру предложилъ, взявъ денеж

ный ящикъ и знамя, пробиться на штыкахъ въ городъ. За такой подвигъ, я произвелъ его именемъ государя императора въ прапорщики, но идти въ городъ не могъ, ибо бунтовщики перебили бы всѣхъ арестантовъ и женъ и дѣтей офицерскихъ. На второй же день я приказалъ при депутатахъ со стороны поселянъ и при парадѣ изъ взвода резервнаго баталіона перенести ко мнѣ высочайше пожалованную грамоту полку на владѣніе землями и перевезти денежный ящикъ. Грамоту вынесъ изъ комитета штабсъ-капитанъ Носовъ и отдалъ унтеръ-офицеру и двумъ депутатамъ ассистентамъ со стороны поселянъ. Взводъ отдалъ честь съ пробитіемъ похода, и процессія отправилась ко мнѣ на квартиру; два караула по дорогѣ бывшіе, выходили и отдавали честь съ походомъ; на крыльцѣ моего дома, я въ сопровожденіи офицеровъ, явившихся ко мнѣ въ мундирахъ и шарфахъ, встрѣтилъ грамоту и взводъ отдалъ опять честь съ пробитіемъ похода. Грамоту унтеръ-офицеръ съ двумя ассистентами внесли къ комнату и положили на прикрытый столъ подъ знаменемъ. Послѣ сего депутаты отъ ротъ въ присутствіи офицеровъ сняли печати съ ящика и повѣрили всѣ находившіяся суммы, и сдѣлавъ опись въ 6 экземплярахъ за подписомъ

всѣхъ наличныхъ офицеровъ и 3 депутатовъ отъ каждой роты, одинъ экземпляръ положили въ ящикъ, четыре отдали депутатамъ каждой роты, а шестой я оставилъ при дѣлахъ окружнаго комитета. Денежный ящикъ заперли и запечатали кромѣ казенной печати, моею, наличныхъ офицеровъ и поселянскими, сколько могли найти у солдатъ въ то время. Поставили ящикъ у меня подлѣ крыльца и приставили часоваго.

Въ этотъ же день приказалъ я по числу убитыхъ офицеровъ сдѣлать въ мастерскихъ 8 гробовъ, но настоялъ, чтобы до 3 дня не хоронили, ибо не вѣрилъ поселянамъ и полагалъ, что они можетъ быть еще живы. Едва я кончилъ повѣрку суммъ, какъ донесли мнѣ, что въ с. Богословѣ, гдѣ назначена была дивизіонная квартира, поселяне ворвались и ломаютъ деревья и бьютъ въ оранжереѣ стекла, я сей-часъ созвалъ депутатовъ, коихъ распустилъ было по ротамъ, и сталъ имъ говоритъ, что поселяне безчинствуютъ, ломаютъ въ государевовъ саду деревья и бьютъ стекла, что это не хорошо и за это надо ихъ наказать. Депутаты мнѣ отвѣчали, что это вѣрно пьяные, вѣдь теперь иному море по колѣно, однако сей-часъ отправились и привели ко мнѣ 8 человѣкъ; я приказалъ дать имъ по 25 палокъ, и они

тутъ же ихъ наказали; когда тѣ роптали, что они же меня выбрали въ начальники и я же ихъ наказую, то депутаты говорили: на то начальникъ, чтобъ за нами смотрѣлъ; безъ начальниковъ быть нельзя, вотъ и у забора есть столбы, какъ бы ты закрѣпилъ заборъ безъ нихъ? Философія эта мнѣ весьма полюбилась, и я увидѣлъ, что народомъ управлять можно. Послѣ обѣда часовъ около 4 разъѣзды мои донесли мнѣ, что въ прусскомъ полку поселяне мучительски истребили своихъ начальниковъ и присылали узнать къ намъ въ 4 роту, кого у насъ выбрали въ начальники: имъ отвѣчали, что строителя, они поскакали обратно и выбрали отставнаго инженеръ-капитана Костирева, производителя работъ въ ихъ округѣ. Я послалъ тотчасъ же предписаніе Костиреву, чтобъ занявъ въ Собачьихъ Горбахъ паромъ военнорабочими и учредивъ изъ конно-рабочихъ конную команду, поддерживалъ сообщеніе со мною 4 раза въ день и присылалъ свѣденія о всякомъ приключеніи; чтобы послалъ, подобно мнѣ депутатовъ къ государю съ повинною головою въ Петербургъ.

Командиръ лѣсопильнаго завода явился самъ ко мнѣ, какъ къ старшему по службѣ. Знавши, что изъ числа трехъ моихъ раппортовъ, два перехвачены, а одинъ долженъ дойти, я ждалъ еже-

часно помощи изъ города и когда наступилъ вечеръ, то я получилъ секретный конвертъ изъ отряднаго дежурства, подписанный по отсутствію генерала Эйлера, какимъ-то аудиторомъ. Дежурство дѣлаетъ мнѣ выговоръ, что ему уже въ 4 часа по полудни вчерашняго дня было извѣстно о безпорядкахъ происшедшихъ въ округѣ, но донесеніе мое получено лишь сегодня по утру въ 6 часовъ, а потому строжайше рекомендуетъ доносить ежедневно по пробитіи вечерней зари о благополучіи округа, о случившихся чрезвычайныхъ происшествіяхъ, доносить съ нарочнымъ въ то же время, и въ случаѣ несоблюденія сего, подвергнусь строжайшему взысканію по законамъ. Тутъ же узналъ я, что въ городѣ былъ совѣтъ и онымъ положено: выставить противу насъ находящіяся тамъ войска и военно-рабочую роту вооружить ружьями. Въ тотъ же вечеръ получилъ я донесеніе, что 4 человѣка помѣщика Литвинова, имѣніе коего было внутри поселенія близь 4 роты, приходили къ поселянамъ донести, что помѣщикъ ихъ бѣжалъ скрывается во ржи; взяли съ собою ихъ и пошли искать помѣщика; котораго обвиняли въ отравленіи полей, говоря, что съ нимъ помазокъ, коимъ онъ помакая въ ядъ, ходитъ по полямъ и мажетъ колосья. Отрядивъ туда силь-

ный патруль, я приказалъ разогнать поселянъ, а людей помѣщика Литвинова взять и привести ко мнѣ. Ихъ нашли уже въ господскомъ домѣ разбирающихъ бумаги въ помѣщичьемъ кабинетѣ, привели ко мнѣ вмѣстѣ съ старостою, который противился впуститъ ихъ въ домъ господскій. Старосту я поблагодарилъ и отпустивъ далъ ему на залогъ унтеръ-офицера и рядоваго съ открытымъ предписаніемъ, чтобъ никто не смѣлъ входить въ домъ помѣщика и обижать старосту; людей же искавшихъ помѣщика посадилъ подъ арестъ на гауптвахту. Пославъ съ вечернимъ объѣздомъ кондуктора Миллерова, находящагося при мнѣ, осмотрѣть тѣла убитыхъ начальниковъ, я отдалъ приказъ, чтобы въ субботу 18 числа ихъ похоронили, для сего назначилъ парадъ изъ всѣхъ 4 ротъ поселянъ по взводу и отъ резервнаго баталіона два взвода, однако безъ ружей. Парадомъ начальствовать приказалъ маіору Баллашу, службу производить полковому священнику Лавру, не смотря на то, что у него была перебита рука вечеромъ 16 числа, и что онъ содержался вмѣстѣ съ Соколовымъ во второй ротѣ на гауптвахтѣ. Ночью пришли изъ города два солдата военнорабочихъ и два артиллериста изъ числа войскъ выставленныхъ противъ меня, съ предложеніемъ

отъ товарищей, не прикажу ли я имъ присоединиться, то они свяжутъ своихъ начальниковъ и приведутъ ко мнѣ; записавъ ихъ имена, я приказалъ имъ быть спокойными, слушаться и исполнять приказанія своихъ начальниковъ, и при томъ сказалъ, что мы послали къ государю императору спросить, что онъ прикажетъ дѣлать и ждемъ его отвѣта. О таковой депутаціи я въ то же время послалъ записку въ городъ съ надписью: *командующему въ городѣ;* а между прочимъ узналъ, что въ 3-ью роту изъ города приходило 16 человѣкъ купцовъ и мѣщанъ и совѣщались на берегу Волхова съ поселянами. Объѣзжая на разсвѣтѣ разставленные мною посты, я замѣтилъ одного человѣка во фракѣ, и началъ кричать этому фрачнику чтобъ онъ подошелъ ко мнѣ, но онъ ударился бѣжать по полю и скрылся во вновь строющемся строеніи. Пріѣхавъ домой я послалъ съ гауптвахты окружить и поискать его, но не нашли.

Это совѣщаніе съ мѣщанами и появленіе незнакомаго человѣка во фракѣ, побѣгъ его отъ меня, сильно меня озабочивали, къ тому же нерѣшительныя дѣйствія въ городѣ, усиливающееся буйство поселянъ и распространеніе его по другимъ округамъ, ибо 18 числа истреблены начальники въ

аракчеевскомъ полку и въ таковомъ же наслѣднаго принца прусскаго полку, а также, какъ я узналъ, что въ Старой Русѣ въ округахъ да и въ карабинерномъ полку вездѣ открылись бунты; возстаніе въ Польшѣ и въ Литвѣ. Эти обстоятельства заставили меня подозрѣвать, не приняло ли возмущеніе это характеръ политическій, и не имѣя надежды получить откуда либо помощь, я рѣшился поддерживать всѣми мѣрами уваженіе къ государю и его повѣленіамъ. Съ утра 18 числа начались наѣзды на мою квартиру, первое было по поводу задержанныхъ поселянъ отправленныхъ съ оружіемъ и прохомъ. На это я отвѣчалъ, что еслибы они не остановили моихъ сношеній съ городомъ, перехвативъ мои рапорты, то я бы ихъ вытребовалъ; второе требованіе состояло въ томъ, чтобъ идти въ Новгородъ и взять всѣхъ начальникомъ тамошнихъ, коимъ они повиноваться не хотятъ. На это былъ отвѣтъ, что какъ мы послали уже къ государю своихъ депутатовъ, то слѣдуетъ ихъ ожидать и какое приказаніе отъ государя получимъ, то и сдѣлаемъ, что хотя бы велено было идти на Петербургъ, не только на Новгородъ, то я первый сяду на коня и поведу ихъ, но что до тѣхъ поръ покуда не знаю воли императора, не приступлю ни къ чему.

Полагая, что они были научены кѣмъ либо, а можетъ и узнали о томъ, что войска новгородскія не надежны, я имъ сталъ говорить, что будучи Русскимъ, я не хочу помогать проклятымъ Полякамъ, которые дѣйствуютъ не отравами, какъ они думаютъ, а распространяя ложные слухи, бунтуютъ народъ, и тѣмъ затрудняютъ государя ихъ усмирить. Два человѣка начали спорить объ отравѣ и утверждали, что они были въ банѣ, гдѣ при ихъ глазахъ тѣ, кои пошли послѣ бани въ рѣку, лишь только вступили въ воду, то ноги почернѣли покуда хватила вода; я послалъ въ баню и велѣлъ привести этихъ людей, которымъ приказалъ снять сапоги и какъ ноги у нихъ были красныя, то я тѣхъ кои разсказывали вздоръ, приказалъ наказать розгами. Наказаны они были не много, но ето возбудило насмѣшку надъ ними. Всѣ ихъ страшивали — "А что, братцы, какія ноги были въ банѣ?" Другіе спрашивали — "Да съ чего ты взялъ, что ноги почернѣли?" — "Эхъ, братъ, вѣдъ я не зналъ, что прикажетъ привести, да осмотрѣть, ну всѣ говорили, такъ и я туда же." Холера между тѣмъ очень усилилась и это много принесло пользы тѣмъ, что перестали толковать вздоръ, хотя въ отравленіе и вѣрили. Я узналъ, что похоронный парадъ мой не удался,

взводы не пошли, а собралась толпа; въ гробы не положили, ибо трупы окоченѣли въ неправильныхъ формахъ и въ гробы уложить было не можно; ихъ изъ гумна вытащили пожарными крючками, и бросивъ на телѣги, отвезли на кладбище, гдѣ вырывъ двѣ ямы, вбросили туда, и когда священникъ началъ отпѣвать, то много шумѣли; а по окончаніи обряда принесли капитана Соколова съ ротной гауптвахты и вмѣстѣ съ священникомъ опустили въ могилу и хотѣли зарывать живыхъ, допрашивая ихъ, что они знаютъ объ отравѣ. Соколовъ сказалъ, что ничего не знаетъ, а священникъ будучи уже засыпанъ по колѣна, отвѣчалъ имъ: "я вамъ уже говорилъ, что отравы никакой нѣтъ, а знаю только, то, что въ васъ вселился дьяволъ, будьте вы анаѳемы прокляты, отъ нынѣ и до вѣка." Эта рѣчь подѣйствовала, поселяне начали упрекать его, что и въ могилѣ онъ ругается, однако рѣшились вытащить ихъ изъ подъ могилы и посадить опять подъ арестъ, только послѣ того начали носить имъ кушанье. Депутаты прусскаго полка проѣхали чрезъ нашъ округъ въ Петербургъ и Костыревъ прислалъ ко мнѣ увѣдомленіе, что депутатовъ отправилъ. Въ этотъ день поселяне нѣсколько разъ пріѣзжали ко мнѣ съ разными требованіями

и было очень безпокойно, но наѣзды были уже малыми партіями много было и пьяныхъ.

Я упомянулъ уже выше сего, что посылалъ кондуктора Миллерова, 17 числа вечеромъ, осмотрѣть убитыя тѣла въ кабріолетѣ Бутовича и велѣлъ ему заѣхать узнать объ участи Соколова и священника Лавра; онъ возвращался черезъ 1-ую и 4-ую роты ко мнѣ въ штабъ уже очень поздно. Какая-то поселянка услышавъ ѣзду на улицѣ, выглянула чтобъ посмотрѣть кто ѣдетъ, и въ потьмахъ не разглядѣвъ кондуктора вообразила, что это ѣдетъ Бутовичь, перепугалась и сообщила своей семьѣ. Вѣсть эта распространилась по ротѣ; другіе тоже отвѣчали, что видѣли дѣйствительно лошадь и кабріолетъ. Это навело страхъ на нихъ; два поселянина прибѣжали ко мнѣ по утру и принесли одинъ обручальное кольцо, которое онъ снялъ съ руки Бутовича, а другой съ руки капитана Саурскаго, разсказали мнѣ, что имъ цѣлую ночь не спалось и просили возвратить кольца ихъ женамъ. Также просили у меня нѣтъ ли кутьи, чтобъ отслужить панихиду — я снабдилъ ихъ двумя чашками рису; младшій священникъ Гавріилъ, къ коему я ихъ отправилъ отслужилъ панихиду и вѣсть эта начала распространяться. Я старался мнѣніе это поддерживать, даже преувели-

чивать. Ординаторъ госпиталя Гутниковъ во время нападенія 16 числа на госпиталь, откуда разобрали больныхъ и убили фельдшера, скрылся на чердакъ дома холостыхъ офицеровъ, и будучи томимъ голодомъ и жаждой, старался пробраться въ живыя комнаты, но былъ замѣченъ; поселяне стали сходиться чтобы взять Гутникова и убить. Г. Носовъ узнавъ объ этомъ, сообщилъ мнѣ, что уже человѣкъ 20 ходятъ около дома, но поджидаютъ товарищей. Я послалъ Носова съ 10 человѣками съ гауптвахты привести Гутникова ко мнѣ будто къ допросу. Его привели къ самому обѣду и я, накормивъ его и успокоивъ, отправилъ на гауптвахту. Ко мнѣ пріѣхали поселяне и стали требовать Гутникова, но стараніемъ и твердостію унтеръ-офицера Перекопаева, уже два дня стоявшаго въ караулѣ въ квартирѣ моей и при знамени, они были прогнаны; послѣ того они поѣхали въ штабъ на гауптвахту и тамъ много шумѣли, однакожъ поѣхали обратно къ себѣ въ роту.

Осматривая посты, я нарочно заходилъ къ арестованнымъ офицерамъ, чтобъ узнать ихъ нужды, тамъ предложили мнѣ проэктъ, чтобы завладѣть въ караулѣ ружьями, соединиться съ унтеръ-офицеромъ Перекопаевымъ и съ тѣми 30 человѣками, которые предложили мнѣ пробиться

на штыкахъ съ знаменемъ и денежнымъ ящикомъ, завладѣть гауптвахтой и перевести въ верхній этажъ всѣхъ женъ и дѣтей, въ нижнемъ укрѣпиться и, что насъ такимъ образомъ соединится человѣкъ до 150 и мы могли бы продержаться до тѣхъ поръ, пока придетъ помощь. Но эта мысль оказалась неудобною: 1) Потому, что по завладѣніи ружьями, сумы съ патронами остались бы на солдатахъ, которые начали бы за ружья драться, опасаясь отвѣтственности и могли бы тѣмъ поколебать и тѣхъ, кои предлагали свои услуги. 2) Къ тому же, какъ замѣтилъ маіоръ Баллашъ, когда онъ приказалъ по случаю сильной росы внести ружья подъ навѣсъ, то они всю ночь держали ружья въ рукахъ; слѣдовательно подозрѣваютъ арестантовъ и только отъ того не соединяются съ поселянами, что находятся въ караулѣ, но сильно ропщутъ и даже поговориваютъ, чтобъ взять знамя къ себѣ на гауптвахту. 3) Что собравшись въ числѣ 150 человѣкъ въ домъ, надобно припасти и продовольствіе и воду. 4) Запершись и укрѣпившись, я не имѣлъ средствъ дѣйствовать на поселянъ и приводить къ покорности. 5) Примѣръ нашъ произвелъ бы въ другихъ округахъ вновь возмущеніе, которое трудно бы было усмирить. Ежели бы можно было собраться въ

большомъ числѣ, то слѣдовало бы не запираться, но идти и усмирять силою оружія; но при этомъ надо принять во вниманіе, что въ округахъ оружіе и порохъ находятся въ большомъ количествѣ, ибо не отправлены въ городъ, что въ каждомъ кромѣ поселянъ находится по резервному баталіону и что намъ для прикритія женъ и дѣтей нужно бы было отдѣлить сильное прикрытіе, которое бы насъ ослабило, а потому благоразумнѣе остаться въ томъ положеніи, какъ есть, стараться увеличить себѣ партію, и опираясь на религію и государя, приводить постепенно къ порядку. Для гого я назначилъ на другой день, 19 числа, обѣдню въ 3-ей ротѣ, ближайшей къ городу, послѣ обѣдни молебенъ съ водоосвященіемъ и съ молитвою о избавленіи отъ холеры. На молебенъ я просилъ изъ Саркова, женскаго монастыря, поднять образъ чудотворной Божіей матери и съ нимъ произвести крестный ходъ по всѣмъ ротамъ. Зная притомъ, что поселяне очень желаютъ ѣхать въ Новгородъ, я думалъ заставить ихъ покориться новгородскому начальству, и для сего припасъ отъ каждой роты по листу подписному, въ коемъ на верху было написано: "Мы поселяне такой-то роты, симъ объявляемъ, что мы послушны какъ государю императору, такъ и всѣмъ начальникамъ

и властямъ отъ него поставленнымъ." Препроводивъ сіи подписки въ роты, я объявилъ, что тѣ, кои подпишутъ этотъ листъ, получатъ отъ меня билетъ, по коему могутъ свободно ѣхать въ городъ, не опасаясь, что будутъ задержаны тамъ; но это было сдѣлано слишкомъ рано и вмѣсто пользы принесло вредъ. Начался ропотъ, стали меня упрекать, будто бы я ихъ хочу предать городскому начальству, которое и такъ задержало уже тѣхъ 6 человѣкъ, кои повезли порохъ и ружья, да и другихъ, кои были по дѣламъ своимъ въ городѣ и посадило въ острогъ, начали приступать ко мнѣ, чтобъ я выдалъ имъ ихъ товарищей, а не то они сами пойдутъ выручать и въ городѣ не оставятъ камня на камнѣ. Къ этому еще и депутаты ихъ не вернулись отъ государя; они полагали, что ихъ перехватили, начали мнѣ говорить, что теперь какъ 1-ая, такъ и прочія дивизіи во всѣхъ полкахъ перебили начальниковъ и наберется ихъ до 3,000 что пора начать дѣйствовать и что войска выставленныя противиться не будутъ. Богъ знаетъ до чего дошло бы, ежели бы крестный ходъ не показался изъ монастыря, тутъ всѣ пошли на встрѣчу на шоссе и усмирѣвъ пошли за образомъ. Я съ Носовымъ взяли образъ и понесли въ церковь, откуда священникъ Гавріилъ

вышелъ съ крестомъ и святой водой. По прибытіи въ церковь началась Литургія, послѣ коей молебенъ съ водоосвященіемъ на площади, и когда я вышелъ изъ церкви, чтобъ устроитъ все къ молебну, то увидѣлъ однаго поселяница, пользовавшагося большимъ уваженіемъ, и во время бытности въ крестьянствѣ бывшаго головой, я подошелъ къ нему и сказалъ: "Послушай старикъ, ты человѣкъ умный и можешъ разсудить, какъ можно отравить всѣхъ? Поди ты и растолкуй имъ, они тебѣ болѣе повѣрять." Онъ мнѣ на это сказалъ: "Что тутъ говорить? для дураковъ ядъ, да холера; а намъ надобно, чтобъ вашего дворянскаго козьяго племени не было."

По окончаніи молебствія и водоосвященія, обошли мы 3-ью роту въ крестномъ ходу и кресты отправились въ другую роту, а я хотѣлъ было ѣхать въ штабъ, но былъ остановленъ вмѣстѣ съ Носовымъ поселянами, которые пришли между тѣмъ къ моимъ дрожкамъ и принесли тѣ листы, кои я хотѣлъ было ихъ уговорить подписать. Они опять начали упрекать меня въ предательствѣ, требовали, чтобъ ихъ товарищи были вытребованы изъ города. Я представилъ имъ, что ежели они не покорятся городскимъ властямъ, то я сидючи съ ними нечего не могу сдѣлать, но ежели подпи-

шутъ листы, то я съ ними поѣду въ городъ и привезу ихъ товарищей: но они никакъ не хотѣли на то согласиться и листы изорвали, хотя на нихъ и было нѣсколько подписей. Я предложилъ и другое средство чтобъ они пустили меня хотя къ аванпостамъ, выставленнымъ около Калмова для переговора съ уланскимъ начальникомъ, представляя имъ, что надобно же, чтобъ городское начальство знало, что требуемъ высылки арестованныхъ людей. Цѣль моя была уговорить командующаго начальника, чтобъ онъ не опасаясь, двинулся съ отрядомъ черезъ роту къ штабу и открылъ такимъ образомъ сообщеніе со мною и тѣмъ подкрѣпилъ меня, ибо поселяне страшно боялись уланъ вооруженныхъ пиками, и ежели бы ихъ можно было убѣдать къ этому, то бунтъ былъ бы прекращенъ тогда-же. Но они и на поѣздку мою не соглашались. Тогда видя, что ничего не помогаетъ, я разорвалъ бланки билетовъ, кои были у меня приготовлены для отпуски ихъ въ городъ, еслибы они подписали данные мною листы съ изъявленіемъ покорности начальству, снялъ съ себя шарфъ, шпагу, эполеты и объявилъ имъ, что болѣе быть ихъ начальникомъ не хочу, и что послѣ этого пусть дѣлаютъ что хотятъ а я уже истожился доказывать имъ о невозможности

выполнить ихъ требованія, именно потому, что начальство городское не можетъ знать ихъ желанія, когда они писать меня не допускаютъ, ѣхать для объясненія тоже, и сами боятся идти, чтобъ не задержали. Послѣдній же имъ мой совѣтъ былъ, чтобы сидѣли смирно и ожидали пріѣзда ихъ депутатовъ изъ Петербурга. Поселяне посмирнѣли, разошлись по сторонамъ и дорога очистилась; я сѣлъ на дрожки и подозвалъ Носова, который также какъ и я уговаривалъ, пригласилъ его садиться со мною, и видя что дорога свободна приказалъ шагомъ ѣхать къ штабу. Человѣкъ 12 пошли за нами, другіе остались толковать между собою, дорогой мы повторили все, что было уже сказано. Отдѣлившись отъ толпы и проѣхавъ ротныя ворота, я приказалъ прибавить шагу лошадямъ, и когда провожавшіе начали отставать, я приказалъ ѣхать рысью и такимъ образомъ доѣхали до штаба.

Пріѣхавъ домой я узналъ, что знамя съ квартиры моей взято; новый караулъ, смѣнивъ Перекопаева, простоявшаго двое сутокъ, самовольно взявъ знамя, равно смѣнивъ часоваго у денежнаго ящика, присоединился къ главной гауптвахтѣ, а ящикъ и грамоту оставили безъ часоваго. Въ бытность мою въ 3-ой ротѣ на молебнѣ, пріѣзжали нѣсколько поселянъ къ главной гауптвахтѣ и

взбунтовали тѣхъ резервныхъ, кои съ маіоромъ Баллашомъ тамъ находились. Нѣсколько поселянъ короля прусскаго полка, пріѣхавъ къ пороховому заводу, кричали на нашу сторону, чтобъ подали имъ лодку, жена же моя приказала весла спрятать въ сарай, но деньщикъ мой вынесъ весла и не смотря на запрещеніе перевезъ 4 поселянъ, кои прибывъ ко мнѣ на квартиру, требовали выдачи тѣхъ двухъ офицеровъ, которыхъ наши привели ко мнѣ и я приказалъ посадить ихъ на гауптвахту; на это жена моя отвѣчала, что меня нѣтъ дома, а безъ меня никто отпустить не можетъ. Они пошли къ гауптвахтѣ, но и тамъ ихъ не дали. Пошумѣвъ немного, они пошли опять къ лодкѣ и поѣхали одни уже на ту сторону Волхова. Еще узналъ я, что поручица Бутлеръ съ младенцомъ сыномъ умерла отъ холеры, а маіорша Кутузова заболѣла холерою, и когда мужъ ея, бывшій подъ судомъ подавалъ ей помощь, то деньщикъ его привелъ поселянъ человѣкъ 8, кои схватили Кутузова и желѣзнымъ шкворнемъ ранивъ его въ руку, потащили на гауптвахту, за то, что деньщикъ имъ сказалъ, будто бы онъ говорилъ, что давно пора всѣхъ поселянъ перевѣшать. Маіоръ Кутузовъ былъ подъ судомъ съ 4 ротными своими командирами и адъютантомъ за безпорядки въ

баталіонѣ и судился не арестованнымъ. Еще былъ подъ судомъ и содержался на гауптвахтѣ штабсъ-капитанъ Левицкій, за то, что получивъ по мнѣнію его несправедливый выговоръ, подалъ раппортъ и просилъ отмѣнить приказъ. Всѣ они были уже нѣсколько лѣтъ подъ судомъ. Еще на гауптвахтѣ содержались 8 человѣкъ тоже бывшихъ подъ судомъ, одинъ за фальшивую пріемку провіанта на небывалую роту; одинъ за 4 побѣгъ; остальные судились за меньшія преступленія. Нѣсколько разъ военные поселяне выпускали ихъ изъ подъ караула и предлагали идти по домамъ, но никто не хотѣлъ воспользоваться симъ случаемъ; особенно 19 числа вечеромъ, когда поселяне распустили караулъ и маіора Баллаша прогнали съ гауптвахты со всѣми бывшими при немъ офицерами, оставивъ только нѣсколько человѣкъ изъ кантонистовъ караульныхъ при посаженныхъ мною офицерахъ. Еще послѣ обѣда пришли ко мнѣ на квартиру нѣсколько человѣкъ и хотѣли взять денежный ящикъ и высочайшую грамоту. Часовыхъ не было, я нарочно надѣлъ халатъ и вышелъ къ нимъ уже не какъ начальникъ, а какъ житель и сказалъ, что конечно лучше взять эту государеву собственность, чѣмъ оставлять безъ часовыхъ и подвергать расхищенію, ибо я ночью

буду спать и смотрѣть не буду какъ болѣе не начальникъ ихъ, да и высочайшая грамота валяется теперь въ частномъ домѣ, и ежели случится, Боже избави, пожаръ, то сгоритъ, а я сложивъ съ себѣ начальство, не осмѣлюсь коснуться оной; просилъ чтобъ прислали за ней того, кого они избрали вмѣсто меня. Поглядѣвъ на грамоту они не тронули ее, а пошли къ денежнему ящику и хотѣли тащить его на гауптвахту, но оставили и пошли въ штабъ.

Въ 6 часовъ человѣкъ до 100 пріѣхали ко мнѣ на квартиру и стали требовать отъ меня отвѣта, почему ихъ депутаты не возвратились и взяты еще два человѣка изъ поселянъ, кои хотѣли было тайно пробраться въ городъ, чтобы разузнать гдѣ ихъ товарищи содержатся. На это я отвѣчалъ, что депутаты посланы къ государю, притомъ-же, когда у меня въ передней ожидаютъ они часа по два, то такъ же они могутъ расчитывать часы и назначать сроки государу императору; на счетъ же взятыхъ двухъ человѣкъ, я предлагалъ имъ по утру для подписи листы, разосланные мною по ротамъ о послушаніи ихъ, но какъ они не согласились и билетовъ отъ меня брать не хотѣли, то чтобъ теперь и не пѣняли отъ чего ихъ задерживаютъ. Пошумѣвъ немного, они поѣ-

хали обратно. Между тѣмъ я получилъ отъ своихъ конно-рабочихъ разъѣздовъ извѣстіе, что поселяне 2-ой роты собрались выбирать себѣ начальника, избрали между собой одного, но другіе старые солдаты рѣшительно объявили, что они лопатника, мужика слушать не будутъ, а хотятъ, чтобъ выбрали коло-либо изъ служившись государю, да къ тому же чтобъ такого, который проливалъ кровь свою за вѣру и царя; лучше слушаться заслуженнаго человѣка, ходившаго въ походы, чѣмъ земскаго мироѣда. Началась драка, раздѣлились на двѣ партіи, поселяне нетерпѣли старыхъ солдатъ и унтеръ-офицеровъ, бывшихъ ихъ учителями, кричали, что у нихъ есть свои головы, которые умѣли говорить съ исправниками и губернаторами. Унтеръ-офицеры и къ нимъ приставшіе кантонисты, произведенные въ унтеръ-офицеры, говорили, что лучше являться къ старымъ начальникамъ, чѣмъ будутъ слушаться лопатника, мужика и начали выбирать депутацію ко мнѣ, чтобы я опять принялъ командованіе. Поселяне увидѣвъ это, бросились ко мнѣ, и прискакавъ въ числѣ 200 человѣкъ, требовали, чтобъ я не принималъ команды. Я вышелъ къ нимъ въ халатѣ, и выслушавъ ихъ, сказалъ: "Вы видите, что я и самъ не хочу вами командовать, вы

бунтовщики, непокорны государю, и такъ отвѣчайте сами за себя." Солдатамъ сказалъ: "можно-ли въ такомъ положеніи принять команду? Ежели вы этого желаете, то соберитесь вмѣстѣ, приходите сюда въ амуниціи и съ хлѣбомъ на два дня, тогда я васъ возьму подъ свою команду, но съ условіемъ, что за всякое непослушаніе будетъ взыскано примѣрно. Подумайтн, хорошо-ли, что ваше знамя стоитъ на гауптвахтѣ и денежный ящикъ безъ часоваго? Вами одолѣли нѣсколько мужиковъ и ихъ дѣти кантонисты. Идите, скажите мои слова вашимъ товарищамъ старымъ служивымъ и приходите ко мнѣ скорѣе съ ружьями и амуниціей; мы заставимъ этихъ мужиковъ слушаться. Они отправились домой, но поселяне долго бушевали въ штабѣ; пришли на главную гауптвахту и кантонисты, взошли безъ сопротивленіа въ солдатскую арестантскую и выгнали оттуда арестанттовъ, но тѣ не соглашались оставить гауптвахту, сказавъ имъ: "что они находятся подъ судомъ и не мугутъ уйти," и когда ихъ вытолкали силою, они перешли въ караульню. Послѣ сего поселяне и кантонисты взошли въ офицерскую арестантскую комнату и перевели арестованныхъ офицеровъ въ солдатскую арестантскую комнату, говоря имъ: "полно вамъ тутъ

чай понивать, идите-ка за желѣзныя рѣшетки; и силою погнали всѣхъ туда. Бывшій подъ судомъ капитанъ Левицкій, одинъ воспротивился, сказавъ имъ, что онъ находится подъ судомъ и его никто не осмѣлится отсюда перевести, въ противномъ случаѣ онъ убьетъ перваго, кто къ нему подступитъ. Левицкій будучи долгое время подъ судомъ, объзавелся хозяйствомъ, подѣлалъ къ окнамъ занавѣсы и имѣлъ для колотья сахару обломокъ чугунной рѣшетки. Этотъ кусокъ онъ спряталъ въ карманъ шараваръ и выхвативъ оный, сказалъ: "подступись кто нибудь, убью какъ собаку." Поселяне вышли произнося разныя ругательства, а Левицкій заперъ дверь и укрѣпилъ оную половою щеткой и черешневымъ чубукомъ, а у окошекъ задернулъ занавѣски. Вышедщіе поселяне пошли къ остававщимся на плацформѣ и на улицѣ, и разсказали имъ, что всѣхъ перевели, а остался одинъ такой разбойникъ, что чуть ихъ всѣхъ не перебилъ, выхвативъ пистолетъ изъ кармана.

Посовѣтовавшись, они раздѣлились на двѣ части, однимъ чтобы напасть на дверь, а другимъ на окна. Левицкій все это слышалъ изъ за занавѣски, и когда приступили къ окнамъ и дверямъ, то онъ ставъ на табуретъ ударилъ чугунной

колотушкой въ раму, и соскочивъ съ табурета, ударилъ въ дверь и закричалъ: "прочь негодяи, всѣхъ разстрѣляю." Вся толпа бросилась отъ гауптвахты бѣжать къ своимъ лошадямъ, начали ругать Левицкаго, называя его разбойникомъ, и объявили, что завтра пріѣдутъ съ веревками и всѣхъ перевѣшаютъ. Потомъ сѣли на лошадей и поѣхали по домамъ въ роты; остались нѣсколько человѣкъ менѣе шумливыхъ и начали разсуждать, что дѣло сдѣлали не ладно, ибо и маіора Кутузова посадили за желѣзную рѣшетку, "вѣдь это не то, что простой офицеръ, чтобъ за него послѣ не отвѣчать." Пошли на гауптвахту, переговорили съ караульными и вошли въ арестантскую, гдѣ всѣ по тѣснотѣ стояли и сказали Кутузову: "извините ваше высокоблагородіе, мы въ потьмахъ не разглядѣли, а вамъ сидѣть здѣсь не мѣсто, извольте перейти въ офицерскую комнату;" и очень учтиво перевели его къ капитану Левицкому. Узнавъ объ этихъ происшествіяхъ я пошелъ на гауптвахту и началъ говорить караульнымъ, какъ они смѣли допустить поселянъ къ арестантамъ и пригласилъ ихъ перейти въ офицерскія комнаты. Переговоривъ съ офицерами, положили защищаться до послѣдняго; для этого собравъ надежныхъ изъ военно-рабочихъ человѣкъ 12 и вооруживъ ихъ

8 ружьями, которыя отобралъ у конно-рабочихъ, приказалъ для усиленія караула стать вмѣстѣ съ резервными ненадежными людьми и не допускать поселянъ къ арестантамъ, что подтвердилъ и кантонистамъ; но обезоружить ихъ не могли. Цѣлую ночь всѣ держали ружья въ рукахъ. Офицерамъ мнѣ удалось доставить 4 маленькихъ заряженныхъ пистолета, 2 кинжала и 2 топора, все это отдалъ маіору Кутузову и приказалъ принять надъ ними начальство. Левицкаго по его пылкости вооружить не смѣлъ.

Пришедши домой, я послалъ разъѣзды подъ командою капитана Носова и ротныхъ командировъ невскаго батальона, Абрамова, Ассева и и поручика Стерлинскаго, для того, что ежели увидятъ старыхъ солдатъ, которые избирали имъ меня въ начальника, то чтобъ не ожидая сбора, направили ихъ частями поспѣшнѣе ко мнѣ для занятія караула при знамени, грамотѣ и денежномъ ящикѣ. На разсвѣтѣ пріѣхалъ разъѣздъ изъ 1-ой роты и увѣдомилъ, что депутаты изъ Петербурга возвратились и первая тройка какъ только прискакала, налачи будить поселянъ для собранія на сходку. Слѣдомъ прискакала и другая въ 4-ую роту и разъѣздъ сей же часъ меня увѣдомилъ, узнавъ отъ поселянъ, что наши были у

государя и вернулись благополучно. Часовъ въ пять утра съ передоваго поста отъ 4-ой роты донесли мнѣ, что нѣсколько троекъ скачутъ къ штабу и черезъ нѣсколько минутъ явились 12 человѣкъ депутатовъ посыланныхъ въ Петербургъ. Я вышелъ къ нимъ и спросилъ, благополучно ли ѣздили и видѣли ли государя императора. Тогда они начали говорить, что ѣздили благополучно и въ Ижорѣ государь къ нимъ пріѣзжалъ изъ Царскаго Села, разговаривалъ съ ними и будто бы похвалилъ ихъ, сказавъ: — Спасибо ребята, что вы тамъ за меня постояли, поѣзжайте домой, а я пришлю графа Орлова разобрать дѣло. Но одинъ изъ молодыхъ унтеръ-офицеровъ, сдѣлалъ мнѣ знакъ глазами, чтобъ я вышелъ на улицу; поговоривъ еще нѣсколько съ депутатами которые мнѣ донесли, что 12 кои были въ билетѣ вписаны отправлены обратно, а 13-ый который самъ вызвался ѣхать, говоря, что все выбрали дураковъ, тамъ задержали, и просили чтобъ я его выручилъ; я имъ сказалъ, что они теперь сами видѣть могутъ, что и ихъ бы задержали безъ моего билета, желая имъ показать важность начальства. Приказавъ имъ подождать въ комнатѣ, покуда я напишу записки къ принятію графа Орлова, вышелъ къ себѣ заднимъ

крыльцомъ на дворъ и велѣлъ привести того унтеръ-офицера, который дѣлалъ глазами знакъ мнѣ. Тотъ мнѣ сказалъ: "Не вѣрьте, ваше высокоблагородіе, государь насъ принялъ въ Ижорѣ и бранилъ, какъ смѣли убить начальниковъ, и когда ихъ спросилъ, кто же теперь ими командуетъ, они сказали что строитель. Государь спросилъ, кто это такой, и какой-то адъютантъ сказалъ: подписался инженеръ подполковникъ Панаевъ. — Тогда государь велѣлъ отправить ихъ на курьерскихъ обратно и приказалъ сказать поселянамъ, чтобы слушались васъ во всемъ, что будете приказывать и что слѣдомъ за нами поѣдетъ графъ Орловъ съ дальнѣйшими приказаніями." Выслушавъ это, я приказалъ кондуктору написать записку въ роты чтобъ всѣ поселяне къ 10 часамъ были одѣты по формѣ и прибыли въ штабъ съ кантонистами старшаго возраста; въ селеніяхъ улицы и тротуары были вычищены и когда графъ будетъ ѣхать, чтобы старики и поселянки съ кантонистами меньшаго возраста и дочерьми вышли по обычаю передъ крыльцы, какъ принимали своихъ начальниковъ. Самъ же я поѣхалъ на встрѣчу на станцію. Поселяне по отъѣздѣ моемъ послали на двухъ тройкахъ 4 человѣка депутатовъ, кои догнавши меня объявили, что поселяне прислали ихъ быть

при объясненіи моемъ съ графомъ. Чрезъ полчаса пріѣхалъ фельдъегеръ для заготовленія лошадей графу, а черезъ часъ и самъ графъ Орловъ. Я встрѣтилъ его у коляски и подалъ рапортъ о состояніи округа. Принявъ оный, онъ спросилъ мою фамилію и приказалъ идти на верхъ въ комнату проѣзжающихъ; поселяне хотѣли было за нимъ слѣдовать, но графъ сказалъ мнѣ, что хочетъ говорить со мною однимъ. Я обернулся къ нимъ и послалъ ихъ по ротамъ объявить, что графъ пріѣхалъ и чтобъ поселяне становились по своимъ мѣстамъ и они поскакали назадъ. Его сіятельство распросивъ меня обо всѣхъ обстоятельствахъ, сказалъ мнѣ, что *не лучше-ли будетъ пріѣхать изъ Новгорода*, но я ему представилъ, что я, не будучи утвержденъ, располагаю здѣсь 4 дня именемъ государя и, такъ какъ депутаты наши вернулись сегодня и увѣдомили уже своихъ товарищей, что государь его пришлетъ, то буйства и опасности никакой быть не можетъ, и, какъ они у меня стоятъ уже болѣе 3 часовъ во фронтѣ, его ожидая, то и просилъ его сіятельство неотлагывать своей поѣздки въ округъ: объявить имъ волю государя, а также въ присутствіи поселянъ приказать мнѣ немедленно отправить всѣхъ арестантовъ въ городъ къ нему за конвоемъ, ибо

до тѣхъ поръ, покуда они на моихъ рукахъ, то я не могу отвѣчать за ихъ цѣлость. Равно просилъ его чтобъ приказалъ и знамя возвратить ко мнѣ на квартиру. Графъ приказалъ мнѣ ѣхать впередъ и, собравъ людей на площади, ожидать его. По пріѣздѣ моемъ въ штабъ я привелъ 6 почтовыхъ лошадей, чтобъ покуда графъ и я будемъ на площади, семейство мое могло выѣхать въ городъ, но не имѣя времени заѣхать домой, я не оказалъ женѣ моего ряспоряженія, а она сама не рѣшилась на это. Графъ Орловъ пріѣхалъ, говорилъ съ поселянами, прочелъ печатный приказъ государя императора, котораго экземпляры онъ привезъ съ собою изъ Петербурга. Когда поселяне во фронтѣ начали приносить ему свои жалобы и оправданія, то онъ приказалъ, чтобъ они молчали и выслали бы къ нему по два человѣка изъ роты. Съ сими людьми онъ много разговаривалъ и, приказавъ написать все это на записку, отдать мнѣ для доставленія къ нему въ г. Новгородъ. Объявивъ поселянамъ, что по высочайшему повелѣнію онъ назначаетъ меня начальникомъ ихъ округа, вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ, знамя перенести ко мнѣ на квартиру, а арестантовъ за сильнымъ конвоемъ отправить въ Новгородъ въ крѣпость и самому прибыть къ

нему съ объясненіемъ и запиской поселянъ о претензіяхъ ему объявленныхъ. Подтвердивъ именемъ государя, чтобъ меня слушались и мною поставленныхъ начальниковъ почитали, хотѣлъ было ѣхать; но въ то время доложили мнѣ, что прибыли депутаты изъ короля прусскаго полка; я доложилъ графу, и онъ принявъ ихъ, повторилъ въ кратцѣ то же, далъ экземпляръ приказа и сказавъ, что изъ Новгорода пріѣдетъ къ нимъ, отправился въ городъ. Я приказалъ собрать сколько было въ округѣ экипажей, усадивъ и уложивъ въ нихъ избитыхъ и здоровыхъ офицеровъ всего 38 человѣкъ, съ конвоемъ отправилъ въ городъ, представивъ въ начальники инвалиднаго офицера изъ солдатъ, коему приказалъ строжайше, дорогой сохранить въ цѣлости и по пріѣздѣ въ Новгородъ здать бы графу Орлову. Отобравъ написанныя поселянами показанія и принявъ знамя въ свою квартиру, я отправился и самъ въ городъ, но семейства моего поселяне не отпустили. Обогнавъ арестантовъ, явился я къ генералу Эйлеру и грагу Орлову и, отдалъ ему записки съ претензіями поселянъ. Графъ прочелъ ихъ и спросилъ меня на счетъ Левицкаго, объ коемъ они жаловались ему лично и писали въ запискѣ, что онъ не хотѣлъ ихъ ни въ чемъ слушать и, когда

они всѣхъ посадили за желѣзную рѣшетку, то онъ не хотѣлъ туда идти, а когда хотѣли посадить силою, то онъ выхвативъ изъ кармана штуку, да какъ махнетъ оной, то они всѣ бѣжали; къ тому же этотъ разбойникъ Левицкій извѣстенъ уже всѣмъ, да и судъ съ нимъ уже три года ничего сдѣлать не можетъ. Графъ спросилъ меня за что онъ подъ судомъ, и когда я объяснилъ, то онъ приказалъ мнѣ уволить его изъ подъ ареста и по недостатку въ офицерахъ употребить на службу, равно приказалъ ему. Выхлопотавъ объ освобожденіи изъ острога тѣхъ поселянъ, которыхъ взяли при доставленіи пороха и оружія и коихъ захватили въ городѣ, я двоихъ изъ нихъ взялъ съ собою на дрожки и привезъ къ удовольствію поселянъ, объявивъ имъ, что и остальные всѣ идутъ пѣшкомъ. Это произвело сильное впечатлѣніе и довѣріе ко мнѣ. Но сознанія въ несправедливости и беззаконности ихъ поступковъ въ то время не было еще.

Въ этотъ вечеръ прибывшіе изъ ротъ за приказаніями ко мнѣ, доложили, что казенная рожь поспѣла и пора жать, да и Тимофѣева трава тоже, то спрашивали, *не нарядить-ли* жать и вдовъ оставшихся послѣ убитыхъ начальниковъ вмѣстѣ съ поселянками. Объяснивъ имъ, что этого безъ

воли государя сдѣлать нельзя, я имъ отказалъ и приказалъ жать поселянамъ. Графъ Орловъ, между прочимъ сказалъ мнѣ: — Государю угодно, чтобъ поселяне были доведены до того, чтобъ отслужили по убіеннымъ панихиды. Я зналъ, что нѣкоторые поселяне находятся въ тревожномъ состояніи и, зная ихъ суѣверіе, посредствомъ приверженныхъ ко мнѣ солдатъ началъ распространять слухи, что и многимъ является во снѣ Бутовичь и лѣкарь, другимъ Забѣлинъ или Пановъ, къ тому же многіе и безъ того было увѣрены, что Бутовичь ѣздитъ по ночамъ въ кабріолетѣ, видѣвъ моего кондуктора; я распространилъ слухъ, что будто проходилъ обозъ и видѣлъ на кладьбище большой свѣтъ, и на другой же день вѣсть эта была повсемѣстна. Наконецъ 23 числа поселяне пришли ко мнѣ съ донесеніемъ, что многимъ чудится надъ могилами убитыхъ офицеровъ свѣтъ, а другимъ ночью дѣлаются представленія, и просили меня чтобъ отслужить панихиду; обрадовавшись желанію ихъ, я на другой день послалъ пригласить Вяжицкаго Монастыря Архимандрита Меѳодія, чтобъ прибылъ въ округъ отслужить панихиду, но онъ послалъ въ городъ спросить дозволеніе у архіерея Тимоѳея, викарія Новгородскаго. Я самъ поѣхалъ въ Новгородъ доложить

о семъ графу, преосвященный Тимофей, узнавъ что я въ городѣ, послалъ пригласить меня къ себѣ и сказалъ мнѣ: "Для чего вы не отнеслись ко мнѣ? я самъ съ величайшимъ удовольствіемъ почтилъ бы память страдальцевъ этихъ." Я положилъ, что не смѣлъ его безпокоить, но ежели онъ на сіе соизволяетъ, то прошу его назначить день, и онъ назначилъ 26 число по утру въ 11 часовъ.

Въ назначенный день я приказалъ 2-ой ротѣ собраться въ колоннахъ всѣмъ военнымъ поселянамъ, кантонистамъ и резервному баталіону въ 10 часовъ. По прибытіи преосвященнаго, онъ облачился въ часовнѣ, и спрашивалъ меня о положеніи умовъ поселянъ и ихъ раскаяніи, но я не могъ его утѣшить ни чемъ хорошимъ и, когда онъ вышелъ въ присутствіи пѣвчихъ на площадь и принесли блюдо съ кутьей и свѣчи начали раздавать поселянамъ — то произошелъ ропотъ. Не смотря на оный я приказалъ, чтобъ зажженыя свѣчи были у всѣхъ въ рукахъ и началась панихида. Когда же иродіаконъ началъ возглашать на иктиньѣ о убіенныхъ рабахъ Божіихъ такихъ-то, преосвященный остановилъ его и громко приказалъ читать о невинно убіенныхъ рабахъ Божіихъ, въ колоннахъ начался шумъ и діаконъ смутился, но преосвященный повторилъ приказаніе

читать о невинно убіенныхъ и діаконъ продолжалъ по приказанію преосвященнаго. Окончивъ панихиду, преосвященный приказалъ подъ святой воды и спросилъ меня, гдѣ погребены избіенные, но узнавъ, что при церкви, полторы версты отсюда, приказалъ показать мѣсто, гдѣ они были убиты и сказавъ поселянамъ краткое увѣщаніе покуда ходили за святой водой, заключилъ: "Кровь невинныхъ вопіетъ на васъ предъ Господомъ, пойдемъ окропимъ святой водой мученическую кровь ихъ и освятимъ мѣсто оскверненное беззаконіемъ вашимъ —" пошелъ на шоссе и на тѣ мѣста, гдѣ были убиты Саурскій и Султановъ и окропивъ ригу, гдѣ лежали убитые, служилъ литію; по возглашеніи вѣчной памяти, ропотъ поселянъ дошелъ до крайности, стали кричать," какіе невинные, они отравляли насъ —" и начали угрожать архіерею. Видя это я приказалъ подать карету преосвященнаго на шоссе и, посадивъ его въ полномъ облаченіи, отправилъ въ городъ, а самъ съ дьякономъ и пѣвчими архіерейскими пошелъ къ кутьѣ поминать представившихся и потомъ отправилъ ихъ въ городъ. Покуда служили панихиду, пріѣхалъ фельдъегеръ изъ города съ приказаніемъ отъ графа Орлова, что государь императоръ въ 2 часа будетъ въ округѣ, и для

того, чтобъ я собралъ поселянъ въ экзерцирганзъ.

Такъ какъ было уже около полудня и поселяне были всѣ собраны, то я приказалъ имъ слѣдовать въ штабъ прямо и выстроиться въ манежѣ. Тутъ поселяне пришли мнѣ сказать что у нихъ нѣтъ хлѣба и соли, чѣмъ встрѣтить государя, а какъ испѣчь теперь уже некогда, то не взять-ли круглыхъ кренделей, да сотоваго меду. Я утвердилъ ихъ предположеніе и приказалъ выбрать отъ себя депутатовъ, кои встрѣтили бы государя императора со мною у коляски и стоя на колѣнахъ, просили прощенія. Для чего они нарядили 6 человѣкъ. Стоявшимъ въ манежѣ поселянамъ во фронтѣ я приказалъ какъ только увидимъ государя, снявши шапки стать всѣмъ на колѣни. Младшему священнику отцу Гавріилу растворить двери въ церкви и быть въ полномъ облаченіи со крестомъ и святой водой, царскіе двери въ алтарь растворить и вынести на налоѣ въ экзерциргаузъ Евангеліе и знамя военныхъ поселянъ. Я полагалъ, что государь императоръ прикажетъ ихъ привести къ присягѣ, для того приказалъ на налоѣ положить и форму оной. Около 2 часовъ государь императоръ съ графомъ Орловымъ прибылъ въ штабъ императора австрійскаго

вина; я встрѣтилъ его величество у рѣшетки между церковью и гошпиталемъ, подалъ рапортъ о состояніи округа, государь принялъ отъ меня рапортъ о состояніи округа, и увидѣвъ, что 8 человѣкъ показаны въ командировкѣ (до исключенія такъ показывались убитые) сказалъ мнѣ: "это въ дальней!" потомъ вышедъ изъ коляски, поцаловалъ меня и изволилъ сказать: "Спасибо старой сослуживецъ, что ты здѣсь не потерялъ разума, я этого никогда не забуду." Потомъ увидѣвъ, стоящихъ на колѣнахъ поселянъ съ хлѣбомъ и солью, сказалъ имъ: "Не беру вашего хлѣба, идите и молитесь Богу." Вошедъ въ экзерцигаузъ и, взглянувъ на стоящихъ поселянъ, коимъ маіоръ Балашъ скомандовалъ: шапки долой, прошелъ въ церковь; я слѣдовалъ за нимъ. Священникъ встрѣтилъ съ крестомъ и съ кропиломъ. Государь приложился ко кресту и былъ окропленъ святою водою и изволилъ слѣдовать въ алтарь, гдѣ я началъ говорить со священникомъ на счетъ нравственнаго положенія поселянъ: священникъ замялся, и государь обратился ко мнѣ. Войдя въ алтарь, я доложилъ, что по мнѣнію моему искренняго раскаянія въ нихъ нѣтъ, но дѣйствуетъ суевѣріе и страхъ, что еще сегодня преосвященный былъ здѣсь и служилъ панихиду

объ убіенныхъ, но они проводили его съ ропотомъ. Государь выходя изъ церкви сказалъ священнику: "служите." Не будучи пріуготовленъ къ сему приказанію и не имѣя при себѣ церковнослужителя или пѣвчихъ, священникъ началъ прямо: Господу помолимся — и самъ запѣлъ: — Господи помилуй! О благочестивѣйшемъ, самодержавнѣйшемъ, великомъ государѣ нашемъ Николаѣ Павловичѣ, Господу помолимся! Въ это время пѣвчій изъ военныхъ поселянъ, стоявшій во фронтѣ на колѣняхъ, вдругъ вскочилъ съ колѣней, побѣжалъ къ священнику и на бѣгу началъ пѣть: — Господи помилуй! Послѣ окончанія всей эктиньи, государь приказалъ мнѣ командовать: накройся, вставай; справа и слѣва кругомъ заходи. Потомъ приказалъ еще вздвоить ряды и началъ имъ говорить: — Какъ смѣли вы возстать противъ меня? И когда поселяне отвѣчали, что они противъ него не возставали, то государь сказалъ имъ: "Вы убили своихъ начальниковъ, Богомъ и мною надъ вами поставленныхъ, это все равно, что вы подняли руку свою на меня!" Потомъ говорилъ имъ, что это болѣзнь посланная Господомъ за наши грѣхи, что и самъ онъ потерялъ брата отъ сей болѣзни, а потому надо съ кротостію переносить волю Господню и, увидѣвъ

одного унтеръ-офицера съ Аннинскимъ крестомъ и двумя медалями подозвалъ къ себѣ, какъ равно и всѣхъ кавалеровъ тутъ бывшихъ; обращаясь къ нимъ сказалъ: "Васъ-ли я вижу? и вы живы всѣ?" Аннинскій кавалеръ, котораго государь перваго подозвалъ, отвѣчалъ: "Слава Богу, ваше величество, Богъ помиловалъ!" Но государь сказалъ ему и прочимъ кавалерамъ: "Молчи, и не срами Бога; вы, кавалеры, должны были всѣ лѣчь тутъ и не допустить истреблять вашихъ начальниковъ." Потомъ обратясь ко мнѣ изволилъ сказать такъ чтобъ всѣ слышали: "а ты съ ними не шути и при первомъ ослушаніи выведи и тутъ же разстрѣляй на мѣстѣ." Потомъ началъ имъ говорить, чтобъ выдали виновныхъ, но поселяне молчали. Я въ то время стоя въ рядахъ поселянъ услышалъ, что сзади меня какой-то поселянинъ говорилъ своимъ товарищамъ: "*А что братцы? полно, это государь-ли? Не изъ тѣхъ-ли перерѣженецъ?*" — Услышавъ эти слова, я обмеръ отъ страха и, кажется государь прочелъ на лицѣ моемъ смущеніе, ибо послѣ того не настаивалъ о выдачѣ виновныхъ и спросилъ ихъ: "Раскаяваетесь-ли вы?" и когда они начали кричать — Раскаяваемся! то государь отломилъ кусокъ кренделя и изволилъ скушать сказавъ: "*Ну вотъ я*

тьмъ вашъ хлѣбъ и соль; конечно я могу васъ простить, но какъ Богъ васъ проститъ." Потомъ приказалъ мнѣ командовать на лѣво кругомъ и выстроить фронтъ; и когда они обращены были опять лицомъ къ государю, то онъ благодарилъ меня и гг. офицеровъ бывшихъ во фронтѣ; но такъ какъ не всѣ офицеры того стоили, то я остановилъ государя и сказалъ ему, что не всѣ стоятъ его благодарности и о достойныхъ подалъ ему списокъ, который у меня припасенъ былъ, при чемъ доложилъ ему, что я именемъ его одного унтеръ-офицера произвелъ въ прапорщики; государь спросилъ, за что, и когда? Я доложилъ, что за предложеніе пробиться съ 30 человѣками на штыкахъ со знаменемъ и денежнымъ ящикомъ въ городъ. Его величество, подозвалъ къ себѣ Перекопаева, поцаловалъ и утвердилъ. Послѣ вышедъ изъ экзерциргауза, поѣхалъ на гауптвахту, гдѣ поздоровался съ поселянами, стоявшими на часахъ съ косами вмѣсто ружей, ибо резервный баталіонъ я смѣнилъ по приказанію графа Орлова, чтобъ приготовить къ выступленію въ Новгородѣ. Тамъ на гауптвахтѣ я представилъ арестантовъ, кои непослушались выпускавшихъ ихъ военныхъ поселянъ. Государь благодарилъ ихъ и послѣ они оставлены были безъ наказанія.

Отъ гауптвахты государь поѣхалъ въ Новгородъ, пріѣхавъ туда былъ въ церкви Св. Николая Каганова. По отбытіи государя изъ округа, я отслужилъ съ поселянами благодарственный молебенъ и распустилъ ихъ по домамъ; а самъ поѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ еще разъ видѣлъ государя. На другой день государь дѣлалъ смотръ всѣмъ резервымъ баталіонамъ въ Новгородѣ, и приказалъ отправить ихъ въ Гатчину. Въ ночи на 27 число государь отправился обратно въ Петербургъ, получивъ увѣдомленіе, что государыня почувствовала приближеніе родовъ.

По выступленіи резервнаго баталіона въ Гатчину, мы въ округѣ остались одни и графъ Орловъ объявилъ мнѣ: Государю угодно, чтобы поселяне доведены были до раскаянія. Полагая въ этомъ случаѣ дѣйствовать религіей, я предложилъ въ наступающій успенскій постъ отправлять во всѣхъ 4 ротахъ ежедневно по церквамъ служеніе и пріуготовляться къ исповѣди и принятію святыхъ таинъ; а какъ у насъ въ округѣ одинъ священникъ былъ раненъ, и оставался только младшій, да и къ тому поселяне довѣрія не имѣли, *отказываясь* ему исповѣдываться, то я выпросилъ у преосвященнаго чтобы были командированы ко мнѣ 5 человѣкъ умныхъ монаховъ, кои могли

бы на исповѣди усовѣстить заблудшихся и привести къ раскаянію убійцъ. Монахи дѣло свое исполняли усердно; 1 Августа былъ парадъ, благодарственное молебствіе о рожденіи великаго князя Николая Николаевича и водоосвященіе на рѣкѣ Волховѣ. Послѣ въ теченіи двухъ недѣль всѣ роты исполнили таинство покаянія, и тѣ, кои чувствовали себя достойными, пріобщились Св. Тайнъ. Мы же, нѣкоторые офицеры взявъ образъ угодника Божія, коимъ 16 числа Іюля остановлено было буйство поселянъ, разглядѣли подпись и прочитавъ, что сей образъ былъ преподобнаго Феодосія Тотемскаго, сложились, поновили, сдѣлали серебрянный окладъ и положили 50 р. въ банкъ дабы изъ процентовъ на сіи деньги ежегодно горѣли лампады въ дни 16, 17, 18, 19 и 20 Іюля, 25 и 28 Января, въ день угодника.

Августа 12 пришелъ въ округъ резервный баталіонъ кажется Невскаго пѣхотнаго полка, подъ командой маіора Гретенфельда, я расположилъ ихъ въ новомъ строеніи штаба и сталъ занимать ими посты. Около половины Августа была попытка опять сдѣлать бу тъ, заговорщики хотѣли во время моего возвращенія ночью изъ города, напасть на меня, убить и возобновить бунтъ, но жена одного заговорщика объявила

капитану Носову и онъ сообщилъ мнѣ, пославъ записку, чтобъ я одинъ не ѣхалъ; записку сію я предъявилъ генералъ-лейтенанту Стеселю, который былъ назначенъ отряднымъ генераломъ Новгородскаго удѣла военныхъ поселеній и онъ приказалъ коменданту генералъ-маіору Мазе дать мнѣ уланскій конвой, съ которымъ я пріѣхалъ въ штабъ и сей часъ же послалъ въ роты, чтобы къ 9 часамъ утра были высланы ко мнѣ заговорщики. Они начали ходить по поселянамъ и уговаривать, чтобъ ихъ не выдавали, но тѣ съ разсвѣтомъ выѣхали на работы въ поле и сказали имъ, чтобъ они лучше сами шли и не ожидали пока ихъ свяжутъ. Между тѣмъ 6 часовъ наступило, а ко мнѣ никто не явился, я послалъ вторично 12 уланъ, что ежели къ 7 часамъ требуемые люди не будутъ приведены ко мнѣ, то въ 8 не останется камня на камнѣ въ ротѣ; но уланы встрѣтили ихъ уже на дорогѣ за конвоемъ поселянъ и я отправилъ ихъ въ городъ. 18 числа былъ праздникъ въ 1-ой ротѣ и поселяне меня пришли пригласить. Въ этотъ день старшій священникъ, отецъ Лавръ, былъ имянинникъ и въ первый разъ послѣ исцѣленія разбитой руки, желалъ священнодѣйствовать. Я отправился къ обѣднѣ, гдѣ священникъ по освященіи святыхъ даровъ и по окончаніи причастной

пѣсни, отворилъ царскіе двери и вышедъ сказалъ поселянамъ, что приступая въ первый разъ послѣ 16 Іюля къ священнодѣйствію и причащенію, онъ не можетъ приступить не очистивъ себя прежде покаяніемъ и примиреніемъ совсѣми причинившими ему зло, а потому и просить ихъ простить его, ежели въ вѣденіи или неведеніи учинилъ имъ какое зло, или огорченіе. Тутъ священникъ поклонившись на всѣ стороны продолжалъ, что вмѣстѣ съ симъ не можетъ и не долженъ оставить въ сомнѣніи на счетъ ихъ заблужденія пагубнаго, заставившаго ихъ поднять руки на своихъ начальниковъ, проливъ кровь людей невинныхъ, души коихъ, предстоя конечно теперь предъ престоломъ Всевышняго, молятъ праведнаго Бога, да отпуститъ прегрѣшенія и ослѣпленія причинившимъ имъ мученія и самую смерть. Въ удостовѣреніе ваше, что вы избили и поругались надъ невинными приступаю я къ принятію тѣла и крови Господней. Возвратясь въ алтарь при отверзтыхъ царскихъ дверяхъ, сталъ пріобщаться. По окончаніи литургіи и молебна поселяне просили меня на ихъ завтракъ; я поздравилъ ихъ съ праздникомъ и священника съ днемъ ангела и отправился къ графу Орлову съ донесеніемъ; онъ мнѣ сказалъ, что теперь уже проходитъ мѣсяцъ, какъ онъ

пріѣхалъ и такъ, какъ уже извѣстны главные дѣйствователи, то онъ желалъ бы, чтобъ 20 числа они были арестованы и присланы въ Новгородъ. Исполняя приказаніе графа, я утромъ въ 5 часовъ взялъ безъ всякаго сопротивленія со стороны военныхъ поселянъ 160 человѣкъ по предварительно составленному списку я заковавъ въ кандалы по 10 человѣкъ на одинъ желѣзный прутъ отправилъ въ Новгородъ. Въ 9 часовъ я поѣхалъ самъ туда и, осмотрѣвъ на дорогѣ, какъ ихъ ведутъ, явился къ генералу Стеселю и графу Орлову, и представилъ ихъ. Достойно примѣчанія, что хотя дѣйствовали вскорости безъ лишняго разбору, изъ всѣхъ доставеленныхъ оказался только правымъ одинъ, прочіе всѣ по собственному ихъ сознанію осуждены. Правый этотъ былъ тотъ депутатъ, что по возвращеніи изъ Петербурга объявилъ мнѣ истину. Увидѣвъ его я просилъ освободить, и его освободили.

Вотъ вамъ описаніе усмиренія бунта. Результатъ моихъ дѣйствій былъ: Сохраненіе 38 человѣкъ офицеровъ обреченныхъ на смерть, поддержаніе покорности волѣ государя императора, подъ щитомъ коей я дѣйствовалъ, сохраненіе суммъ въ комитетѣ бывшихъ болѣе 150,000 р., сохраненіе пороха и оружія въ округѣ бывшаго и вообще

всей собственности гренадерскаго императора австрійскаго полка, а также и принадлежащей гг. офицерамъ. Соколовъ, Носовъ и Черницовъ произведены въ слѣдующіе чины, Перекопаевъ произведенъ въ прапорщики и дано 300 р. с. на обмундировку; маіору Кутузову вмѣстѣ съ прочими офицерами облегчено наказаніе, а Левицкій совершенно освобожденъ и отправленъ въ образцовый полкъ; арестанты нижніе чины уволены вовсе отъ суда; дѣти и вдовы убитыхъ получили полные пенсіоны; я произведенъ въ полковники, прослуживъ въ подполковничьемъ чинѣ съ 1825 года и пожаловано мнѣ единовременно 900 рублей съ вычетомъ 10 процентовъ, то есть 810 р. До сихъ поръ я описалъ вамъ, что видѣлъ, теперь объясню какъ бунтъ начался.

Былъ обычай въ округахъ военнаго поселенія, вмѣсто того, чтобъ для пожарныхъ лошадей собирать сѣно по разкладкѣ съ каждаго дома въ ротѣ, обыкновенно ротные командиры уговаривали поселянъ косить извѣстное урочище. Въ этотъ день, капитанъ 2-ой роты Заикинъ, приказалъ поселянамъ выкосить для пожарныхъ лошадей оврагъ по большой дорогѣ въ доль по ручью. Но поселяне начали упорствовать и собравшись къ нему объявили, что косить не хотять, а дадутъ сѣно

съ вѣсу. Тогда Замкинъ приказалъ имъ этотъ оврагъ косить для нихъ самихъ; поселяне хотя и спорили, но пошли и вмѣсто того, чтобъ косить, роптали на своихъ начальниковъ и разговаривали о холерѣ, объ коей получили свѣденіе отъ мужиковъ проходившихъ изъ Петербурга и отъ проѣхавшихъ солдатъ бывшихъ за пріемкой съ офицеромъ Бѣляевымъ. Роптали и на то, что приняты карантинныя мѣры и не допускаютъ ихъ имѣтъ свиданіе съ дѣтьми, служащими въ резервномъ баталіонѣ, пришедшими изъ лагеря и расположенными въ ригахъ. Около Подберезья находится и нынѣ на Московскомъ шоссе казарма нижнихъ чиновъ путей сообщенія. Въ этомъ домикѣ жилъ унтеръ-офицеръ съ своей командой и у него находилась безъ пашпорта дѣвка. Когда по случаю появленія холеры начали чаще посѣщать казармы и учредили карантины разсматривавшіе откуда проходящіе слѣдуютъ, унтеръ-офицеръ прогналъ дѣвку эту, та бросилась къ Новгороду, но остановлена была въ карантинѣ, потомъ она обратилась къ Петербургу, но и тамъ не пропустили, а потому и возвратилась въ казарму; но унтеръ-офицеръ приказалъ ей идти въ бокъ по проселочной дорогѣ, однако и тамъ она была обращена назадъ гражданскимъ карантиномъ. Она

вышедъ на шоссе возвращалась въ казарму, гдѣ встрѣтилъ ее унтеръ-офицеръ, у коего она жила, онъ былъ посланъ въ слѣдующую казарму своимъ докторомъ для доставки туда хлоровой извѣсти и сѣрной кислосты. Увидѣвъ его, дѣвка сказала, что она нигдѣ пройти не могла, и просила его, чтобъ онъ взялъ ее обратно, но тотъ ударилъ ее и сказалъ, что если она его не оставитъ то онъ ее тутъ же умертвитъ. Взявъ хлориновой извести, положилъ на камень и налилъ кислоты. Когда известь закипѣла и сталъ выходить газъ, тогда дѣвка закричала. "караулъ! травятъ?" Поселяне, бывшіе въ оврагѣ около того мѣста выскочили и, увидя исходящій паръ изъ камня, схватили ихъ, повели къ своему капитану Заикину и начали укорять его, что дѣлаетъ потворство отравителямъ, заставили его требовать къ себѣ подполковника Бутовича и чтобъ съ нимъ былъ лекарь. Заикинъ, необъяснивъ буйства поселянъ, написалъ записку къ Бутовичу, что поселяне поймали съ ядомъ отравителя и требуютъ его съ лекаремъ. Бутовичь въ то время съ Пановымъ занимался счетами; положивъ недосчитанныя деньги въ карманъ и пригласивъ штабъ-лекаря, поѣхалъ съ нимъ въ кабріолетѣ во 2-ю роту. По прибытіи туда онъ нашелъ толпу поселянъ на площади. Поселяне

бросились къ лекарю и слали его допрашивать объ ядѣ. Бутовичь вразумлялъ ихъ, что послана хлоровая известь не имъ, а лекаремъ путей сообщенія, но толпа начала его бить; Бутовичь приказалъ штабъ-капитану Забѣлину вывесть роту резервнаго баталіона изъ риги и зарядить ружья. Забѣлинъ выстроивъ роту, ружья зарядилъ и взялъ на изготовку, но вмѣсто командованія пали, Бутовичь подошелъ и началъ говорить дивизіону, вынувъ пучокъ денегъ изъ кармана — *"стрѣляйте ребята, за каждый выстрѣлъ дамъ по 100 р."* Дивизіонъ спустилъ круки на первой взводъ и ружья *поставилъ къ ногѣ.* Забѣлинъ чтобъ подать примѣръ выхватилъ у рядоваго ружье и хотѣлъ самъ выстрѣлить, но былъ стоящимъ сзади унтеръ-офицеромъ штыкомъ проколотъ въ спину и вытолкнутъ изъ фронта; дивизіонъ сдѣлалъ на лѣво кругомъ и отошелъ на нѣсколько шаговъ. Поселяне схватили Бутовича и начали бить, а дивизіонъ оставшись безъ начальниковъ разошелся, потому и съ маіоромъ Баллашомъ было только 3 роты. Въ это время я узналъ и прибылъ къ нимъ, о чемъ подробно описано выше.

Печатано въ типографіи Г. Пеца, въ Наумбургѣ.

МЕЖДУНАРОДНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Томъ II

О
ПРОИСХОЖДЕНІИ
ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I.

Paul I., emp. of Russia.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

БІОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I.

(Materialien zur Biographie des Kaisers Paul I.)

LEIPZIG:
E. L. Kasprowicz.

ЛЕЙПЦИГЪ:
Э. Л. Каспровичъ.

1874.

Короткое царствованіе Петра III внесется въ лѣтописи нашей исторіи самымъ замѣчательнымъ образомъ. Двѣ женщины Екатерина II и Екатерина Воронцова-Дашкова съ двумя Орловыми и съ нѣсколькими другими, замыслили свергнуть съ трона Петра Ѳеодоровича, и имъ удалось безъ малѣйшаго кровопролитія — чѣмъ этотъ coup d'etat и отличается отъ всѣхъ прочихъ, произведенныхъ когда нибудь во дворцахъ, гаремахъ и на площадяхъ, однакожъ не мѣшало Петру III, послѣ своего отреченія, какъ извѣстно, на восьмой день умереть. Перевезенный въ Ропшу, въ закрытой на глухо каретѣ, съ гренадерами на подножкахъ, запяткахъ и козлахъ, онъ былъ задушенъ Орловыми! Кровь все таки не была пролита! Полуграмотный Алексѣй Орловъ пишетъ записку къ Екатеринѣ. "матушка, пощади и помилуй, дуракъ нашъ вздумалъ драться, мы его и порѣшили!"

Петръ III былъ самое жалкое нѣмецкое существо, и самое жалкое существо, какое когда либо было на Россійскомъ престолѣ. Безъ малѣйшаго современнаго образованія, безъ воспитанія, пьяница, безъ всякой энергіи, слабоумный императоромъ какъ и великимъ княземъ, онъ только игралъ въ солдатики, прогонялъ сквозь строй крысъ, ихъ вѣшалъ, напередъ осудивъ военнымъ судомъ съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ казни, оставляя висѣть ее трое сутокъ. Императоръ стоялъ на часахъ, у дверей прусскаго посланника во изъявленіе своего глубокаго уваженія, къ прусскому королю Фридриху великому, котораго впрочемъ предостереженія не спасли его. Ненавидѣлъ и унижалъ безпрестанно жену свою, и иногда за большимъ столомъ, посреди своихъ Голштинцевъ ругалъ ее дурою, онъ въ тоже время продолжалъ любить дѣвицу фрейлину графиню Елисавету Воронцову, которая послѣ въ замужествѣ была за Полянскимъ, родную сестру Екатерины Воронцовой-Дашковой.

Еще при царствованіи Елисаветы, будучи веволикой княгиней, Екатерины супружеское ложе не посѣщалось милымъ другомъ, и горько объ этомъ она плакала, и Елисавета заставшая разъ ее въ слезахъ, замѣтила Екатеринѣ, что молодыя

женщины не любящія мужей, всегда объ этомъ плачутъ, а надобно было непремѣнно имѣть наслѣдника престола. Русскіе царедворцы и министры того времени не могли какъ и теперь существовать безъ повелителей. Министръ, великій канцлеръ, графъ Бестужевъ, чрезъ преданную статсъ-даму Чоглакову, приставленную съ мужемъ своимъ къ великой княгинѣ, какъ и къ великому князю, одинъ изъ первыхъ совѣтовалъ Екатеринѣ, взять къ себѣ въ любовники кого нибудь, чтобъ имѣть наслѣдника. Бестужевъ и подобные ему не видали другаго блага для Россіи, какъ въ самодержавіи, а "самодержавіе повсюду бѣдъ содѣтель", стихъ Якова Княжнина въ его напечатанной трагедіи *Вадимъ Новгородскій*, за которую онъ въ царствованіе Екатерины II въ 1791 году былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость и засѣченъ до смерти въ тайной канцеляріи, страшнымъ того времени Санктпетербургскимъ полицеймейстеромъ Шишковскимъ. Дашкова въ своихъ запискахъ, кадя безпрестанно во всемъ Екатеринѣ II, объ этомъ нисколько не упоминаетъ, какъ и объ множествѣ произшествій этого рода.

Екатеринѣ понравился прекрасный собою, молодой Сергѣй Салтыковъ, отъ котораго она и

родила мертваго ребенка, замѣненнаго въ тотъ же день родившимся въ деревнѣ Котлахъ, недалеко отъ Ораніембаума, Чухонскимъ ребенкомъ, пазваннымъ Павломъ, за что все семейство этого ребенка, самъ пасторъ съ семействомъ и нѣсколько крестьянъ, всего около 20 душъ, изъ этой деревни на другой же день, сосланы были въ Камчатку. Ради тайны деревня Котлы была снесена, и вскорѣ соха запахала и самое жилье! Въ наше время этого дѣлать почти невозможно; но не надо забывать, что это было во время слова и дѣла и ужасной пытки; а между тѣмъ сосѣдъ этой деревни Котлы, Карлъ Тизенгаузенъ, тогда еще бывшій юношей, передалъ объ этомъ произшествіи сыну своему, сосланному въ Сибирь по 14 Декабря, Василію Карловичу Тизенгаузену.

Екатерина въ своихъ запискахъ намекаетъ, что она родила Павла отъ Салтыкова. Это очень легко можетъ быть; но въ тоже время, этого ребенка, она говоритъ, родила въ ужасныхъ мукахъ, и что она не сомнѣвалась его выкинуть. Въ это же самое время, она находилась подъ вліяніемъ сильной ипохондріи, готовая плакать всякую минуту и по всякому случаю, не могши, какъ она сама говоритъ, выгнать изъ головы

мысль, что все клонилось къ удаленію Сергѣя Салтыкова, котораго она уже такъ нѣжно любила. Муки ея продолжались 22 часа, и сама императрица Елисавета находившаяся при родахъ, тотчасъ велѣла взять ребенка и нести его за собою. Кто можетъ ручаться, что спеленанной младенецъ, уже нарѣченный духовникомъ императрицы Павломъ, былъ не мертвой ребенокъ, и особенно въ спальнѣ великой княгини, занавѣшенной занавѣсками? Екатерина весь этотъ эпизодъ разсказываетъ, чтобъ ей непремѣнно повѣрили, что она родила живаго ребенка, объ крикѣ котораго она совершенно умолчала, а крикъ то и составляетъ радость матери, и что значитъ поведеніе съ Екатериною послѣ родовъ? Мучившись столько времени, всѣ ее тотчасъ оставили. Приставленная къ ней камеръ-фрау Владиславова, видя ее вспотѣвшую не смѣла ей перемѣнить бѣлья; Екатерина просила пить, ей не давали, просила переложить съ родильной постели на ея постель, тоже не смѣли сдѣлать; нѣсколько разъ приказывала позвать повивальную бабушку, и та къ ней не являлась. Наконецъ послѣ трехъ часовъ явилась графиня Шувалова, вся разряженная, вскрикнувъ, что въ такомъ положеніи какъ оставлена великая княгиня можно умереть, и что

только по уходѣ графини Шуваловой, черезъ полчаса явилась бабушка, извинявшаяся, что императрица была очень занята ребенкомъ и не отпускала ея отъ себя ни на минуту. Екатерина продолжаетъ въ своихъ запискахъ, что заливалась слезами съ той самой минуты, какъ родила. Ее особенно огорчало то, что ее совершенно бросили. Послѣ тяжелыхъ и болѣзненныхъ усилій, она оставалась рѣшительно безъ призора, между дверьми и окнами плохо въ спальнѣ затворявшимися и въ какое время — 20 Сентября? Постель ея была въ двухъ шагахъ и не имѣя силъ перейти, никто не смѣлъ перенести ее. Объ ней вовсе не думали, она умираетъ отъ жажды, проситъ пить, и никто не слышитъ ее, и какъ сама пишетъ, что въ этотъ день какъ она родила по уходѣ императрицы, великаго князя, графа и графини Шуваловыхъ, она никогда больше не видала, и никто не присылалъ навѣдываться о ея здоровьи, даже и во второй день, когда почувствовала нестерпимый ревматизмъ въ ногѣ и сильную лихорадку, никто не приходилъ къ ней, и никто не присылалъ спросить, что было съ нею.

Что же все это доказываетъ, что при искуственномъ возпроизведеніи наслѣдника русскому престолу, Екатеринѣ не удалось родить живаго

мальчика отъ Салтыкова; и какъ видно, что должны были подмѣнить изъ Чухонской деревни Котловъ, за что пустая и злая императрица Елисавета, открывшая свою досаду, обнаружила ее тѣмъ, что послѣ родовъ Екатерина, оставленная безъ всякаго призора, могла бы умереть, еслибъ не крѣпкій организмъ Екатерины все вынесшій, какъ мы видѣли изъ самаго описанія ея. Итакъ не только Павелъ произошелъ не отъ Голштинской династіи, но даже и не отъ Салтыкова. Къ Екатеринѣ только чрезъ 40 дней, когда ей должно было брать очистительную молитву, пришла Елисавета и застала ее истощенную, истомленную и слабую. Елисавета даже позволила ей сидѣть на кровати. Съ 20 Сентября Екатеринѣ позволено было видѣть своего сына въ третій разъ. Это можетъ служить доказательствомъ, что прочимъ было не позволено совсѣмъ видѣть. Надобно было прятать ега какъ Чухонца.

Изъ семейства, изъ котораго взяли будущаго наслѣдника Русскаго престола, въ сѣверо-восточной Сибири въ послѣдствіи явился братъ Павла I, по имени Афанасій Петровичь въ 1823 или 1824 годахъ, въ народѣ прозванный Павломъ, по разительному съ нимъ сходству. Онъ велъ подъ старость бродяжническую жизнь, и въ городѣ

Красноярскѣ одинъ мѣщанинъ Старцовъ былъ очень съ нимъ друженъ, и Афанасій Петровичь крестилъ у него дѣтей. Какъ то разъ Старцовъ написалъ безъименное письмо къ покойному цесаревичу Константину Павловичу, гдѣ увѣдомляетъ объ его родномъ дядѣ бродягѣ Афанасьѣ Петровичѣ, его скитальческой жизни, о необыкновенномъ сходствѣ съ покойнымъ императоромъ Павломъ I, и наконецъ всю исторію ссыкли ихъ семейства. Цесаревичь Константинъ передалъ письмо императору Александру, а тотъ графу Аракчееву, который тотъ-часъ же посылаетъ императорское повелѣніе въ Сибирь къ генералъ-губернатору Капцевичу наистрожайшее приказаніе непремѣнно отъискать по этому письму какъ писавшаго, такъ и Афанасія Петровича. Капцевичъ вытребовалъ изъ Тобольска расторопнаго полицмейстера Александра Гавриловича Алексѣевскаго, который беретъ съ собою квартальнаго изъ казаковъ г. Посѣжерскаго и еще двухъ простыхъ казаковъ, и отправляется отъискивать по восточной Сибири, въ которой народъ не очень охотно пособляетъ отъискивать кого либо скоро, а особливо политическихъ несчастныхъ...

Бѣдный полицмейстеръ Алексѣевскій не спитъ ночи. Всѣ его мысли сосредоточены, какъ бы

отъискать и получить награду, ѣздитъ изъ города въ городъ, изъ села въ село, изъ деревни въ деревню — и все безъ успѣха. Тоска овладѣла имъ, началъ видимо худѣть, наконецъ доѣхавши до Иркутска, гдѣ совершенно потерялъ слѣдъ Афанасія Петровича, обратился назадъ, и остановился въ городѣ Красноярскѣ, гдѣ ночевавши, въ одну изъ безсонныхъ ночей, въ зимнюю долгую ночь, очень рано вставъ, видитъ, что хозяйка дома затопила печь, проситъ ее поставить самоваръ и вступаетъ съ нею въ разговоръ, и между разговоромъ спрашиваетъ, нѣтъ ли у ней кого въ городѣ знакомаго, хорошо и четко пишущаго. Ему надобно писаря въ коммиссію по заготовленію провіанта. Въ это самое время Гатчинскій генералъ-губернаторъ Капцевичъ, въ видахъ экономіи, вздумалъ продовольствовать войска съ Сибири чрезъ исправниковъ и своихъ адъютантовъ, закупавшихъ хлѣбъ изъ первыхъ рукъ у самыхъ жителей, что давало случай имъ безнаказанно дѣлать всякія злоупотребленія, покупавши по баснословно-дешевой цѣнѣ, почти даромъ! Это довело крестянъ въ Сибири до того, что имъ нечѣмъ было платить государственныя подати. У крестьянина на подати продавали послѣднюю корову. Ропотъ былъ страшный. По многимъ

мѣстамъ было волненіе. Капцевича какъ неспособнаго человѣка смѣнили, при самомъ восшествіи на престолъ Николая! Полицмейстеръ Алексѣевскій могъ отвести всякое подозрѣніе тѣмъ, что отъискивалъ себѣ писаря въ коммиссію по заготовленію провіанта, за которымъ безпрестанно ѣздили исправники и адъютанты Капцевича. Хозяйка Алексѣевскаго отвѣчаетъ: какъ же батюшка, у насъ здѣсь въ городѣ есть мѣщанинъ, который оченно хорошо пишетъ; наврядъ ли онъ пойдетъ. У него есть свой домъ. — Матушка пошли за нимъ! А у самаго полицмейстера тутъ же родилось какое-то радостное предчувствіе, что можетъ быть этотъ и есть мѣщанинъ, писавшій письмо. Приходитъ мѣщанинъ, крестится иконѣ, кланяется полицмейстеру Алексѣевскому, спрашиваетъ его, что батюшка вамъ угодно? — Мнѣ, братецъ, необходимъ писарь въ коммиссію, къ заготовленію провіанта, не хотите-ли ко мнѣ въ писаря! — Куда мнѣ батюшка, не могу, не въ состояніи. Не съ кѣмъ покинуть домъ. — Но пожалуйста покажите, какъ вы пишете? — Мѣщанинъ взялъ бумагу и началъ писать. Полицмейстеръ Алексѣевскій хвалитъ письмо и скрываетъ радость, что видитъ сходство руки съ письмомъ у него имѣющимся. Проситъ продол-

жать писать, продолжая спрашивать, вы всегда однимъ этимъ почеркомъ пишете. — Всегда-съ. — А это, вынимая письмо изъ боковаго кармана, это вашею рукою писано? — Мѣщанинъ поблѣднѣлъ и упалъ на колѣни. Не погубите, ваше высокоблагородіе! — Какъ ваша фамилія? — Старцовъ. — Я тебя теперь не отпущу. Пошли домой за шубой, дорожной шапкой, за теплыми сапогами. Мы вмѣстѣ поѣдемъ отъискивать Афанасія Петровича. — Да былъ онъ у меня съ двѣ недѣли тому назадъ. — Поѣхали искать Афанасія Петровича по слѣдамъ и Богъ знаетъ сколько времени проискали бы, потому что жители не охотно отвѣчали на распросы. Наконецъ, въ одной большой деревнѣ, измученный полицмейстеръ Алексѣевскій, со своими людьми и мѣщаниномъ Старцовымъ, пріѣхалъ къ одной хорошо выстроенной большой избѣ переночевать, и Старцовъ полѣзъ грѣться на полати, какъ вдругъ входитъ самъ Афанасій Петровичь, которому съ полатей кричитъ мѣщанинъ Старцовъ: здравствуй Афанасій Петровичь, старый мой знакомецъ! при неописанной радости Тобольскаго полицмейстера Алексѣевскаго, который сначала отъ душевнаго волненія не могъ слова проговорить. Опамятавшись отъ радости, тотчасъ обращается къ Афа-

насію Петровичу и спрашиваетъ его утвердительно, что точно ли его зовутъ Афанасіемъ Петровичемъ. Впрочемъ по разительному сходству съ императоромъ Павломъ I, не позволилъ себѣ полицмейстеръ и минуты сомнѣваться. — Точно батюшка, меня зовутъ Афанасьемъ Петровичемъ, и вотъ мой хорошій пріятель мѣщанинъ Старцовъ. — Ну, такъ я васъ арестую и повезу въ Петербургъ. — Что нужды батюшка, вези къ нимъ. Я имъ дядя, только къ Костѣ, а не къ Сашѣ. — Полицмейстеръ Алексѣевскій въ туже минуту понесся въ Петербургъ. Выѣзжая изъ Томска, полицмейстеръ Алексѣевскій встрѣтилъ фельдъегеря Сигизмунда, ѣхавшаго изъ Петербурга по высочайшему повелѣнію узнать объ успѣхѣ разъискиванія. Чрезъ нѣсколько лѣтъ потомъ, когда Алексѣевскій разсказывалъ о Старцовѣ и объ Афанасіѣ Петровичѣ одному изъ Декабристовъ фонъ-Бригену, нечаянно вошелъ къ нему самъ фелдъегерь Сигизмундъ, привезшій въ Тобольскъ какого-то поляка, и подтвердившій все разсказываемое Алексѣевскимъ и между прочимъ, оба разомъ вспомнили, что они въ Петербургъ неслись какъ птицы.

Накоцъ не полицмейстеръ Алексѣевскій прискакалъ въ Петербургъ къ графу Алексѣю Ан-

дреевичу Аракчееву, который съ важной претензіей на званіе государственнаго человѣка, съ гнусливымъ выговоромъ, проговорилъ входящему полицмейстеру Алексѣевскому: спасибо братецъ, спасибо и тотчасъ же поѣзжай въ Ямскую, тамъ тебѣ назначена квартира изъ которой не смѣй отлучаться до моего востребованія, и чтобъ тебя никто не видѣлъ и не слышалъ — смотри ни гугу.

Полторы сутки прождалъ зовъ Аракчеева Алексѣевскій, какъ вдругъ прискакиваетъ за нимъ фельдъегерь. Аракчеевъ вынесъ ему Анну на шею, объявилъ слѣдующій чинъ и отъ императрицы Маріи Федоровны передалъ 5,000 рублей ассигнаціями. Сей часъ выѣзжай изъ Петербурга въ Тобольскъ. Повторяю, смотри ни гугу.

Мѣщанинъ Старцовъ и Афанасій Петровичь, какъ водится были посажены въ Петропавловскую крѣпость. Помнять многіе и особенно членъ государственнаго совѣта дѣйствительный тайный совѣтникъ Дмитрій Сергѣевичь Ланской, разсказывавшій своему племяннику Декабристу, князю Александру Ивановичу Одоевскому, что по ночамъ къ императору Александру въ это время изъ крѣпости привозили какого-то старика и потомъ опять отвозили въ крѣпость.

Мѣщанинъ Старцовъ просидѣвшій семь мѣсяцевъ въ Петропавловской крѣпости, возвращался черезъ Тобольскъ въ свой городъ Красноярскъ худой, блѣдный, изнеможенный. Онъ видѣлся въ Тобольскѣ съ полицмейстеромъ Александромъ Гавриловичемъ Алексѣевскимъ; но ничего не говорилъ, что съ нимъ было въ крѣпости, въ которой конечно въ назиданіе и въ предостереженіе на будущій разъ, не писать подобныхъ писемъ къ августѣйшимъ особамъ напели на него такой страхъ, отъ котораго онъ опомниться не могъ, не смѣя разкрыть рта; а Алексѣевскому какъ онъ самъ признавался, очень хотѣлось знать всѣ подробности его пребыванія въ крѣпости.

Состарѣвшійся придворный Свистуновъ зналъ объ рожденіи Павла I, и за это Павломъ былъ ласкаемъ и одаренъ большимъ имѣніемъ; но за какую-то свою нескромность объ этомъ, пересказанную Павлу, приказано Свистунову Павломъ жить въ своихъ деревняхъ и не смѣть оттуда выѣзжать.

Вотъ почему императоръ Павелъ I былъ злой, онъ былъ чухонецъ, а извѣстно эта раса весьма зла! Вотъ почему онъ придирался ко всему тому въ чемъ сколько нибудь его личное, мелкое самолюбіе могло быть чѣмъ нибудь затронуто, онъ

приходилъ въ бѣшенство, онъ думалъ притомъ, что всѣ знаютъ его чухонское рожденіе; а между тѣмъ рожденіе его не могло быть совсѣмъ скрыто отъ приближенныхъ Екатерины II; почему теперь и объясняется, дѣланное великому князю Павлу Петровичу неуваженіе Потемкинымъ-Таврическимъ, который въ зимнемъ дворцѣ, при проходѣ его въ амбразурѣ окна, положа ноги напротивъ стоящее кресло, не только не вставалъ, но и не отнималъ ихъ, что необыкновенно всегда бѣсило Павла Петровича.

Мелкая душа Павла I и кропотливое самолюбіе его, безъ истиннаго чувства собственнаго достоинства дѣлали его извергомъ. При проѣздѣ въ Москву на коронацію, остановившись на ночлегъ въ какой-то деревнѣ, позвавъ къ себѣ этой деревни стараго раскольника, вошедшаго къ нему въ шапкѣ, приказалъ его за это заковать въ желѣзы и сослать въ Сибирь въ каторжную работу, а деревню сжечь!!! — За написаніе стиха на Исакіевскій Соборъ что

Сей храмъ двумъ царствіямъ приличный,
Низъ мраморный, а верхъ кирпичный —

Павелъ приказалъ отрѣзать языкъ; а впослѣдствіи времени оказался что не тотъ написалъ стихи, кому отрѣзали языкъ!!!...

Найденно графомъ Ростопчинымъ въ своей подмосковской деревнѣ, письмо Павла къ его отцу, извѣстному въ 1812 году Ерострату Москвы, въ которомъ Павелъ пишетъ, что не признаетъ дѣтей своими. Нѣкоторыхъ правда могъ, но не всѣхъ!

Этимъ открытіемъ рожденія Павла отъ чухонца, также еще объясняется глубокая меланхолія, въ которою впалъ въ послѣднія два года своей жизни покойный императоръ Александръ. Можно себѣ представить какъ тягостно должно было быть для него то чувство, что онъ разъигрываетъ роль обманщика предъ цѣлой Россіей, а къ тому же опасеніе, что это очень легко можетъ открыться, потому что ничего нѣтъ тайнаго, чтобы не сдѣлалось явнымъ...

Въ 1846 году кто-то слушая исторію Афанасья Петровича, назвалъ императора Николая Карломъ Ивановичемъ. Дакъ тому же въ этотъ годъ въ Гатчинѣ самъ Николай игралъ на театрѣ роль булочника Карла Ивановича. И вотъ Карлъ Ивановичь, Карлъ Ивановичь — разнеслось по Россіи. Даже распустили слухъ, что бабка Николая живетъ въ Петербургѣ въ Галерной улицѣ. Николай бѣсился и велѣлъ отъискать назвавшаго его Карломъ Ивановичемъ. Николай хорошо зналъ на что намекали.

СОБСТВЕННОРУЧНЫЯ ПИСЬМА

ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I.

КЪ

АТАМАНУ ДОНСКАГО ВОЙСКА ГЕНЕРАЛУ ОТЪ КАВАЛЕРІИ ОРЛОВУ I.

(Списаны съ подлинниковъ).

I.

С. Петербургъ, Января 12, 1801 года.

Англичане приготовляются сдѣлать нападеніе флотомъ и войскомъ на меня и на союзниковъ моихъ Шведовъ и Датчанъ, я готовъ ихъ принять, но нужно ихъ самихъ атаковать и тамъ гдѣ ударъ имъ можетъ быть чувствительнѣе и гдѣ меньше ожидаютъ. Отъ насъ ходу до Индіи отъ Оренбурга мѣсяца три, да отъ васъ туда мѣсяцъ, и того четыре. Поручаю всю сію экспедицію вамъ и войску вашему Василій Петровичъ. Соберитесь вы съ онымъ и выступите въ походъ къ Оренбургу, откуда любою изъ трехъ дорогъ или всѣми пойдете съ артиллеріею прямо черезъ Бухарію и Хиву на рѣку Индусъ и на заведенія Англійскія на ней лежащія. Войска того края, ихъ таковаго же рода какъ и ваше, такъ имѣя артиллерію вы имѣете полный авантажъ. При-

готовьте все къ походу. Пошлите своихъ лазутчиковъ приготовить или осмотрѣть дороги, все богатство Индіи будетъ намъ наградою за сію экспедицію. Соберите войско къ заднимъ станицамъ и тогда увѣдомивъ меня, ожидайте повелѣнія идти къ Оренбургу, куда пришедъ, опять ожидайте другаго идти далѣе. Таковое предпріятіе увѣнчаетъ васъ всѣхъ словою, заслужитъ по мѣрѣ заслугъ мое особенное благоволеніе, пріобрѣтетъ богатства и торговлю и поразить непріятеля въ его сердце. Здѣсь прилагаю карты сколько у меня ихъ есть. Богъ васъ благословитъ.

Есмь вашъ благосклонный

Павелъ I.

НВ. Карты мои идутъ только до Хивы и до Амурской рѣки, а далѣе ваше уже дѣло достать свѣденія до заведеній Англійскихъ и до народовъ Индейскихъ имъ подвластныхъ.

II.

С. Петербургъ, 12 Января 12, 1801 году.

Индія, куда вы назначаетесь управляется однимъ главнымъ владѣльцемъ и многими малыми. Англичане имѣютъ у нихъ свои заведенія торговыя, пріобрѣтенныя или деньгами или

оружіемъ, то и цѣль все сіе раззорить, а угнетенныхъ владѣльцевъ освободить и землю привесть Россіи въ туже зависимость въ какой они у Англичанъ и торгъ обратить къ намъ. Сіе вамъ исполненіе поручая, пребываю вамъ благосклонный.

Павелъ.

III.

С. Петербургъ, Января 13, 1801 года.

Василій Петровичь,

Посылаю вамъ подробную и новую карту всей Индіи. Помните, что вамъ дѣло до Англичанъ только, а миръ со всѣми тѣми, кто не будетъ имъ помагать, и такъ проходя, ихъ увѣрайте о дружбѣ Россіи и идите отъ Инда на Гангесъ и тамъ на Англичанъ. Мимоходомъ утвердите Бухарію, чтобъ Китайцамъ не досталось. Въ Хивѣ высвободите столько то тысячь нашихъ плѣнныхъ подданныхъ. Естьли бы нужна была пѣхота, то пришлю въ слѣдъ за вами, а не иначе прислать будетъ можно.

Но лучше кабы вы то одни собою сдѣлали.

Вашъ благосклонный

Павелъ.

IV.

Не собственноручное.

Господинъ генералъ отъ кавалеріи Орловъ на донесеніе ваше отъ 25 Января не имѣю вам ничего инаго сказать какъ апробую вами пред ставленное.

Пребываю вамъ благосклонным

Павелъ.

Собственноручная приписка.

Возьмите сколько можно. О пѣхотѣ же бу дучи вашего мнѣнія лучше не брать.

Въ михайловскомъ замкѣ.
Февраля 21, 1801 года.

V.

михайловскій замокъ
Февраля 7, 1801 года.

При семъ посылаю вамъ маршрутъ како могъ для васъ достать, онъ дополнитъ вамъ карт и объяснитъ. Экспедиція весьма нужна и чѣм скорѣе тѣмъ вѣрнѣе и лучше.

Вашъ благосклонный

Павелъ.

Симъ маршрутомъ я вамъ вовсе рукъ н связываю однакоже.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПРИКАЗОВЪ ПО АРМІИ

ОТДАННЫХЪ ИМПЕРАТОРОМЪ ПАВЛОМЪ I.

со дня вступленія его на престолъ до 1 января 1801 года.

Составлено Современникомъ).

Правленіе императора Павла I, какъ грозный метеоръ, явилося на горизонтѣ Россіи; дѣйствія его были тѣмъ поразительнѣе, что оно слѣдовало за вѣкомъ Екатерины II, исполненнымъ кротости и благоразумія. Россія начинала уже вкушать плоды узаконеній изданныхъ сею государынею, упрочивалося просвѣщеніе, насажденное Петромъ Великимъ; постоянныя правила ея, отъ которыхъ она рѣдко устранялася, поселили повсемѣстную тишину и спокойствіе; — какъ вдругъ при преемникѣ ея владычество законовъ начало уступать мѣсто своеволію, изчезло уваженіе къ долговременной службѣ, порождающее соревнованіе; несоразмѣрныя наказанія за легкіе проступки дѣйствовали вопреки дворянской грамотѣ; люди безъ заслугъ, безъ способностей возводимы были на первыя степени почестей, и безпрестанно выходили новыя постановленія одни другимъ противорѣчившія.

Но ни въ одной отрасли государственнаго управленія перемѣны не были столь внезапны, часты и ощутительны, какъ по военной части, находившейся подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ самаго императора, и которая посему можетъ послужить лучшимъ мѣриломъ для изображенія духа его царствованія.

Хотя государь намѣренъ былъ только дать другой видъ и образованію ея, и искоренить нѣкоторыя вкравшіяся въ оное злоупотребленія; но мѣры къ сему были приняты столь крутыя, что составъ арміи въ 4 года совсѣмъ перемѣнился. Почти всѣ заслуженные генералы, большею частію, покрытые славою, были поруганы и устранены, и мѣста ихъ заняли люди ничтожные, изъ коихъ почти ни одинъ не слыхалъ непріятельскихъ выстрѣловъ.

Чтобы изобразить духъ его правленія, я составилъ выписки изъ приказовъ отданныхъ по арміи со дня вступленія на престолъ императора до 31 Декабря 1800 года.

Я выбралъ изъ нихъ тѣ, которые носятъ на себѣ отпечатокъ странности. Въ нихъ заключается лучшая характеристика сего времени, а по сему я счелъ излишнимъ присовокуплять къ нимъ пространныя замѣчанія. Руководствуясь

безпристрастіемъ, я не упустилъ изъ виду чертъ, служащихъ къ чести государя. Я помѣстилъ также приказы, которые по какой либо причинѣ показалися мнѣ любопытны и слѣдовали хронологическому порядку, къ которымъ приказы отдаваемы были.

1796 годъ

7 Ноября:

Камеръ пажъ *Нелидовъ* производится въ маіоры.

9 Ноября:

Въ подполковники.

1798 годъ.

1 Января:

Въ полковники.

21 Января:

Въ генералъ-адъютанты.

3 мая:

Въ тайные совѣтники.

Таковое скорое производство въ годъ и шесть недѣль изъ пажей въ генералы нарушало всѣ принятыя до того правила въ повышеніи чиновъ, оно было обидно старымъ служивымъ и пагубно для службы.

17 Ноября:

Нѣсколько гвардіи унтеръ-офицеровъ, за нерадѣніе и хожденіе во фракѣ разжаловываются въ солдаты безъ выслуги.

Несоразмѣрное наказаніе за шалости молодыхъ людей, едва оставившихъ родительскій домъ. Онаго даже и тѣмъ извинить нельзя, что гвардейскіе унтеръ-офицеры были при императрицѣ Екатеринѣ отмѣнно избалованы и что государь по возшествіи на престолъ намѣревался вѣроятно строгимъ примѣромъ поселить въ нихъ настоящій духъ порядка.

1 Декабря:

Генералъ *Вязмитиновъ* назначается военнымъ губернаторомъ въ Каменецъ-Подольскъ.

3 Декабря:

Въ Кіевъ.

13 Декабря:

Его же орпедѣлили комендантомъ въ С. Петербургъ.

Столь поспѣшное перемѣщеніе съ одного мѣста на другое показываетъ какъ императоръ или не дорожилъ званіемъ военнаго губернатора, въ каковомъ случаѣ надлежало ихъ уничтожить, что впослѣдствіе преемникомъ его не сдѣлано, или же оно показываетъ съ другой стороны сколь намѣренія его были неосновательны и непостоянны.

15 Декабря:

Учреждается во Дворцѣ тактическій классъ для штабъ и оберъ-офицеровъ; за онымъ надзи-

ралъ генералъ-маіоръ Аракчеевъ, а уроки преподавалъ полковникъ *Канабихъ*.

Въ семъ тактическомъ классѣ, собиравшемся въ такъ называемой бѣлой залѣ Зимнято Дворца, объясняли новый воинскій уставъ.

Императоръ ежедневно посѣщалъ оный и вызывалъ учащихся предлагать ему самому вопросы въ такихъ случаяхъ, когда слушателямъ казалось что либо не ясно; онъ любилъ, чтобы кромѣ офицеровъ приходили въ сей классъ и генералы.

Фельдмаршалъ князь Репнинъ въ угодность его рѣдко пропускалъ сіи засѣданія.

Смѣшно было видѣть полководцевъ Екатерины получавшихъ уроки въ военномъ дѣлѣ отъ гатчинскихъ офицеровъ не бывшихъ на войнѣ. Канабиху, учителю сего класса, черезъ годъ послѣ того, именно въ приказѣ 2 Февраля 1798 года, отказано отъ команды за безпорядки, а Аракчеевъ никогда не былъ военнымъ человѣкомъ.

Сверхъ того нововведенный уставъ былъ наполненъ тысячами мелочныхъ подробностей, отъ которыхъ пострадало множество заслуженныхъ генераловъ, ибо ихъ выключали изъ службы, или дѣлали имъ выговоры въ приказахъ "за незнаніе службы" то есть, за незнаніе уставовъ сего устава, что мы вскорѣ увидимъ.

1797 годъ.

1 Января:

Его императорское величество желаетъ на сей новый годъ всему войску всякаго благополучія.

Странность!

12 Января:

Спросить штабсъ-ротмистра Шувалова желаетъ ли онъ служить, ибо е. и. величество можетъ обойтись и безъ него.

Съ 15 Января по 6 Февраля, т. е. въ теченіи трехъ недѣль, какъ ниже сего значится въ четырехъ различныхъ приказахъ сдѣлана непріятность безсмертному Суворову, а наконецъ, пятымъ онъ исключенъ изъ службы.

Какое уваженіе могли требовать прочіе военные, когда съ покорителемъ Измаила и Праги поступили такимъ образомъ?

15 Января:

Выговоръ Суворову за самовольный отпускъ полковника Батурина.

25 Января:

Ему же выговоръ за присылку офицера курьеромъ безъ всякаго дѣла.

27 Января:

Суворову быть безъ команды и прибыть въ С. Петербургъ.

30 Января:

Находившихся при Суворовѣ адъютантовъ: *Тишенкова* и *Мандрину* взять прочь.

1 Февраля:

Маіоръ Лисаневичъ выключается изъ службы за *ретираду*.

Трудно понять, что это значитъ, ибо тогда Россія не вела войны ни съ одною державою.

4 Февраля:

Лисаневича принять въ службу.

5 Февраля:

Выключаются изъ службы: 5 генераловъ, 13 бригадировъ, 29 полковниковъ, 20 подполковниковъ, и 5 Маіоровъ. Не сказано за что.

26 Февраля:

Генералъ-лейтенант *фонъ деръ Паленъ*, за почести и встрѣчи дѣлаемыя *К. Зубову* при проѣздѣ его черезъ Ригу, исключенъ изъ службы.

1 Марта:

Исключены изъ службы Гр. Маіоры: Ермоловъ, Багговутъ, Дохторовъ, Коновницынъ, Ламбертъ, Сакенъ, Тормасовъ, Бенигсенъ и другіе, за незнаніе службы. Всѣ тѣ, которые въ 1812 году увѣковѣчили себя громкими дѣлами своими!

9 Сентября:

Уволены въ одинъ день: 3 полныхъ генераловъ, 3 генералъ-лейтенантовъ, 9 генералъ-

маіоровъ, 68 оберъ-офицеровъ гвардейскихъ полковъ, 90 унтеръ-офицеровъ, и одного преображенскаго полка 120 человѣкъ! не сказано за что.

1799 годъ.

3 Февраля:

Выговоръ Кутузову и фельдмаршалу графу Салтыкову, за незнаніе службы.

1800 годъ.

8 Февраля:

Умершему генералу Врангелю въ примѣръ другимъ строжайшій выговоръ.

10 Сентября:

Мичманъ *Фейшъ*, просящійся въ отпускъ въ Англію, отставленъ отъ службы.

26 Декабря:

Полковникъ *Тинковъ* выключается изъ службы вслѣдствіе рапорта его о неотысканіи имъ гарнизоннаго баталліона, коего онъ былъ назначенъ командиромъ.

26 Ноября:

Фельдмаршалъ кн. Репнинъ уволенъ отъ службы, не сказано за что.

14 Декабря:

Графъ Ферзенъ уволенъ отъ службы, за незнаніе службы.

1799 годъ.

15 Февраля:

Штабъ-ротмистръ *Бороздинъ*, сажается въ крѣ-

пость, на хлѣбъ и воду, на 6 недѣль, за хвастовство, что онъ будетъ флигель-адъютантомъ.

24 Апрѣля:

Его И. В. въ благодарность подвиговъ князя Суворова, повелѣваетъ гвардіи и всѣмъ войскамъ отдавать всѣ почести подобно особѣ царской.

25 Апрѣля:

Больной покловникъ Чоглоковъ исключается изъ списковъ какъ умершій.

27 Сентября:

Выключаются изъ службы всѣ въ плѣнъ взятые и раненые.

Ужасный примѣръ!

2 Мая:

Штабъ-капитанъ Кирпичниковъ разжаловается въ солдаты съ прогнаніемъ сквозь строй черезъ 100 человѣкъ.

Строже сего приказа не было ни одного въ царствованіе Павла. Сіе обстоятельство имѣло вліяніе на то событіе, которое прекратило его правленіе.

СМЕРТЬ ПАВЛА I.

Императоръ Павелъ I взошелъ на престолъ 6 Ноября 1799 г. Онъ былъ въ чрезвычайномъ раздраженіи противъ матери своей Екатерины II. Преданіе говоритъ, что причиною сей ненависти были фавориты Екатерины. Орловы покушались на жизнь его; Потемкинъ обращался съ нимъ съ чрезвычайнымъ презрѣніемъ и заносчивостью какъ и со всѣмъ міромъ; по его высокомѣрному характеру, Зубовъ также не умѣлъ оказать ему достаточнаго вниманія какъ наслѣднику престола. Мнѣ кажется, что коренною причиною этой ненависти было внушеніе, дѣланное Павлу при его воспитаніи. Ему натолковали съ дѣтскихъ еще лѣтъ, что Екатерина похитила престолъ, ему пр[illegible]лащій, что онъ долженъ былъ царство-ва[illegible]ъ повиноваться, а самолюбіе подсказы-ва[illegible] что онъ бы царствовалъ и распоряжался ум[illegible] Самолюбіе всегда обманываетъ людей;

но едва ли когда нибудь оно обманывало сильнѣе чѣмъ въ этомъ случаѣ. Послѣ такого критическаго и опаснаго переворота, которымъ Екатерина взошла на престолъ, слѣдовало бы взять гораздо осторожнѣйшую систему въ воспитаніи наслѣдника, т. е. слѣдовало бы воспитать его такимъ кроткимъ и покорнымъ, какимъ воспитала Екатерина внука своего Александра. Но она, кажется, не смѣла смѣнить находившихся при немъ графа Никиту Ивановича Панина и не имѣла кѣмъ замѣнить его.

Такія стѣснительныя въ этомъ отношеніи обстоятельства Екатерины проистекали изъ того, что она взошла на престолъ Россійскій насильственнымъ образомъ. Странно какъ это удалось. Два гвардейскіе офицера, братья Орловы, едва ли въ капитанскихъ чинахъ, имѣя сообщниками нѣсколькихъ своихъ товарищей, безъ всякаго соучастія вельможъ, генераловъ, сената, синода и прочихъ коллегій, императрицу, гонимую мужемъ своимъ, приводятъ на удачу къ начальнику одного гвардейскаго полка, по темной надеждѣ на его къ ней расположеніе, собираютъ три полка гвардіи, убѣждаютъ присягнуть ей, низвергаютъ и задушаютъ царствующаго императора, и такимъ образомъ въ двое сутокъ дѣ-

лаютъ совершенный въ правленіи переворотъ, которому безусловно покорилось все обширнѣйшее въ мірѣ государство безъ малѣйшаго кровопролитія; нѣтъ ни одной жертвы, кромѣ самого вѣнценосца. Единственный тогда въ Россіи фельдмаршалъ, даровитый и прославленный своими подвигами Минихъ, — Минихъ, который уже разъ самъ перемѣнилъ правительство съ одною ротою своего полка, покушается защищать императора, но тщетно. Усилія добродѣтельнаго фельдмаршала ничтожны противъ заговора двухъ развратныхъ, буйныхъ молодыхъ офицеровъ! Боже мой какое непостижимое происшествіе! Какая тайна какія обстоятельства, какія отношенія, какіе поступки были причиною такого необычайнаго успѣха? Но тогда менѣе этому удивлялись, потому что привыкли къ переворотамъ. Петръ III взойдя на престолъ съ самыми добродѣтельными побужденіями на пользу своихъ подданныхъ, слишкомъ былъ лѣнивъ и слабъ характеромъ, чтобы крѣпко держать бразды правленіи. Онъ только наслаждался сладостями стола и незаконной любовью къ Елисаветѣ Воронцовой, которая п[illegible] была за Полянскимъ. Петръ, въ жертву е[illegible]лъ принести законную, геніальную и об- [illegible]ую супругу. Екатеринѣ оставались только

два пути: или вѣчное заключеніе, или престолъ. Она избрала послѣдній. Петръ, сдѣлавъ себѣ врага опаснѣйшаго изъ своей супруги, противупоставилъ себѣ и націю, а особенно войско, безтолковымъ, мелочнымъ и обиднымъ для всѣхъ поклоненіемъ всему Прусскому. Уваженіе, питаемое имъ къ Фридриху II, дѣлаетъ честь его сердцу. Этотъ геній-герой и благодѣтель своего рода достоинъ былъ обожанія; но наружные признаки благоговѣнія должны быть такъ умно расчитаны, чтобы не оскорбляли никого, а наипаче тѣхъ людей, на которыхъ мы возлагаемъ свою защиту и съ которыми хотимъ пріобрѣсти себѣ славу. Вотъ ближайшія причины, доставившія быстрый успѣхъ Екатеринѣ. Но кромѣ того существовала, хотя и отдаленная, но столько же важная.

Петръ I, по ненависти къ сыну своему Алексѣю, котораго онъ измучилъ пытками и умертвилъ, разрушилъ порядокъ наслѣдства по первородству, утвержденный вѣками и предоставилъ царствующему государю назначать по себѣ наслѣдникомъ кого ему вздумается, безъ всякого ограниченія. Не прошло полусутокъ послѣ его кончины, какъ изъ этого указа уже сдѣлано злоупотребленіе. Исвѣстно, что Менщиковъ съ

нѣсколькими гренадерами выломалъ дверь той залы, въ которой главные государственные чиновники совѣщались объ избраніи наслѣдника, и съ обнаженною шпагою провозгласилъ императрицею Елатерину I, возникшую изъ черни и преданную ему совершенно, съ тѣхъ еще поръ, когда она была въ домѣ его служанкою. Съ легкой руки Менщикова, 75 лѣтъ продолжались перевороты, изъ которыхъ составилась пословица: кто раньше всталъ, да палку взялъ, тотъ и капралъ. Едва умеръ Петръ II, какъ Иванъ Долгорукій также съ обнаженною шпагою, взошелъ въ залу собранія и провозгласилъ сестру свою императрицею. Ему бы и удалось, если бы хотя за сутки до кончины императора она была обвѣнчана съ нимъ. Нѣсколько чиновниковъ избираютъ императрицею Анну, обходя семейство Петра I и предписываютъ ей условія. Анна Іоановна, при собраніи своего двора, не прося согласія ни сената ни народа, раздираетъ эти условія, объявляетъ себя самодержавною и предаетъ Россію на волю бывшаго своего конюха Бирона. Елисаветѣ стоило только войти во дворецъ, взявъ изъ колыбели ни[illegible]а Іоанна, отдать его въ руки грена-[illegible] объявить себя царствующею. Пере-[illegible]ствующую особу было также легко,

какъ перемѣнить министра, но перемѣнить министра было тогда труднѣе чѣмъ теперь. Надобно было внезапно и вооруженною силою захватить Менщикова и Бирона, чтобъ отнять у нихъ власть. Отъ Петра до Екатерины II въ продолженіи 39 лѣтъ, было семь переворотовъ: 1) насильственное провозглашеніе Екатерины I, 2) низверженіе Менщикова, 3) избраніе Анны партіею, самовольно составившеюся, 4) уничтоженіе принятыхъ ею условій, 5) арестъ и ссылка Бирона, 6) воцареніе Елисаветы и 7) восшествіе на престолъ Екатерины II. Вотъ еще — какъ окончался Павелъ I. Все это суть слѣдствія Петрова постановленія о наслѣдствѣ. Этотъ безумно-деспотическій законъ отдалъ Россію на произволъ интригъ и заговоровъ. Онъ, такъ сказать, кинулъ ее на драку честолюбцамъ, подобно тому какъ Римская имперія безпрестанно переходила изъ рукъ въ руки съ насильственною смертію царствующихъ, по произволу преторіанскихъ солдатъ. Въ Римѣ избрать императора, значило почти тоже самое, что осудить на смерть, а пожаловать въ префекты преторіи почти тоже, что открыть путь къ престолу. Послѣ такого рода примѣровъ, Екатерина конечно могла надѣяться, что сынъ ея не долженъ питать къ ней ожесточенной ненависти за ея

похищеніе, но все-таки слѣдовало ему внушить, что ежели бы мать его заключена была въ монастырь и потомъ, вѣроятно, лишена жизни, то императоръ Петръ III, женясь на Воронцовой, едва ли бы сдѣлалъ его наслѣдникомъ и едва ли бы призналъ его сыномъ своимъ, и что безъ сомнѣнія онъ сдѣлался бы вскорѣ жертвою своей мачихи, которая не преминула бы имѣть дѣтей, а можетъ быть, также смѣнена бы была другою. Страсти сильнѣе дѣйствуютъ на престолѣ и не въ такомъ слабомъ государѣ какъ Петръ III. Напротивъ, Павелъ былъ направленъ совсѣмъ къ противуположному. Правда, что графъ Панинъ доставилъ ему хорошее умственное образованіе, но характеръ его былъ совершенно испорченъ. Заносчивость и необузданность страстей, щедрость и мстительность въ высочайшей степени, подозрительность на каждомъ шагу и трусость при видѣ опасности, нетерпѣливость въ волѣ, словомъ сказать ожесточенные и самые неумѣренные порывы составляли весь характеръ Павла. Глубокая, закоренѣвшая ненависть ко всему тому, что [illegible] лележдено Екатериною, дѣлало порывы его ее [illegible] днѣе и опаснѣе. Взойдя на престолъ, которого [illegible] ожиданіемъ онъ истомился, съ такою раздражительною злобою онъ сталъ коверкать все, и

гражданскую и военную часть, и внѣшнія отношенія государства, а паче всего страсть къ экзерциціямъ и запальчивая взыскательность за малѣйшія ошибки во фрунтѣ, возстановили противъ него войско и все дворянство. Нѣмцы, вышедшіе изъ камеръ-лакеевъ и ремесленниковъ, и самые мелкопомѣстные дворяне, едва знавшіе грамотѣ, выслужившіеся черезъ педантскую Гатчинскую службу, стали угнетать и презирать дворянство избалованное Екатериною. Оно раздражилось, писало пасквили и карикатуры, подкладывало самому императору насмѣшливыя и ругательныя письма. Онъ въ ярости требовалъ немедленнаго отыскаиія виновныхъ; полиція, чтобы удовлетворить его изступленному нетерпѣнію, хватала по малѣйшему подозрѣнію часто невинныхъ, такъ что наконецъ вошло уже въ систему схватывать кого ни попало, лишь бы скорѣе кто зазѣвался и не снялъ шляпы, кто не успѣлъ выйти изъ экипажа, кто переѣхалъ дорогу императору, всѣхъ брали въ полицію: лошадей подъ артилерію, людей наказывали палками. Господа трепетали, въ домахъ; всѣ приходили въ волненіе, если кто нибудь изъ домашнихъ не скоро возвращался, тогда предполагали, что могутъ встрѣтить государя.

Павелъ чрезмѣренъ былъ во всемъ, и въ злобѣ и въ любви. Влюбясь къ фрейлину свою Нелидову и встрѣтя упорное сопротивленіе, онъ предлагалъ ей умертвить свою жену. Нелидова объявила о томъ Маріи Ѳедоровнѣ, которая до самой кончины своей сохранила къ Нелидовой самую нѣжную дружбу и бладодарность. Нелидова, для большей безопасности, отъ его преслѣдованій, поселилась въ Смольномъ монастырѣ. Однажды Павелъ, находясь тамъ съ фамиліею своею на дѣтскомъ балѣ, вдругъ изъ танцовальной залы пошелъ по корридорамъ монастыря. Экономъ этого заведенія, графъ Кутайсовъ и еще кто то третій послѣдовали за нимъ. Онъ скорыми шагами прошелъ въ комнаты Нелидовой, отдернулъ занавѣсь ея кровати и съ восторгомъ восклицая: "это храмъ добродѣтели, это храмъ непорочности, это единственная божественная женщина, она божество въ образѣ человѣческомъ" — сталъ на колѣни, нѣсколько разъ поцѣловалъ постель и потомъ отправился назадъ. Нелидова все это время находилась въ танцовальной залѣ при императрицѣ. М[illegible]вилъ это одинъ изъ трехъ очевидцевъ. В[illegible]стно какъ страстно обожалъ Павелъ А[illegible]ровну Лопухиину, впослѣдствіи княгиню Г[illegible] Гренадерскія шапки, знамена, флаги

кораблей и самые корабли украшены были именемъ *благодати*, потому что Анна по гречески значитъ благодать. Сколько было жертвъ его ревности и сколько милостей къ ея родству.

Павелъ ежедневно выходилъ на свои вахтпарады и друвія экзерциціи и очень часто былъ ими недоволенъ, такъ что по нѣскольку офицеровъ вдругъ были тяжело штрафованы. Ихъ тутъ же хватали изъ фронта, сажали въ кибитки и отвозили въ Сибирь, въ дальніе гарнизоны, въ крѣпости, или разжаловали въ солдаты. Сихъ послѣднихъ тутъ же передъ фронтомъ передѣвали въ солдатскіе мундиры, срывая съ нихъ офицерскіе признаки и разрывая платье. Императоръ иногда самъ наносилъ имъ по нѣскольку ударовъ палкою. Будучи недоволенъ успѣхомъ въ этихъ любимыхъ своихъ экзерциціяхъ, въ которыхъ онъ все переиначилъ и требовалъ съ нетерпѣливостью быстроты и точности, къ чему, правду сказать, и трудно довести было неповоротливую Екатериненскую гвардію, императоръ вообразилъ, что недовольно для того учить солдатъ и офицеровъ и учредилъ во дворцѣ тактическій классъ, гдѣ какому-то школьнику изъ фехтовальныхъ учителей приказалъ читать лекцій для всѣхъ старыхъ и заслуженныхъ генераловъ.

Самъ Суворовъ принужденъ былъ слушать эти уроки. Это не столько раздражало Суворова, который отшучивался очень остро, сколько всю націю. Она гордилась своими побѣдами при Екатеринѣ и геніемъ своихъ генераловъ, а наипаче Суворова. Нація негодовала на эти педантства, а императоръ сдѣлался смѣшнымъ. Все это и могло бы кончиться насмѣшками, еслибы не было ссылокъ, заточеній въ крѣпости и казематы, наказаній кнутомъ, рванья ноздрей, отрѣзыванія языковъ и ушей и прочихъ немаловажныхъ истязаній. Въ извиненіе этого говорятъ, что самаго Павла раздражали необыкновеннымъ образомъ. Но кто подавалъ къ тому поводъ? И какъ можно унять цѣлую націю, которая видитъ себя управляемою съ жестокосердіемъ, педантствомъ и безразсудствомъ. Возстановляя противъ себя дворянство и войска, Павелъ находился еще въ заблужденіи будто привязываетъ къ себѣ чернь тѣмъ, что онъ далъ свободу расколамъ и запретилъ помѣщичьихъ крестьянъ держать на барщинѣ болѣе трехъ дней въ недѣлю. Но вмѣстѣ с[illegible]ь онъ раздавалъ свободныхъ крестьянъ въ к[illegible]тное владѣніе своимъ приверженцамъ и Г[illegible]кимъ выслуживцамъ, и при случавшихся о[illegible] возмущеніяхъ повелѣвалъ не рѣдко на-

казывать кнутомъ. И такъ, изъ всѣхъ сословій развѣ только одно духовенство, не имѣло противу него негодованія. Такимъ образомъ стонала Россія болѣе четырехъ лѣтъ. Всѣ ежеминутно были въ трепетѣ и въ волненіи; но при всемъ томъ никто и не поминалъ о возмущеніи. Въ такомъ обширномъ и малонаселенномъ государствѣ какъ Россія, возстаніе въ провинціяхъ невозможно, а въ столицахъ все было разсѣяно и раздѣлено. Екатериненскіе вельможи, были разосланы по деревнямъ, государственныя мѣста были заняты людьми самыми ничтожными и необразованными, и Россія терпѣла бы еще долгое время это ужасное ярмо, не смѣя и желать прекращенія онаго, если бы императоръ былъ благорозумнѣе или хотя осторожнѣе во внѣшнихъ сношеніяхъ съ другими державами. Онъ поссорился съ многими и хотѣлъ 5 или 6 государствамъ вдругъ объявить войну, а паче всѣхъ онъ раздражилъ Англію до такой степени, что она-то ему и нанесла ударъ смерти. Посломъ этой державы при дворѣ Петербургскомъ былъ г. Ватвортъ. Не знаю изъ Англіи ли ему сообщена мысль объ убійствѣ императора Павла, или она родилась въ Петербургскомъ ему пріязненномъ обществѣ и подкрѣплена изъ Лондона многими денежными пособіями по-

его сообщенію, но знаю что первый заговоръ о томъ сдѣланъ между нимъ и Ольгою Александровной Жеребцовой, сестрою Зубовыхъ, съ которой онъ имѣлъ любовную связь. Она рѣшилась, посовѣтовавшись объ этомъ съ графомъ Никитою Петровичемъ Панинымъ, который жилъ тогда удаленный въ деревню. Весьма любопытно знать кто такой этотъ Панинъ? Никита Ивановичъ Панинъ, воспитатель Павла, не имѣлъ дѣтей, почему для совмѣстнаго ученія съ своимъ царскимъ воспитанникомъ, взялъ роднаго своего племянника Никиту, сына извѣстнаго генерала Петра Иван. Панина.

Екатерина до излишества ласкала обоихъ этихъ братьевъ Паниныхъ, а они гордо вели себя противъ нея. Не удивительно: она частію имъ обязана была престоломъ и жизнію. Никита Петровичъ, возрастая вмѣстѣ съ Павломъ и часто отнимая у него игрушки, думалъ продолжить ту же короткость и сахранить ту же силу во всемъ противъ царствующаго императора. Павелъ былъ очень великодушенъ, открытъ и благороденъ; онъ помнилъ прежнія связи, желалъ имѣть друзей и хотѣлъ любить правду, но не умѣлъ выдерживать этой роли. Должно признаться, она чрезвычайно трудна. Почти всегда, подъ видомъ

правды говорятъ царямъ рѣзкую ложь, потому что она какимъ нибудь косвеннымъ образомъ выгодна тому кто ее сказалъ. Павелъ товарища дѣтства своего сдѣлалъ вице-канцлеромъ и обращался съ нимъ по прежнему. Но какъ Павелъ былъ раздражителенъ, а графъ Панинъ неотмѣненъ и самонадѣянъ, то между ними выходили вспышки. Однажды императоръ, раздраженный чѣмъ-то, бѣжалъ отъ него скорыми шагами вдоль всего дворца въ эрмитажъ. Панинъ шелъ за нимъ. Кажется лучше было бы оставить раздраженнаго царя нѣсколько успокоиться. Остановясь противъ Генриха IV, императоръ воскликнулъ: "Вотъ счастливый государь! онъ имѣлъ друга въ такомъ великомъ министрѣ каковъ Сюлли, а у меня его нѣтъ." Графъ Панинъ въ эту почтенную минуту не оставилъ въ покоѣ государя. Онъ, стоя въ отдаленіи, отвѣчалъ: "Будь ты Генрихомъ, будутъ и Сюлли!" Не знаю за это ли, или за другую какую нибудь настойчивость и дерзость Павелъ сослалъ своего канцлера въ деревню. Эта-то ссылка была причиною такого ужаснаго озлобленія Панина противъ своего государя, что когда Ватвортъ и Жеребцова задумали отъискать цареубійцъ, то обратились къ нему первому за совѣтомъ. Съ этимъ

посланіемъ отправленъ былъ отъ нихъ къ Панину г. Рибасъ, извѣстный хитрецъ, бродяга и факторъ италіянскій, котораго происхожденіе есть слѣдующее.

Императрица Елисавета Петровна имѣла незаконнную дочь, которую не знаю почему, называла княжною Таракановою. Эта несчастная дѣвушка съ посредственнымъ состояніемъ, даннымъ ей отъ матери, поселилась въ Италіи. Когда Екатерина такъ незаконно взошла на престолъ, то разумѣется были люди противъ нея вопіющіе. Эти неудовольствія достигли слуха Таракановой и она имѣла безразсудство иногда высказывать, что скорѣе бы ей принадлежалъ престолъ Россійскій, чѣмъ принцессѣ Ангалть-Цербской. По отдаленности мѣста, по недостатку дарованій и по бѣдности средствъ этой княжны Таракановой, кажется не стоило бы труда обращать на нее вниманіе. Однако же обратили. Екатерина поручила брату фаворита своего Алексѣю Орлову, котораго богатырская рука удавила императора Петра III въ Ропшѣ въ 1762 г., похитить изъ Италіи эту бѣдную княжну, когда онъ возвращался побѣдителемъ съ Чесменскаго боя. Алексѣй Орловъ нашелъ себѣ въ Италіи фактора, который на подобіе польскихъ жидовъ,

сводничаетъ дѣвокъ, шпіонитъ, а иногда, когда уменъ, употребляется и на государственныя тайныя дѣла и пронырства. Этотъ-то факторъ былъ Рибасъ. Онъ вмѣстѣ съ Орловымъ заманили княжну Тараканову на корабль и изнасильничали ее, привезли въ Петербургъ и заключили въ казаматъ Петропавловской крѣпости, гдѣ она въ наводненіе 1777 г. утонула.

Рибасъ имѣлъ необыкновенныя способности и пронырства, почему былъ рекомендованъ императрицѣ, которая поручила ему воспитаніе гр. Бобринскаго сына своего. Онъ впослѣдствіи женился на Бецкой, былъ полнымъ адмираломъ, нажилъ большее состояніе, но не пересталъ факторить. Говорятъ, что Рибасъ привезъ отъ Панина планъ заговора, по которому и дѣйствовали, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ предположеніяхъ.

Вѣроятно этотъ планъ состоялъ въ указаніи лицъ, на которыхъ можно было положиться. И вотъ приступили къ дѣлу.

Нужно было вызвать ко двору Зубовыхъ; обратились къ Кутайсову, первому фавориту и прислужнику императора, возникшему изъ камердинеровъ. Простыя убѣжденія были не сильны; надобно было какъ говорится, задѣть заживое. Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ напи-

салъ письмо къ Кутайсову, которымъ просилъ руки его дочери. Сестра его дала почувствовать, что тогда только бракъ можетъ состояться, когда князь будетъ вызванъ въ Петербургъ и получить назначеніе, приличное своему чину, равномѣрно и братья его Николай и Валеріанъ. Обуяла радость графа Кутайсова. Онъ никакъ не воображалъ, что государственные люди готовы на всѣ преступленія. Ему титла, богатства, чины, ордена и почести достались за хорошое чищенье сапоговъ и стоили только мелкихъ, почти невинныхъ хитростей противъ царя, а кто долго тащился по этому скользкому пути, тотъ знаетъ, что эти награды часто стоятъ и чести, и совѣсти, и самаго спасенія души. Онъ никакъ не умѣлъ догадаться, что это игра на жизнь и на смерть и что это письмо поставлено "va banque."

Павелъ былъ въ такомъ предубѣжденіи и негодованіи противъ Зубовыхъ, что не легко было исходатайствовать ихъ возвращеніе. Сказываютъ, будто бы Кутайсовъ признался императору въ своемъ малодушномъ желаніи сродниться съ такою знатною фамиліею и показалъ ему письмо кн. Зубова. Какъ бы то ни было, только Зубовы возвращены. Платонъ и Валеріанъ были назначены шефами кадетскихъ корпусовъ, а Ни-

колай оберъ-шталмейстеромъ. Павелъ ласкаво и съ открытою душою встрѣтилъ ихъ въ дворцѣ и сказалъ: "Платонъ Александровичъ, забудемъ прошедшее!" Послѣ такого пріема, не понимаю чего хотѣли эти люди. Неужели они рисковали собою изъ искренняго состраданія къ бѣдамъ отечества? Не вѣрю такой добродѣтели въ душахъ придворныхъ.

Надобно полагать, что Зубовы пріобрѣли нѣкоторое вліяніе на императора посредствомъ Кутайсова или посредствомъ своей притворной преданности. Стали обращать вниманіе государя на полицію, такъ чтобы онъ былъ недоволенъ ею, и потомъ присовѣтовали ему сдѣлать военнымъ губернаторомъ въ Петербургѣ графа фон-дер-Палена, находившагося тогда въ отставкѣ. Я самъ слышалъ изустно отъ графа Петра Алексѣевича, что когда былъ присланъ отъ Павла къ нему курьеръ съ приглашеніемъ вступить въ службу военнымъ-губернаторомъ Петербурга, то первое его движеніе было отказаться отъ этого; но вмѣстѣ съ тѣмъ, сказалъ онъ мнѣ, пріятели мои увѣдомляли меня, что это нужно, то я и рѣшился принять приглашеніе. Не знаю кто были эти пріятели, но полагаю, что выборъ этого лица былъ сдѣланъ по указанію Панина. Ф. д. Па-

ленъ, вступя въ должность военнаго-губернатора, дѣйствовалъ самымъ искуснѣйшимъ образомъ: онъ вооружилъ противъ царя и войско и жителей. Между тѣмъ у Зубовыхъ собирались маленькія вечеринки и они высматривали кого избрать въ свои товарищи для послѣдняго рукопашнаго дѣйствія. Къ сему нужны были военные и преимущественно начальники частей. Вѣроятно и женщины содѣйствовали этому дѣлу. Сюда привлечены были генералъ Бенигсенъ и Уваровъ, командиръ кавалергардскаго полка, который послѣ женатъ былъ на бойкой и разгульной вдовѣ Валеріана Зубова, начальникъ конно-гвардейской артиллеріи — полковникъ кн. Владиміръ Яшвель, артиллерійскій штаб-офицеръ — Татариновъ, и нѣкоторая молодежъ, какъ-то Николай Бибиковъ, Евсей Тордоновъ адъютантъ Уварова, Сергѣй Маринъ, Аргамаковъ. Два послѣдніе по вліянію начальника ихъ генерала Талызина. Обращая вниманіе на командующихъ полками гвардіи, заговорщики были довольно затруднены. Кологривовъ, начальникъ Лейбъ-гусарскаго и Милютовъ Измайловскаго полка были преданы императору, и имъ много облагодѣтельствованы; Леонтій Депрерадовичъ былъ человѣкъ сомнительный; однакоже и съ него взяли слово

къ согласію. Талызинъ, командиръ Преображенскаго полка былъ единственною надежною подпорою заговорщиковъ и вѣроятно былъ умышленно рекомендованъ императору на это мѣсто съ тою цѣлію и указанъ графомъ Панинымъ. Однажды поздно вечеромъ, Талызинъ, возвратясь домой, находитъ въ своемъ кабинетѣ на столѣ запечатанное письмо. Распечатываетъ, — оно отъ графа Панина, который проситъ его содѣйствовать ф. д. Палену въ заговорѣ противъ императора, говоря что онъ уже рекомендовалъ его какъ надежнаго и вѣрнаго человѣка военному Губернатору. Талызинъ истребилъ письмо и ждалъ послѣдствій. Ф. д. Паленъ, увидя его во дворцѣ, спрашивалъ при всѣхъ — получилъ ли онъ письмо отъ графа Панина, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, просилъ его къ себѣ въ 6 часовъ на совѣщаніе. Тутъ они познакомились и условились. Вотъ какъ дѣлаютъ опытные заговорщики. Въ такомъ положеніи заговоръ находился до конца 1800 года. Слухи о немъ проникали во всѣ кружки Петербургскаго общества. Число сообщниковъ умножилось, время текло, а заговорщики медлили. Чего еще поджидали — неизвѣстно. Вѣроятно опасность предпріятія поколебала ихъ души. Но между тѣмъ импера-

торъ самъ ускорялъ исполненіе ихъ замысловъ: онъ день отъ дня становился запальчивѣе и безразсуднѣе въ своихъ взысканіяхъ, не примѣчая того, что его умышленно раздражаютъ, дабы произвести болѣе недовольныхъ. Наконецъ заговоръ сдѣлался до такой степени извѣстнымъ, что и самъ Павелъ узналъ объ немъ. Въ распаленіи гнѣва своего, надѣлавъ множество непріятностей на вахтпарадѣ, онъ призываетъ къ себѣ военнаго-губернатора ф. д. Палена и говоритъ: знаете ли вы сударь, что было въ 62 году?" — Знаю государь, отвѣчалъ Паленъ. — "А знаете ли что теперь дѣлается?" — Знаю. — "А что же вы сударь, ничего не предпринимаете по званію вашему военнаго-губернатора? и знаете ли кто противъ меня въ заговорѣ?" — Знаю ваше величество! вотъ списокъ заговорщиковъ и я самъ въ числѣ ихъ. — "Какъ сударь?" — Иначе какъ могъ бы я узнать ихъ всѣхъ и всѣ ихъ замыслы? Я умышленно вступилъ въ число заговорщиковъ, чтобы подробнѣе узнать всѣ ихъ намѣренія. — "Сей часъ, сударь, схватить ихъ всѣхъ, заковать въ цѣпи, посадить въ крѣпость, въ казаматы; разослать въ Сибирь, на каторгу, въ рудокопни!" — возопилъ императоръ, расхаживая скорыми шагами по комнатѣ. — Ваше

величество, возразилъ Паленъ. Извольте прочесть списокъ! тутъ ваша супруга, оба сына, обѣ невѣстки. Какъ можно ихъ взать безъ особеннаго повелѣнія вашего? Взять все семейство вашего величества подъ стражу и въ заключеніе, безъ явныхъ уликъ и доказательствъ, столь опасно и ненадежно, что можно взволновать всю Россію и не имѣть еще чрезъ то вѣрнаго средства спасти особу вашего величества. Я прошу васъ, государь, ввѣриться мнѣ, дать мнѣ своеручный указъ, по которому бы я могъ все то исполнять что вы приказываете, но исполнять тогда, когда на это будетъ удобное время, т. е., когда я уличу въ злоумышленіяхъ кого нибудь изъ фамиліи вашей, а остальныхъ заговорщиковъ тогда уже схвачу безъ затрудненія." Павелъ дался въ этотъ обманъ и написалъ указъ, повелѣвающій императрицу и обѣихъ вел. княгинь развести по монастырямъ, а наслѣдника престола и брата его Константина заключить въ крѣпость, а прочимъ же заговорщикамъ произвести жесточайшее наказаніе. Паленъ съ этимъ указомъ отправился къ наслѣднику, и съ помощію нѣкоторыхъ приближенныхъ къ нему лицъ исторгнулъ у него согласіе низвергнуть съ престола отца его.

Раздраженіе Павла возрастало каждый день

болѣе и болѣе. За два или за три дня до своей кончины, онъ многимъ державамъ велѣлъ объявить войну. Курьеры въ этотъ день были задержаны, и это еще болѣе ускорило его смерть и еще болѣе склонило наслѣдника на предложеніе заговорщиковъ. Однакоже онъ упорно настаивалъ, чтобы не лишать отца жизни. Хотя это ему обѣщали, но онъ долженъ былъ предвидѣть что дѣло было невозможно — лишить самодержавнаго государя престола, оставивъ ему жизнь.

Коль скоро Павелъ не умѣлъ обуздывать сердца своего до такой степени, что даже увлекался въ гнѣвѣ противъ равносильныхъ ему иностранныхъ державъ, то уже разумѣется, что противу подданныхъ своихъ негодованіе его доходило до величайшаго изступленія. Послѣ извѣстія о заговорѣ и послѣ того какъ онъ злобился и подозрительнымъ окомъ смотрѣлъ и на жену и на дѣтей своихъ, разумѣется что заговорщики не могли его оставить въ такомъ сомнительномъ и опасномъ для обѣихъ сторонъ положеніи. Надобно полагать, что выше приведенный его разговоръ съ гр. Паленымъ былъ не ранѣе какъ 10 или 11 Марта поутру, а вѣроятнѣе что 11. Въ этотъ день императоръ былъ очень гнѣвенъ на своемъ вахтпарадѣ или разводѣ,

однакоже не сдѣлалъ никого несчастнымъ. Вѣроятно уже страхъ удерживалъ его нѣсколько. Послѣ развода военный губернаторъ приказалъ всѣмъ офицерамъ гвардіи собраться въ его квартиру. Прямо изъ экзерциргауза офицеры отправились въ нему и ждали болѣе часа.

Ф. д. Паленъ все былъ во дворцѣ. Онъ, пройдя домой особымъ подъѣздомъ, немедленно вышелъ къ собравшимся, и съ мрачнымъ, разстроеннымъ лицемъ, довольно грознымъ голосомъ сказалъ имъ: "Господа! государь приказалъ объявить вамъ, что онъ службою вашею чрезвычайно недоволенъ, что онъ ежедневно и на каждомъ шагу примѣчаетъ ваше нерадѣніе, лѣность, невниманіе къ его приказаніямъ и вообще небреженіе въ исполненіи вашей должности, такъ что ежели онъ и впредь будетъ замѣчать то же, то онъ приказалъ вамъ сказать, что онъ разошлетъ васъ всѣхъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ и костей вашихъ не отыщутъ. Извольте ѣхать по домамъ и стараться вести себя лучше." Всѣ разъѣхались съ горестными лицами и съ уныніемъ въ сердцѣ. Всякій желалъ перемѣны. И вотъ что случилось того же дня въ Семеновскомъ полку: командиръ его генералъ-маіоръ Депрерадовичъ одному изъ баталліонныхъ адъютантовъ молодому

рапорщику лѣтъ 16 или 17 приказалъ явиться ъ себѣ послѣ раздова. Тотъ отъ воен.-губерна-ора пріѣжаетъ къ нему. "У тебя есть карета?" прашиваетъ начальникъ. — Есть, в. п-во. — Гдѣ ты сегодня обѣдаешь?" — У тетки моей акой-то. — "Ты не отпустишь ли карету до-ой или куда въ другое мѣсто?" Нѣтъ в. п-во; впрочемъ какъ прикажете. — "Нѣтъ этого не обно, тѣмъ лучше. Пойди сей часъ къ каз-чею и принеси отъ него ящикъ съ патронами; ъ такой величины, что положится въ карету, дъ мѣсто сидѣнья. Возьми эти патроны и ожи ихъ осторожно, храни цѣлый день. Да отри же, не отпускай карету никуда, а вече-ъ въ 9 часовъ пріѣзжай ко мнѣ въ той же ретѣ и съ патронами." — Молодой человѣкъ вѣчалъ — "Слушаю-съ" — и самъ стоялъ къ остолбенѣлый и смотрѣлъ генералу своему глаза. "Ну больше ничего, ступай! сказалъ прерадовичъ и будь скроменъ: у насъ сегодня детъ новый императоръ." Юноша отправился радостью въ сердцѣ и былъ увѣренъ, что всѣ о товарищи встрѣтятъ эту новость съ восхи-ніемъ. Но онъ умѣлъ соблюсти тайну, не ть ее проникнуть ни даже своимъ кузинамъ. ъ товарищами своими онъ въ тотъ день не ви-

дался. Въ 9 часовъ вечера адъютантъ пріѣзжаетъ къ своему генералу и тотъ ему говоритъ. "Поди на полковой дворъ; тамъ собранъ баталліонъ въ строю; обойди по шеренгамъ и раздай патроны самъ каждому солдату въ руки по свертку, какъ они приготовлены." Адъютантъ исполнилъ это приказаніе и послѣ того, часа полтора или болѣе спустя, пришелъ Депрерадовичъ, и обойдя по шерегамъ, сталъ по серединѣ, и самымъ тихимъ голосомъ скомандовалъ. "Смирно! Заряжай ружья съ патронами!" Во время заряжанья ихъ безпрестанно повторялъ "тише, какъ можно тише." — Наконецъ, довольно медля, спросилъ: "Все ли готово?" и потомъ, также весьма тихо скомандовалъ: "По отдѣленіямъ. на право, маршъ." Господа офицеры, тише нежели въ полголоса скомандовали "стой," а генералъ также "маршъ" — путь свой направили къ Михайловскому замку, идя сколь возможно медленнѣе безъ всякаго шума и розговоровъ. Офицеры соблюдали молчаніе и рядовымъ приказывали то же.

Въ Преображенскомъ подку дѣлались такія же приготовленія, но не такъ медленно. Не смотря однакоже на большую гласность заговора, немногіе гвардейскіе офицеры приглашены были къ

содѣйствію. Преображенскій баталліонъ выведенъ былъ только съ 6 офицерами. Въ Семеновскомъ было около того же числа, и изъ тѣхъ нѣкоторые приглашены были почти въ самую минуту дѣйствія. Мнѣ извѣстно, что къ одному Преображенскому офицеру, который жилъ у своего родственника, пріѣхалъ полковой адъютантъ Аргамаковъ съ другими офицерами около 11 часовъ вечера и, остановясь у подъѣзда, послали звать его къ себѣ въ карету. Офицеръ былъ въ халатѣ и туфляхъ; онъ такъ и пошелъ къ нимъ. Хозяинъ квартиры поручилъ ему звать гостей сихъ убѣдительно въ комнату, но по прошествіи получаса, узналъ что они родственника его увезли съ собою и что въ карету къ нему подали всю фрунтовую одежду и все вооруженіе офицерское. Хозяинъ зналъ о заговорѣ; но такъ какъ разговоры объ этомъ прислушались, въ досадѣ что пріятели не взошли къ нему, не обратилъ на это ни малѣйшаго вниманія, такъ что безъ размышленія легъ спать и поутру разбуженъ былъ уже поздравленіями съ новымъ царемъ. Въ подпору заговорщикамъ не было другой вооруженной силы какъ баталліонъ Преображенскаго полка. Въ Измайловскомъ полку довольствовались тѣмъ, что послали нѣкоторыхъ

офицеровъ напоить пьянѣе обыкновеннаго командира онаго генералъ-лейтенанта Милютина. И этотъ противъ своего благодѣтеля!

Командиръ лейбъ-гусарскаго полка Кологривовъ тоже любилъ подгулять, а такъ какъ онъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ былъ подъ гнѣвомъ государя, то ф. д. Паленъ послалъ именемъ императора его арестовать, почему онъ не смѣлъ выѣхать изъ дому, ничего не зналъ и также прогулялъ съ пріятелями. Опаснѣйшій для заговорщиковъ изъ всѣхъ приверженцевъ государя, графъ Аракчеевъ, былъ также въ немилости и въ отставкѣ въ своемъ Грузинѣ. Павелъ, узнавъ уже о заговорѣ, и можетъ быть несовершенно довѣряя Палену, послалъ къ нему приказаніе пріѣхать. Его ожидали въ Петербургъ въ туже ночь съ 11 на 12 Марта. Вѣроятно, что это самое обстоятельство заставило эту самую ночь избрать для исполненія заговора, дабы упредить пріѣздъ Аракчеева. Военный губернаторъ приказалъ на заставѣ не впускать графа Аракчеева въ городъ, а задержавъ, прислать спросить о въѣздѣ его, объявя что это по волѣ императора.

Такимъ образомъ отстранены были всѣ тѣ, которыхъ они могли опасаться, кромѣ Кутайсова,

оторый ничего не понималъ. Но всего удивительнѣе какими доводами графъ Паленъ могъ убѣдить государя перемѣнить караулъ въ Михайловскомъ замкѣ. Поутру съ разводомъ, занялъ тѣ посты Семеновскій полкъ, передъ сумерками поставили Преображенскій, а во внутренній караулъ одного изъ заговорщиковъ поручика Мартина. Иные увѣряютъ, будто бы Паленъ успѣлъ въ томъ, положивъ сомнѣнье государя на вѣрность начальника онаго Депрерадовича. Это невѣроятно, ибо въ такомъ случаѣ надобно было сказать Павлу, что возмущеніе въ туже ночь должно вспыхнуть; но непримѣтно, чтобы Павелъ сколько нибудь къ тому приготовился.

Наконецъ около 11 часовъ вечера (11 Марта 1800 г.) заговорщики собрались въ квартиру генералъ-лейтенанта Талызина, что въ лейбъ-гвардейскомъ корпусѣ, т. е. въ пристройкѣ Зимняго Дворца, гдѣ всегда квартировалъ 1 баталіонъ Преображенскаго полка. По мнѣнію многихъ, тутъ издержано большое количество шампанскаго; но родной братъ одного изъ заговорщиковъ, увѣрялъ меня твердо, что выпито было только по одному бокалу, и то уже по пріѣздѣ ф. д. Палена. Я полагаю средину между этими двумя крайностями. Около часа дожидали военнаго губер-

натора, въ половинѣ 12 онъ пріѣхалъ. Всѣ вышли въ залу его встрѣчать. Онъ, не снимая шляпы, спросилъ: "Все ли готово?" — Все, отвѣчали ему, — "Ну хозяинъ, при этомъ случаѣ надобно шампанскаго!" — Ф. д. Паленъ, выпивая первый, сказалъ твердымъ, но скромнымъ голосомъ: "Поздравляю васъ съ новымъ государемъ! — Покуда господа, вамъ надобно раздѣлиться — нѣкоторые пойдутъ со мною, другіе съ княземъ Платономъ Александровичемъ. Раздѣляйтесь!...' Никто не трогался съ мѣста. "А, понимаю, сказалъ Паленъ" — и сталъ разстановливать безъ разбора по очереди, одного на право, другого на лѣво, кромѣ генераловъ. Потомъ, обратясь къ Зубову, сказалъ: "Вотъ эти господа пойдутъ съ вами, а прочіе со мною; мы и пойдемъ разными комнатами. Идемъ!" Всѣ отправились въ Михайловскій замокъ. И Преображенскій баталіонъ пошелъ туда же скорымъ шагомъ. Впущены были они въ замокъ безъ всякаго затрудненія, и подъемный мостъ передъ ними опустился. Обѣ партіи скоро соединились, но самъ ф. д. Паленъ пошелъ въ комнаты императрицы и, разбудя штатсъ-даму, которая всегда спала передъ спальнею императрицы, сѣлъ въ ногахъ ея кровати и сталъ разсказывать что дѣлается въ

зовкі и какъ бы предупредить о томъ императрицу, дабы не произошло какой нибудь внезапной суматохи. Между тѣмъ заговорщики были уже близъ окончанія своего дѣла. Они, когда проходили внутренніе караулы, то караулъ для почести генераламъ, стоялъ передъ нимъ въ ружье, и когда прошли они далѣе, то Маринъ держалъ весь караулъ подъ ружьемъ, дабы сильнѣе содержать его въ повиновеніи, такъ что уже солдаты услышали крики и шумъ и стали роптать. Маринъ, послѣ многихъ повтореній "стоять смирно!" прибѣгнулъ къ другому средству, сказавъ: "Старые Екатерининскіе гвардейцы впередъ!" и, когда они выступили, то онъ присовокупилъ: "ежели эти негодяи гатчинскіе пикнутъ хоть слово, то въ штыки ихъ ребята!" Безъ сомнѣнія караулъ былъ подобранъ такъ, что большее число было не гатчинскихъ.

Когда заговорщики прошли къ спальнѣ императора, то у дверей оной нашли спящаго гусара. Онъ вскочилъ и возгласилъ: "Не извольте входить, императоръ почиваетъ!" Его хотѣли оттолкнуть, но онъ сопротивлялся. Николай или Валеріанъ нанесъ ему ударъ саблею такъ, что перерубилъ руку. Павелъ, услыша шумъ, вскочилъ съ кровати, но въ испугѣ не нашелъ двери,

которая вела на потаенную лѣстницу и спрятался въ каминъ, заслоненный экраномъ. Заговорщики войдя, тщетно искали его нѣсколько минутъ, но когда отодвинули экранъ, то луна освѣтила ноги стоявшія въ каминѣ. Когда вытащили Павла изъ камина, и между тѣмъ выщитывали ему всѣ его жестокости, то онъ упалъ передъ ними на колѣни, просилъ прощенія и обѣщалъ что не станетъ ничего этого дѣлать и будетъ вести себя сообразно ихъ волѣ, и предлагалъ взять отъ него подписку, въ которой онъ дастъ всякія условія, какія имъ угодно. Нѣкоторые стали излишне болтать и даже выдумывали эти условія, иные предлагали ему отречься отъ престола въ пользу наслѣдника; онъ и на это согласился. Бенигсенъ первый унялъ это пустословіе, сказавъ: "Развѣ мы затѣмъ собрались и пришли сюда, чтобы разговаривать?" Съ симъ словомъ мгновенно силачь Николай Зубовъ ударилъ императора, стоявшаго на колѣняхъ, золотою табакеркою въ лѣвый високъ. Павелъ повалился и всѣ бросились его доканчивать. Вдругъ императрица Марія Ѳеодоровна ломится въ дверь и кричитъ: "Пустите, пустите!" Кто-то изъ Зубовыхъ сказалъ: "Вытащите вонъ эту бабу." Евсей Гордоновъ, мущина сильный, схватилъ ее

въ охабку и принесъ какъ ношу, обратно въ ея спальню. Надобно замѣтить что императрица была въ одной рубашкѣ.

Долго не могли умертвить Павла; онъ былъ полонъ жизни и здоровья. Наконецъ сняли шарфъ съ Аргамакова (онъ одинъ былъ только въ шарфѣ) и, сдѣлавъ глухую петлю, задушили, оставивъ много знаковъ на лицѣ отъ нанесенныхъ ему ударовъ. Тѣмъ временемъ Преображенскій баталіонъ, подъ начальствомъ Талызина, стоялъ противу подъемнаго моста и заряжалъ свои ружья боевыми зарядами. Господа офицеры разными остротами и прибаутками возбуждали солдатъ противъ императора. Семеновскій же баталіонъ шелъ такъ медленно, что когда голова его показалась въ воротахъ дворца изъ Садовой, то князь Петръ Михайловичъ Волконскій, какъ старшій адъютантъ этого полка, бывшій тогда при наслѣдникѣ, встрѣтилъ его верхомъ и кричалъ: "Помилуйте Леонтій Ивановичъ, вы всегда опаздываете!" и на отговорки Депрерадовича, воскликнулъ: "Ну теперь все равно, поздравляю васъ съ новымъ государемъ!"

Такимъ несчастнымъ образомъ погибъ полномочнѣйшій властитель величайшей державы въ мірѣ, человѣкъ, рожденный съ великими, хорошими

способностями, даже хорошо образованный и отъ благородными побужденіями. Почему всѣ эти средства не спасли его отъ погибели? Потому что первымъ качествомъ человѣка должно быть умѣнье управлять своими страстями, и тогда только онъ можетъ управлять другими. Гораздо бо́льшее число заговорщиковъ и гораздо осторожнѣе веденный заговоръ не могъ бы успѣть въ этомъ убійствѣ, еслибъ не было на то, такъ сказать общаго согласія всей столицы и общаго желанія всей Россіи. Правда, что Павелъ не имѣлъ такого просвѣщеннаго взгляда на бытъ государственный, который при воспитаніи сообщенъ былъ Александру. Это, опять повторяю отъ того, что Екатерина не смѣла смѣнить Панина какимъ нибудь образованнымъ Европейцемъ. Она вѣроятно боялась притомъ, покушенія Орловыхъ, которымъ она слишкомъ предалась было сначала. Въ этомъ случаѣ, Екатерина заплатила общую дань слабости человѣческой. Притомъ же она тогда менѣе опытна была чѣмъ при воспитаніи своего внука.

Въ ночь убійства, генералъ Уваровъ съ 5 или 6 офицерами отправленъ былъ къ наслѣднику престола для удержанія его въ бездѣйствіи. Александръ плакалъ и рвался безпрестанно идти на

помощь къ своему отцу. Гг. офицеры загоражали ему путь, становились на колѣни, и, простирая руки, умоляли его всѣми возможными убѣжденіями и даже ложными обѣщаніями, что Павелъ не лишенъ будетъ жизни, не стремиться къ отцу и подождать возвращенія отъ него заговорщиковъ. Такимъ образомъ протянули время до тѣхъ поръ, пока главные ихъ сообщники успѣли провозгласить его императоромъ. Благодушный Александръ отвѣтствовалъ на это поздравленіе горькими слезами, и показался на короткое время двору своему смущенъ и грустенъ.

Великій князь Константинъ въ это время былъ арестованъ отцемъ своимъ за какія-то неисправности по полку Измаиловскому, котораго онъ былъ шефомъ, и спалъ безпечно въ своихъ комнатахъ.

Нѣтъ возможности описать восторгъ столицы при распространившейся вѣсти о смерти Павла. Заговорщики, изъ дворца на разсвѣтѣ дня 12 Марта, разсыпались по знакомымъ, во всѣ концы Петербурга. Съ бѣшеною радостью вбѣгая въ дома громогласно еще изъ прихожей кричали они. "Ура! поздравляю съ новымъ государемъ!" Гдѣ дома были заперты, тамъ сильно и съ крикомъ стучались такъ, что разбужали всю улицу

и каждому, высунувшемуся въ окошко лицу, провозглашали свою новость. Всѣ изъ домовъ выбѣжали и пустились по городу съ этой вѣстью. Многіе столько были восхищены, что со слезами на глазахъ кидались въ обятія къ людямъ совершенно незнакомымъ и поздравляли съ новымъ государемъ. Въ 9 часовъ утра на улицахъ была такая суматоха, какъ никогда не запомнятъ. Къ вечеру во всемъ городѣ не стало шампанскаго. Одинъ, не самый богатый погребщикъ продалъ его въ этотъ день на 60,000 рублей. Пировали во всѣхъ трактирахъ. Пріятели приглашали въ свои кружки вовсе незнакомыхъ и напивались до пьяна, повторяя безпрестанно свои крики въ комнатахъ, въ окнахъ и на улицахъ. Въ тоже утро появились на многихъ круглыя шляпы и другіе, запрещенные при Павлѣ наряды; встрѣчные, размахивая платками и шляпами, кричали имъ "браво!" Весь городъ, имѣвшій болѣе 300,000 жителей, похожъ былъ на домъ сумасшедшихъ.

Императрица Марія, не смотря на суровость и невѣрность своего мужа, была также огорчена, можетъ быть родомъ смерти его и поступками заговорщиковъ съ нею. Она немедленно потребовала отъ императора, чтобы Евсей Гордоновъ

былъ удаленъ. Его выписали тѣмъ же чиномъ въ какой-то армейскій кавалерійскій полкъ; но къ несчастію полкъ этотъ пришелъ на коронацію, и черезъ 5 мѣсяцевъ императрица опять увидѣла его въ Москвѣ и опять возобновила свое требованіе. Тогда Гордонова отставили и велѣли ему безвыѣздно жить въ деревнѣ. У него съ братомъ было только 7 душъ. Онъ просилъ у товарища своего Сафонова куда ему удалиться. Тотъ присовѣтовалъ ему проситься въ Курскую губернію, и близь своего имѣнія купилъ ему душъ 50 съ землею, гдѣ Гордоновъ, успокоенный своимъ сослуживцемъ прожилъ въ тишинѣ болѣе 30 лѣтъ. Въ 1814 г., по убѣдительной просьбѣ своихъ родныхъ, живущихъ въ С. Петербургской губерніи, онъ рѣшился ихъ посѣтить. Въ то время какъ родные съ нетерпѣніемъ его ожидали, является къ нимъ-незнакомый человѣкъ и спрашиваетъ "не здѣсь-ли Евсей Гордоновъ, пріѣхавшій изъ Курска? Ему радостно отвѣчаютъ что его ожидаютъ ежеминутно, имѣя извѣстіе, что онъ уже выѣхалъ.

"Такъ я буду его дожидаться," отвѣчалъ незнакомецъ. "Я полицейскій офицеръ, присланный изъ Петербурга, чтобы отвезти его обратно." Вмѣсто радости, съ какимъ горемъ встрѣчали его

родные! Онъ пріѣхалъ черезъ сутки послѣ горестнаго провожатаго и, переночевалъ только одну ночь, отправился обратно въ свое жилище.

Прочіе убійцы Павловы были большею частію разосланы по деревнямъ. Талызинъ умеръ черезъ 2 мѣсяца, Николай Зубовъ черезъ 7 мѣсяцевъ и Валеріанъ черезъ 2 года и 4 мѣсяца, какъ подозрѣваютъ всѣ, не безъ отравы. Ф. д. Паленъ былъ также удаленъ. Всѣ увѣрены въ томъ, что онъ дѣйствовалъ на двое, и, выигрывая время, то передъ спальней императрицы, то у древей потаенной лѣстницы, онъ прислушивался какъ идетъ дѣло, и, еслибы оно не удалось, то онъ готовъ былъ явиться на помощь Павлу и перевязать всѣхъ заговорщиковъ.

Увидительно что изъ нихъ одинъ Уваровъ, человѣкъ слабый, ограниченный и необразованный сохранилъ до самой смерти въ продолженіи болѣе 20 лѣтъ милость и любовь императора Александра. Бенигсенъ употребляемъ былъ въ службѣ во все время его царствованія. Волконскій и Маринъ также не потеряли своей карьеры.

Кстати здѣсь разсказать анекдотъ, доказывающій какъ многимъ былъ извѣстенъ этотъ заговоръ. Какой то Екатерининскій вельможа (я полагаю, что графъ Апраксинъ, ибо я слышалъ

это отъ престарѣлой дѣвицы Пр. А. Апраксиной, которая называла его дѣдомъ) жилъ смиренно въ домѣ своемъ на царскосельскомъ лугу. У него ежедневно былъ съѣздъ родныхъ, такъ что всегда до 20 чел. садилось за столъ. Марта 11 въ вечеру, одинъ изъ его внуковъ, камеръ-юнкеръ тогдашняго двора, молодой взбалмашный повѣса, сидя за ужиномъ, что было уже около полуночи, безотвязно просилъ у дѣдушки своего шампанскаго. Тотъ долго не хотѣлъ исполнить его прихоть, наконецъ согласился. Когда налито было шампанское, молодой человѣкъ часто поглядывалъ на часы. Наконецъ схвативъ бокалъ и громко возгласилъ: "Поздравляю съ новымъ императоромъ!" Всѣ взвизгнули въ одинъ голосъ и, выскочивъ изъ за стола, разбѣжались по внутреннимъ комнатамъ. Повѣса, оставленъ одинъ и не дождавшись ничьего возвращенія, уѣхалъ. Черезъ нѣсколько часовъ предсказаніе его сбылось. Графиня, бывшая свидѣтельницею, говорила мнѣ, что этотъ молодой человѣкъ, по вѣтренному характеру своему и болтливому языку, никакъ не могъ быть въ числѣ заговорщиковъ и вѣрно зналъ о томъ только по слуху.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ А. Ѳ. ВОЕЙКОВА.

Не графъ Паленъ зачинщикъ заговора противъ императора Павла, первая мысль была гр. Никиты Петровича Панина.*)

Питтъ съ восторгомъ ухватился за нее, когда Ольга Александровна Жеребцова, урожденная Зубова, (родная сестра г. Платона Алекс.) сообщила ему ее, и щедрою рукою отсыпалъ серебренники: ибо между заговорщиками находился и Іуда предатель. Не знаю какъ подѣлили ихъ, но знаю, что огромныя суммы остались у графа Палена, который не всыпалъ ихъ въ сокровищницу церковную и не удавился отъ раскаянія.

---

*) Воейковъ, авторъ Дома сумасшедшихъ, будучи знакомъ съ Леонтьемъ Вас. Дуббельтомъ, прочитывалъ ему свои записки и изъ осторожности просилъ его, какъ управляющаго жандармскою частью сдѣлать на оригиналѣ ихъ подпись, что записки тѣ имѣть у себя Воейкову дозволяется. Желаніе его, какъ онъ разсказывалъ своимъ знакомымъ, было Дуббельтомъ удовлетворено.

Все ужасное слово: цареубійца принадлежитъ ему, другіе были только орудіемъ.

Бенигсенъ помогалъ ему какъ Англичанинъ, ибо худо приходилось Англіи отъ союза Павла съ Наполеономъ.

Я, будучи записанъ съ колыбели въ конную гвардію, вступилъ въ дѣйствительную службу въ концѣ 1796 года, вскорѣ по восшествіи на престолъ Павла I, 18 Января 1797 былъ произведенъ въ офицеры, въ концѣ 1798 исключенъ изъ службы, а въ Январѣ 1800 опять принятъ въ службу. Я былъ въ эти четыре года сто разъ арестованъ, мнѣ запрещенъ былъ въѣздъ въ обѣ столицы, слѣдовательно я бы долженъ былъ быть въ числѣ недовольныхъ.

Благословляю Бога за то, что ни я, ни братъ мой, ни одинъ изъ офицеровъ конной гвардіи не были замѣшаны въ этомъ заговорѣ, ни отецъ мой и дядя.

Императоръ Павелъ былъ истинный царь по остротѣ ума, образованности, щедрости и великодушію.

Отъ природы вспыльчивый и нетерпѣливый, при чемъ былъ испорченъ сперва раболѣпными няньками и мамками и императрицею Елисаветою Петровною, которая въ самую минуту рожденія

его схватила его подъ подолъ юбки, унесла на свою половину, весьма рѣдко показывала вел. княгинѣ его родительницѣ и продержала до самой своей кончины, т. е. до десятилѣтняго его возраста, между глупыми бабами двора своего, богомольными до ханжевства. Фавориты императрицы Екатерины и въ особенности князья Потемкины и Зубовы раздражали его и, гдѣ только могли — унижали.

Дерзость послѣднихъ изъ нихъ доходила до невѣроятности. Однажды, за обѣдомъ гдѣ находилось человѣкъ до 40, наслѣдникъ сидѣлъ подлѣ Екатерины, а Зубовъ по другую сторону. Зашелъ о чемъ-то споръ, всѣ, а въ томъ числѣ и Зубовъ, объявили свое мнѣніе, но в. к. Павелъ Петровичъ не принималъ никакого участья. Императрица обратилась къ нему съ вопросомъ: "а вы в. высочество какъ объ этомъ думаете." — "Я согласенъ съ мнѣніемъ Платона Александровича" отвѣчалъ в. князь.

"Надобно же", подхватилъ насмѣшливо избалованный фаворитъ, "чтобы я сказалъ большую глупость."

Екатерина законодательница, Екатерина героиня, великая жена, исполнительница мудрыхъ

предначертаній Петра великаго, платила дань человѣчеству постыднымъ сластолюбіемъ.

Она безъ мѣры награждала своихъ любимцевъ и мѣняла ихъ, какъ почтовыхъ лошадей, выбирала всегда мальчишекъ, сержантовъ гвардіи.

Первымъ изъ нихъ былъ еще при жизни Елизаветы Петровны, камеръ-геръ Салтыковъ, ничтожный и распутный; его смѣнилъ Понятовскій (впослѣдствіи возведенный и сверженный ею въ Польскаго престола), почти 10 лѣтъ прожилъ онъ въ самой нѣжной связи съ нею. Григорій Орловъ, возведенный ею въ графское, а потомъ въ княжеское достоинство, пользовался ею тоже почти 10 лѣтъ. Князь Потемкинъ, хотя удалившійся отъ двора, оставался всегда однимъ изъ сильнѣйшихъ и довѣреннѣйшихъ вельможъ.

Преемники ихъ, какъ-то долго не стояли и кромѣ Ланского, скончавшагося въ цвѣтущихъ лѣтахъ, и Зубова, рѣдкіе оставались въ фаворѣ болѣе года.

Случилось, что государыня въ присутствіи стариннаго друга своего, Льва Александровича Нарышкина, очень хвалила голосъ тогдашняго своего фаворита Римскаго-Корсакова и назвала его, *соловьемъ*. "Жаль что эти соловьи поютъ только до Петрова дня," замѣтилъ ей тонкій ца-

редворецъ, намѣкая на частую нхъ смѣну, всегда случавшуюся во время переѣзда двора въ Царское село.

И каждый изъ этихъ одиодневныхъ насѣкомыхъ искалъ уязвить в. князя прямо или стороною, старались сокращать его доходы, которыхъ и такъ ему не доставало, уменьшать число его Гатчинскихъ баталліоновъ, ограничить власть его генералъ-адмирала, высказывать свое высокомѣріе, свою значительность въ придворныхъ собраніяхъ. Но все это можно бы было поправить, если бы окружающіе императора, по возшествіи его на престолъ, вельможи, пеклись болѣе о благѣ отечества, и поменьше о своихъ корыстяхъ.

Еслибы Ник. Мих. *Архаровъ*, к. Алексѣй Борисовичь *Куракинъ*, *Обольяниновъ*, гр. *Кутайсовъ*, гр. *Ростопчинъ*, гр. *Аракчеевъ*, и кн. *И. В. Лопухинъ* не очернили въ глазахъ его митрополита Платона, кн. Рѣпнина, Плещеева, гр. Завадовскаго, кн. Безбородку, гр. Маркова, то его царствованіе могло бы быть продолжительно и счастливо.

Добрые вельможи умѣряли бы его вспыльчивый характеръ, обращали къ благой цѣли его нетерпѣнія, медленно исполняли бы его жесткіе приговоры, въ пылу гнѣва произнесенные и быстро

вознаграждаемые щедротами и милостями. Намъ Русскимъ не надо ходить въ чужія лѣтописи за примѣрами: посмотримъ на царя Іоанна Грознаго, руководимаго совѣтами Адашева и Сильвестра, и на того же царя, окруженнаго Татарами, Черкесами и буйной опричиной.

Архаровъ вышелъ изъ мелкихъ полицейскихъ чиновниковъ въ частные пристава, потомъ отличнымъ полицмейстеромъ и славнымъ оберъ-полицмейстеромъ въ Москвѣ*), потомъ генералъ-губернаторомъ Новгородскимъ и Тверскимъ при Екатеринѣ II, и С. Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, при Павлѣ.

Вмѣстѣ съ необыкновеннымъ умомъ для слѣдствій, съ сладкимъ краснорѣчіемъ, съ удивительною, неутомимою дѣятельностью, соединялъ онъ ненасытное корыстолюбіе и непомѣрную жестокость въ наказаніяхъ. Слово: *нещадно*, кажется, имъ самимъ и для него было выдумано.

К. Александ. Борис. *Куракинъ* пользовался особеннымъ благоволеніемъ и, вмѣстѣ съ великолѣпнымъ братомъ своимъ Алексѣй. Борис. Кура-

*) Память объ Архаровѣ пережила въ Москвѣ болѣе полустолѣтія. - И въ настоящее время простой народъ называетъ тамъ полицейскую комнату Архаровскимъ полкомъ.

кинымъ, считались домашними людьми при маленькомъ дворѣ Павла Петровича.

По вступленіи его на престолъ, онъ занималъ важныя должности въ хорошемъ смыслѣ слова. Его развратная жизнь, мотовство, хлопотливость безъ всякой пользы, проэкты неисполнимые или пустые, недостатокъ образованія, хотя при умѣ отъ природы, остротѣ, дѣлали его тяжелымъ для подчиненныхъ и неправосуднымъ, при благородномъ стремленіи его къ правосудію.

Мы видѣли его гораздо позднѣе весьма обыкновеннымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Обольяниновъ былъ бы порядочнымъ уѣзднымъ судьею: должность генералъ-прокурора, до учрежденія министерства, еще обширнѣйшая должность министра юстиціи, вовсе задавили его.

Въ *Кутайсовѣ* и подъ голубой лентой билось лакейское сердце.

Петръ Васильевичъ *Лопухинъ* былъ одаренъ необыкновенными способностями. Онъ при Екатеринѣ былъ уже Ярославскимъ генералъ-губернаторомъ. При благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ которыя фортуна поставила его при императорѣ Павлѣ Петровичѣ, когда дочь его Анна была любовницею государя, онъ могъ бы дѣйствовать смѣлѣе чѣмъ кто нибудь, но лѣнивый и сладо-

страстный, охотникъ до собакъ и шутовъ, ему именно не доставало того высокородія, съ какимъ сенаторъ К. Я. Ѳ. Долгорукій предъ Петромъ великимъ стоялъ за правду и говорилъ.

Гр. *Ростопчинъ*, ума остраго, памяти удивительной, образованный, словолюбивый, но гибкій царедворецъ, при всемъ желаніи быть прямымъ, еще не столь твердый на паркетѣ, какъ Куракинъ, Лопухинъ, Кутайсовъ, онъ раболѣпствовалъ, хотя способенъ былъ къ великимъ дѣламъ, которыми ознаменовалъ себя въ великомъ 1812 году.

При Павлѣ Петровичѣ онъ возвышался, обогащался и берегъ свою кожу.

О гр. *Аракчеевѣ*, о любимцѣ Павла кн. *Мещерскомъ* о *Линденерѣ* не стану распространяться. Дѣла ихъ у всѣхъ въ свѣжей памяти. Они раздражали государя противъ его вѣрноподданныхъ, а подданныхъ, разными выдумками и грозными слухами, пугали и вооружали противъ государя.

Они вмѣстѣ съ Архаровымъ и Обольяниновымъ, хотя и были осыпаемы милостями Павла и ему были преданы, но много помогли злодѣйскому замыслу графовъ Панина и Палена.

Генералъ гр. Леонтій Леонтьевичъ *Бенигсенъ*.

Бенигсенъ, изъ Гановерскихъ дворянъ, вѣчно въ россійскомъ подданствѣ никогда быть не желалъ и причины тому не изъявлялъ. Сначала онъ служилъ въ Гановерской пѣхотной гвардіи и въ чинѣ подполковника въ 1773 году перешелъ въ русскую службу и принятъ премьеръ-маіоромъ Онъ опредѣленъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ сверхъ комплекта, и изъ онаго пожалованъ въ подполковники въ 1776 году. Бенигсенъ сдѣлалъ Турецкую кампанію подъ начальствомъ Румянцова, потомъ участвовалъ подъ начальствомъ Потемкина во всѣхъ его походахъ. Онъ былъ при Очаковѣ, при Бендерахъ, потомъ былъ посланъ въ Польшу и заслужилъ особое расположеніе Суворова, который поздравилъ его съ чиномъ генералъ-маіора въ 1794 году. Въ первый разъ я встрѣтилъ Бенигсена въ кремлевскомъ дворцѣ въ день коронованія императора Александра и съ невольнымъ почтеніемъ остановился предъ этой величавой фигурой. Онъ былъ въ общемъ генеральскомъ мундирѣ съ Александровскою лентою и съ Георгіемъ на шеѣ.

Высокій, сухощавый съ длиннымъ лицемъ и орлинымъ носомъ, съ видной осанкой, прямымъ станомъ и холодной физіономіей, онъ поразилъ меня своею наружностью. Между круглыми,

скулистыми и курносыми лицами русскихъ генераловъ и сановниковъ. Я сталъ разспрашивать о немъ знакомыхъ мнѣ офицеровъ, мнѣ сказали: "Это Бенигсенъ!"

Онъ тогда уже былъ извѣстенъ храбрыми подвигами въ Турецкую о Польскую кампанію въ 1794 г. подъ начальствомъ всесокрушающаго Суворова, но еще болѣе преступнымъ участьемъ въ цареубійствѣ и словами, отъ которыхъ у добродѣтельныхъ людей, волосы становятся дыбомъ. Когда заговорщики съ оружіемъ въ рукахъ ворвались въ спальню имп. Павла, сей злосчастный монархъ, испугавшись буйной, полупьяной толпы, соскочивъ съ кровати, скрылся за экраномъ камина. Не найдя его, святотатцы оробѣли; но Бенигсенъ съ сатанинскимъ хладнокровіемъ подошелъ къ постели, пощупалъ ее рукою и сказалъ: Le nid est chaud, l'oiseau n'est pas loin."

Эти слова ободрили толпу; заговорщики обшарили всѣ углы небольшой комнаты, нашли его и дерзко вытащили изъ за экрана.

Бенигсенъ первый далъ совѣтъ умертвить его, сказавъ Зубову: "les demi-mesures ne valent rien" (Я слышалъ это отъ капитана *Марина* и отъ л. г. егер. полка *Огонь-Догоновича*. Этотъ

Маринъ извѣстенъ сатирическимъ переложеніемъ оды Ломоносова изъ Іова, съ примѣненіемъ обстоятельствъ ея къ службѣ русскаго офицера при Павлѣ).

Долго спустя въ 1812 году Бенигсенъ, желая смыть царскую кровь съ рукъ своихъ, разсказывалъ о дворцовомъ переворотѣ 19 Марта генералу Кайсарову совсѣмъ иначе, т. е. хотѣлъ его надуть сказкой, которую имѣлъ время выдумать: "Я находился на Кавказѣ на службѣ" такъ началъ онъ, "и имѣя дѣло въ сенатѣ, тяжебное дѣло, просился въ Петербургъ въ отпускъ. Мнѣ было отказано, вмѣстѣ съ отказомъ я получилъ письмо отъ гр. Палена, въ которомъ онъ какъ С. Петерб. воен.-губернаторъ и сильный человѣкъ при императорѣ, приглашалъ меня тайно пріѣхать въ столицу, на короткой срокъ, для устройства дѣлъ моихъ."

"Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ прислалъ онъ мнѣ и паспортъ на проѣздъ въ С. Петербургъ.

"Тяжба моя была не шуточная; я поскакалъ, явился къ графу Палену, получилъ отъ него билетъ на проживаніе подъ именемъ повѣреннаго генерала Бенигсена, онъ взялъ съ меня слово не показываться ни въ какія публичныя мѣста до

разрѣшенія моего дѣла, которое обѣщалъ мнѣ исходатайствоватъ у государя."

"Такимъ образомъ жилъ я, выходя только къ сенатскому секретарю и оберъ-секретарю производившему мое дѣло. Это происходило въ Февралѣ."

"Тишина, однообразіе, скрытая жизнь въ отдаленной части города неожиданно прерваны были вечеромъ въ роковой день 11 Марта."

"Ко мнѣ пріѣхали всѣ три брата Зубовы, въ пошевняхъ, князь Платонъ, Александръ, и Валеріянъ. Послѣдній былъ со мной коротко знакомъ въ польскомъ походѣ. Насильно увезли меня они въ квартиру Платона Зубова гдѣ я нашелъ человѣкъ 30 офицеровъ. Насъ встрѣтили съ бокалами шампанскаго, пили за здоровье мое, съ неистовыми криками ура! Я осушилъ мой бокалъ съ благодарностью. Съ перваго шага въ эту комнату, я увидѣлъ какую-то суматоху, замѣтилъ, что часто перешептивались, произносили какія-то боязливыя слова, для меня не понятныя; я понялъ, что тутъ не простая вечеринка, гдѣ предсѣдаютъ вино, карты, пѣсенники и цыганы."

"К. Платонъ Александровичъ не заставилъ меня долго искать разгадку: онъ взялъ меня подъ руку, ввелъ въ свой кабинетъ и началъ съ того,

что графъ Паленъ просилъ, или лучше сказать требуетъ слѣпой вѣры всему, что услышу отъ Зубовыхъ. Тутъ князь распространялся въ доказательствахъ о бѣдствіи государства, о несообразности ни съ климатомъ, ни съ русскимъ духомъ нововведеній въ гвардіи и арміи, удаленіе отъ службы заслуженныхъ генераловъ и государственныхъ людей, объ отмѣнѣ, пожалованной Петромъ III грамоты дворянству и городоваго положенія; о тѣлесныхъ наказаніяхъ дворянъ, о пыткахъ, о казняхъ, о доносахъ и наконецъ о замѣченныхъ признакахъ сумашествія у императора; о мѣрахъ, хотя прискорбныхъ и тяжкихъ, но необходимыхъ, которыя (будто бы) извѣстны Александру Павловичу и Маріи Ѳеодоровнѣ, и имѣютъ цѣлью: временное лишеніе императора его царской власти, и учрежденіе, до выздоровленія его, регентства, какъ учреждено оно было въ Англіи надъ королемъ Георгомъ III."

"К. Зубовъ наименовалъ нѣсколько своихъ единомышленниковъ, между которыми нашелъ я имена гр. Панина и г. А. Уварова, и другихъ осыпанныхъ милостями государя. К. остановился, ожидая моего отвѣта. Быстро я окинулъ мое опасное положеніе, въ которое хитрый покровитель мой меня поставилъ и увидѣлъ, что не было

другого средства выпутаться, какъ соединиться съ ними."

"Я протянулъ ему руку и отвѣчалъ: и на жизнь и на смерть."

"Онъ бросился обнимать и тотчасъ вывелъ меня изъ кабинета къ обществу. — "*Нашъ еси Исаакій, да воспрянемъ съ нимъ!*" вскричалъ опять обнимая меня."

"Видно было, что это былъ пароль заговорщиковъ. Опять подали шампанское, опять ура!"

"Въ заключеніе переодѣли меня въ чей-то генеральскій мундиръ; мы сѣли съ Зубовымъ въ сани; за ними потянулся цѣлый поѣздъ."

"Далеко не доѣзжая до Михайловскаго замка мы соскочики съ саней и, крадучись одинъ за другимъ, подошли къ нему."

"Дворецъ былъ окруженъ войскомъ, которое стояло въ мертвой тишинѣ, не смѣя шевельнуться ни брякнуть оружьемъ; ни промолвить слово."

"Я замѣтилъ баталіонъ Семеновскаго полка князя Вяземскаго; мы прошли мимо главной гауптвахты: солдаты, увидя толпу, зашевелились, но караульный капитанъ, *Маринъ*, скомандовалъ: "подъ курокъ!" выхватилъ два пистолета, сказалъ солдатамъ, что застрѣлитъ того, кто осмѣлится тронуться съ мѣста и прибавилъ: "не ваше

дѣло!" Полковой адъютантъ *Аргамаковъ* повелъ насъ по лѣстницѣ гусемъ, самъ же онъ шелъ далеко впереди какъ колонновожатый."

"Ему во всякую пору былъ дозволенъ входъ во дворецъ."

"Привыкнувъ быть всегда, впереди моего полка, я и тутъ былъ впереди маленькой колонны."

"Долго не понималъ я, какъ случилось, что я очутился одинъ въ спальнѣ императора, глазъ на глазъ съ нимъ и держа обнаженную шпагу. Послѣ я уже узналъ, что полупьяная толпа оробѣла, кинулась внизъ по лѣстницѣ, а предводители ихъ за ними."

"Между тѣмъ императоръ стоялъ въ одной рубашкѣ. У насъ произошелъ разговоръ, не болѣе 10 минутъ длиннѣйшій; мнѣ показались онѣ за вѣчность."

"Павелъ, дрожа отъ страха, стоялъ предо мной, блѣдный съ всклокоченными волосами, до того растрогалъ меня своимъ раскаяніемъ своими слезами и особенно невѣденіемъ многаго дѣланнаго его именемъ, что я готовъ былъ защищать его противъ цѣлаго свѣта."

"Настало молчаніе."

"Я вообразилъ, что коварство Палена и Зу-

бовыхъ придумало выбрать меня орудіемъ ихъ за мысла; я поставилъ шпагу на полъ и остріемъ къ сердцу моему, и хотѣлъ заколоться."

"Вдругъ буйная толпа ворвалась съ неистовыми криками, въ спальню: впереди были всѣ три брата Зубовы."

"Государь упалъ на колѣни, плакалъ, просилъ о пощадѣ, отрѣкался отъ престола, умолялъ только о жизни."

"Многія поколебались."

"Преобр. полка офицеръ Скарятинъ закричалъ: "что вы ему вѣрите, завтра же мы будемъ всѣ на эшафотѣ!"

"Граф. Платонъ Зубовъ, зять Суворова, ударилъ стоявшаго на колѣняхъ, въ слезахъ императора, табакеркой въ лѣвый високъ. Онъ упалъ безъ чувствъ, но былъ еще живъ."

"На него кинулись Татариновъ, Скарятинъ, К. Яшвель... шарфъ Аргамакова помогъ окончить дѣло."

"Я ушелъ прежде, чтобы не быть свидѣтелемъ этого ужаснаго зрѣлища."

"Въ дворцовой революціи 12 Марта всего прискорбнѣе, всего ненавистнѣе для Русскаго то, что ее произвела не пламенная любовь къ отечеству, не желаніе спасти гражданъ отъ ти-

ранства; ее произвело личное мщеніе и золото Англіи. Да золото! спросите у Ольги Алекс. Жеребцовой, сестры Зубовыхъ, она еще жива. Она была любовницей Англійскаго посла при россійс. дворѣ, лорда Литворста и тайнымъ агентомъ Питта. Ее заговорщики послали въ Лондонъ къ Питту, который на упреки принца Condé, въ смерти Павла, холодно ему отвѣтилъ: "que m'importe comment, pourvu, que l'animal soit terrassé.

Выписка изъ записокъ

КНЯЗЯ ПЕТРА МИХАЙЛОВИЧА ВОЛКОНСКАГО.

(Царствованіе Павла I.)

6 Іюня.

Государь, заказавъ портному для себя новый мундиръ, приказалъ прислать къ себѣ въ Павловск золотошвея для вышитія петлицъ по случаю перемѣны формы въ гвардіи.

Золотошвей прибылъ рано утромъ въ маленькой *фордменной* колясочкѣ, потому что дрожки были *запрещены*. По полученіи заказа работъ отъ государя, золотошвей послалъ съ мальчикомъ колясочку мимо дворца и балкона (гдѣ государь изволилъ всегда заниматься дѣлами съ секретарями), приказавъ мальчику идти пѣшкомъ и вести лошадь подъ уздцы.

Я въ то время былъ посланъ отъ наслѣдника къ генералъ-адъютанту Ливену; идя по бульвару, я увидѣлъ, что лошадь золотошвея испугалась

барабаннаго боя, вырвалась изъ рукъ мальчика, бросилась въ сторону на бульваръ, колесами задѣла за перила бульвара, стала бить задомъ.

Государь, увидавъ сіе изъ окна, пришелъ на мѣсто, гдѣ стала колясочка, приказалъ находящимся у входа двумъ инвалиднымъ унтеръ-офицерамъ выпрячь лошадь и бить ее съ двѣхъ сторонъ палками. Лошадь стала еще болѣе брыкаться; наконецъ приказавъ лошадь отдать на *съѣзжу*, возвратился во дворецъ.

ПОДРАЖНІЕ ЛОМОНОСОВУ.

МАРИНА.

(Писано въ царствованіе Павла I)

О ты, что въ горести напрасно
На службу ропщешь, офицеръ!
Шумишь и сердишься всечасно,
Что ты давно не кавалеръ!
Внимай, что царь тебѣ вѣщаетъ,
Онъ гласомъ ссоры прерываетъ,
Рукою держитъ эспантонъ —
Смотри! каковъ въ штибдетахъ онъ! —

Речетъ: сбери всѣ силы нынѣ
И стой такъ прямо, какъ солдатъ,
Гдѣ былъ, какъ въ унтерскомъ я чинѣ
Завелъ въ Россіи вахтъ-парадъ? —
Когда маршировать заставилъ
Явилъ въ маневрахъ и прославилъ
Величество и власть свою?
Подай-ка тактику свою.

Гдѣ былъ ты, какъ передо мною
Возросъ изъ алебардовъ лѣсъ,
Моей обдѣланный рукою?
Ты не видалъ такихъ чудесъ.
Когда солдаты всѣ одѣты,
Какъ бы бубновые валеты,
Тянули фронтъ передо мной:
Ты тутъ вкушалъ одинъ покой,

Кто съ деревянными кремнями
Солдатъ здѣсь выучилъ стрѣлять?
Къ спинѣ бѣлеными ремнями
Лопатки вздумалъ привязать?
Мундиры съ битью золотою
Не я-ли сильною рукою
На плечи офицеръ надѣлъ
И въ праздникъ ихъ носить велѣлъ?

Главы остриженны солдатски
Ты могъ ли пуклями снабдить?
И ихъ одѣвши по дурацки
Въ казармы кучами набить?
И вдругъ, ударивши тревогу,
Подобно звѣрю, а не Богу,
Отъ трусости какъ листь дрожать
И двухъ въ солдаты написать.

Въ болотахъ глинистыхъ и грязныхъ
Когда, и гдѣ ты увязалъ?
И офицеровъ безобразныхъ
Въ худыхъ мундирахъ гдѣ видалъ?
Не зря враговъ передъ собою
Приготовлялся ли ты къ бою,
Никто на коемъ не погибъ?
И взялъ ли приступомъ ты Бибъ *)

Изъ бѣглыхъ могъ ли ты капраловъ,
Кои не смогутъ говорить,
Надѣлать кучку генераловъ
И имъ полки препоручить?
Ты могъ ли эспантонъ поправить?
И подъ арестъ за то отправить?
За вздоръ изъ службы исключить
Иль на вѣкъ въ крѣпость засадить?

---

*) Укрѣпленіе въ Гатчинѣ.

Твоей ли хитростью Кутайцевъ
Играетъ роль большихъ вельможъ?
Мѣщанъ онъ душитъ такъ какъ зайцевъ
Дворянство все не ставитъ въ грошъ?
Въ моихъ палатахъ обитая,
Россіянъ бѣдныхъ раззоряя,
Въ немъ видѣнъ точный Бусурманъ.
Такой талантъ тобой ли данъ?

Не ясна-ль въ томъ моя щедрота,
Велѣлъ, что головы рубить?*)
Пришлась тебѣ когда охота
Кадиломъ въ церквѣ покадить?
Священной ризою одѣту
Въ себѣ представить шута свѣту,
Служа обѣдню за попа?**)
Уже ли мысль сія глупа?

Ко удивленію же свѣта
Когда мундиры я кроилъ,
Зачѣмъ не подалъ мнѣ совѣта,
Чтобъ я покрой перемѣнилъ?
Когда я выдумалъ штиблеты,
Ботфорты, латы и колеты,
За чѣмъ тогда ты не сказалъ,
Чтобъ я иной всему видъ далъ?

Ума твоего предѣлы узки
Могли ли тайну ту понять,
Что Анна***) греческа, по Русски
Святую значитъ: благодать?

---

*) На Дону былъ казненъ казачій полковникъ за вину, стоющую только ареста.

**) Въ Гатчинѣ, въ придворной церкви Павелъ во всемъ церковномъ облаченіи служилъ обѣдню.

***) Въ честь своей любовоицы Анны А. Лопухиной

Могли ли руки твои дерзки
Украсить шапки гренадерски,
Знамена, флаги кораблей
Любезной именемъ моей?

Скажи ты мнѣ, въ странахъ Россійскихъ
Кто славный акціонъ завелъ,
Чтобъ кто хотѣлъ крестовъ малтійскихъ,
За деньги, въ ономъ бы нашелъ!*)
Съ французами два года дрался,
Чтобъ островъ Мальта намъ достался,
На коемъ нѣтъ почти людей!
Дѣла то мудрости моей! —

Возмогъ ли ты хотя однажды
Гоненье шляпамъ объявить?
Велѣть Россіянамъ, чтобъ каждый
Престалъ бы круглыя носить?
Пучки и сапоги съ ушами
Указомъ истребить межъ вами,
Изгнать потомъ съ заносомъ фракъ?
А всѣ кричатъ, что я дуракъ!

Сіе служивый разсуждая,
Познай мою ты сильну власть,
И прусскій твой мундиръ таская
Имѣй свою въ терпѣньи часть,
Я все на пользу вашу строю:
Казню кого или покою,
Аресты, каторги сноси
И безъ роптанія терпи!

Павелъ приказалъ на знаменахъ и штандартахъ вѣшать благодать.

*) Кресты малтійскаго ордена продавались.

Печатано въ типографіи Г. Пеца въ Наумбургѣ.

МЕЖДУНАРОДНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Томъ III.

ЗАПИСКИ КНЯЗЯ ТРУБЕЦКАГО.

ЗАПИСКИ

КНЯЗЯ

Trubetzkoi, A. P., Kn.

ТРУБЕЦКАГО.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.)

Denkwürdigkeiten des Fürsten Trubetzkoï.

LEIPZIG:
E. L. Kasprowicz.

ЛЕИПЦИГЪ:
Э. Л. Каспровичъ.

1874.

Давно носилась молва, что покойный императоръ Александръ Павловичъ готовилъ наслѣдникомъ престола брата своего Николая Павловича, говорили что это сдѣлано съ согласія прямаго наслѣдника Константина Павловича, при женитьбѣ его на полькѣ Грудзинской; говорили, что Александръ сдѣлалъ духовную на этотъ случай; но никакого положительнаго свѣденія по этому предмету не было. Только въ прусскомъ придворномъ календарѣ на 1825 годъ, Николай Павловичъ былъ показанъ наслѣдникомъ россійскаго престола *по условію, заключенному при женитьбѣ Константина.* Говорили, что императоръ изъявилъ за это обнародованіе неудовольствіе свое прусскому двору. Но все это, какъ обыкновенно бываетъ въ самодержавныхъ государствахъ, гдѣ всякое дѣйствіе правительства есть государственная тайна, было извѣстно только немногимъ и имѣло только небольшіе отголоски въ обществѣ.

Извѣстно, что императоръ Александръ Павловичъ скончался почти скоропостижно. Въ Петербургѣ узнали о кончинѣ его почти въ одно время какъ и о болѣзни. Первый курьеръ изъ Таганрога привезъ 24 Ноября извѣстіе о его болѣзни, третій 26 о его кончинѣ — въ самое то время, когда вся императорская фамилія служила молебенъ благодарственный за полученное имъ облегченіе, которое извѣстіе привезено было въ этотъ-же день по утру вторымъ курьеромъ, за нѣсколько часовъ до его кончины отправленнымъ. Молебенъ былъ прерванъ. Собрался государственный совѣтъ. Все члены молчали. Уста тѣхъ, которыхъ голосъ привыкли слушать въ совѣтѣ, сомкнулись. Голосъ одного графа Милорадовича былъ слышанъ; онъ приглашалъ присягнуть законному наслѣднику Константину Павловичу. Князь Голицынъ требовалъ прочтенія духовной покойнаго государя. Графъ Милорадовичъ согласился, оговоря, что духовная эта не можетъ быть обязательствомъ ни для кого, и что прослушать ее можно только для того, чтобъ показать знакъ уваженія къ покойному. Духовная принесена и прочтена для свѣденія. Члены встали и пошли объявить великому князю Николаю Павловичу, что должно присягнуть Константину;

вмѣстѣ съ нимъ пошли къ Марьѣ Ѳедоровнѣ, а оттуда въ придворную церковь для принесенія присяги.

Графъ Милорадовичъ, какъ петербургскій военный губернаторъ, приказалъ коменданту послать приказъ по караульнымъ постамъ, чтобъ караулы были тотчасъ приведены къ присягѣ Константину. Между тѣмъ поставили налой для присяги внутренняго караула бывшаго отъ 1го баталліона преображенскаго полка. По отвѣтѣ на вопросъ о причинахъ этого приготовленія главной гренадеръ вышелъ и сказалъ, что они даже и о болѣзни государя не слыхали и оказывалъ съ прочими гренадерами недовѣрчивость къ справедливости извѣстія о смерти его величества. Никто изъ генераловъ не могв убѣдить ихъ въ истинѣ кончины, доколѣ не пришелъ великій князь Николай Павловичъ и не объявилъ, что онъ самъ присягнулъ уже новому государю Константину Павловичу. Тогда караульные гренадеры согласились принять присягу.

Сенаторы присягнули по изустному объявленію о кончинѣ, сдѣланному министромъ юстиціи (княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ). О запечатанномъ конвертѣ, отданномъ покойнымъ государемъ для сохраненія въ сенатѣ съ тѣмъ, чтобъ, не присту-

пая ни къ чему послѣ его смерти, сначала распечатать его и прочесть въ полномъ собраніи, не было даже и спроса. На вопросъ министру одного изъ оберъпрокуроровъ, его превосходительство приказалъ прислать конвертъ къ нему на домъ.

Общая присяга послѣдовала по напечатаніи о томъ сенатскаго указа. Возвратясь въ свой дворецъ, великій князь Николай Павловичъ послалъ за бывшимъ въ отставкѣ д. с. совѣтникомъ Опочининымъ и просилъ его съѣздить къ Константину Павловичу и напомнить ему, что онъ самъ добровольно предъ своей женитьбой еще въ 1822 году отказывался отъ наслѣдованія престола; нѣсколько часовъ держалъ его у себя и только вечеромъ отпустилъ, снабдивъ его письмами — съ тѣмъ, чтобъ онъ немедленно отправился. Опочининъ уѣхалъ въ ночь. Великій князь присылалъ удостовѣриться, точно-ли онъ уѣхалъ? На другой день вечеромъ Опочининъ возвратился съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, котораго онъ встрѣтилъ ѣдущаго изъ Варшавы, узнавъ, что въ Царствѣ Польскомъ Константинъ не приводилъ никого къ присягѣ и въ тотъ день, когда получилъ извѣстіе о смерти императора, заперся и видѣть никого не хотѣлъ. Опочининъ

вновь былъ чрезъ нѣсколько часовъ отправленъ съ новыми письмами, и возвратился уже по присягѣ Николаю Павловичу.*)

*) Необъявленіе извѣстія о смерти государя, которое получено Константиномъ прямо изъ Таганрога, доказывало, что онъ или ожидаетъ дальнѣйшихъ извѣстій изъ Петербурга, или не желаетъ наслѣдія. Но послѣ принесенной ему присяги, онъ одинъ только имѣлъ власть разрѣшить отъ нея своихъ подданныхъ Опочининъ долженъ былъ уговорить его прислать манифестъ о своемъ отрѣченіи. Онъ поѣхалъ съ сильнымъ желаніемъ привезти его самаго въ ту столицу, въ которой должна была рѣшиться участь государства. Въ семействѣ его однакожъ не надѣялись, чтобъ онъ успѣлъ въ намѣреніи. Помнили, что Константинъ много разъ говорилъ, что онъ царствовать не хочетъ и прибавлялъ: "меня задушатъ, какъ задушили отца". Столица государства представляла тогда странное явленіе. Былъ государь названный, не не было дѣйствительнаго, и никто не зналъ навѣрное, кто имъ будетъ. Константинъ въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ пребывалъ все въ Варшавѣ, сдѣлался почти чужимъ для русскихъ и потому не имѣлъ въ Петербургѣ приверженцевъ. Воспоминанія, которыя оставались о немъ, не привлекали къ нему публики, хотя и говорили, что нравъ его измѣнился къ лучшему, но многіе, особенно придворные, вооружались противъ него. Гордость дамъ оскорблялась мыслію, что полька и при томъ незнатнаго рода можетъ быть императрицей. Молодые великіе князья также не имѣли дара поселить къ себѣ любовь; ихъ особенно не любили военные. Однакожъ большая часть высшаго круга желала имѣть императоромъ Николая. Надѣялись, что при немъ дворъ возвысится, что придворная служба получитъ опять прежній почетъ и выйдетъ изъ

На письма, отправленныя съ Опочининымъ, Константинъ Павловичъ не сдѣлалъ никакого от-

---

того ничтожества, въ которомъ была при покойномъ государѣ и въ которое еще бы болѣе погрузилась при Константинѣ. Надѣялись, что дворъ не будетъ такъ скученъ. Великая княгиня Александра Ѳедоровна была молодая еще женщина. любила веселости и удовольствія. При знакомомъ императорѣ и императрицѣ всѣ надѣялись сохранить занимаемыя ими мѣста, и потому говорили, что если будетъ Николай императоромъ, то все останется въ прежнемъ положеніи, только государь будетъ нѣсколькими годами моложе. Такъ говорили придворные. Другіе классы общества молча ожидали окончанія междуцарствія. Они понимали свою незначительность, хотя впрочемъ болѣе были склонны къ Константину, но только потому, что предполагали въ пожиломъ человѣкѣ болѣе опытности, нежели въ молодомъ, который до тѣхъ поръ занимался единственно фрунтовой службой. Народъ былъ вообще равнодушенъ. Одни военные искренно желали, чтобъ Константинъ остался императоромъ; имъ молодые великіе князья надоѣли. Гвардейскіе офицеры съ нетерпѣніемъ ожидали пріѣзда новаго своего государя, и солдаты, ничего не зная о происходившемъ, не ожидали никакой новой перемѣны и увѣрены были, что государь скоро къ нимъ прибудетъ.

Можно утвердительно сказать, что эта увѣренность солдатъ была причиною спокойствія столицы въ эти дни, и этимъ обязаны бывшему военнымъ генералъ-губернаторомъ графу Милорадовичу. Онъ былъ тогда единственнымъ дѣйствующимъ лицомъ и распорядителемъ всего, съ самаго начала и до конца сохранилъ присутствіе духа и хладнокровную и твердую дѣятельность. Онъ былъ виновникомъ присяги законному наслѣднику и устраненія духовной покойнаго государя; убѣжденный имъ великій

вѣта, который могъ-бы послужить для народа доказательствомъ, что онъ добровольно отказывается

князь Николай покорился власти закона и терпѣливо ожидалъ престола отъ добровольнаго и торжественнаго отреченія Константина. Мѣры, принятыя имъ, содержали въ спокойной увѣренности гвардію и народъ въ неизвѣстности о происходившихъ переговорахъ и о томъ, что готовится какое-либо необыкновенное событіе. Онъ смѣло принялъ на себя одного всю власть, которая заключалась въ высшихъ государственныхъ мѣстахъ, и полную отвѣтственность за спокойствіе не только одной столицы, но и всего государства. Великому князю Николаю Павловичу нельзя также не отдать той справедливости, что онъ при всемъ своемъ желаніи престола, побуждаемый сверхъ того голосомъ придворныхъ, умѣлъ однакожъ овладѣть собою, подчинился съ покорностію закону. Престолъ и еще самодержавный имѣетъ столько прелестей, что рѣдкой на мѣстѣ Николая сталъ-бы ожидать его терпѣливо отъ благоволенія другаго. Константинъ, конечно изъявилъ прежде, что онъ отказывается отъ наслѣдства, и что онъ не хочетъ власти; но все это было тогда, когда еще власть не была въ его рукахъ. А теперь, когда вся обширная имперія присягнула ему въ вѣрности, можно-ли было ручаться, что онъ останется столько-же равнодушенъ къ власти? Онъ имѣлъ-бы достаточно извиненій для принятія престола, на который возведенъ былъ безъ предварительнаго своего согласія и въ исполненіе государственныхъ законовъ о первородствѣ. Умѣренность Николая въ этихъ обстоятельствахъ тѣмъ замѣчательнѣе, что на противное поведеніе съ его стороны поощрялъ его голосъ придворныхъ и молчаніе всѣхъ безъ исключенія важнѣйшихъ сановниковъ государства, а удерживаемъ онъ былъ однимъ гр. Милорадовичемъ. Какъ легко было великому князю заставить государственный совѣтъ и правитель-

отъ престола и уступаетъ его ближайшему по себѣ наслѣднику. Говорили, что отвѣтъ, кото-

---

ствующій сенатъ исполнитъ всякую его волю, является изъ послѣдовавшихъ ранѣе и позже происшествій Въ первомъ собраніи совѣта, гдѣ было объявлено о смерти Александра, одинъ только голосъ графа Милорадовича былъ слышанъ; прочіе члены безмолвно приступили къ его мнѣнію, также и сенатъ, и все покорилось его волѣ. Когда Константинъ упорно отказался въ присылкѣ манифеста о своемъ отрѣченіи, не принялъ даже посланныхъ съ объявленіемъ ему о принесенной всѣми сословіями присягѣ, ни совѣтъ, ни сенатъ не помыслили о томъ, что одно только высшее правительственное мѣсто имѣетъ власть, объяснивъ народу все случившееся, удостовѣрить его въ истинѣ отрѣченія Константина и несомнѣнномъ въ слѣдствіе того правѣ Николая на престолъ; что всякой иной образъ возшествія Николая долженъ имѣть предъ народомъ видъ похищенія. Если не робость виною этого молчанія, то оно доказываетъ совершенное незнаніе въ государственныхъ сановникахъ политическихъ правъ. Николай, оказаннымъ уваженіемъ законовъ, заслужилъ признательность отечества, и еслибъ онъ до конца сохранилъ тоже поведеніе и не издалъ манифеста отъ своего имени, то онъ возсѣлъ бы на престолъ спокойно; но здѣсь уже боязнь унизить самодержавную власть взяла верхъ надъ всякимъ другимъ разсужденіемъ.

Между тѣмъ Тайное Общество, слѣдившее неусыпно за всѣми происшествіями и хорошо извѣщенное о всѣхъ важнѣйшихъ обстоятельствахъ, опредѣливо въ продолженіи воцаренія Константина пріостановить свое дѣйствіе и ограничиться на нѣкоторое время наблюденіемъ, какой ходъ примутъ дѣла при новомъ императорѣ; когда-же начало сомнѣваться въ принятіи престола Константиномъ и, узнавъ духъ войска, убѣдилось, что возшествіе на престолъ

рымъ онъ предоставлялъ престолъ на волю желающаго, былъ написанъ въ самыхъ неприличныхъ

Николая не могло послѣдовать безъ сопротивленія, то стало помышлять о томъ, чтобъ извлечь изъ этого обстоятельства всю ту пользу для Россіи, которую дѣйствія Общества до тѣхъ поръ могли обѣщать ей только въ неопредѣленной отдаленности. Оно могло дѣйствовать въ единственномъ предположеніи, что Константинъ не издастъ отъ собственнаго лица манифеста о своемъ отрѣченіи; иначе возстаніе было бы неповиновеніемъ законной власти, и должно-бы было дѣйствовать на военную силу обольщеніемъ. Въ случаѣ даже совершенной удачи невозможно было предвидѣть къ какому концу это приведетъ, и нельзя было надѣяться, чтобъ порядокъ и спокойствіе сохранились въ государствѣ. Общество знало, что сенату не будетъ предоставлено изданіе манифеста, а что самъ онъ не осмѣлится взять этого на себя, но безусловно исполнитъ то, что повелѣно будетъ; давно уже онъ пересталъ считать себя первымъ государственнымъ мѣстомъ, хотя почитается еще таковымъ въ народѣ; выше его были уже комитетъ министровъ и совѣтъ. Въ послѣднемъ скорѣе можно было ожидать найти людей, способныхъ взвѣсить всю важность настоящихъ обстоятельствъ; нельзя однакожъ было полагать, чтобъ кто изъ нихъ рѣшился выразить такое мнѣніе, которое не будучи поддержано прочими членами, непремѣнно подвергло-бы подпавшаго немилости будущаго государя. Слѣдовательно не должно было ожидать никакого начинанія отъ высшихъ государственныхъ мѣстъ или лицъ; большой наклонности отъ нихъ къ Николаю Павловичу не должно было ожидать, а скорѣе должно было полагать, что они предпочитаютъ Константина; ибо въ противномъ случаѣ они поддержали-бы князя Голицына и подали-бы мнѣніе, что слѣдуетъ исполнить духовную; но этого никто не сдѣлалъ. Обществу

выраженіяхъ, что̀ нѣсколько подтверждается тѣмъ, что онъ не былъ напечатанъ при манифестѣ, которымъ Николай объявлялъ о своемъ вступленіи на престолъ: должны были удостовѣриться напечатаніемъ писемъ Константина Павловича къ покойному императору, писанныхъ въ 1822 году во время женитьбы его на княгинѣ Ловичской.

Время междуцарствія продолжалось ровно двѣ недѣли. Никакой другой случай не могъ быть благопріятнѣе для приведенія въ исполненіе намѣренія Тайнаго Общества, еслибъ оно было довольно сильно для приведенія въ дѣйствіе своихъ предположеній. Но члены его были разсѣяны по большому пространству обширной Россійской имперіи; другіе были за границей. Столица, гдѣ должно было происходить главное дѣйствіе, заклю-

---

оставалось дѣйствовать собственными силами. Оно чувствовало себя слишкомъ слабымъ для того. Столица, гдѣ должно было все рѣшиться, заключала въ себѣ небольшое только число членовъ. Прочіе были разсѣяны по всему пространству обширной россійской имперіи. Нѣкоторые были за границей (Тургеневъ, Бибиковъ, Петровскій). Не смотря на то, обстоятельства казались такими благопріятными, что оно рѣшилось испытать свои силы и подвергнуться всѣмъ личнымъ бѣдствіямъ, въ которыя неудача должна была погрузить ихъ. Члены Общества давно уже обрекли себя служенію отечеству и презрѣли страхъ безславія и позорной смерти.

чала небольшое число членовъ. Не смотря на то, бывшіе въ ней члены положили воспользоваться предстоящимъ случаемъ, особенно когда въ мыслящей публикѣ поселилось ожиданіе, что Константинъ Павловичъ не приметъ слѣдующаго ему наслѣдія престола. Причины, побудившія ихъ воспользоваться предстоящимъ случаемъ, были слѣдующія:

1. Въ Россіи никогда не бывало примѣра, чтобъ законный наслѣдникъ престола добровольно отъ него отказывался, и должно было предполагать, что ст трудомъ повѣрятъ такому отказу.

2. Молодыхъ великихъ князей не любили, особенно военные. Только нѣкоторая часть двора предпочитала имѣтъ императоромъ Николая; придворныя дамы находили, что для нихъ низко будетъ имѣтъ незнатнаго даже рода польку — императрицею.

3. Во всѣхъ домахъ, принадлежавшихъ къ знатнѣйшему обществу столицы, изъяснялось негодованіе на странное положеніе, въ которомъ находилось государство. Однакожъ никто изъ этихъ лицъ не возвысилъ своего голоса въ эти дни, въ которые отозвался-бы ему сильный отголосокъ. Недостатокъ ли духа, или любви къ отечеству, или попеченіе о собственныхъ выго-

дахъ замкнули уста, только никто не смѣлъ выразить мысли о возможности и надобности улучшить государственныя постановленія. Негодованіе высшаго круга столицы изъявлялось одними плоскими насмѣшками. Были заклады кому достанется престолъ; спрашивали: "продадутся или нѣтъ бараны?" смѣялись надъ тѣмъ, что отъ сената посланъ былъ къ императору Константину съ объявленіемъ о принесенной ему присягѣ чиновникъ, бывшій за оберъ-прокурорскимъ столомъ, извѣстный, какъ картежный игрокъ хорошо передергивавшій карты; и это обстоятельство примѣняли съ насмѣшками къ тогдашнему случаю.

4. Наконецъ, члены Тайнаго Общества увѣрены были въ содѣйствіи нѣкоторыхъ изъ высшихъ сановниковъ государства, которые, опасаясь дѣйствовать явно, когда еще общество не оказало своей силы, явились-бы готовыми пристать, какъ скоро увидѣли бы, что достаточная военная сила можетъ поддержать ихъ.

Первое дѣйствіе Тайнаго Общества было увѣрится, что всѣ его члены будутъ равно усердно содѣйствовать общей его цѣли. Но здѣсь оказалось тоже, что обыкновенно оказывается во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ. Многіе члены вступили въ общество, когда еще конечное его дѣйствіе

представлялось въ неизвѣстной дали. Будучи его членами, они знали, что будутъ всегда поддержаны имъ, и что это могло способствовать ихъ возвышенію. Теперь они достигли уже извѣстной степени, и когда открывались новыя обстоятельства, они не видѣли пользы для себя дѣйствовать сообразно видамъ такого общества, гдѣ члены, не имѣя никакой личной цѣли, стремились жертвовать собою единственно для блага своего отечества.*) Многіе, бывшіе ревностными членами

*) Многіе изъ оставшихся въ Россіи членовъ Общества занимали послѣ и нынѣ еще занимаютъ важныя должности въ государствѣ: Граббе, г.-а. командовалъ на кавказской линіи дивизіей; Гурко замѣнилъ его и послѣ былъ начальникомъ штаба кавказскаго корпуса, нынѣ тожъ запасныхъ войскъ; князь Михаилъ Горчаковъ начальникомъ штабовъ дѣйствующей арміи; Николай Николаевичъ Муравьевъ, командовалъ корпусомъ; Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, сенаторъ; Петръ Колошинъ, начальникъ департамента; Илья Бибиковъ, при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ; Ковелинъ, военный генералъ-губернаторъ въ Петербургѣ; Л. В. Перовскій, министръ внутреннихъ дѣлъ; князь Меньщиковъ, членъ общества русскихъ рыцарей, начальникъ штаба морскаго; Вальховской начальникъ штаба въ Грузіи; Литке, наставникъ великаго князя Константина Николаевича. Не помню другихъ, менѣе значительныя должности занимавшихъ: также не считаемъ Шипова, Ростовцева, Моллера, измѣнившихъ Обществу и князя Долгорукова отступившаго изъ страха.

въ молодости, охладѣли съ лѣтами. Теперь предстояло дѣйствіе рѣшительное, которое съ одной стороны въ случаѣ успѣха не представляло личныхъ выгодъ, съ другой стороны въ случаѣ неуспѣха грозило гибелью. Выгоднѣе было поддержать имѣющаго надежду получить престолъ и повергнуть себя и всѣ свои способности и средства передъ стопами того, отъ кого можно было надѣяться награды и которому всѣ предположенія обѣщали успѣхъ.

Общество видѣло себя ослабленнымъ черезъ отступленіе такихъ членовъ, которые непремѣнно сдѣлали бы значительный перевѣсъ по той власти, которую чины, занимаемые ими въ рядахъ гвардіи, предоставили въ ихъ руки. Но въ тоже время оно видѣло, что большая часть офицеровъ гвардіи не вѣрила возможности отрѣченія Константина; нелюбовь ихъ къ молодымъ великимъ князьямъ явно оказывалась въ ихъ разговорахъ, и они, которымъ Общество открыло свои намѣреніи, съ восторгомъ оказади готовность дѣйствовать подъ его руководствомъ. Всѣ эти офицеры были люди молодые; никто изъ нихъ не былъ чиномъ выше ротнаго командира.

Надобно было найти извѣстнаго гвардейскимъ солдатамъ штабъ-офицера для замѣщенія передав-

шихся на сторону власти баталліонныхъ и полковыхъ командировъ. Этотъ начальникъ нуженъ былъ только для самаго перваго начала, чтобъ принять начальство надъ собравшимися войсками. Былъ въ столицѣ полковникъ Булатовъ, который недавно перешелъ изъ лейбъ-гренадерскаго полка въ армію; его помнили и любили лейбъ-гренадеры, а это былъ одинъ изъ полковъ, на который болѣе надѣялись. Булатовъ согласился принять начальство надъ войсками, которыя соберутся на сборномъ мѣстѣ. *)

---

*) Общество не имѣло опоры въ старшихъ чинахъ гвардіи. Вторые баталліоны всѣхъ полковъ стояли не въ городѣ, но въ окрестностяхъ. Изъ бывшихъ въ самомъ городѣ оба баталліонные командира лейбъ-гвардіи финляндскаго полка, бывшіе членами Общества, отказали въ своемъ содѣйствіи; лейбъ-гвардіи семеновскаго полка командиръ Шиновъ признался Трубецкому, что онъ далъ слово великому князю Николаю привести къ присягѣ свой полкъ, какъ скоро получитъ отъ него приказаніе. Къ членамъ изъ оберъ-офицеровъ присоединились всѣ, которые отозвались несогласными дать присягу новому императору, если Константинъ не объявитъ о томъ изустно передъ войскомъ или изданнымъ отъ себя манифестомъ; въ отсутствіе-же Константина нельзя вѣрить манифесту. Многимъ изъ таковыхъ даже не было довѣрено о существованіи Общества, и они дѣйствовали просто по убѣжденію долга. Въ полкахъ измайловскомъ, егерскомъ, лейбъ-гренадерскомъ, въ финляндскомъ, въ морскомъ экипажѣ и частію въ артиллеріи очень ясно въ этомъ объяснились

Между тѣмъ стало извѣстнымъ, что императоръ Константинъ самъ не ѣдетъ и не хочетъ дать отъ себя манифеста о своемъ отрѣченіи и передачѣ престола Николаю Павловичу — обстоятельство очень затруднительное для послѣдняго. Надобно издать манифестъ отъ собственнаго лица; но какимъ образомъ убѣдить въ истинѣ отрѣченія и на какомъ правѣ основать свое вступленіе? не будетъ-ли оно имѣть всѣхъ признаковъ похищенія? Издать манифестъ именемъ сената было-бы дѣйствіе самое законное и самое народное, потому что народъ привыкъ получать всѣ указы изъ сената; находили однако, что это было бы предоставить сенату такую власть, которая принадлежитъ одному только императору, а такой примѣръ могъ служить на будущіе время поводомъ сенату распоряжать и самою верховною властію по своему усмотрѣнію. Въ такихъ обстоятельствахъ рѣши-

офицеры. Преображенскаго полка солдаты оказывали сильное нерасположеніе къ Николаю; на кавалергардовъ можно также было полагаться. Планъ Общества былъ слѣдующій: воспользовавшись упорствомъ солдатъ не давать новой присяги, вывести полки, и посредствомъ ихъ собравъ другіе (?) заставить сенатъ: 1-ое, издать манифестъ для возвѣщенія народу въ какихъ необычайныхъ обстоятельствахъ находится Россія, и для приглашенія выбранныхъ людей ото всѣхъ сословій для рѣшенія предстоящаго затрудненія...

лись издать манифестъ отъ лица императора, принимающаго престолъ, и обнародовать письма Константина Павловича къ покойному императору, начать присягу съ военной силы и обязать гвардейскихъ полковыхъ командировъ личною отвѣтственностію, если они не съумѣютъ преодолѣть ожиданнаго упорства подчиненныхъ имъ полковъ. Графъ Милорадовичъ, убѣдившій Николая въ необходимости предоставить престолъ законному наслѣднику, видя странное дѣйствіе Константина, рѣшился теперь содѣйствовать къ преодолѣнію препятствій о провозглашеміи Николая императоромъ.

Тайное Общество, хорошо извѣщенное о всѣхъ дѣйствіяхъ великаго князя и всего военнаго начальства, а также о мысляхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, проявлявшихся въ ихъ разговорахъ, распорядило дѣйствія свои сообразно этимъ свѣденіямъ. Оно знало, что трудно будетъ, или даже и совсѣмъ невозможно увѣрить всѣхъ нижнихъ чиновъ и многихъ офицеровъ, чтобы Константинъ Павловичъ произвольно отказался отъ престола; даже въ народѣ признавали законнымъ (наслѣдникомъ) не Николая, а Михаила, какъ родившагося въ то время, какъ отецъ его былъ императоромъ. Одна привычка къ безусловному

повиновенію и насильство могли заставить солдатъ присягнуть по требованію ихъ начальниковъ; а такъ какъ начальники полковъ бо́льшею частію были мало любимы подчиненными и не имѣли ихъ довѣренности, то легко было поколебать ихъ повиновеніе. Дѣйствительно, когда по утру 14го Декабря выведены были въ полкахъ люди для присяги, то вообще они оказали недоумѣніе и нерѣшительность, которая при первыхъ словахъ офицеровъ, изъявившихъ сомнѣніе касательно законности требуемой присяги, обратилось въ явное упорство. Русскій солдатъ такъ однакожъ привыкъ къ слѣпому повиновенію, что бо́льшая часть начальниковъ успѣли удержать своихъ подчиненныхъ. Но Фридериксъ и Стюрлеръ, бывшіе болѣе прочихъ нелюбимы, и Карцовъ, не имѣвшій никакого уваженія подчиненныхъ, не могли удержать ввѣренныхъ ихъ начальству.

Извѣстно, что высшее военное начальство привыкло почитать русскаго солдата болваномъ, который поворачивается и идетъ туда, куда его направитъ начальникъ. Однакожъ графъ Милорадовичъ, собиравшій въ продолженіи всего времени междуцарствія свѣдѣнія о духѣ и расположеніи солдатъ и офицеровъ, убѣдился, что не

легко будетъ заставить ихъ присягнуть посредствомъ манифеста, изданнаго отъ имени того лица, которое желаетъ возсѣсть на престолъ. Графъ тщетно добивался, чтобъ этотъ манифестъ былъ изданъ тѣмъ императоромъ, которому уже присягнули, и только въ такомъ случаѣ обѣщалъ, что порядокъ въ столицѣ не будетъ нарушенъ. Сомнѣнія графа поколебали увѣренность Николая тѣмъ болѣе, что и онъ съ своей стороны отъ приверженцевъ своихъ былъ предваренъ о расположеніи гвардіи и о существованіи Тайнаго Общества, намѣревавшагося воспользоваться этимъ расположеніемъ (письма Ростовцева). Въ ночь съ 13го на 14го число полковой командиръ преображенскаго полка старался привлечь свой полкъ на сторону Николая Павловича. Это казалось тѣмъ необходимѣе, что гренадерской взводъ роты его величества изъявилъ уже наклонность къ сомнѣнію, въ бытность свою во внутреннемъ караулѣ въ день присяги. Кромѣ обѣщаній, роздана была большая сумма денегъ (изъ артельныхъ), и поутру когда выведенъ былъ 1-й баталіонъ, и Николай Павловичъ подъѣхавъ спросилъ рядовыхъ: хотятъ-ли они его своимъ государемъ? они отвѣчали утвердительно. Тогда онъ приказалъ зарядить ружья и идти за нимъ.

Происшествія 14го числа и послѣдующихъ дней извѣстны.*) Казематовъ петропавловской

*) Пока все это происходило въ столицѣ, на всемъ пространствѣ Россіи присягали въ вѣрности новому государю, одному вслѣдъ за другимъ, такъ что во многихъ мѣстахъ были споры за церкви. Военные, получившіе прежде приказы о присягѣ Николаю, оспаривали храмы у гражданскихъ, которые въ тоже время присягали Константину. Но привычка къ безусловному повиновенію властямъ, какія-бы они ни были, не допускала до дальнѣйшихъ безпорядковъ. Въ 3-мъ только корпусѣ произошло возмущеніе, которое должно было утишить оружіемъ. Оно произошло слѣдующимъ образомъ: Въ составѣ этого корпуса независимо отъ Тайнаго Общества, извѣстнаго въ отчетѣ слѣдственнаго комитета подъ именемъ Южнаго, существовало другое подъ именемъ Славянскаго. Оно имѣло особое образованіе, особый образъ дѣйствія, особую цѣль; большею частію было составлено изъ оберъ-офицеровъ. На маневрахъ корпуса, бывшихъ осенью 1825 года, оно было открыто Бестужевымъ-Рюминымъ и вошло съ нимъ въ нѣкоторыя сношенія, но осталось неизвѣстнымъ первому Тайному Обществу. Когда получено было приказаніе объ арестованіи членовъ Тайнаго Общества на Югѣ, въ арміи находившихся, то между прочими приказано было арестовать черниговскаго пѣхотнаго полка подполковника Сергѣя Муравьева-Апостола. Онъ въ этотъ день былъ въ корпусной квартирѣ и уѣхалъ оттуда въ полкъ въ городъ Васильковъ. Полковой командиръ Гербель былъ также въ корпусной квартирѣ и получивъ приказаніе арестовать Муравьева-Апостола, поѣхалъ въ Васильковъ для исполненія порученій. Въ полку это уже извѣстно было, въ немъ нѣкоторые офицеры принадлежали къ Славянскому Общеетву. Роты собрались для присяги. Командовавшій одною, поручикъ Сухановъ остановился на

крѣпости не достало для помѣщенія всѣхъ арестованныхъ, взятыхъ въ столицѣ и привезенныхъ со всѣхъ сторонъ обширной Россійской имперіи. Военное сопротивленіе преодолѣно и вся знать, всѣ государственные чины и верховныя правительственныя мѣста безусловно признали возсѣвшаго на россійскомъ престолѣ. Никто не осмѣлился изъявить мнѣнія, что неправильность принятія въ новыя руки скипетра могла быть причиною бывшаго сопротивленія. Все приписано было злонамѣренію Тайнаго Общества, и члены его, также и прочія лица, участвовавшія въ происшествіяхъ сихъ дней, преданы были суду, какъ злоумышленники и ослушники законной власти.

Всѣ нижніе чины, схваченные на мѣстѣ битвы, были заключены въ петропавловской крѣпости. Всѣ прочія лица приводились во дворецъ, и новый императоръ самъ всѣхъ допрашивалъ. На многихъ гнѣвъ его выражался ругательствомъ.

дорогѣ, гдѣ должны были проѣзжать Муравьевъ и Гербель и остановивъ обоихъ, не дозволилъ послѣднему привести въ исполненіе даннаго приказанія. Между тѣмъ извѣщенные ротные командиры привели близь стоявшія роты и когда полковникъ Гербель хотѣлъ ввовь приступить къ исполненію своего порученія, нанесли ему шпагами многія раны, а Муравьева принудили принять команду надъ полкомъ, который весь скоро собрался.

Князь Оболенской былъ приведенъ съ связанными руками; императоръ обругалъ его, и обратившись къ стоящимъ генераламъ, сказалъ: "вы не можете вообразить, что я терпѣлъ отъ него!" Князь Оболенской былъ старшимъ адъютантомъ въ дежурствѣ гвардейской пѣхоты, а Николай Павловичъ, какъ великій князь, командовалъ одной изъ дивизій гвардейской пѣхоты.

Многіе вѣрноподданные сами поспѣшали привозить къ императору ближайшихъ своихъ родственниковъ, не дожидаясь, чтобъ приказано было ихъ взять. Такъ Д. С. Ланской не дозволилъ родному племяннику жены своей князю Одоевскому никакой попытки къ избѣжанію ожидавшей его участи, и не давъ ему ни отдохнуть, ни перекусить, повезъ во дворецъ. Супруга Ланскаго наслѣдовала 2,000 душъ отъ князя Одоевскаго по произнесеніи надъ нимъ приговора. Были однакожъ лица, оказавшія состраданіе и человѣколюбіе: капитанъ-лейтенантъ Николай Бестужевъ, укрываясь отъ преслѣдованія, вошелъ въ незнакомый ему домъ, и пройдя рядъ пустыхъ комнатъ, очутился въ кабинетѣ одного знатнаго пожилаго человѣка. Удивленный нежданнымъ явленіемъ N. спросилъ Бестужева: чего онъ хочетъ? и узнавъ отъ него, что онъ скрывается и голо-

денъ, запеpъ его въ кабинетѣ, самъ принесъ ему закусить, предложилъ денегъ и сказалъ, что скрыть его у себя не можетъ, потому что имѣетъ сына въ гвардіи, который непремѣнно его выдастъ, но проводитъ его самъ изъ дому скрытно. Во время разговора услышали въ ближней комнатѣ голосъ сына, воротившагося съ нѣсколькими другими офицерами и рѣзко изъявлявшаго свое мнѣніе противъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ сей день; старикъ не медля вывелъ Бестужева, который успѣлъ уѣхать въ Кронштадтъ.

Многіе бѣжавшіе съ площади нижніе чины и офицеры скрывались въ домѣ тещи моей, и онъ былъ окруженъ съ обѣихъ сторонъ. Сестра тещи моей, княгиня Бѣлосельская предложила ей ночлегъ въ своемъ домѣ, а сестра жены моей графиня М. предложила въ своемъ домѣ моей и мнѣ. Это послѣ причтено мнѣ было въ намѣреніе укрыться въ домѣ иностраннаго посланника. Ночью съ 14го на 15го число г. Ланской приходитъ меня будить и говоритъ, что императоръ меня требуетъ. Я одѣвшись вошелъ къ нему въ кабинетъ и нашелъ у него графа Нессельроде въ полномъ мундирѣ, шурина его графа Александра Гурьева, который пришелъ изъ любопытства и съ которымъ мы размѣнялись пожатіемъ руки, и

флигель-адъютанта князя Андрея Михайловича Голицына, который объявилъ мнѣ, что императоръ меня требуетъ. Я сѣлъ съ нимъ въ сани, и когда пріѣхали во дворецъ, онъ въ прихожей сказалъ мнѣ, что императоръ приказалъ ему потребовать у меня шпагу; я отдалъ, и онъ повелъ меня въ генералъ-адъютантскую комнату, а самъ пошелъ доложить. У каждой двери стояло по трое часовыхъ; вездѣ около дворца и по улицамъ, къ нему ведущимъ, стояло войско и были разведены большіе огни. Меня позвали. Императоръ пришелъ ко мнѣ на встрѣчу въ полной формѣ и лентѣ, и поднявъ указательный палецъ правой руки прямо противъ моего лба сказалъ: "что было въ этой головѣ, когда вы съ вашимъ именемъ, съ вашей фамиліею, вошли въ такое дѣло? Гвардіи полковникъ! князь Трубецкой! какъ вамъ не стыдно быть вмѣстѣ съ такою дрянью? Ваша участь будетъ ужасная!" и обратившись къ генералу Толю, который одинъ былъ въ комнатѣ, сказалъ: "прочтите!" Толь выбралъ изъ бумагъ, лежавшихъ на столѣ одинъ листъ и прочелъ въ немъ показаніе, что бывшее происшествіе есть дѣло общества, которое, кромѣ членовъ въ Петербургѣ, имѣетъ еще большую отрасль въ 4мъ корпусѣ и что дежурный штабъ офицеръ этого кор-

пуса, лейбъ-гвардіи преображенскаго полка полковникъ князь Трубецкой, находящійся теперь въ Петербургѣ, можетъ дать полное свѣденіе о помянутомъ обществѣ. Когда онъ прочелъ, императоръ спросилъ: "это Пущина?" — *Толь*: "Пущина." *Я:* Г. Пущинъ ошибается... *Толь*: А! вы думаете это Пущинъ. — А гдѣ Пущинъ живетъ?

Я видѣлъ, что почеркъ не Пущина, но думалъ, что повторивъ имя его, можетъ быть, назовутъ мнѣ показателя.

На вопросъ Толя я отвѣчалъ: "не знаю."

Толь. У отца-ли онъ теперь?

Я. Не знаю.

Толь. Я всегда говорилъ покойному государю, ваше величество, что 4ой корпусъ гнѣздо тайнаго общества, и почти всѣ полковые командиры къ нему принадлежатъ; но государю не угодно было вѣрить.

Я. Ваше превосходительство, имѣете очень невѣрныя свѣденія.

Толь. Ужь вы не говорите, я это знаю!

Я. Послѣдствія докажутъ, что ваше превосходительство ошибаетесь. Въ 4мъ корпусѣ нѣтъ никакого тайнаго общества; я за это отвѣчаю.

Императоръ прервалъ нашъ споръ, подавъ

мнѣ листъ бумаги и сказавъ: "пишите показаніе" и показавъ мнѣ мѣсто на диванѣ, на которомъ сидѣлъ и съ котораго теперь всталъ. Прежде, нежели я сѣлъ, императоръ началъ опять разговоръ: "Какая фамилія! Князь Трубецкой! Гвардіи полковникъ! и въ такомъ дѣлѣ! Какая милая жена! Вы погубили жену. Есть у васъ дѣти?" *Я*: Нѣтъ...

Императоръ, прерывая: "Вы счастливы, что у васъ нѣтъ дѣтей. Ваша участь будетъ ужасная, ужасная!" — И продолжавъ нѣкоторое время въ этомъ тонѣ, заключилъ: "пишите все что̀ знаете" и ушелъ въ другой кабинетъ. Я остался одинъ, видѣлъ себя въ положеніи очень труднымъ. Не хотѣлъ скрывать принадлежности своей къ Тайному Обществу, что и не привело-бы ни къ чему доброму, потому что ясно было изъ прочтеннаго мнѣ и многихъ исписанныхъ разными почерками листовъ, что болѣе извѣстно, нежели-бы я желалъ. Но между тѣмъ я не хотѣлъ имѣть возможность упрекать себя, что я кого бы то ни было назвалъ. И потому я въ своемъ отвѣтѣ написалъ, что принадлежу къ Тайному Обществу, которое имѣло цѣлію улучшеніе правительства; что обстоятельства, послѣдовавшія за смертію покойнаго императора, казались Обществу благопріятными

къ исполненію намѣреній его, и что оно, предпринявъ дѣйствіе, избрало меня директоромъ; но что я наконецъ увидя, что болѣе нужно мое имя, нежели лицо и распоряженіе, совершенно удалился отъ участія.*)

Пока я писалъ, вошелъ Михаилъ Павловичъ и подошелъ ко мнѣ; постоялъ противъ меня и отошелъ. Между тѣмъ приводились другія лица, которыхъ распрашивалъ Толь и которыхъ потомъ выводили. Входилъ императоръ для допросовъ и уходилъ обратно.

Когда я окончилъ писать, подалъ листъ вошедшему Толю. Онъ унесъ его къ императору. Нѣсколько погодя, Толь позвалъ меня въ другой кабинетъ. Я едва переступилъ за дверь, императоръ на встрѣчу въ сильномъ гнѣвѣ: "экъ! что на себя нагородили, а того, что надобно, не сказали." И скорыми шагами отойдя къ столу, взялъ на немъ четвертку листа поспѣшно, подошелъ ко мнѣ и показавъ: "это что? это ваша рука?" *Я*. Моя. *Императоръ*, крича: Вы знаете, что я могу васъ сейчасъ разстрѣлять!

Я, сжавъ руки и также громко: Разстрѣляйте

*) Этой уверткой я надѣялся отсрочить дальнѣйшіе вопросы, къ которымъ не былъ приготовленъ.

государь! вы имѣете право. *Императоръ* также громко: Не хочу! Я хочу, чтобъ судьба ваша была ужасная.

Выпихавъ меня своимъ подходомъ въ передній кабинетъ, повторялъ тоже нѣсколько разъ, понижая голосъ; отдалъ Толю бумаги и велѣлъ приложить къ дѣлу, а мнѣ опять началъ говорить о моемъ родѣ, о достоинствахъ моей жены, о ужасной судьбѣ, которая меня ожидаетъ — и уже все это жалобнымъ голосомъ. Наконецъ подведя меня къ тому столу, на которомъ я писалъ, и водавъ мнѣ лоскутокъ бумаги, сказалъ: "Пишите къ вашей женѣ." Я сѣлъ, онъ стоялъ. Я началъ писать; "Другъ мой, будь спокойна и молись Богу"... Императоръ прервалъ: "что тутъ много писать! напишите только: *я буду живъ и здоровъ.*" Я написалъ: "Государь стоитъ возлѣ меня и велитъ написать, что я живъ и здоровъ." Я подалъ ему; онъ прочелъ и сказалъ: "я живъ и здоровъ буду, припишите *буду* вверху." Я исполнилъ: онъ взялъ и велѣлъ мнѣ идти за Толемъ. Толь, выведя меня, передалъ тому-же князью Голицыну, который меня привезъ и который теперь, взявъ конвой кавалергардовъ отвезъ меня въ петропавловскую крѣпость и передалъ коменданту Сукину. Шубу мою во дворцѣ

украли и мнѣ саперный полковникъ далъ свою шинель на ватѣ доѣхать до крѣпости.

Здѣсь я нѣсколько часовъ дожидался сначала въ залѣ, потомъ въ домовой церкви — до тѣхъ поръ, какъ отвели меня въ No. 7 Алексѣевскаго равелина. Въ церквѣ я горячо помолился, особенно при мысли, что, можетъ быть, я болѣе никогда уже не буду въ храмѣ Божіемъ.

Когда меня привели въ назначенный мнѣ номеръ равелина, велѣли раздѣться, и оставя на мнѣ только рубашку, портки и чулки, подали халатъ и короткіе туфли, которые чрезъ нѣсколько дней перемѣнили на большія изорванныя. Окно мое не было замазано подобно другимъ окнамъ; причины тому я никогда не могъ узнать. Окошечко въ дверяхъ, завѣшанное снаружи, давало возможность видѣть, меня во всякое время, а мнѣ воспрещало видѣть, что́ дѣлается въ корридорѣ. На́ ночь горѣла на окнѣ лампада, которую зажигали, какъ скоро погасала. Мебель состояла изъ очень жесткой постели, маленькаго столика, стула и судна. Вечеромъ подавали свѣчу и щипцы, у которыхъ обломанъ былъ кончикъ; ножей и вилокъ не давали, посуда была оловянная. Чрезъ нѣсколько дней жена моя прислала мнѣ бѣлья и мнѣ давали его въ перемѣну. Осматривали пристально, чтобъ

не было ничего остроконечнаго, даже булавки. Пищу давали: поутру чай съ бѣлой булкой, обѣдать супъ или щи, говядину и кашу или картофель; вечеромъ чай и ужинъ.

Въ теченіи первыхъ не менѣе какъ шести недѣль по ночамъ будили насъ громкимъ стукомъ въ коридорѣ; на вопросы о стукѣ не давали отвѣта и вообще всѣ вопросы почти всегда оставались безъ отвѣта, или отвѣтъ былъ: не знаю, не слыхалъ и, т. п. Въ теченіи дня и по вечерамъ прислужники подкрадывались тихонько въ валенкахъ или чемъ подобномъ, чтобъ не было слышно ихъ шаговъ, и украдкой посматривали въ дверное окно. Случалось сначала довольно часто слышать и деревяшку коменданта, сопровождавшую ноги, обутыя въ сапоги и шпоры, и голоса, между которыми многіе полагали "похожій на голосъ императора." Однажды я довольно внятно слышалъ, какъ Сукинъ съ уваженіемъ отвѣчалъ на вопросы и называлъ номера и сидящихъ въ нихъ.

17го вечеромъ пришелъ за мной плацъ-адъютантъ и принесли мнѣ мой мундиръ. Я одѣлся и меня отвели въ домъ коменданта, гдѣ я нашелъ генерала Левашова. Дорогой я, будучи въ одномъ мундирѣ, жестоко озябъ, и кажется Левашовъ принялъ дрожь мою за трусость, потому

что онъ спросилъ меня, отчего я дрожу? Сказавъ мнѣ по-французски, что онъ присланъ отъ императора распросить меня, онъ прибавилъ: Ah, mon Prince! vous avez fait bien du mal à la Russie, vous l'avez reculée de cinquante ans.*) Потомъ онъ сталъ спрашивать меня о составѣ и образованіи южнаго общества. На отвѣтъ мой, что я не могу ему дать никакихъ о томъ свѣдѣній, потому что самъ ихъ не имѣю, онъ мнѣ прочелъ многія подробности, изъ которыхъ я къ удивленію увидѣлъ, что извѣстенъ весь составъ и всѣ лица. (Я не зналъ, что Майборода сдѣлалъ свой доносъ).

Вы, генералъ, гораздо больше знаете, нежели я; почти все, что вы мнѣ читали, для меня ново.

Онъ. Это не можетъ быть; вы только не хотите сказать.

Я. Еслибъ я желалъ, то ничего не могу вамъ сказать, потому что ничего этого не знаю.

Онъ. Вы были на Югѣ и вы видѣлись съ Пестелемъ.

Я. Нѣтъ, я Пестеля не видалъ уже нѣсколько лѣтъ. Могу-ли я объ немъ теперь спросить?

---

*) Ахъ князь! вы сдѣлали много зла Россіи, вы ее отодвинули назадъ за пятьдесятъ лѣтъ.

Онъ. Онъ арестованъ. Если вы не хотите мнѣ отвѣчать, то вы можете писать прямо къ государю.

Спросивъ меня: принадлежитъ-ли къ Обществу полковникъ И. М. Бибиковъ и получивъ отъ меня отрицательный отвѣтъ, генералъ Левашовъ меня отпустилъ.

Мнѣ показалось, что генералъ Левашовъ не очень повѣрилъ утвержденію моему о непринадлежности Бибикова въ Тайному Обществу, и потому возвратившись въ номеръ, я спросилъ листъ почтовой бумаги, перо и чернилицу и написалъ къ Левашову письмо, въ которомъ положительно утверждалъ, что Бибиковъ не принадлежалъ къ Тайному Обществу и ничего не зналъ ни о существованіи его, ни о 14мъ числѣ.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней пришелъ ко мнѣ смотритель равелина (старикъ Лиліенанкоръ) съ большимъ конвертомъ въ рукѣ и спросилъ меня: писалъ-ли я къ государю? На отрицательной мой отвѣтъ сказалъ, что кто-то писалъ изъ равелина и что вѣроятно онъ ошибся номеромъ, и вышелъ.

23го вечеромъ приходилъ за мной плацъ-адъютантъ. Я одѣлся; меня повезли въ домъ коменданта. Войдя въ комнату, я нашелъ сидящихъ

за столомъ: въ головѣ военнаго министра Татищева, по правую его руку великаго князя Михаила Павловича, по лѣвую князя А. Н. Голицына, возлѣ нихъ Г. А. Голенищева-Кутузова, Бенкендорфа, Левашова, флигель-адъютанта полковника Адлерберга и 5го класса Боровкова. Начались вопросы о 14мъ числѣ, о цѣли его и о средствахъ достиженія цѣли. Я отвѣчалъ, что цѣль была доставить Россіи правильное правленіе, воспользовавшись обстоятельствами небывалыми въ Россіи; что мы увѣрены были, что войско не повѣритъ манифесту, который не будетъ изданъ отъ лица государя, которому присягали, и упорство войска принести присягу хотѣли обратить къ произведенію въ законоположеніи тѣхъ перемѣнъ, которыя избавили-бы отечество наше на будущее время отъ переворотовъ, подобныхъ французской революціи; что когда сопротивленіе оказалось-бы довольно сильное, то вѣроятно власть вступила-бы съ нами въ переговоры, и тогда мы могли-бы отечеству своему доставить то, что желали.

Великій князь. Кто вступилъ-бы съ вами въ переговоры?

Я. Государь.

Великій князь (съ гнѣвомъ). Съ вами? съ

бунтовщиками!! Это дѣло иностранное. На площади былъ князь Шварценбергъ, отъ австрійскаго посольства.

Я. Мы не допустили-бы никакого иностранца вмѣшаться въ наше дѣло. Оно должно было быть совершенно русское.

Великій князь. Какъ зовутъ секретаря графа Лебцельтерна?

Я. Ихъ нѣсколько.

Великій князь. Son secretaire particulier?" *)

Я. Я не знаю его имя.

Великій князь. Какъ вы не знаете?... Slumlauer.

Я.' Онъ не частный секретарь, онъ секретарь посольства.

Великій князь. Все равно.

Продержавъ меня довольно долго, отпустили. Выходя въ другую комнату, я увидѣлъ, что поспѣшно накинули кому-то, не большаго роста, на голову мѣшокъ, чтобъ я не узналъ.

24го вечеромъ опять потребовали меня, и я нашелъ тоже собраніе. Сегодня вопросы были многочисленнѣе; два, три человѣка спрашивали разныя вещи въ одно время съ насмѣшками, кол-

---

*) Его частный секретарь.

костями, почти ругательствами, одинъ противъ другаго наперерывъ. *) Я наконецъ сказалъ: Господа, я не могу отвѣчать всѣмъ вмѣстѣ; каж-

*) Между прочимъ, послѣ разныхъ вопросовъ о разговорахъ и совѣщаніяхъ между членами до 14-го числа, Бенкендорфъ спросилъ:

"Когда все было положено между вами, вы возвратившись домой повѣрили все княгинѣ, вашей женѣ"

Я. Нѣтъ, генералъ! Я женѣ моей ничего не повѣрялъ она не болѣе знала, какъ и вы.

Бенкендорфъ. Почему-жъ не повѣрить? это очень натурально. Когда любишь жену, то очень натурально повѣрить ей свои тайны.

Я. Я не понимаю, какое вы имѣете понятіе о супружеской любви, когда полагаете, что можно повѣрить женѣ такую тайну, которой познаніе можетъ подвергнуть ее опасности.

Бенкендорфъ. Да чтожъ тутъ удивительнаго? C'est trés naturel que vous ayez confié à votre femme les projets qui vous occupaient, et il n'y a là rien qui doit étonner, c'est fort simple. Si vous n'avez pas tout dit à la princesse, vous deviez nécessairement lui confier au moins quelque chose. [Очень естественно, что вы свои намѣренія повѣрили женѣ; въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, это очень просто. Если вы не все разсказывали княгинѣ, то по крайней мѣрѣ что-нибудь]... При каждомъ вопросѣ Бенкендорфа мое негодованіе возрастало, и теперь возросло до высочайшей степени. Je ne sais pas, général, comment vous aimez votre femme, mais ce que je sais, moi, c'est que si j'avais jamais confié à ma femme un secret, dont la connaissance aurait pu seulement la compromettre, je me serais considéré comme un infâme. [Не знаю, генералъ, какъ вы любите свою жену, но что

дый спрашиваетъ разное. Извольте спрашивать меня по порядку, и тогда я буду отвѣчать."

Г. А. Голенищевъ-Кутузовъ (съ громкимъ хохотомъ). Нѣтъ, эдакъ лучше, скорѣй собьется!

Я. Надѣюсь, что не доставлю этого удовольствія вашему превосходительству. Я повторяю, что не могу отвѣчать, когда меня такъ спрашиваютъ, какъ теперь. Всѣ говорятъ вмѣстѣ наперерывъ. Напали на меня, какъ на бѣшеную собаку. Вы требуете отвѣта о бывшемъ за нѣсколько лѣтъ. Можно-ли все припомнить въ одну минуту? Если вамъ угодно имѣть отъ меня отвѣты, задайте мнѣ писанные вопросы, и тогда я буду отвѣчать.

Почти всѣ. Вотъ еще! Отвѣчайте словесно.

Я. Я не могу отвѣчать.

В. К. Требованіе князя Трубецкаго справед-

я знаю, это то, что еслибъ я сказалъ моей женѣ тайну, которая могла бы подвергнуть ее отвѣтственности, я-бы считалъ себя подлецомъ].

Левашовъ, который сидѣлъ послѣдній ко мнѣ и возлѣ Бенкендорфа, поспѣшилъ теперь прервать разговоръ, и обратясь къ нему сказалъ: Écoutez, Benkendorff, c'est très probable, que le prince n'a voulu rien confier à sa femme et qu'elle n'a rien sû". [Послушайте, Бенкендорфъ, очень вѣроятно, что князь ничего не хотѣлъ говорить женѣ и что она ничего не знала].

ливо. Задайте ему письменные вопросы и пошлите ихъ къ нему, чтобъ онъ письменно отвѣчалъ.

Члены согласились. Всѣ встали. К. Голицынъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: "Государь вами очень недоволенъ. Вы не хотите ничего отвѣчать. Государю ваши отвѣты не нужны для узнанія дѣла; все уже извѣстно. Онъ желаетъ видѣть только вашу откровенность, и что вы чувствуете милости его. Не заставьте принять съ вами непріятныхъ для васъ мѣръ."

Я. Я уже сказалъ государю въ первый день все, что̀ касается моего участья, и готовъ пополнить все, что̀ угодно будетъ еще спросить. Но согласитесь ваше сіятельство, что я не могу быть доносщикомъ.

Подошелъ военный министръ и плачущимъ тономъ сталъ уговаривать меня, чтобъ я все открылъ.

Наконецъ меня отпустили, продержавъ очень долго. Я пришелъ въ свой номеръ въ совершенномъ изнеможеніи и сталъ харкать кровью.

На другой день Р. Х. я былъ боленъ. Присланы вопросные пункты, на которые отвѣчалъ.

Не помню въ какой день получилъ запросы о письмѣ, писанномъ чрезъ Свистунова въ Москву къ Степану Михайловичу Семенову. Отвѣчалъ,

что увѣдомлялъ его о происшествіяхъ, бывшихъ въ Петербургѣ. Потомъ получилъ запросъ: "кѣмъ Семеновъ принятъ въ Общество?" Отвѣчалъ, что не знаю. Вечеромъ требуютъ меня въ комитетъ.

Послѣ различныхъ вопросовъ о знакомствѣ моемъ и перепискѣ съ Семеновымъ и о принадлежности его къ Обществу, на которые вопросы я отвѣчалъ, что полагалъ его членомъ, но утвердительно сказать не могу, чтобъ онъ былъ имъ, — говорятъ мнѣ, чтобъ я обернулся и спрашиваютъ: "узнаю-ли я Семенова?" Я обернулся и увидѣлъ его за собою. Повторяютъ вопросъ: "этотъ-ли Семеновъ принадлежалъ къ Обществу?" На повторенный отвѣтъ мой, что я утвердительно сказать не могу: принадлежитъ-ли онъ къ Обществу, Семеновъ возразилъ: "какъ-же, князь! вы знаете, что я не принадлежалъ къ обществу; вы меня въ Тайное Общество не принимали а съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ изъ Петербурга, вы знаете, гдѣ я былъ и что я тамъ не могъ быть принятъ никѣмъ.

Я. Г. Семеновъ говоритъ правду, я его никогда не принималъ, и не знаю, чтобъ кто-либо другой его принялъ.

Вопросъ. Вы писали къ г. Семенову чрезъ

нистунова; вы писали къ нему, какъ къ члену йнаго Общества.

Я. Что я писалъ г. Семенову, я могъ писать ко всякому другому знакомому, хоть бы онъ и не былъ членомъ Тайнаго Общества.

Вопросъ. Но вѣдь вы полагали г. Семенова членомъ Тайнаго Общества и писали къ нему не только чрезъ Свистунова въ Москву, но и прежде съ нимъ переписывались.

Я. Наша переписка касалась единственно личныхъ дѣлъ г. Семенова.

Семеновъ. Кн. Трубецкой знаетъ, что когда мы видѣлись съ нимъ въ послѣдній разъ, я не былъ членомъ Тайнаго Общества, это онъ можетъ подтвердить. Съ тѣхъ поръ я жилъ три года, отдаленъ отъ всѣхъ моихъ знакомыхъ.

Ген. Левашовъ, обращаясь къ комитету: "князь Трубецкой не хочетъ доказать, что г. Семеновъ принадлежитъ къ Тайному Обществу, и я знаю почему: г. Семеновъ принялъ его брата, и кн. Трубецкой боится, чтобъ г. Семеновъ этого не объявилъ, когда онъ докажетъ ему, что онъ членъ Тайнаго Общества."

Я. Предположеніе ген. Левашова несправедливо; ни одинъ изъ моихъ братьевъ не принадлежитъ къ Обществу.

Левашовъ. Вашъ братъ, который служитъ въ кавалергардскомъ полку, членъ Тайнаго Общества.

Я. Неправда!

Левашовъ (къ комитету). Г. Семеновъ воспитывалъ меньшаго брата кн. Трубецкаго и принялъ его въ Тайное Общество.

Я. Неправда! Братъ мой, о которомъ теперь говоритъ г. Левашовъ, не принадлежитъ къ Тайному Обществу, и ни одинъ изъ моихъ братьевъ не зналъ о существованіи Тайнаго Общества. Г. Семеновъ пріѣзжалъ изъ Москвы съ моею мачихою и жилъ съ полгода у нея въ домѣ, занимаясь меньшимъ моимъ братомъ, и еслибъ тогда г. Семеновъ былъ членомъ Общества, то не могъ бы принять моего брата, которому было не болѣе 15 лѣтъ; тогда г. Семеновъ не былъ членомъ Общества, а послѣ того онъ брата моего не видалъ.

Послѣ этого Семеновъ продолжалъ доказывать, что онъ не могъ принадлежать къ Тайному Обществу, опираясь болѣе на томъ, что онъ былъ въ разлукѣ съ членами его, и на томъ, что изо всѣхъ онъ былъ болѣе знакомъ со мною, и что кромѣ меня никто по этой причинѣ не могъ бы его принять; а что я его не принималъ, въ этомъ онъ ссылается на меня. И вообще всѣ свои ссылки на меня дѣлалъ такъ ловко, что я долженъ былъ

по справедливости все подтверждать. Наконецъ меня отпустили, оставивъ Семенова.

Въ другой разъ призвали меня также вечеромъ въ комитетъ, который я нашелъ этотъ разъ полнѣе прежняго. Тутъ сидѣли, кромѣ прежнихъ видѣнныхъ мною лицъ, Дибичь и Потаповъ. Во все время говорилъ и допрашивалъ Дибичь одинъ. Предъ комитетомъ стоялъ Батенковъ. Требовали, чтобъ я доказалъ, что Батенковъ принадлежалъ къ Обществу, и говорили, что 19ть есть на то показаній. Я отозвался, что доказать о принадлежности Батенкова не могу, потому что не знаю, чтобъ кто его когда принималъ, и самъ никогда не говорилъ съ нимъ объ Обществѣ; что съ нимъ очень мало былъ знакомъ; что разъ я разговаривалъ съ нимъ передъ 14мъ числомъ о странныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ было тогда наше отечество, и что этотъ разговоръ оправдывался бывшими тогда обстоятельствами, и не нужно было принадлежать къ Тайному Обществу, чтобъ разговаривать о такомъ предметѣ, который такъ много всѣхъ занималъ.

Сидя въ своемъ номерѣ равелина, я дивился, что не имѣю никакихъ вопросовъ о членахъ Общества на Югѣ. Разъ только получилъ я бумагу, въ которой было сказано, что полковникъ Пестель

показываетъ одно обстоятельство, на которое требовали моего объясненія, и болѣе никогда не поминали ни о комъ изъ Южныхъ членовъ. Я не зналъ ни доносовъ Майбороды, Шервуда и Вита, ни возстанія черниговскаго полка, и не могъ разгадать такого молчанія. Долженъ однакожъ былъ заключать, что комитетъ имѣетъ свѣденія важнѣйшія тѣхъ, которыя-бы могъ ожидать отъ меня.

До масляннпцы я не получалъ никакихъ почти вопросовъ, исключая о принадлежности нѣкоторыхъ членовъ, и о томъ: кѣмъ и когда они были приняты? На эти вопросы отзывался незнаніемъ. Наконецъ въ началѣ поста, кажется на 2ой недѣлѣ, пришелъ за мной плацъ-адъютантъ, и въ комнатѣ, въ который собирался комитетъ, я нашелъ генерала Чернышева и полковника Адлерберга. Первый держалъ въ рукахъ тетрадь въ нѣсколько листовъ, по которой предлагалъ мнѣ различные вопросы, бо́льшею частію нелѣпые, по показанію будто-бы многихъ членовъ общества, о пребываніи моемъ за границей, дѣйствіи тамъ и знакомствѣ. Адлербергъ въ это время рисовалъ на бумагѣ предъ нимъ лежащей, и какъ мнѣ многіе сказывали — это было вообще его занятіе во время допросовъ. Чернышевъ допрашивалъ съ какою-то насмѣшкою. Продержавъ до-

вольно, отпустили. На другой день я получилъ огромную тетрадь, въ которой спрашивались различныя подробности о дѣйствіи предъ 14мъ числомъ, и о предположенномъ дѣйствіи этого числа. Большею частію допросные пункты были нелѣпы; между ними былъ: "кто вызвался нанести ударъ, по моему предложенію, царствующему императору?" На этотъ вопросъ должно-бы было просто отвѣчать, что этого никогда не было и что никто не вызывался, что̀ была истина. Но я прежде, нежели отвѣчать на него, вздумалъ намекнуть объ немъ въ письмѣ къ женѣ моей (я каждый вечеръ посылалъ къ ней письма чрезъ плацъ-адъютанта). На другой день поутру плацъ-адъютантъ принесъ мнѣ письмо назадъ, сказавъ, что велѣно мнѣ сказать, что не нужно подобныхъ вещей писать, что они могутъ огорчить жену мою. Тогда я въ отвѣтъ на допросъ написалъ, что такого ужаснаго допроса комитетъ, вѣроятно, не сдѣлалъ-бы мнѣ, еслибъ кто-нибудь того не показалъ, и потому могутъ показателя спросить, чтобъ онъ назвалъ того, кто вызвался; а я самъ никого не знаю. Разсужденіе, которому я слѣдовалъ, сдѣлавъ такой отвѣтъ, было ложно: оно основывалось на увѣренности, что комитетъ и всѣ дѣйствія его ничто болѣе какъ комедія; что

участь моя и всѣхъ прочихъ со мною содержащихся давно уже рѣшена въ умѣ императора, и что какъ-бы дѣло ни пошло, мнѣ суждено сгнить въ крѣпостномъ заточеніи; и потому если императоръ будетъ по моимъ отвѣтамъ заключать, что я упоствую въ запирательствѣ, то заключеніе мое будетъ строже. Отъ того я вздумалъ, не отвергая рѣшительно показанія, заставить обратиться къ показателю, который не въ состояніи будетъ поддержать своего показанія, назвавъ небывалое лицо. Я, кажется, въ предположеніи своемъ кругомъ ошибся. На прочіе вопросы я отвѣчалъ подробно, когда касалось это собственныхъ моихъ предположеній или дѣйствій, стараясь избѣгать утвержденія показаній на другія лица; при всемъ томъ вырвались у меня неосторожныя слова на лейтенанта морскаго гвардейскаго экипажа Арбузова. *)

Чрезъ нѣсколько дней послѣ сего, пришелъ ко мнѣ священникъ. Онъ уже разъ былъ у меня,

---

*) Ихъ нельзя уже было вымарать ни изорвать, потому что листы, которые давались на отвѣты, были занумерованы, но къ счастію онъ заперся въ томъ, что я на него показалъ, и когда спросили вновь моего подтвержденія, я имѣлъ возможность поправить свою ошибку и отпереться отъ словъ своихъ.

и какъ мнѣ казалось — хотѣлъ ко мнѣ подладиться, но не довольно ловко, и я остался въ сомнѣніи относительно его мыслей и намѣреній. Теперь, казалось мнѣ, представился случай узнать и тѣ и другія, и то, прямо-ли онъ дѣйствуетъ или хитритъ? Для этого я ему разсказалъ о вопросѣ касательно лица императора и о моемъ на него отвѣтѣ. По впечатлѣнію, которое это на него сдѣлало, я заключилъ, что онъ человѣкъ съ хорошими чувствами. Онъ просилъ меня, чтобъ я всякую ложь отвергалъ рѣшительно. Потомъ спросилъ меня: не хочу-ли я принять исповѣди, и на согласіе мое — сказалъ, что будетъ ко мнѣ для принятія ея. Я однакожъ ожидалъ его нѣсколько недѣль и онъ пришелъ уже только тогда, когда я пересталъ его ждать. Съ искреннимъ чувствомъ моего недостоинства приступилъ я къ причащенію крови и тѣла Христовыхъ, и чистая радость овладѣла въ эту минуту душею моею, и упованіе на милость Божію твердо вкоренилась въ сердцѣ моемъ. Исповѣдь моя, кажется, привязала ко мнѣ священника; онъ меня полюбилъ и съ этой поры довольно часто меня навѣщалъ. Онъ убѣдился, что все то, что̀ онъ слышалъ про меня, было ложь, и что я могъ ошибаться на пути добра, но зла никогда на умѣ не имѣлъ, и

что находили нужнымъ приписать мнѣ злые умыслы для того, чтобъ оправдать ту степень приговора, которому намѣрены были меня подвергнуть.

Въ теченіи этого времени я не получалъ почти никакихъ запросовъ и меня ничѣмъ комитетъ не тревожилъ. Но 28го Марта, послѣ обѣда отворяютъ дверь моего номера и входитъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, высылаетъ офицера и послѣ не значущихъ замѣчаній — о сырости моего жилища садится на стулъ и проситъ меня сѣсть. Я сѣлъ на кровать.

Онъ. Je suis venu chez vous de la part de Sa Majesté l'Empereur. Vous devez considérer comme si vous parliez avec l'Empereur lui-même; je ne suis qu'un intermédiaire nécessaire. L'Empereur, comme de raison, ne peut pas venir vous voir lui-même. Il ne peut pas venir ici, il serait inconvenable qu'il vous fasse appeler chez lui; il faut donc qu'il y ait un intermédiaire entre lui et vous. La conversation qui aura lieu entre vous et moi doit donc être un secret pour tout le monde, comme si elle avait lieu entre l'Empereur et vous. Sa Majesté a de grandes bontés pour vous, et elle attend un témoignage de votre reconnaissance. *)

*) Онъ (Бенкендорфъ). Я пришелъ къ вамъ отъ имени

Я. Général, je suis très reconnaissant à Sa Majesté pour toutes ses bontés, dont voici le témoignage*) (показывая на кипу писемъ жениныхъ, лежащихъ у меня на столѣ и которыя я получалъ ежедневно).

Онъ. Qu'est-ce que c'est que cela? Il ne s'agit

его величества. — Вы должны представить себѣ, что говорите съ самимъ императоромъ, въ этомъ случаѣ я только необходимый посредникъ. Очень естественно, что императоръ самъ не можетъ же придти къ вамъ. Самъ онъ не можетъ придти сюда, васъ позвать къ себѣ — для него неприлично; слѣдовательно между вами и имъ необходимъ посредникъ. Разговоръ нашъ останется тайною для всего свѣта, какъ будто-бы онъ происходилъ между вами и самимъ государемъ. Его величество оченъ снисходителенъ къ вамъ и ожидаетъ отъ васъ доказательства вашей благодарности.

*) Я. Генералъ, я очень благодаренъ его величеству за его снисходительность, и вотъ доказательство ея.

Онъ. Да что это!... дѣло не въ томъ — помните, что вы находитесь между жизнью и смертью.

Я. Я знаю, что нахожусь ближе къ послѣдней.

Онъ. Хорошо! Вы не знаете, что государь дѣлаетъ для васъ. Можно быть добрымъ, можно быть милосердымъ, но всему есть границы. Законъ предоставляетъ императору неограниченную власть, однако есть вещи, которыя ему не слѣдовало-бы дѣлать, и я осмѣливаюсь сказать, что онъ превышаетъ свое право милуя васъ. Но нужно чтобъ и съ вашей строны вы ему доказали свою благодарность. Опять повторяю вамъ, что все сообщенное вами будетъ извѣстно одному только государю, я только посредникъ, черезъ котораго ваши слова передаются ему.

pas de cela. Rappellez-vous, que vous êtes entre la vie et la mort...

Я. Je le sais bien, général, que je suis plus près de la dernière.

Онъ. Eh bien! Vous ne savez pas ce que l'Empereur fait pour vous. On peut être bon, on peut être clément, mais il y a une mesure à tout. La loi donne un pouvoir absolu à l'Empereur, cependant il y a des choses qu'il ne devrait pas faire, et je ne crains pas de dire, qu'il outre-passe même son droit de faire grâce en votre faveur. Mais il faut aussi que de votre côté vous lui donniez une preuve de votre reconnaissance. Je vous répète de nouveau, que tout ce que vous me direz, ne sera connu que de la personne de l'Empereur, et que je ne suis que le canal par lequel vos paroles devront passer.

Я. Je vous ai déjà dit, général, que je suis très reconnaissant à Sa Majesté pour la bonté qu'elle a eu de me permettre de correspondre avec ma femme. Et je voudrais savoir comment je puis lui témoigner ma reconnaissance.

Онъ. L'Empereur voudrait savoir quelles sont les relations que vous avez eues avec M. Speranski.

Я. Je n'ai eu aucune relation particulière avec M. Speranski.

Онъ. Permettez. Je dois vous dire, de la part de Sa Majesté l'Empereur, qu'elle vous certifie par ma bouche, que tout ce que vous me direz sur M. Speranski restera un secret entre lui et vous. Qu'il n'en arrivera rien à M. Speranski; il est au-dessus de cela. On a besoin de lui, mais l'Empereur veut seulement savoir quel degré de confiance il doit lui accorder.

Я. Général, je ne puis rien vous citer de mes relations avec M. Speranski, excepté les relations qu'on a ordinairement en société.*)

Онъ. Mais vous avez raconté à quelqu'un une conversation que vous avez eue avec M. Speranski.

---

*) Я. Я уже сказалъ вамъ, что очень благодаренъ государю за позволеніе переписываться съ моей женой. Мнѣ-бы очень хотѣлось знать какимъ образомъ я могу показать свою признательность.

Онъ Государь хочетъ знать въ чемъ состояли ваши сношенія съ Сперанскимъ.

Я. У меня не было съ нимъ особенныхъ сношеній.

Онъ. Позвольте, я долженъ вамъ сказать отъ имени его величества, что все сообщенное вами о Сперанскомъ останется тайной между имъ и вами. Ваше показаніе не повредитъ Сперанскому, онъ выше этого. Онъ необходимъ, но государь хочетъ только знать до какой степени онъ можетъ довѣрять Сперанскому.

Я. Генералъ, я ничего не могу вамъ сообщить особеннаго о моихъ отношеніяхъ къ Сперанскому, кромѣ обыкновенныхъ свѣтскихъ отношеній.

Vous l'avez même consulté sur la constitution à donner à la Russie.*)

---

*) Онъ. Но вы разсказывали кому-то о вашемъ разговорѣ съ Сперанскимъ. Вы даже совѣтовались съ нимъ о будущей конституціи Россіи.

Я. Это несправедливо генералъ, его величестно ввели въ заблужденіе.

Онъ. Я опять долженъ напомнить вамъ, что вамъ нечего бояться за Сперанскаго. Самъ государь увѣряетъ васъ въ этомъ, а вы обязаны ему большою благодарностью, вы не можете себѣ представить, что онъ дѣлаетъ для васъ. Опять говорю вамъ, что онъ преступаетъ, относительно васъ, всѣ божескіе и человѣческіе законы. Государь хочетъ, чтобъ вы вашей откровенностью доказали ему свою признательность.

Я. Мнѣ бы очень хотѣлось доказать мою признательность всѣмъ что̀ только находится въ моей власти; но не могу-же я клеветать, на кого-бы то ни-было; не могу-же я говорить то, чего никогда не случалось. Государь не можетъ на дѣяться, чтобъ я выдумалъ разговоръ, котораго вовсе не происходило. Да если-бы я и былъ достаточно слабъ для этого, надо еще доказать, что я именно имѣлъ этотъ разговоръ.

Онъ. Да вы разсказали кому-то объ немъ.

Я. Нѣтъ генералъ, я не могъ разсказывать разговоръ, котораго не было.

Онъ. Государь знаетъ, что вы разсказали его одному лицу, и онъ узналъ объ немъ именно отъ этаго лица.

Я. Могу васъ увѣрить, генералъ, что это лицо солгало государю.

Онъ Берегитесь, князь Трубецкой, вы знаете, что вы находитесь между жизнью и смертью.

Я. Знаю, но не могу-же я сказать ложь и я долженъ повторить вамъ, что лицо, имѣвшее дерзость сообщить го-

Я. C'est faux, général; on a induit Sa Majesté en erreur.

Онъ. Je dois vous répéter de nouveau, que vous n'avez rien à craindre pour M. Speranski. C'est l'Empereur qui vous le dit lui-même. Et vous devez une profonde reconnaissance à Sa Majesté, parce que vous ne pouvez pas même vous représenter ce qu'il fait pour vous. Je vous dis encore une fois, qu'il outrepasse toutes les lois divines et humaines en votre faveur. L'Empereur désire seulement que vous lui prouviez votre reconnaissance par votre cincérité.

Я. Je voudrais bien prouver ma reconnaissance par tout ce qui est en mon pouvoir. Mais je ne puis calomnier personne. Je ne puis pas dire ce qui n'a jamais été. L'Empereur ne peut pas attendre de moi, que j'invente une conversation

---

сударю о какомъ-то разговорѣ моемъ съ Сперанскимъ, солгало, и я докажу это на очной ставкѣ. Пусть государь сведетъ меня съ этимъ лицомъ и я докажу, что оно солгало.

Онъ. Это невозможно, вамъ нельзя дать очную ставку съ этимъ лицомъ.

Я. Назовите мнѣ его и я докажу, что оно солгало.

Онъ. Я не могу никого называть; вспомните сами.

Я. Совершенно невозможно, генералъ, вспомнить о разговорѣ, котораго никогда не было.

qui n'a pas eu lieu. Et même si je pouvais avoir cette faiblesse, faudrait-il encore que je prouve que j'aie eu cette conversation.

Онъ. Mais vous avez raconté à quelqu'un cette conversation.

Я. Non, général; je n'ai pas pu raconter une conversation qui n'a pas existée.

Онъ. L'Empereur sait que vous l'avez rocontée à une personne, et c'est de cette personne même que l'Empereur la tient.

Я. Je puis vous assurer, général, que cette personne en a menti à l'Empereur.

Онъ. Prenez garde, prince Troubetskoï! vous savez que vous êtes entre la vie et la mort.

Я. Hé, général, je le sais bien. Mais je ne puis dire un mensonge, et je dis que la personne qui a eu l'effronterie de dire à l'Empereur que je lui ai parlé d'une prétendue conversation avec M. Speranski, en a menti, et je le prouverai en face à cette personne. Que l'Empereur veuille bien me faire donner une confrontation avec cette personne, et je lui prouverai qu'elle en a menti!

Онъ. C'est impossible. On ne peut vous donner une confrontation avec elle.

Я. Si vous voulez me la nommer, général, je vous prouverai qu'elle en a menti.

Онъ. Je ne puis vous nommer personne; tâchez de vous en rappeller vous-même.

Я. Il est impossible, général, que je me rappelle avoir dit à quelqu'un quelque chose que je n'ai jamais dit.

Въ этомъ родѣ разговоръ продолжался еще долгое время, сначала по французски, потомъ по русски.

Г. Бенкендорфъ, стараясь меня уговорить разсказать мой разговоръ съ Сперанскимъ, а я требуя очной ставки съ доносчикомъ. Наконецъ онъ ушелъ, потребовавъ отъ меня, чтобъ я написалъ сей-же часъ къ нему все что я знаю о Сперанскомъ, и сказавъ мнѣ, что онъ будетъ ожидать моего письма въ крѣпости.

По уходѣ его отъ меня, я думалъ, думалъ что̀ напишу; наконецъ рѣшился написать разговоръ о Сперанскомъ, Магницкомъ и Барановѣ, который былъ у меня съ Батенковымъ и Рылѣевымъ, и запечатавъ отправилъ тутъ же въ собственныя руки Бенкендорфа.

Этотъ разговоръ я разсказалъ послѣ исповѣди священнику, который въ свою очередь разсказалъ мнѣ, что 29 или 30 Марта, возили полковника Батенкова во дворецъ. Долго думавъ о томъ, кто-бы могъ сказать такую вещь импера-

тору, онъ наконецъ увѣрялъ меня, что это не изъ крѣпости вынесено, но что навѣрное; кто сказалъ, тотъ внѣ крѣпости. Тогда я подумалъ, что это долженъ быть генералъ Сергѣй Шиповъ, къ которому теперь должно обратиться.

По смерти икператора Александра, к поѣхалъ къ Шипову, и мы вдвоемъ разговаривали о тогдашнихъ обстоятельствахъ. — Онъ сожалѣлъ, что брата его не было въ городѣ, который съ 2мъ преображенскимъ баталліономъ стоялъ внѣ города, какъ и всѣ 2ые баталліоны гвардейскихъ полковъ. — С. Шиповъ говориль, что желаетъ устроить такъ, чтобъ можно было намъ втроемъ поговорить. Чрезъ нѣсколько дней я поѣхалъ къ нему опять. Мнѣ казалось, что онъ хотѣлъ избѣжать разговора; потому что онъ просилъ меня прослушать его проэктъ о фурштатскихъ баталліонахъ. Я скоро прекратилъ чтеніе огромнѣйшей тетради, сказавъ ему, что можемъ заняться важнѣйшимъ и поговорить о предметахъ, которые теперь ближе касаются насъ. Онъ положилъ свою тетрадь, и мы снова стали говорить о тогдашнихъ обстоятельствахъ и дѣлать различныя предположенія о будущемъ императорѣ. Наконецъ онъ сказалъ: „Большое несчастіе будетъ, если Константинъ будетъ императоромъ".

Я. Почему ты такъ судишь?

Онъ. Онъ варваръ.

Я. Но и Николай человѣкъ жестокой.

Онъ. Какая разница! Этотъ человѣкъ просвѣщенный, а тотъ варваръ.

Я. Константинъ теперь не молодь. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ Варшавѣ, онъ ведетъ себя совсѣмъ иначе, нежели велъ себя въ Петербургѣ. Говорятъ, жена его очень смягчила его нравъ и почти совсѣмъ его перемѣнила.

Онъ. Нѣтъ, какъ можно сравнить его съ Николаемъ; это человѣкъ просвѣщенный, европейской, а тотъ злой варваръ.

Я. Ты, можетъ быть, ближе знаешь Николая, нежели я, и можешь лучше судить о немъ. Я вижу, что Константину солдаты присягнули съ готовностію, можетъ быть оттого, что они его не знаютъ; десять лѣтъ онъ въ отсутствіи, а меньшихъ братьевъ они ненавидятъ, и очень худо объ нихъ относятся. Если Константинъ откажется, то трудно будетъ заставить солдатъ присягнуть Николаю. Ты можешь о томъ судить потому, что̀ было во внутреннемъ караулѣ въ день присяги. У насъ это новое, чтобъ императоръ, которому присягнули, отказался отъ престола. Какимъ образомъ заставить солдатъ повѣ-

рить такому небывалому примѣру? Особенно если Константинъ не пріѣдетъ и лично не объявитъ солдатамъ, что онъ передаетъ престолъ меньшому брату, то я не знаю, что изъ этого будетъ.

Онъ. Я отвѣчаю за свой полкъ, я могу заставить своихъ солдатъ присягнуть кому хочу.

Я. Изъ всѣхъ полковыхъ командировъ ты, вѣрно, однинъ можешь это сказать; къ прочимъ, кажется, люди не имѣютъ такой довѣренности.

Онъ. Меня солдаты послушаютъ. Я первый узнаю, если Константинъ откажется. Мнѣ тотчасъ пришлютъ сказать изъ Аничовскаго дворца; я тотчасъ приведу свой полкъ къ присягѣ. Я отвѣчалъ за него, я далъ слово.

Я. Но можешь-ли ты знать, что тебѣ скажутъ истину? Кажется очень желаютъ царствовать, и въ такомъ случаѣ развѣ не могутъ прислать тебѣ сказать, что Константинъ отказался, и обманутъ тебя. Ты приведешь полкъ къ присягѣ, а окажется, что Константинъ не отказался; что ты будешь тогда дѣлать? Ты несешь голову на плаху.

Эти слова поразили Шипова; онъ отскочилъ отъ меня, потомъ спросилъ: "Трубецкой! чтожъ дѣлать?" Я продолжалъ: Если даже Константинъ не откажется, то можемъ-ли мы полагать, что

все спокойно кончится? Ненависть солдатъ, дурное мнѣніе, которое вообще всѣ имѣютъ о Николаѣ, развѣ не можетъ возродить сопротивленіе и не отъ однихъ солдатъ?

Онъ. А развѣ есть что? развѣ говорятъ о чемъ?

Я. Я не знаю; но все можетъ быть.

Онъ. Трубецкой! у тебя много знакомыхъ; ты многихъ знаешь въ Совѣтѣ, въ Сенатѣ. Если есть что, если о чемъ поговариваютъ въ Совѣтѣ, то пожалуйста увѣдомляй меня.

Изъ продолженія разговора я видѣлъ, что Шиповъ передался совсѣмъ на сторону в. к. Николая, и не съ тѣмъ требуетъ свѣденій, чтобы дѣйствовать въ нашихъ видахъ. Эта была для насъ большая потеря, потому что Шиповъ былъ всегда членомъ, на котораго полагались, и очень друженъ съ Пестелемъ. Онъ былъ полковой командиръ и не только по словамъ его, но и по слухамъ былъ любимъ въ полку, и хотя, можетъ быть, слишкомъ много приписывалъ себѣ власти на своихъ подчиненныхъ, но безъ сомнѣнія могъ имѣть довольно вліянія на умы ихъ и, слѣдовательно, сдѣлать большой перевѣсъ на ту сторону, которѣю приметъ.

Долго я думалъ о разговорѣ съ Бенкендор-

фомъ. Необычайная милость, объявленная имъ мнѣ отъ императора, приводила меня въ недоумѣніе. "Неужели я такъ ошибся въ его нравѣ, говорилъ я самъ себѣ, полагая его человѣкомъ жестокимъ, не имѣющимъ ни доброты сердечной, ни великодушія, желающимъ власти единственно для удовлетворенія своему властолюбію, а нисколько не для того, чтобъ имѣть возможность устроить благо подданныхъ и владѣть сердцами ихъ посредствомъ кротости и милосердія. Грубо, очень грубо ошибся я въ немъ; даже и тогда грубо ошибся, если милосердіе, которое онъ оказать хочетъ намъ, проистекаетъ болѣе отъ ума, нежели отъ сердца. Что долженъ я заключить для себя изъ сказаннаго Бенкендорфомъ? что меня и всѣхъ задержанныхъ выпустятъ по окончаніи слѣдствія? Всѣхъ возстановятъ въ прежнихъ званіяхъ и достоинствахъ? А я думалъ, что меня запрутъ, и я никогда не вырвусь изъ Алексѣевскаго равелина! Когда меня водили въ комитетъ, или въ баню, я всегда разсматривалъ и изыскивалъ средства уйти, если опредѣлено будетъ мнѣ вѣчное здѣсь заключеніе. Тяжела мысль быть вѣчно обязаннымъ благодарностію человѣку, о которомъ я имѣлъ такое худое мнѣніе. А если онъ будетъ въ разсужденіи меня такъ великоду-

шенъ, каковымъ представилъ его Бенкендорфъ, то я обязанъ буду посвятить ему всѣ остальные дни моей жизни". Эти мысли бродили нѣкоторое время въ головѣ моей и тревожили меня; наконецъ я успокоился, убѣдивъ себя, что дѣло несбыточное, чтобъ все такъ могло кончиться, какъ казалось изъ рѣчей Бенкендорфа.

На 6 недѣлѣ поста, не помню въ какой день, а кажется, въ четвергъ, приходитъ за мной плацъ-адъютантъ въ необычайное время, скоро послѣ обѣда, и приносятъ мой мундиръ. Приглашаетъ меня одѣться съ видомъ какимъ-то пріятнымъ*), какъ-бы для предваренія моего, что выходъ мой не принесетъ мнѣ ничего, кромѣ удовольствія, и ведетъ меня въ домъ коменданта. Вхожу въ комнату и въ объятія мои бросается сестра. Она нѣсколько уже дней имѣла позволеніе видѣть меня, но ледъ на Невѣ препятствовалъ переѣхать въ крѣпость; нынѣ это было возможно и она воспользовалась дозволеніемъ, выпрошеннымъ

*) За нѣсколько дней до того, этотъ-же плацъ-адъютантъ принесъ мнѣ кусочикъ просвирки отъ имени моей сестры. Когда я развернулъ ее онъ наклонился и съ большимъ вниманіемъ искалъ долго на полу. Съ удивленіемъ я увидѣлъ, что онъ такъ старательно отыскивалъ булавку, которою была заколота бумажка.

ею лично, когда откланивалась императрицѣ, намѣреваясь отъѣхать въ Москву. Сестра рада была меня видѣть, между тѣмъ была грустна, хотя старалась скрывать грусть свою подъ улыбкою. Разговоръ нашъ не могъ быть свободенъ, потому что комендантъ, генералъ Сукинъ во все время сидѣлъ возлѣ насъ за столикомъ на которомъ угощалъ насъ чаемъ. Нѣсколько разъ за нимъ приходили, но онъ отлучиться не хотѣлъ; наконецъ доложили ему, что пріѣхалъ отъ государя генералъ-адъютантъ, кажется Левашовъ, онъ и тогда сказалъ, что ему не время. Пріѣхавшій генералъ пошелъ ходить по крѣпости, потомъ возвратился и опять требовалъ свиданія. Сукинъ велѣлъ его позвать, а самъ дойдя до дверей комнаты и сказавъ ему одно слово, поспѣшилъ на своей деревяшкѣ воротиться къ занимаемому имъ мѣсту.

Сестра только успѣла въ это время спросить меня: замѣшанъ-ли я въ покушеніи на жизнь императора? Я отвѣчалъ, что нѣтъ; но что кажется есть намѣреніе меня замѣшать. Она отерла слезу; но сказать болѣе ничего не могла, потому что комендантъ сидѣлъ уже на своемъ мѣстѣ прежде, нежели я договорилъ отвѣтъ. (Я послѣ узналъ отъ жены моей, что ему велѣно было записать и

представить весь нашъ разговоръ; сестра это знала и потому не смѣла говорить того, что-бы хотѣла). Пришло время разстаться намъ и со стороны сестры не обошлось безъ слезъ; мнѣ также было грустно. Мы не надѣялись больше видѣться; она чрезъ нѣсколько дней уѣхала въ Москву. Я тогда не зналъ, что добрая сестра моя выпросила еще обѣщаніе свиданія женѣ моей со мною. Нѣсколько дней провелъ я довольно покойно въ казематѣ, воспоминая свиданіе съ сестрою. На страстной недѣлѣ въ два разные дня, я имѣлъ еще удовольствіе получить вопросные пункты такого рода, отвѣты на кои должны были служить къ облегченію судьбы тѣхъ лицъ, кого они касались. Такой случай представлялся въ первый разъ, и слѣдовательно былъ для меня очень отраденъ. Въ одномъ вопросѣ спрашивали, почему я просилъ Рылѣева, чтобъ не сообщалъ онъ полковнику Глинкѣ о нашихъ намѣреніяхъ? Въ другомъ, что кн. Оболенской ссылается на меня, что когда въ 1823 году пріѣзжалъ Пестель въ Петербургъ и своими разсужденіями увлекъ его къ признанію необходимости республиканскаго правленія въ Россіи, то я отвратилъ его отъ этихъ мыслей, доказавъ ему, что республику не иначе можно учредить, какъ истребленіемъ им-

ператорскаго дома, чрезъ какое дѣйствіе Общество неминуемо поселило-бы къ себѣ омерзеніе и привело-бы въ ужасъ весь народъ.

Въ понедѣльникъ на святой недѣдѣ я имѣлъ неожиданное счастіе обнять мою жену. Я не зналъ, что сестрѣ моей было обѣщано позволеніе женѣ свидѣться со мною. Не легко изобразить чувства наши при этомъ свиданіи. Казалось всѣ несчастія были забыты; всѣ лишенія, всѣ страданія, всѣ безпокойства исчезли. Добрый, вѣрный другъ мой — она ожидала съ твердостію всего худшаго для меня, но давно уже рѣшилась, если только я останусь живъ, раздѣлить участь мою со мной, и не показала ни малѣйшей слабости. Она молилась, чтобы Богъ сохранилъ мою жизнь, и далъ мнѣ силы перенести съ твердостію теперешнее и будущее положеніе мое. Наше свиданіе было подобно свиданію моему съ сестрой, въ присутствіи коменданта, который какъ будто-бы для того, чтобы дать намъ болѣе свободы, притворился спящимъ въ своихъ креслахъ. До сихъ поръ я не имѣлъ никакой надежды увидать когда-нибудь жену мою; но это свиданіе заставило меня надѣяться, что мы опять будемъ когда-нибудь вмѣстѣ; и потому можетъ быть часъ разлуки, не такъ показался мнѣ тягостнымъ, какъ должно было

ожидать. Воспоминаніе о проведенныхъ вмѣстѣ часахъ сладостно занимало меня многіе дни. Я благодарилъ Бога отъ глубины души за то, что онъ милостію своею такъ поддержалъ ее и въ чувствахъ внутреннихъ, и въ наружномъ видѣ. Ничего отчаяннаго, убитаго не было ни въ лицѣ, ни въ одеждѣ; во всемъ соблюдено пристойное достоинство. Видъ ея и разговоръ съ нею укрѣпили во мнѣ упованіе въ Бога, и я съ тѣхъ поръ совершенно покорился волѣ провидѣнія, предавшись всѣми моими чувствами съ полною покорностію всему, что ему угодно будетъ мнѣ послать въ будущности. Спокойствіе мое было прервано. 8го Мая призывали меня поутру къ допросу; я нашелъ однаго Чернышева и Адлерберга, который по обыкновенію рисовалъ и чертилъ на листѣ предъ нимъ лежащимъ. Чернышевъ съ язвительною, казалось мнѣ, улыбкою объявилъ мнѣ, что отвѣты мои на большой допросъ, посланный мнѣ въ Февралѣ, казавшіеся подробными и удовлетворительными, оказались пустыми (т. е. комитетъ былъ ими недоволенъ потому что они никого не запутывали). Онъ мнѣ сдѣлалъ много вопросовъ по большей части вздорныхъ. Если это было съ показаній нѣкоторыхъ изъ подсудимыхъ, то должно быть такихъ, которые не имѣли со мной никакого

знакомства и знали меня только по дальнимъ слухамъ. Такъ оно дѣйствительно и было. Нѣкоторые слухи, которые были обо мнѣ въ Обществѣ Славянъ (вовсе небывшемъ мнѣ извѣстнымъ и о существованіи котораго я не имѣлъ никакого свѣденія), были предложены мнѣ, какъ показанія членовъ, и ни въ чемъ не было не только истины, но и тѣни справедливости. Не смотря на то, отъ меня потребовали письменныхъ отвѣтовъ, которые я и далъ, получивъ на другой день письменные вопросы, изъ которыхъ однакожъ многіе сдѣланные мнѣ словесно были исключены. Напирали однакожъ на намѣреніе цареубійства. Въ этомъ случаѣ я сослался на записку мою, которую въ ночь съ 14 на 15 я видѣлъ въ рукахъ императора и изъ которой ясно было видно какія были мои намѣренія. Въ ней ничего похожаго на такой умыселъ не было; напротивъ опредѣлено вступить въ переговоры съ Николаемъ Павловичемъ и вступленіе на престолъ подвергнуть рѣшенію общаго собранія довѣренныхъ людей всѣхъ сословій государства, собранныхъ призывомъ Сената; слѣдовательно мы не принимали на себя никакой власти.

До сихъ поръ я не имѣлъ ни съ кѣмъ очныхъ ставокъ; наконецъ меня позвали и я увидѣлъ

себя предъ Бригенымъ, котораго полагалъ за границей. Меня спрашивали до того, отъ кого я слышалъ о ненависти къ покойному государю Якубовича, и о намѣреніи его принести жизнь его въ жертву этому чувству, основанному на личномъ мщеніи. Я имѣлъ неосторожность отвѣчать, что отъ полковника Бригена. Меня заставили это при немъ подтвердить, и вѣроятно это было причиною осужденія его на одинъ годъ каторжной работы. Изъ словъ Бригена я увидѣлъ, что ему ставятъ въ вину познаніе этого обстоятельства; но уже нельзя было отречься, потому что не мнѣ одному было извѣстно, что Бригенъ это разсказывалъ. Съ лейтенантомъ Арбузовымъ я былъ счастливѣе. Въ допросѣ о немъ вырвались у меня его слова: "если будутъ въ насъ стрѣлять, то мы пушки отобьемъ." Наученный примѣромъ бывшаго съ Бригенымъ, я отказался отъ этого показаніи, объявилъ, что если я сказалъ это на Арбузова, то это неправда. Арбузовъ говорилъ мнѣ послѣ, что слышалъ мои слова, потому что ожидалъ возлѣ въ комнатѣ очной ставки со мною. Въ день преполовенія меня повели по утру дорогой очень кружной въ нижнюю комнату комендантскаго дома, гдѣ я

просидѣлъ до вечера въ ожиданіи, но отпустили, не давъ ни съ кѣмъ очной ставки.

Съ этого дня пошло въ комитетѣ очищеніе очными ставками всѣхъ сомнительныхъ пунктовъ, и я имѣлъ очную ставку съ Рылѣевымъ по многимъ пунктамъ, по которымъ показанія наши были сходны. Между прочими были такіе, въ которыхъ дѣло шло объ общемъ дѣйствіи, и когда я не призналъ разсказъ Рылѣева справедливымъ, то онъ далъ мнѣ почувствовать, что я, выгораживая себя, сваливаю на него. Разумѣется, мой отвѣтъ былъ, что я не только ничего своего не хочу свалить на него; но что я соглашаюсь заранѣе со всѣмъ тѣмъ, что онъ сказалъ о моемъ дѣйствіи, и что я на свой счетъ ничего не скрылъ и болѣе сказалъ, нежели онъ можетъ сказать. Видъ Рылѣева сдѣлалъ на меня печальное впечатлѣніе; онъ былъ блѣденъ чрезвычайно и очень похудѣлъ; вѣроятно, мой видъ сдѣлалъ на него подобное-же впечатлѣніе. Но его видъ такъ поразилъ меня, что я сдѣлалъ то, чего-бы не долженъ былъ, а именно. я по нѣкоторомъ оспариваніи показаній его мнѣнія о другихъ лицахъ, не сталъ упорствовать и согласился, что онъ говорилъ то, чего я отъ него не слыхалъ, какъ и

теперь въ томъ увѣренъ, и что можетъ быть подвергло строжайшему осужденію эти лица.

По соглашеніи предмета, по которому была у насъ очная ставка, князь А. Н. Голицынъ вступилъ съ Рылѣевымъ и со мной въ частный разговоръ и продолжалъ его нѣкоторое время въ такомъ тонѣ, какъ будто мы были въ гостинной, даже съ пріятнымъ видомъ и улыбкой, такъ что вопреки всѣмъ дотолѣ бывшимъ убѣжденіямъ, пришла мнѣ мысль, что вѣроятно князю Голицыну извѣстно, что дѣло наше не такъ худо кончится; что религіозный человѣкъ, какимъ онъ издавна почитался, не могъ бы такъ весело разговаривать и почти шутить съ людьми, обреченными смерти. Разговоръ князя Голицына касался различныхъ предположеній Рылѣева, Пестеля, моихъ относительно временнаго правленія въ случаѣ еслибъ попытка наша удалась. Онъ разбиралъ различныя эти предположенія, говорилъ о Сперанскомъ, Мордвиновѣ, Ермоловѣ, какъ о лицахъ, которыхъ мы предполагали облечь временною верховною властію. Разсуждалъ о составѣ Пестелевой директоріи; шутилъ, что Пестель, находя что образъ моихъ мыслей не сходенъ съ его, не хотѣлъ имѣть меня членомъ своей директоріи, и отъ того назначилъ мнѣ министерство внутрен-

нихъ дѣлъ, а Сергѣю Шипову министерство военныхъ силъ, и распрашивая насъ по этимъ предметамъ, разсуждалъ о лучшемъ по его мнѣнію составѣ временной верховной власти, о различныхъ мѣрахъ, которыми могла быть установлена конституція, и развивалъ сужденія свои объ этихъ предметахъ. Словомъ онъ меня удивилъ несказанно. Я долго разсуждалъ о неизъяснимомъ для меня поведеніи князя Голицына и старался объяснить его себѣ. Между тѣмъ Рылѣевъ имѣлъ свиданіе съ женой, и послѣ того имѣлъ случай увѣдомить меня о томъ запиской и сообщить мнѣ, что жена его сама лично выпросила у императора свиданіе съ мужемъ и просила ему помилованія; получила соизволеніе на первую просьбу, а на вторую была успокоена словами "никто не будетъ обиженъ!"

Потомъ опять чрезъ нѣсколько дней, Рылѣевъ сообщилъ мнѣ, что многія лица, особенно изъ сенаторовъ, требуютъ нашего осужденія; но что Сперанскій и Кочубей настаиваютъ у императора на милость, къ которой онъ очень склоненъ. Я не очень всѣмъ надеждамъ, которыя казалось Рылѣевъ имѣетъ, довѣрялъ; но стало вкрадываться опять сомнѣніе во мнѣ, что я, можетъ

быть, очень несправедливъ былъ противъ Николая Павловича, полагая его человѣкомъ жестокимъ.

Послѣдній запросъ, который былъ мнѣ принесенъ изъ комитета, былъ слѣдующій: "Въ 1820 году, когда Пестель пріѣзжалъ въ Петербургъ, то многія собранія были у полковника Сергѣя Шипова и полковника Глинки, и на нихъ разсуждали объ образѣ правленія, который предполагается учредить въ Россіи. Всѣ единогласно, исключая полковника Глинки, согласились въ томъ, что правленію слѣдуетъ быть республиканскому, при чемъ Н. Тургеневъ сказалъ: "un président sans phrases". Меня спрашивали: точно-ли сказалъ это Тургеневъ? мнѣ легко было отвѣчать, что я былъ за границей и не могъ знать происходившаго въ это время. Вѣроятно отвѣты мои, каковы бы ни были, ни въ какомъ случаѣ не измѣнили бы моего приговора. Я всегда былъ увѣренъ, что онъ изреченъ заранѣе, и кажется въ томъ не ошибся. Слова, сказанныя мнѣ самимъ императоромъ, въ томъ меня убѣждали. Но я думаю, что я не долженъ былъ допустить этой мысли овладѣть столько мною, чтобъ заставить меня съ нѣкоторою безпечностію отвѣчать на несправедливыя обвиненія. Въ послѣднюю половину моего заключенія въ равелинѣ я совершенно

покорился воли провидѣнія и въ твердомъ упованіи на Бога разсуждалъ, что я себя своею защитою не спасу, и чѣмъ она будетъ слабѣе, тѣмъ милость господня, въ случаѣ моего спасенія, явится яснѣе. Эта мысль почти всегда владѣла мною, когда я долженъ былъ писать отвѣты.

Подъ вліяніемъ ея, я и теперь отвѣчалъ только на сдѣланный мнѣ вопросъ касательно другаго лица и не хотѣлъ опровергать несправедливости, которая была сказана обо мнѣ и которая была уже, какъ было видно изъ смысла бумаги, принята какъ дѣло рѣшенное, но на счетъ котораго отъ меня не требовалось никакого и прежде свѣденія, такъ что я удивился, увидѣвъ, что я признанъ въ томъ виновнымъ. Рылѣевъ, узнавъ, что я получилъ запросъ, прислалъ меня спросить о чемъ дѣло? я его увѣдомилъ, и онъ отвѣчалъ, что оно ему извѣстно. Наконецъ началъ проникать ко мнѣ въ тюрьму слухъ, что дѣло наше не кончится комитетомъ, но что насъ будутъ судить въ сенатѣ. Солдаты между тѣмъ, стерегшіе насъ, увѣряли, что все хорошо для насъ кончится; что въ бывшемъ 14-го Декабря происшествіи самъ императоръ съ главными лицами виноватъ, и ему нельзя насъ наказывать. 5-го Іюня подали мнѣ мой мундиръ и повели въ ко-

мендантской домъ; въ комнатѣ, въ которую ввели меня, я нашелъ новыя лица, сидѣвшія за круглымъ столомъ: по срединѣ графъ Головкинъ, по правую его руку кн. С. Н. Салтыковъ и передъ нимъ лежала толстая связка бумагъ; по лѣвую руку графа сенаторъ Барановъ, и Бенкендорфъ не много отъ всѣхъ поодаль. Барановъ спросилъ меня: "отвѣты, писанные вами въ комитетъ, всѣ-ли писаны собственною вашею рукою?" Князь Салтыковъ молча показалъ на кипу предъ нимъ лежавшую. Я отвѣчалъ, что я свои отвѣты всѣ писалъ самъ своею рукою.

Барановъ. И такъ не угодно-ли вамъ это подписать. Написали записку, которую подалъ мнѣ Бенкендорфъ съ особенною учтивостью, всталъ и принесъ мнѣ стулъ. Я сѣлъ и подписалъ поданную записку, которая заключала сказанный мною отвѣтъ, и меня тотчасъ опустили.*) Послѣ этого дня я оставался въ ожиданіи суда, какъ вдругъ 10го числа пришли за мной рано по утру и повели меня въ комендантской домъ. Я нашелъ

*) Нѣкоторыя лица изъ подсудимыхъ объявили, что отвѣты ихъ были вынуждены насильственными мѣрами: голодомъ, закованіемъ въ желѣза, и. т. п. Посланъ былъ къ нимъ священникъ упрашивать, чтобы они взяли назадъ это показаніе, и онъ въ томъ успѣлъ.

его наполненный часовыми, а въ комнатѣ, въ которую меня ввели, Артамона Муравьева и князя Барятинскаго. Я удивился, увидѣвъ себя въ ихъ обществѣ, ибо полагалъ, что ничего не имѣю съ ними общаго. За мной въ слѣдъ вошли два брата Борисовыхъ, которыхъ я ни лицъ, ни именъ, ни участія не зналъ. Удивленіе мое возросло. Муравьевъ, какъ скоро увидѣлъ меня, сказалъ мнѣ: "Какъ я счастливъ, что я съ тобою!"

Я. А я нисколько не радуюсь твоему счастію.

Муравьевъ. Это значитъ, что моя судьба будетъ лучше, нежели я ожидалъ.

Я. А я думаю, что ты жестоко ошибаешься.

Муравьевъ. Нѣтъ, и я тебѣ скажу почему. Государь писалъ къ твоей женѣ, что онъ участь твою облегчитъ. Я это знаю отъ жены, которая получила, еще будучи въ Ахтыркѣ, письмо отъ гр. Самойловой, которая ей это писала.

Я. Я не вѣрю, чтобы это была правда.

Муравьевъ. Я тебя увѣряю, что это точно было.

Тутъ я спросилъ Муравьева: Кто были тѣ лица, о которыхъ я не имѣлъ никакого понятія; онъ отвѣчалъ, что не знаетъ. Барятинскій сказалъ мнѣ послѣ, что Борисовы; но это мнѣ ничего не разъяснило. Я дивился, что я не вижу ни-

кого изъ тѣхъ, съ которыми ожидалъ быть. Наконецъ пришелъ князь Оболенской, и я увидѣлъ, что комната возлѣ насъ наполнилась разными мундирами. Между тѣмъ въ нашу вошли еще лица мнѣ неизвѣстныя, но ни Рылѣева, ни Пестеля не было.

Вдругъ входитъ священникъ; я къ нему подошелъ, онъ меня отвелъ къ окошку. Я его спросилъ, что это все значитъ? Онъ отвѣчалъ, что будутъ намъ читать приговоръ и что мы осуждены въ работу. Я изъявилъ ему удивленіе, что не вижу Рылѣева, Пестеля и другихъ, кромѣ Оболенскаго; онъ сказалъ: "Не пугайтесь того, что я вамъ скажу. Они будутъ приговорены къ смертной казни и даже ихъ поведутъ; но они будутъ помилованы. Я хотѣлъ васъ предупредить."

Меня обступили, хотѣли знать, что сказалъ ушедшій священникъ. Между тѣмъ всѣ назначенные въ эту комнату собрались. Это были, кромѣ меня и пятерыхъ вышепоимянованныхъ, еще маіоръ Спиридовъ, Бечасный, Якубовичъ и Вадковскій. Спустя нѣкоторое время насъ повели, и я къ удивленію своему увидѣлъ себя поставленнаго предъ многочисленнымъ собраніемъ важнѣйжихъ государственныхъ чиновъ. Въ боль-

шомъ залѣ комендантскаго дома былъ поставленъ *покоемъ* огромный столъ. За нимъ сидѣли члены совѣта, сенаторы, митрополиты, и разные первыхъ чиновъ люди и принадлежавшіе къ симъ государственнымъ мѣстамъ. Всѣмъ не достало мѣста за столомъ; многіе были сзади въ глубинѣ комнаты. Торжественно прочли каждому изъ насъ, начиная съ меня, сентенцію Верховнаго Уголовнаго Суда (такъ названнаго). Всѣ мы были приговорены имъ къ отсѣченію головъ, которая казнь императоромъ уменьшена и измѣнена въ осужденіе вѣчно на каторжную работу. Мнѣ суждено было переходить отъ удивленія къ удивленію. Я не зналъ, что есть судъ надо мною; теперь узналъ, что онъ уже и осудилъ меня. Я думалъ, что если будутъ судить меня, то или особой коммиссіей, или въ сенатѣ; теперь узналъ, что установленъ для этого Верховный Уголовный Судъ изъ синода, совѣта, сената и присоединенныхъ къ нимъ различныхъ особъ. Я думалъ, что меня осудятъ за участіе въ бунтѣ; меня осуждали за цареубійство. Я готовъ былъ спросить: Какого царя я убилъ или хотѣлъ убить?

Насъ увели уже не въ тѣ казематы, гдѣ мы прежде сидѣли, но въ кронверскую куртину. Мнѣ достался No. 23, пять шаговъ въ длину и три въ

ширину; во всю длину проходила сквозь окно надъ головою желѣзная труба изъ печи, стоявшей въ глубинѣ каземата, отъ котораго былъ отгороженъ мой номеръ. Скоро услышалъ я вокругъ себя человѣческіе голоса и нѣкоторые знакомые; потомъ изъ за перегородки возлѣ меня вопросы сосѣда, желавшаго знать кто въ его сосѣдствѣ. Я не могу выразить, какое чувство радости овладѣло мною при этомъ слухѣ и отъ того, что я могу наконецъ разговаривать съ подобными себѣ. Я узналъ, что сосѣдъ мой Веденяпинъ, приговоренный на поселеніе въ Сибирь. Мы разговаривали до глубокой ночи. Надобно однакожъ было лечь спать; но я не могъ имѣть отдыха; крупныя блохи заѣли меня и только въ 4мъ часу, отъ сильной усталости, я могъ заснуть не надолго. Насъ разбудили, велѣли одѣваться. Мы услышали шумъ у нашихъ оконъ, звукъ цѣпей, людей проходящихъ; послѣ узнали, что это были пять нашихъ товарищей, осужденныхъ на смерть, которыхъ за ранѣе вывели къ приготовлявшейся для нихъ висѣлицѣ. Сосѣдъ мой предостерегалъ меня, чтобъ я не надѣвалъ орденовъ и не застегивалъ мундирнаго воротника на крючки, потому что онъ узналъ отъ служителя, что ихъ будутъ съ насъ срывать. Я не хотѣлъ послѣдовать его

совѣту. Когда разсвѣло, насъ вывели и поставили посреди солдатъ павловскаго полка, которые окружали со всѣхъ сторонъ. Здѣсь я увидѣлъ многихъ, кого не ожидалъ: Александра Николаевича Муравьева, Лунина, фонъ Визина, Краснокуцкаго, и другихъ. Послѣдній сказалъ мнѣ: "Вѣроятно тебя много спрашивали обо мнѣ, потому что я во всемъ на тебя ссылался." Ни въ одной бумагѣ, ниже словесно меня объ немъ никто не спрашивалъ, и я полагалъ, что онъ даже не арестованъ. Помина объ немъ не было, равно какъ и о другихъ вышепоимянованныхъ. Когда свели насъ всѣхъ вмѣстѣ, то начали выкликать для раздѣленія по роду службы. Я былъ поставленъ самъ семъ, и мы семеро были приведены предъ знамена лейбъ-гвардіи семеновскаго полка. Послѣ барабаннаго боя намъ прочли вновь сентенцію, и профосъ началъ ломать надъ моею головою шпагу (мнѣ прежде велѣно было стать на колѣни). Во весь опоръ прискакалъ генералъ и кричалъ: что́ дѣлаете? Съ меня забыли сорвать мундиръ. Подскакавшій былъ Шиповъ. Я обратилъ голову къ нему и видъ мой произвелъ на него дѣйствіе Медузиной головы. Онъ замолчалъ и стремглавъ ускакалъ. Видъ знаменъ того полка, въ которомъ я нѣкогда служылъ, возбудилъ во

мнѣ воспоминанія моей службы въ немъ, Кульма, за которую были даны знамена; я ихъ видѣлъ въ рукахъ людей, не имѣвшихъ на нихъ право, тогда какъ заслужившіе были въ гоненіи и разсѣяны по всей арміи; эта мысль возбудила во мнѣ сильное чувство негодованія. Довольнаго труда стоило профосу сорвать съ меня мундиръ, онъ такъ хорошо былъ застегнутъ; должно было изорвать въ клочки; шпагу также не подпилили и ломая ее довольно больно, ушибли мнѣ голову. Всѣ наши доспѣхи сложены были въ костры и зажжены, а насъ одѣли въ полосатые халаты и отвели обратно въ казематы. Мы замѣтили столбы на валу однаго бастіона кронверка. Это была висѣлица, которая еще не имѣла перекладины; и въ нашемъ отдѣленіи казни товарищей мы видѣть не могли, ибо прежде вошли въ крѣпость. Народа было не много. Уже въ своемъ номерѣ я узналъ отъ сосѣда своего, что нашихъ товарищей повѣсили, о чемъ онъ узналъ отъ прислуживавшаго унтеръ-офицера. Я вѣрить не хотѣлъ; но пришедшій священникъ подтвердилъ эту вѣсть. Разсказывалъ о ихъ смерти, которая его тронула до глубины души. Онъ и теперь и послѣ не могъ говорить о нихъ безъ глубокаго умиленія, особенно о Рылѣевѣ, Муравьевѣ и Пес-

телѣ. Послѣдній просилъ его благословенія, хотя и былъ другаго исповѣданія. У двухъ первыхъ оборвались веревки, и Чернышевъ закричалъ, чтобъ скорѣе повторили надъ ними казнь. Священникъ сказалъ мнѣ, что онъ ежеминутно ожидалъ гонца о помилованіи, и къ крайнему своему удивленію тщетно. Мысль о казни товарищей заставила меня забыть свое положеніе; я ни о чемъ иномъ не могъ думать. Принесли мнѣ письмо отъ жены, которая увѣдомляла меня, что она вслѣдъ за мной ѣдетъ въ Сибирь. Тогда я понялъ многое, что мнѣ темно было въ ея письмахъ. Она давно къ тому готовилась, но страшилась, чтобъ я не былъ осужденъ на смерть. Она знала, что многіе требовали моей казни и нѣсколькихъ другихъ за мною слѣдовавшихъ. Говорятъ, что Николай Павловичъ не согласился на нее; можетъ быть онъ хотѣлъ сдержать то, что заставилъ меня именемъ своимъ написать къ женѣ моей "что я буду живъ". *)

На слѣдующій день, т. е. въ четвергъ, духовникъ нашъ пришелъ пріобщать насъ всѣхъ святыхъ тайнъ. Въ пятницу, 12го, я видѣлся съ

*) 15 генераловъ, въ числѣ которыхъ были Головинъ и Башуцкій, ѣздили просить государя, чтобы большее число было осуждено на смерть.

женою моею у коменданта. Съ нею пріѣхала моя теща и оба мои братья. Этого свиданія описать нельзя. Жена впилась въ меня, братья бросились въ ноги и обнимали колѣна, и теперь при воспоминаніи ихъ любви, слеза навертывается на глаза. Теща была также очень нѣжна и много плакала. Я возвратился въ свою тюрьму въ большомъ волненіи; часть ночи не спалъ — писалъ письмо, которое хотѣлъ отдать женѣ при первомъ свиданіи, другую часть отъ блохъ. Наконецъ изнеможеніе навело сонъ. По утру вставъ, сталъ разговаривать съ солдатомъ, какъ вдругъ кровь хлынула горломъ и пошла какъ изъ кувшина. Поспѣшно прибѣжалъ лѣкарь; далъ мнѣ всю нужную помощь. Кровь остановилась, волненіе продолжалось; но не столь сильное; слабость овладѣла всѣмъ тѣломъ. Въ понедѣльникъ меня перевели въ No. 3. Невской Куртины; мнѣ жаль было разстаться съ сосѣдомъ и съ голосами знакомыми вокругъ меня; но я былъ слишкомъ слабъ и самъ не могъ принимать участія въ разговорахъ. Въ четвергъ я всталъ съ постели и могъ сдѣлать нѣсколько шаговъ по комнатѣ довольно большой. Въ пятницу старались укрѣпить мои силы пищею и лѣкарствомъ, которымъ лѣкарь снабдилъ меня и въ запасъ. Вечеромъ ве-

лѣли приготовиться къ отъѣзду и уложить присланное платье, бѣлье, и пр., и ночью повели въ домъ къ коменданту. Я здѣсь встрѣтился съ Волконскимъ и Борисовыми, съ которыми долженъ былъ вмѣстѣ ѣхать. Камердинеръ Сукина провелъ меня въ кабинетъ своего господина, который сказалъ мнѣ, что онъ хочетъ проститься со мною, отдалъ мнѣ поклонъ отъ Маврина и сказалъ мнѣ, что я найду въ Пеллѣ жену мою, которая туда уже отправилась, что въ крѣпости онъ не могъ мнѣ дать съ нею другаго свиданія.

Потомъ, вышедъ къ намъ, объявилъ, что императоръ приказалъ отвести насъ въ Сибирь въ каторжную работу закованными. Намъ надѣли кандалы и посадили въ тѣлеги съ жандармами. Въ Пеллѣ я нашелъ жену мою и брата Александра, княгиню С. Г. Волконскую съ сыномъ. Жена сказала мнѣ, что она завтра-же за мной выѣзжаетъ; мы пробыли вмѣстѣ часа два и разстались. Свѣжій воздухъ укрѣпилъ меня, и не взирая на скорую ѣзду и тряску кибитки, я пріѣхалъ въ Иркутскъ совершенно здоровый.

ОТРЫВКИ.

...Съ младенчества моего вкоренена въ сердцѣ моемъ увѣренность, что промыселъ Божій ведетъ человѣка ко благу, какъ-бы путь, которымъ онъ идетъ ни казался тяжелъ и несчастливъ. Эта увѣренность не уменьшилась, но укрѣпилась еще въ тѣхъ поръ, когда обстоятельства моей жизни приняли оборотъ, для всякаго посторонняго зрителя несчастный. Въ теченіи этого времени я имѣлъ случай познать всю благость Вышняго Промысла и научился благословлять его за все посылаемое счастіе и несчастіе. Я убѣжденъ, что еслибы я не испыталъ жестокой превратности судьбы и шелъ-бы безъ препятствій блестящимъ путемъ, мнѣ предстоявшимъ, то со временемъ сдѣлался-бы недостоинъ милостей Божіихъ и утратилъ-би истинное достоинство человѣка. Ны-

нѣ-же я благословляю десницу Божію, проведшую меня по терновому пути, и тѣмъ очистившую сердце мое отъ страстей, имъ обладавшихъ, показавшую мнѣ, въ чемъ заключается истинное достоинство человѣка и цѣль человѣческой жизни, и между тѣмъ наградившее меня и на земномъ поприщѣ ни съ какимъ другимъ несравненнымъ счастіемъ семейной жизни и неотъемлемымъ духовнымъ благомъ — спокойствіемъ совѣсти.

Со времени вступленія дома Романовыхъ на россійской престолъ, малая только часть государей наслѣдовала его спокойно по праву своего рожденія; но большая часть перемѣнъ царствованій была слѣдствіемъ насилія или обмана.*) Никото-

*) Къ несчастію общественное устройство въ Россіи еще и до сихъ поръ таково, что военная сила одна, безъ содѣйствія народа, можетъ не только располагать престоломъ, но и измѣнить образъ правленія. Достаточно заговора нѣсколькихъ полковыхъ командировъ, чтобъ возобновить явленія, подобныя тѣмъ, которыя возвели на престолъ большую часть царствовавшихъ въ прошедшемъ вѣкѣ особъ. Благодаря промыслу, нынѣ просвѣщеніе распространило понятіе, что подобные дворцовые перевороты не ведутъ ни къ чему доброму; что лицо, сосредоточивающее въ себѣ власть, не сильно устроить благоденствіе

рое изъ нихъ однакожъ не было сопровождено такими происшествіями, которыми ознаменовано было начало нынѣшняго царствованія (Николая I). Эти происшествія всѣмъ извѣстны; они происходили въ виду всего государства. Торжественный судъ произнесъ свой приговоръ надъ участвовавшими въ нихъ. При всѣмъ томъ однакожъ многія обстоятельства остались неизвѣстными народу; они или не открыты слѣдственной коммиссіей, или скрыты правительствомъ съ намѣреніемъ.*)

народа въ теперешнемъ его быту, но что только усовершенствованный образъ государственнаго устройства можетъ со временемъ искоренить злоупотребленія и притѣсненія, неразлучныя съ самодержавіемъ. Лицо, имъ облеченное, какой-бы оно ни горѣло горячей любовью къ отечеству, не въ состояніи поселить этого чувства въ другихъ, которымъ оно по необходимости должно удѣлять часть своей власти. Нынѣшнее государственное устройство не можетъ всегда существовать, и горе если оно измѣнится черезъ возстаніе народа. Обстоятельства, сопровождавшія восшествіе на престолъ нынѣ царствующаго государя (Николая), были самыя благопріятныя для введенія новаго порядка въ государственномъ устройствѣ безъ опаснаго участія народнаго; но высшіе государственные сановники или не постигли того, или не желали его введенія. Сопротивленіе, котораго по духу, овладѣвшему тогда гвардейскимъ войскомъ, должны были ожидать, не имѣя благодѣтельнаго направленія, должно было разрѣшиться безпорядочнымъ бунтомъ. Тайное Общество взяло на себя обратить его къ лучшей цѣли.

*) Отчетъ, напечатанный правительствомъ по окончаніи

Исторія со временемъ откроетъ всѣ тайныя обстоятельства этого дѣла; но цѣль этихъ записокъ не есть та, чтобъ онѣ могли служить матеріалами для будущаго историка Россіи. Я ихъ оставляю дѣтямъ моимъ для того, чтобъ они знали, почему они родились и взросли въ Сибири и почему они не наслѣдовали тѣхъ правъ состоянія, которыя принадлежали ихъ родителямъ. Видя въ малолѣтствѣ своемъ родителей своихъ въ состояніи, отличномъ отъ прочихъ людей, они не могли давать себѣ отчета въ причинахъ, поставившихъ ихъ въ это состояніе; когда-же придутъ въ возрастъ, то будутъ слышать различныя сужденія о нихъ и будутъ въ недоумѣніи, что самимъ думать. Бывъ свидѣтелями правдивой и благочестивой жизни родителей своихъ, имъ можетъ въ возрастѣ ихъ придти мысль укорить провидѣніе въ несправедливости, т правительство въ угнетеніи невинности. Молодые ихъ умы не въ состояніи будутъ согласить мысли, внушенной имъ въ вос-

---

слѣдствія, произведеннаго составленнымъ на то тайнымъ комитетомъ, представилъ тогдашнее дѣйствіе Общества, какъ какое-то безразсудное злоумышленіе людей порочныхъ и развратныхъ, сумазбродно желавшихъ только произвести въ отечествѣ смуты и не имѣвшихъ никакой благородной цѣли, кромѣ низпроверженія существовавшихъ властей и водворенія въ отечествѣ безпорядка.

итаніи, что все въ мірѣ случается по благой волѣ Провидѣнія; они могутъ въ умѣ своемъ оспаривать эту благость, а такой образъ мыслей съ ихъ стороны былъ-бы для насъ верхомъ не счастія и потому необходимо для нихъ прочесть въ сихъ записскахъ, что̀ именно привело ихъ отца въ то положеніе, въ которомъ они видѣли его во время своей юности, и тѣмъ убѣдиться, что истинно-благое и справедливое Провидѣніе предаетъ человѣка той судьбѣ, которую онъ самъ себѣ устроилъ.

Все, что̀ писано до сихъ поръ о дняхъ предшествовавшихъ вступленію на престолъ покойнаго государя Николая Павловича, не имѣтъ для меня и тѣни справедливости. Иностранные писатели прославляли великодушную борьбу двухъ братьевъ (не имѣвшую примѣра въ исторіи), уступавшихъ одинъ другому престолъ обширнѣйшаго въ просвѣщенномъ мірѣ государства. Русскіе по примѣру иностранцевъ разсказываютъ тоже. Отчего произошла такая странность? Иностранцы могли не знать того, что происходило въ нѣдрахъ императорскаго семейства; они видѣли только то, что явно было всѣмъ, т. е. что Константинъ не

принялъ принесенной ему присяги и что вслѣдствіе того Николай вступилъ на престолъ: они видѣли междуцарствіе въ Россійской имперіи, продолжавшееся 16 дней, въ теченіи которыхъ не было сдѣлано меньшимъ братомъ, имѣвшимъ притязаніе на престолъ, никакой видимой попытки для удержанія за собою престолонаслѣдія; они знали, что этотъ братъ, назначенный въ духовномъ завѣщаніи Александра наслѣдникомъ престола послѣ него, принесъ присягу брату старшему, законному наслѣднику по праву первородства, и заключили, что все это онъ сдѣлалъ по доброй волѣ, по великодушію.

Но русскіе почему повторяютъ тоже за иностранцами? Откуда они взяли слова, влагаемыя ими въ уста великаго князя Николая и которыми онъ будто-бы отказывался принять престолъ, предложенный ему членами государственнаго совѣта? Бывъ отлученъ отъ круга государственныхъ дѣятелей въ продолженіе болѣе 30 лѣтъ и проведя все время царствованія императора Николая на противуположномъ краѣ пространнаго Россійскаго государства, на восточныхъ предѣлахъ имперіи — въ дальнемъ сибирскомъ краѣ, я не имѣлъ стредствъ разрѣшить этого вопроса. Думалъ, что льстецы и царедворцы сочинили изъ

подобострастія эту лживую страничку, которую вклели въ исторію. Это меня не удивляло; но если чему удивляюсь, то — что нашелъ тоже повтореннымъ въ разсказѣ человѣка, раздѣлившаго со мною заточеніе и испытавшаго на себѣ всю мстительность Николая (Барона Штейнгеля). Простое разсужденіе должно убѣдить, что если бы Николай дѣйствительно не воспользовался обстоятельствами оттого, что признавалъ законными права старшаго своего брата Константина и великодушно обрекалъ себя на честь быть первымъ подданнымъ своего брата, то онъ не поступилъ-бы съ такою жестокостію, какую оказалъ, въ отношеніи тѣхъ, которые возставали противъ неправильнаго вступленія его на престолъ — неправильнаго, потому что Константину присягнули по манифесту правительствующаго сената, а Николай не хотѣлъ соблюсти для себя этой правильной формы и издалъ манифестъ отъ собственнаго лица, въ которомъ объявлялъ, что старшій братъ отказался и что потому право остается за нимъ. Не также-ли поступилъ бы онъ, если-бъ хотѣлъ овладѣть престоломъ, не имѣя на то согласія истиннаго наслѣдника. *)

*) Въ книгѣ, изданной статсъ-секретаремъ барономъ

Я былъ коротко знакомъ съ д. с. с. Өедоромъ Петровичемъ Опочининымъ. Пріѣхавъ къ нему

Корфомъ подъ заглавіемъ: "Восшествіе на престолъ императора Николая I", сказано, что великій князь не только что не зналъ намѣренія императора Александра назначить его своимъ наслѣдникомъ, но и не помышлялъ никогда, что престолъ долженъ былъ когда-либо сдѣлаться-его достояніемъ, а потому былъ объятъ страхомъ, когда узналъ, что Константинъ не принялъ данной ему присяги. Такое повѣствованіе должно казаться очень страннымъ всѣмъ тѣмъ, кто зналъ, что Александръ давно уже сдѣлалъ завѣщаніе, которое хранилось въ 3-хъ экземплярахъ: въ Москвѣ въ успенскомъ соборѣ, въ государственномъ совѣтѣ и въ правительствующемъ сенатѣ. Публикѣ петербургской было очень извѣстно, что этимъ завѣщаніемъ Николай назначался наслѣдникомъ престола, и конечно это знала не одна петербургская публика. Какъ-же этого не зналъ великій князь, котораго это всѣхъ болѣе касалось!! Можно одно утвердительно сказать, что это обстоятельство никого не безпокоило; Александръ казался такимъ здоровымъ, обѣщалъ жить еще долго и о пріемникѣ его никто не безпокоился. Далѣе въ той-же книгѣ разсказывается какъ братья уступали другъ другу престолъ, что уже писано было во всѣхъ иностранныхъ сочиненіяхъ, описывавшихъ тогдашнія событія въ Россіи и изъ которыхъ вѣроятно, почерпнулъ свой разсказъ и сочинитель статьи, которой эпиграфомъ служатъ ст. 10, 12 и 13-и 2-го посланія апостола Павла къ Коринөянамъ (баронъ Штейнгель). Не стану разбирать всѣхъ этихъ повѣствованій; а разскажу просто, что я слышалъ собственными ушами и видѣлъ собственными глазами въ теченіи тревожныхъ дней, когда еще не было извѣстно, какой выходъ будетъ изъ запутаннаго дѣла, завязавшагося смертію Александра.

25го Ноября, послѣ разговора о тревожныхъ вѣстяхъ, привезенныхъ вчерашнимъ курьеромъ, онъ мнѣ сказалъ, что великій князь Николай пригласилъ къ себѣ — предсѣдателя государственнаго совѣта князя Петра Васильевича Лопухина, князя Алексѣя Борисовича Куракина и графа Михайла Андреевича Милорадовича, бывшаго, какъ извѣстно, тогда военнымъ генералъ-губернаторомъ С.-Петербурга и по случаю удаленія императора отъ столицы облеченнаго особою властію. Великій князь объявилъ имъ свои права на престолонаслѣдіе, извѣстныя имъ по желанію Александра, чтобъ онъ вступилъ послѣ него на престолъ, и по отрѣченію Константина Павловича, по случаю бракосочетанія его съ польскою дѣвицей Грудзинскою, потомъ княгиней Ловичской. Графъ Милорадовичъ отвѣчалъ на отрѣзъ, что великій князь Николай не можетъ и не долженъ никакъ надѣяться наслѣдовать брату своему Александру, въ случаѣ его смерти; что законы имперіи не дозволяютъ располагать престоломъ по завѣщанію, что притомъ завѣщаніе Александра извѣстно только нѣкоторымъ лицамъ, а неизвѣстно въ народѣ; что отрѣченіе Константина также не явное и осталось не обнародованнымъ; что Александръ, если хотѣлъ, чтобы Ни-

колай наслѣдовалъ послѣ него престолъ, долженъ былъ обнародовать при жизни своей волю свою и согласіе на нее Константина; что ни народъ, ни войско не поймутъ отрѣченія и припишутъ все измѣнѣ — тѣмъ болѣе, что ни государя самаго, ни наслѣдника по первородству нѣтъ въ столицѣ, но оба были въ отсутствіи; что наконецъ гвардія рѣшительно откажется принести Николаю присягу въ такихъ обстоятельствахъ, и неминуемое за тѣмъ послѣдствіе будетъ возмущеніе. Совѣщаніе продолжалось до 2хъ часовъ ночи. Великій князь доказывалъ свои права, но графъ Милорадовичъ признать ихъ не хотѣлъ и отказалъ въ своемъ содѣйствіи. На томъ и разошлись.

Когда было получено извѣстіе о кончинѣ государя, тотчасъ были созваны совѣтъ и сенатъ.

Я пріѣхалъ во дворецъ, когда уже заздравный молебенъ былъ внезапно прекращенъ по случаю пріѣзда курьера съ извѣстіемъ о смерти государя. Я вошелъ обыкновеннымъ малымъ входомъ, извѣстнымъ подъ именемъ комендантской лѣстницы, и былъ крайне удивленъ, войдя въ первую комнату, которая отдѣляетъ церковь отъ внутренняго караула, найдя въ ней графа Милорадовича, отдающаго приказаніе коменданту

Бапуцкому разослать въ тотъ-же часъ плацъ-адъютантовъ по всѣмъ карауламъ съ приказаніемъ привести немедленно караулы къ присягѣ. Это распоряженіе было сдѣлано графомъ до совѣщанія государственнаго совѣта. Я пошелъ въ залу собранія совѣта и здѣсь съ нѣкоторыми другими лицами, адъютантами обоихъ великихъ князей Николая и Михаила, ожидалъ какое постановленіе сдѣлано будетъ совѣтомъ. Приносятъ бархатную подушку, на которой стоитъ маленькой ковчежецъ золотой или позолоченый; узнаемъ, что это несутъ духовное завѣщаніе покойнаго императора. Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, по открытіи засѣданія, сказалъ, что покойный государь императоръ оставилъ завѣщаніе съ тѣмъ, чтобъ оно было открыто тотчасъ послѣ его смерти и прочтено прежде приступленія къ новой присягѣ или къ какому-либо дѣйствію. Графъ Милорадовичъ сейчасъ отвѣчалъ на эту рѣчь, сказавъ, что въ отношеніи престолонаслѣдія государь, по существующимъ въ Россіи законамъ, не можетъ располагать по духовному завѣщанію; что изъ уваженія къ лицу покойнаго можно прочесть духовное его завѣщаніе, но исполненія по оному не можетъ быть. Затѣмъ приказано было принесть завѣщаніе, и когда оно было прочтено,

то адмиралъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ всталъ и сказалъ: "теперь пойдемте присягать императору Константину Павловичу." Всѣ встали и пошли сначала въ покои великаго князя Николая для объявленія ему рѣшенія, принятаго совѣтомъ. Мы поспѣшили въ комнаты, чрезъ которыя должно было проходить великому князю, и я видѣлъ его, какъ онъ блѣдный, шатающійся на ногахъ, проходилъ въ покои матери своей императрицы Маріи Ѳедоровны, откуда уже прошли прямо въ большую церковь. Мы въ свою очередь отправились туда-же. Въ комнатѣ, гдѣ стоитъ обыкновенно внутренній караулъ, бывшій въ тотъ день отъ перваго взвода его величества лейбъ-гвардіи преображенскаго полка, стоялъ налой съ крестомъ и евангеліемъ. Солдаты спросили, что это значитъ? "Присяга", отвѣчали имъ. Они всѣ въ одинъ голосъ: "Какая присяга?" — Новому государю. "У насъ есть государь!" — Скончился. "Мы не слыхали, чтобъ онъ и боленъ былъ." Пришелъ комендантъ Башуцкой и сталъ имъ разсказывать, что́ извѣстно уже было о болѣзни и смерти государя. Тогда головной вышелъ впередъ и началъ тѣже возраженія, прибавивъ, что они не могутъ присягать новому государю, когда у нихъ есть давно-царствующій

а вѣрить его смерти не могутъ, не слыхавъ даже о его болѣзни. Дежурный генералъ главнаго штаба его величества Потаповъ пришелъ на помощь коменданта, подтвердилъ его разсказъ и началъ уговаривать людей принять требуемую присягу. Солдаты настаивали упорно въ своемъ отказѣ. Между тѣмъ великій князь Николай Павловичъ и члены государственнаго совѣта успѣли уже присягнуть въ церквѣ, и Николай вышелъ къ упорствовавшему караулу, подтвердилъ слова генераловъ и объявилъ, что онъ самъ уже только что присягнулъ новому государю Константину Павловичу. Волненіе утихло и солдаты присягнули.

Просмотрѣвъ всѣ эти происшествія въ зимнемъ дворцѣ, я поѣхалъ въ сенатъ, чтобъ узнать, что̀ тамъ дѣлается. Сенаторы уже разъѣхались; я нашелъ только двухъ оберъ-прокуроровъ, Александра Васильевича Кочубея и Семена Григорьевича Краснокутскаго. Они съ негодованіемъ разсказали мнѣ, что сенаторы присягнули по одному словесному приказанію, преданному отъ министра юстиціи; а на вопросъ мой о конвертѣ съ духовнымъ завѣщаніемъ Александра — отвѣтили, что министръ велѣлъ его прислать къ себѣ.

Изъ этого разсказа явно оказывается, что судьбами отечества располагалъ одинъ графъ Милорадовичъ. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, когда стало извѣстно, что Константинъ не принимаетъ данной ему присяги, и между тѣмъ отказывается и ѣхать самъ въ Петербургъ и издать отъ себя манифестъ о своемъ отреченіи, графъ проходя въ своихъ комнатахъ, остановился предъ портретомъ Константина, и обратившись къ сопровождавшему его полковнику Ѳедору Николаевичу Глинкѣ, сказалъ съ горестію: "я надѣялся на него, а онъ губитъ Россію!"*) Явно кажется, что великій князь Николай не оказалъ никакого великодушія и вовсе не помышлялъ оставить престолъ своему старшему брату, но все, что было въ его средствахъ употреблялъ для достиженія власти.

Въ тотъ самый день, когда была принесена присяга новому императору Константину Павло-

*) Изъ этого обстоятельства должно заключить, что графу неизвѣстнымъ осталось торжественное объявленіе Константина Павловича соотчичамъ, напечатанное въ книгѣ о восшествіи на престолъ Николая I, въ приложеніяхъ подъ No. 3. Если-бъ это объявленіе не было скрыто, а объявлено всенародно, то не было-бы никакого повода къ сопротивленію въ принесеніи присяги Николаю и не было бы возмущенія въ столицѣ.

вичу т. е. 27 Ноября, великій князь Николай послалъ просить къ себѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ѳедора Петровича Опочинина. Этотъ человѣкъ былъ нѣкогда адъютантомъ Константина Павловича, потомъ перешелъ въ гражданскую службу, которую по непріятностямъ оставилъ, и проживалъ въ С.-Петербургѣ довольно уединенно въ кругу небольшаго числа хорошихъ своихъ знакомыхъ. Онъ постоянно сохранилъ благосклонное къ себѣ расположеніе Константина Павловича и даже дружбу его; жилъ въ городѣ въ мраморномъ дворцѣ принадлежавшемъ цесаревичу, а лѣтомъ въ его-же стрѣлинскомъ дворцѣ. Не было въ Петербургѣ человѣка, который былъ-бы ближе его къ Константину Павловичу. Его и избралъ великій князь Николай посредникомъ между собою и братомъ и ему поручилъ ходатайство объ уступкѣ ему престола, напомнивъ Константину, что онъ самъ добровольно, безъ всякаго принужденія, отрекся отъ наслѣдства. Въ ночь на 30ое Опочининъ уѣхалъ, но встрѣтивъ дорогою ѣхавшаго изъ Варшавы великаго князя Михаила Павловича, возвратился съ нимъ обратно въ столицу. Опочининъ разсказалъ мнѣ, что Константинъ, получивъ извѣстіе изъ Таганрога о смерти Александра, заперся на цѣлый день въ

комнатѣ и никого не принималъ, никакого приказанія не отдавалъ и ничего о кончинѣ государя не объявлялъ. Опочининъ былъ снова отправленъ съ прибавленіемъ просьбы, чтобы Константинъ прислалъ формальное и торжественное отреченіе, по которому Николай могъ-бы безпрепятственно вступить на престолъ. Графъ Милорадовичъ постоянно настаивалъ на томъ, чтобъ это было исполнено, еслибъ не захотѣлъ Константинъ самъ пріѣхать въ Петербургъ и лично передать престолъ брату. Опочининъ поѣхалъ съ намѣреніемъ употребить всѣ средства, чтобъ уговорить Константина пріѣхать въ столицу имперіи, и даже имѣлъ надежду, что слова его подѣйствуютъ достаточно, чтобъ заставить Константина принять царство. Онъ вспоминалъ, что когда Константинъ писалъ письмо къ Александру, по настоянію его величества въ 1822 году, то онъ сказалъ Ѳедору Петровичу, что имѣетъ полную увѣренность, что не переживетъ своего брата. Жена же Опочинина Дарья Михайловна, дочь фельдмаршала князя М. Н. Смоленскаго-Кутузова, не раздѣляла надеждъ своего мужа и говорила мнѣ, что она увѣрена, что Константинъ не приметъ престола, что онъ всегда говорилъ "меня задушатъ, какъ задушили отца!" Опочининъ уѣзжая зналъ

непріязненное расположеніе войска и народа къ великимъ князьямъ и какъ охотно всѣ принесли присягу Константину, говоря, что ему служить можно, а братьямъ его нельзя; и потому понималъ необходимость торжественнаго отреченія Константина, и считалъ надежнѣйшимъ, чтобъ онъ сдѣлалъ это не однимъ печатнымъ манифестомъ, но лично изрекши свое отреченіе предъ войскомъ лейбъ-гвардіи и народомъ въ столицѣ. Здѣсь оканчиваются мои свѣденія о теченіи переговоровъ Николая съ Константиномъ, исключая того, что въ отвѣтъ на всѣ свои домогательства Николай получилъ отъ Константина собственноручную записку, въ которой онъ въ самыхъ неприличныхъ и даже неблагопристойныхъ выраженіяхъ писалъ, что онъ знать ничего не хочетъ, что̀ дѣлается въ Петербургѣ. и чтобы дѣлали что̀ хотятъ и какъ хотятъ. Такъ мнѣ было разсказано, и это подтверждается разсказомъ барона Корфа, когда онъ говоритъ, что послѣднее письмо Константина было написано въ такихъ выраженіяхъ, что нельзя было его обнародовать, хотя послѣ и прилагаетъ въ прибавленіяхъ какое-то письмо, въ которомъ ничего подобнаго не оказывается. Вслѣдствіе этого публика справедливо обвиняла Константина въ неуваженіи къ себѣ и къ народу, и въ от-

сутствіи малѣйшаго чувства любви къ отечеству: а публика была обманута сокрытіемъ воззванія которымъ онъ объяснялъ причины, побуждающія его не принимать присяги, и приглашалъ народъ присягнуть Николаю. Это возваніе осталось-бы неизвѣстнымъ, еслибъ не было припечатано въ приложеніяхъ къ книгѣ, изданной бар. Корфомъ.

Россія стояла на высочайшей степени славы; послѣдняя война породнила ее съ Европой. Успѣхи образованія въ этой части свѣта имѣли болѣе нежели отголосокъ въ Россіи. Тѣсная связь, соединившая всѣ европейскія государства и укрѣпленная священнымъ союзомъ, заключеннымъ сильнѣйшими государствами, обѣщавшими всѣмъ народамъ усовершенствованія государственныхъ постановленій сообразно степени того просвѣщенія, которое въ послѣдніе годы развилось въ Европѣ; признаніе ими представительнаго правленія за необходимость вѣка, введеніе его во Франціи, въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи и въ Царствѣ Польскомъ, доказывавшее, что оно не есть принадлежность одной Англіи — все это заставляло полагать, что и обширная Россійская Имперія не

всегда будетъ управляема на существовавшихъ тогда началахъ. И императоръ Александръ не разъ выражалъ убѣжденіе свое въ превосходствѣ представительнаго правленія надъ самодержавнымъ; онъ по произволенію своему ввелъ его въ Царствѣ Польскомъ, обѣщавъ распространить и на польскія губерніи, прежде къ имперіи присоединенныя. Еще ранѣе оставивъ Финляндіи прежній образъ ея правленія, ввелъ его въ Выборгской губерніи; наконецъ далъ свободу крестьянамъ губерній: Выборгской, Эстляндской, Лифландской и Курляндской. Россіяне имѣли право надѣяться, что не однимъ завоеваннымъ ими народамъ суждено пользоваться правами свободы, недоступной для однихъ русскихъ. Государь въ рѣчи своей сейму Царства Польскаго не помянулъ о Россіи, вѣроятно полагая ее еще не созрѣвшею къ принятію представительнаго правленія; слѣдовательно требовалось приготовить къ тому и собственно русскихъ, сдѣлать ихъ способными къ принятію его и къ понятію истины, что всѣ граждане, какого-бы сословія они ни были, имѣютъ равное право на одинаковое покровительство законовъ, что законъ долженъ быть не изъявленіемъ или одного или даже и многихъ лицъ, но выраженіемъ потребности, для сохраненія обществен-

наго порядка въ лучшемъ его видѣ. Тридцать лѣтъ протекло отъ начала французской революціи. Ужасы ея, причины ихъ, послѣдствія, деспотизмъ Наполеона, требованія народовъ были предметомъ вниманія мыслящихъ людей. Подобныя событія, при сходныхъ обстоятельствахъ, могли повториться во всякой другой странѣ. Язва крѣпостнаго состоянія крестьянъ располагаетъ Россію къ бо́льшимъ бѣдствіямъ въ случаѣ внутреннихъ безпокойствъ (какъ былъ примѣръ тому во времена Пугачева), нежели всякое другое европейское государство. Развитіе промышленной образованности, не соединенное съ развитіемъ нравственнаго въ той-же степени просвѣщенія, могло заставить крѣпостныхъ съ нетерпѣніемъ сносить свое состояніе, тѣмъ болѣе, что слухи о желаніи государя дать свободу крестьянамъ должны были представить помѣщиковъ, какъ единственное препятствіе къ полученію ея. Поставить Россію на ту степень просвѣщенія, на которую она имѣла право по политическому своему положенію въ европейскомъ мірѣ, и охранить ее отъ бѣдствій, могущихъ ее постигнуть при крутомъ переворотѣ, котораго никакое правительство ни предвидѣть, ни остановить не въ состояніи, и который можетъ быть послѣдствіемъ одного только несовершенства

финансовой системы въ то время, когда потребности государства увеличились — вотъ цѣль, которая представлялась Обществу, и къ ней должны были стремиться его усилія. Россія представляла обширное государство, составленное изъ частей разнородныхъ. Разныя части, разныя поколѣнія ее населяющія, имѣли различныя права, различные законы, различную вѣру. Состояніе высшаго класса, т. е. дворянства почти во всѣхъ частяхъ одинаковое, но состояніе низшаго простаго народа весьма различное. Въ Финляндіи свобода, въ народахъ магометанской вѣры и идолопоклоническихъ также; въ прибалтійскихъ губерніяхъ только что она возникала; въ Царствѣ Польскомъ существовала въ законѣ, но не въ самомъ дѣлѣ. Одни только христіане, и то большею частію православные, подчинены необузданной волѣ помѣщиковъ. Крестьяне казенные велико-россійскіе и украинскіе, такъ называемые казаки, одни изъ русскихъ не несутъ помѣщичьяго ига, но и не пользуются правами свободныхъ состояній. Положеніе крѣпостныхъ крестьянъ также весьма неровное: одни оброчные, другіе пахатные, третьи фабричные, четвертые и то, и другое и третье вмѣстѣ. Никакая мѣра, никакой законъ не опредѣляютъ повинности. По-

мѣщикъ полагаетъ ее по производенію, изъ оброчныхъ сажаетъ на пашню, если ему разсудится, или отрывая отъ земли, заводитъ фабрику. Несчастные жители арендныхъ имѣній и даже многихъ помѣщичихъ въ Бѣлоруссіи, Литвѣ и польской Украйнѣ живутъ почти круглой годъ мѣсячною дачею, не имѣя ничего собственнаго; пьянство одна отрада ихъ и отъ него лучшій доходъ помѣщика. Государственные доходы — основанные на безнравственности народа; правосудіе — продажное; взятки — должный доходъ чиновника! Вотъ зло, съ которымъ должно было вступить въ борьбу, и чрезъ его только истребленіе можно было надѣяться водворить въ отечествѣ благосостояніе. Этотъ подвигъ Общество поставило себѣ обязанностію, и уставъ долженствовалъ быть составленъ такъ, чтобъ велъ къ выполненію его. Достигло-ли того Общество сочиненіемъ его, есть вопросъ, котораго я рѣшить не берусь; но думаю, что если вполнѣ не достигло, то по крайней мѣрѣ не удалилось отъ предмета своей цѣли. Вас. Андр. Жуковской, которому онъ былъ впослѣдствіи предложенъ для чтенія, возвращая его, сказалъ, что уставъ заключаетъ въ себѣ мысль такую благодѣтельную и такую высокую, для выполненія которой требуется много

добродѣтели, и что онъ счастливымъ-бы себя почелъ, еслибъ могъ убѣдить себя, что въ состояніи выполнить его требованія; но что къ несчастію онъ не чувствуетъ въ себѣ достаточной къ тому силы.

Въ это время неожиданное извѣстіе поразило столицу: императоръ Александръ Павловичъ былъ опасно боленъ. Чрезъ два дня пришла вѣсть о его кончинѣ. Кто былъ тогда въ Петербургѣ, тотъ знаетъ, какое уныніе овладѣло всѣми жителями. Чувство это объясняется и отношеніями, которыя существуютъ между русскимъ государемъ и его подданными и самымъ поведеніемъ Александра въ теченіи 25-лѣтняго его царствованія, исполненнаго важнѣйшими событіями, какія когда-либо представлялись въ исторіи міра. Въ самодержавномъ правленіи — такомъ, какъ въ Россіи, личные качества государя имѣютъ самое сильное вліяніе на судьбу народа. Русской царь не силенъ доставить благоденствіе своимъ подданнымъ, но каждая ошибка его, всякой недосмотръ съ его стороны можетъ быть причиною великихъ народныхъ бѣдствій. Правда, царство-

ваніе Александра не обошлось безъ нихъ; Россія много при немъ вытерпѣла, но его въ томъ никто не винилъ. Виновникомъ всѣхъ своихъ бѣдствій Россія признавала Наполеона и попытки противиться ему, остававшіяся долгое время безуспѣшными, вмѣнялись Александру въ достоинство. Отъ того когда борьба съ этимъ величайшимъ геніемъ своего времени кончилась къ славѣ русскаго народа, блескъ ея не преставалъ озарять царя до конца его жизни. Великодушіе Александра въ побѣдѣ, кротость къ побѣжденнымъ, отсутствіе тщеславія не изгладились изъ памяти людей. Хотя довѣренность къ нему народовъ и была поколеблена, и въ Европѣ укоряли его въ неисполненіи тѣхъ обѣщаній, которыя были даны народамъ въ 1813 году и потомъ повторены торжественно всѣми государями на вѣнскомъ конгрессѣ; но все еще къ нему обращались общіе взоры, какъ къ лучшему, просвѣщеннѣйшему и могущественнѣйшему изъ царствовавшихъ тогдашнихъ владѣтелей Европы. Хотя въ собственномъ отечествѣ своемъ онъ также не оправдалъ ожиданій, по утвержденіи общаго мира въ 1815 году, можетъ быть отъ того, что надежды были слишкомъ велики; но онѣ были основаны на мнѣніи о его добродѣтеляхъ и могуществѣ. И потому

не удивительно, что онъ подвергся обвиненію, что, удовлетворяясь пріобрѣтенною славою, не довольно радѣетъ о благѣ общественномъ и слишкомъ привязанъ къ мысли о своемъ самодержавіи. Какъ-бы то ни было, но къ владычеству Александра привыкли; при всѣхъ своихъ недостаткахъ онъ почитался несравненно лучшимъ всѣхъ своихъ братьевъ, и смерть его казалась истиннымъ несчастіемъ. Мракъ неизвѣстности покрывалъ будущность Россіи...

Предположеніе, что обнародовавъ завѣщаніе Александра, можно было всѣхъ заставить присягнуть 27 Ноября назначенному имъ наслѣднику Николаю, не полагаю правильнымъ. Увѣренъ, что въ бо̀льшей части Россіи чиновники, дворяне и другія сословія присягнули-бы назначенному наслѣднику, получивъ о томъ указъ сената; но что они сдѣлали-бы по привычкѣ исполнять все, что̀ предписано: ихъ можно было-бы погнать къ присягѣ, какъ загоняютъ барановъ въ хлѣвъ. Но не такъ-бы легко было заставить присягнуть армію, а гвардію, считаю, вовсе было-бы не возможно къ тому принудить. Кто служилъ въ

полкахъ, тотъ знаетъ, что русской солдатъ судитъ о всякомъ приказаніи, которое даетъ ему начальникъ. Онъ повинуется безпрекословно всему тому, что воинской уставъ отъ него требуетъ; но когда требованіе выходитъ изъ предѣла военныхъ узаконеній, то сейчасъ встрѣчается сопротивленіе. Обольстить русскаго солдата нельзя никакими обѣщаніями; онъ, подобно народу, не имѣетъ никакой вѣры въ правительство, а терять ему нечего. Офицеры при всей своей необразованности знаютъ, что войско составляетъ силу правительства, и не имѣютъ наклонности къ безусловному повиновенію.

Первое сопротивленіе и самое опасное оказалось бы въ гвардіи. Еслибъ гвардія состояла изъ какого-нибудь небольшаго числа полковъ, то можетъ быть, можно бы было отклонить ихъ отъ вѣрности своему долгу какими-нибудь существенными выгодами, на пр. дать солдатамъ большое жалованье, сократить срокъ службы, обезпечить достаточную пенсію по отставкѣ, облегчить самую службу; но въ томъ составѣ, въ которомъ находилась гвардія, невозможно было и подумать сдѣлать подобныя обѣщанія; никто не повѣрилъ-бы, что они могутъ быть выполнены. Корпусъ офицеровъ также слишкомъ многочисленъ, чтобъ

можно было его купить какими приманками. Изъ класса командующихъ полками и генераловъ конечно можно было, можетъ быть — и многихъ заставить забыть обязанности свои предъ отечествомъ; но они были-бы безсильны противъ корпуса офицеровъ и солдатъ. Александра если-бы и не любили гвардейцы, то привыкли въ теченіи 25-лѣтняго царствованія ему повиноваться, и много было еще въ гвардіи солдатъ, служившихъ во время войны съ французами и видѣвшихъ царя, раздѣлявшаго съ ними военныя опасности, и я вѣрю, что воля его изустно имъ самимъ произнесенная, была-бы для нихъ священною; но объявленіе, по смерти его, духовнаго его завѣщанія непремѣнно-бы было сочтено подлогомъ. — Константинъ также былъ слишкомъ извѣстенъ гвардіи, чтобъ можно было его обойдти. Онъ въ умѣ каждаго былъ законнымъ наслѣдникомъ въ случаѣ кончины своего брата. Какая власть въ государствѣ осмѣлилась-бы отлучить его отъ престола, который ему приходился по праву наслѣдства, чтимаго всѣмъ народомъ! Высшая правительственная власть — сенатъ? онъ передаетъ высочайшіе указы для исполненія, онъ обнародываетъ новые законы, онъ важенъ во мнѣніи гражданскихъ чиновъ и неслужащихъ сословій; но

войско знаетъ его только по имени; онъ для войска ровно ничего и не имѣетъ къ нему никакого отношенія. Армія знала только высочайшіе приказы, объявляемые начальникомъ штаба его имп. вел. — Сенатъ не могъ-бы указомъ своимъ извратить право престолонаслѣдія.

Чего-бы не могло сдѣлать первое правительственное мѣсто въ государствѣ, то еще менѣе могъ сдѣлать вел. князь, который по закону не имѣлъ никакого права наслѣдовать при жизни старшаго брата. Такое притязаніе имѣло-бы видъ похищенія. По всѣмъ этимъ причинамъ почитаю предположеніе возможности заставить 27 Ноября присягнуть Николаю несбыточною мечтою.

Князь Трубецкой былъ дежурнымъ штабъ офицеромъ 4го пѣхотнаго корпуса, котораго квартира находилась въ Кіевѣ.

Можетъ быть, удалившись изъ столицы, Трубецкой сдѣлалъ ошибку; онъ оставилъ управленіе Общества членамъ, которые имѣли менѣе опытности и, будучи моложе, увлекались иногда своею горячностію и которыхъ дѣйствіе не могло производиться въ томъ кругу, въ которомъ могъ

дѣйствовать Трубецкой. Сверхъ того тѣсная связь съ нѣкоторыми изъ членовъ отсутствіемъ его прервалась. Но опасенія, которыя поселялъ Югъ, были такого рода, что признавалось необходимымъ отдѣлить туда такого члена, который, имѣя достаточный вѣсъ въ обществѣ, имѣлъ и силу привести южное отдѣленіе къ тѣмъ благодѣтельнымъ началамъ, на которыхъ основанъ былъ союзъ и по которымъ продолжали дѣйствовать на сѣверѣ.

Въ концѣ 25 года Трубецкой случайно былъ въ Петербургѣ. Когда узнали о смерти государя и сомнительно стало, чтобъ Константинъ принялъ царское достоинство, тогда произошло сильное волненіе во всѣхъ сословіяхъ населенія столицы. Придворные желали Николая, говоря, что съ нимъ не будетъ никакихъ измѣненій при дворѣ, что всѣ останутся при своихъ мѣстахъ, и новое царствованіе будетъ только какъ-бы продолженіемъ прежняго; что императрица будетъ дочь королевская, а не простая полька; особенно дамъ возмущала послѣдняя мысль, и онѣ сильно изъявляли недогодованіе свое при мысли о возможности видѣть на престолѣ женщину, которая по роду своему уступала многимъ изъ нихъ знатностію. Люди государственные болѣе склоня-

лись въ Константину; ихъ не пугала уже сумасбродная пылкость характера, оказанная имъ въ молодости. Лѣта и опытность его ручались за успокоеніе страстей молодости и за разсудительность въ правленіи. Многіе считали, что онъ положитъ конецъ самовластному управленію министровъ по ввѣреннымъ имъ вѣдомствамъ и образуетъ министерства по порядку коллегіальному, къ котороту тогда многіе были склонны. Военные рѣшительно были всѣ за Константина — какъ офицеры, такъ и простые солдаты. Послѣдніе говорили, что Константину служить можно, а молодымъ князьямъ нельзя; такъ уже они отпротивѣли всѣмъ военнымъ въ продолженіи командованія своего гвардейскими дивизіями. Въ народѣ ходило сверхъ того мнѣніе, что царемъ долженъ быть по праву Михаилъ, такъ какъ онъ родился уже тогда, когда отецъ его былъ императоромъ. Всѣ, кто былъ тогда въ Петербургѣ помнятъ волненіе, которое овладѣло умами всѣхъ жителей. Члены Общества чувствовали себя слабыми, но обстоятельства казались имъ столь благопріятными для попытки ограничить самодержавную власть, что они рѣшились соединить свои дѣйствія такъ, чтобъ обратить на исполненіе этой цѣли то сопротивленіе, которое предвидѣлось въ военныхъ

людяхъ въ случаѣ, еслибъ потребована была новая присяга. Всѣ предвидѣли, что такое обстоятельство не пройдетъ спокойно, и сопротивленіе со стороны войска ожидалось всѣми, даже ихъ начальниками. Общество справедливо, кажется, полагало, что благопріятнѣйшаго случая представиться не могло; а хотя въ предусмотрительность его всегда входило, что оно должно воспользоваться временемъ, когда одно царствованіе будетъ сменять другое, но это время казалось всѣмъ еще далеко впереди, и нечаянное никѣмъ извѣстіе о смерти Александра смутило его и застало въ расплохъ. Оно могло дѣйствовать одними наличными своими силами, случившимися тогда въ столицѣ. Ихъ было немного, но ряды ихъ наполнялись тѣми изъ офицеровъ, которыхъ пугалъ крутой нравъ Николая. Собирались у Рылѣева и у другихъ сообщниковъ, и Рылѣевъ пришелъ объявить Трубецкому, что его избрали диктаторомъ. Трубецкой, найдя въ Петербургѣ очень немного изъ членовъ ему знакомыхъ, хотѣлъ прежде узнать, кто поступилъ въ члены со времени его отсутствія и какими средствами можетъ Общество располагать. Для этого собирались по вечерамъ у Рылѣева, и оказалось, что прибавилось только изъ молодежи, имѣвшей мало вѣса; а тѣ изъ стар-

шихъ членовъ, которые могли имѣть вліяніе на части войскъ, имъ подчиненныя, отказались дѣйствовать. Такимъ образомъ единственное средство дѣйствовать было воспользоваться упорствомъ солдатъ, если, какъ утверждали офицеры разныхъ полковъ, они его окажутъ. Въ случаѣ-же пріѣзда Константина, старшіе члены положили между собою просить его о принятіи короны, и потомъ стараться пріобрѣсть его довѣренность и возпользоваться ею для ограниченія власти будущаго его наслѣдника. Скоро однако убѣдились, что пріѣздъ Константина сомнителенъ, и должно было подумать о томъ, какъ дѣло привести въ исполненіе другимъ образомъ. Трубецкой предложилъ, чтобъ первый полкъ, который откажется отъ присяги, былъ выведенъ изъ казармъ и шелъ съ барабаннымъ боемъ къ казармамъ ближняго полка, поднявши который — оба вмѣстѣ продолжаютъ шествіе далѣе къ другимъ сосѣднимъ полкамъ. Такимъ образомъ онъ надѣялся, что одинъ полкъ будетъ увлеченъ другимъ, и почти всѣ соберутся въ одну значительную массу, къ которой примкнутъ и ботальіоны, находившіеся внѣ города; чтобъ лейбъ-гренадерской полкъ завладѣлъ арсеналомъ, а лейбъ-гвардейскій финляндскій Петропавловской крѣпостью. Нѣкоторымъ лицамъ было

обѣщаю содѣйствіе въ государственномъ совѣтѣ, если войско, собравшись, будетъ выведено изъ города во избѣжаніе безпорядковъ. Предложеніе Трубецкаго не опровергали, но многіе изъ горячихъ членовъ положили, что надобно идти на сенатскую площадь съ тѣмъ, чтобы захватить сенаторовъ въ сенатѣ и заставить ихъ издать манифестъ. Надъ войскомъ, которое соберется на площади долженъ былъ принять начальство полковникъ Булатовъ, бывшій командиромъ баталіоннымъ въ лейбъ-гренадерскомъ полку и только что назначенный командиромъ армейскаго. Рылѣевъ, можетъ быть, думалъ, что Трубецкой обидится выборомъ; когда онъ пришелъ ему это объявить, то прибавилъ. "васъ гвардія не знаетъ, а Булатова знаютъ солдаты всѣхъ полковъ, и онъ очень любимъ!"

Солдаты гвардейскихъ полковъ, какъ уже сказано, не ожидали никакой перемѣны въ престолонаслѣдіи; они съ увѣренностію ожидали пріѣзда императора, которому присягнули. Подсылаемые въ полки люди съ распущеніемъ слуха о возможности отреченія Константина были сол-

дàтами худо приняты. Развѣдываніе, произведенное офицерами, принадлежащими къ Обществу или содѣйствовавшимъ ему, убѣдили ихъ, что солдаты не будутъ согласны дать новую присягу и что только изустное объявленіе Константина, что онъ передаетъ брату престолъ, можетъ увѣрить ихъ въ истинѣ отреченія его. Полки, изъ которыхъ имѣли извѣстія, были: измайловской, егерской, лейбъ-гренадерской, финляндской, московской, морской экипажъ и частію артиллерія; сверхъ того преображенской очень былъ не расположенъ къ Николаю Павловичу. Планъ дѣйствія былъ основанъ на упорствѣ солдатъ остаться вѣрными императору, которому присягнули, въ чемъ общество и не ошиблось, и составленъ былъ слѣдующимъ образомъ. Какъ скоро собраны будутъ полки для новой присяги и солдаты окажутъ упóрство и не захотятъ или будутъ колебаться дать ее, то офицеры будутъ стараться вывести ихъ съ дворовъ, на которыхъ они будутъ собраны, и первый полкъ съ барабаннымъ боемъ долженъ идти къ другому, который къ нему пристанетъ. Такимъ образомъ надѣялись имѣть не только тѣ полки, на которые считали, но увлечь и другіе; лейбъ-гренадерскій долженъ былъ прямо идти къ арсеналу и занять его. Собраннымъ

полкамъ собраться на Петровской площади и заставить сенатъ: 1) издать манифестъ, въ которомъ прописаны будутъ чрезвычайныя обстоятельства, въ которыхъ находилась Россія, и для рѣшенія которыхъ приглашаются въ назначенный срокъ выбранные люди отъ всѣхъ сословій для утвержденія: за кѣмъ остаться престолу и на какихъ основаніяхъ; 2) учредить временное правленіе, пока не будетъ утвержденъ новый императоръ общимъ соборомъ выбранныхъ людей. Общество намѣревалось предложить въ временное правленіе Мордвинова, Сперанскаго и Ермолова, срокъ службы военной для рядовыхъ уменьшить до 15 лѣтъ. Временное правленіе должно составить проэктъ государственнаго уложенія, въ которомъ главные пункты должны быть: учрежденіе представительнаго правленія по образцу просвѣщенныхъ европейскихъ государствъ и освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. По обнародованію сенатомъ манифеста, войско должно было выступить изъ города, и притянувъ къ себѣ 2-ые баталліоны, расположиться въ окрестностяхъ. Это было условіе, на которомъ обѣщано чрезъ Батенкова содѣйствіе нѣкоторыхъ членовъ государственнаго совѣта, ко-

торые требовали, чтобъ имена ихъ остались неизвѣстными.

Сколь человѣкъ ни бываетъ привязанъ къ жизни, но онъ готовъ рисковать ею за всякую бездѣлицу. Вездѣ, гдѣ какая нибудь страсть овладѣетъ разсудкомъ, человѣкъ жертвуетъ ею, хотя въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ очень дорожитъ бытіемъ своимъ. Но во всѣхъ почти случаяхъ, когда разумъ не омраченъ, то за такую жертву онъ ожидаетъ какого-нибудь вознагражденія, и сверхъ того есть какая-нибудь надежда на счастливый случай. Когда же идетъ дѣло на то, чтобъ хладнокровно предаться опасности утратить жизнь и сверхъ того подвергнуться, можетъ быть, безславію и позорной смерти, то не достаточно одной врожденной храбрости. Человѣкъ, дорожащій честію, не иначе рѣшится на такой шагъ, какъ въ полномъ убѣжденіи, что прошедшая жизнь его и возложенныя на него обязанности требуютъ этой великой отъ него жертвы. Члены Общества, рѣшившіеся исполнить то, что почитали своимъ долгомъ, на что обрекли себя при вступленіи въ Общество, не убоялись позора.

Они не имѣли въ виду никакихъ для себя личныхъ выгодъ, не мыслили о богатствѣ, о почестяхъ, о власти; они все это предоставляли людямъ, непринадлежащимъ къ ихъ обществу, но такимъ, которыхъ считали способнѣйшими по истинному достоинству или по мнѣнію (которымъ пользовались) привести въ исполненіе то, чего они всѣмъ сердцемъ и всею душею желали: поставить Россію въ такое положеніе, которое упрочило-бы благо государства и оградило его отъ переворотовъ, подобныхъ французской революціи и которые къ несчастію продолжаютъ еще угрожать ей въ будущности. Словомъ члены Тайнаго Общества Союза Благоденствія рѣшились принести въ жертву отечеству жизнь, честь, достояніе, всѣ преимущества, какими пользовались, все что имѣли — безъ всякаго возмездія.

Утромъ 14-го числа, когда всѣ полки выведены были для прочтенія новаго манифеста и принесенія новой присяги, солдаты почти всѣхъ полковъ изъявили недовѣрчивость, какъ то было предвидѣно не одними членами Общества, но и непосредственнымъ начальствомъ, которое стара-

лось узнать духъ солдатъ. Но они большею частію настаивали въ отрицательномъ упорствѣ; только московскіе, лейбъ-гренадеры и морской экипажъ послѣдовали за нѣкоторыми изъ своихъ офицеровъ. Предположеніе Общества не было выполнено, и вышедшіе полки прямо сошлись каждый самъ по себѣ передъ сенатомъ. Въ другихъ полкахъ не было офицеровъ, которые достаточно пользовались довѣренностію солдатъ, и люди хотя уперлись въ неповиновеніи требованіямъ военныхъ властей; но полки простояли смирно во фронтѣ и не пристали къ дѣйствовавшимъ, хотя послѣ и признавались, что очень желали присоединиться, и нѣтъ сомнѣнія, чтобъ еслибъ возмутившіеся полки не были до ночи разсѣяны, то всѣ пѣхотные полки, исключая преображенскаго и семеновскаго, къ нимъ присоединились. Всегда и вездѣ въ подобныхъ случаяхъ нужно, чтобъ кто-нибудь далъ толчекъ и тѣмъ вывелъ изъ бездѣйствія.

Графъ Милорадовичъ хотѣлъ уговорить возмутившіеся войска покориться, но одинъ изъ членовъ Общества, изъ неслужащихъ (Каховскій), выстрѣлилъ въ него изъ пистолета и ранилъ смертельно. Два митрополита присланы были увѣщевать войско, но ихъ просили удалиться.

Аттаки конной гвардіи остались безуспѣшны; наконецъ нѣсколько выстрѣловъ картечью разсѣяли непокорныхъ. Артиллеристы не хотѣли палить и генералъ Сухозанетъ*) самъ долженъ былъ приложить фитиль къ первому орудію. Разсѣянное войско разбрелось по дворамъ домовъ въ окружности сената, и утромъ 15-го все было-захвачено и препровождено въ петропавловскую крѣпость. Туда-же отправлены всѣ офицеры и другія лица, взятыя на площади или послѣ арестованныя. Но прежде всѣ, кромѣ нижнихъ чиновъ, представляемы были во дворецъ, гдѣ Николай Павловичъ самъ ихъ допрашивалъ. Послѣдствія: содержаніе ихъ въ крѣпости, изслѣдованіе тайнаго комитета, верховный уголовный судъ, наряженный изъ трехъ высшихъ государственныхъ сословій: синода, совѣта и сената, къ которымъ были присоединены особыя ещѐ лица, и который судилъ, не призывавъ предъ себя подсудимыхъ, и приговоръ произнесенный имъ, всѣмъ извѣстенъ. Сколько-же въ послѣдовавшей на него резолюціи царствующій императоръ послѣдовалъ собственному побужденію и сколько въ ономъ принадле-

*) Ошибка; то былъ офицеръ, названный въ Книгѣ Корфа. (Поправка сдѣланная въ текстѣ).

жить вліянію чуждому, остается и вѣроятно останется навсегда тайною. Извѣстно слѣдующее:

1. Императрица Марія Ѳедоровна получила, какъ сама сказывала (между прочимъ Карамзиной, женѣ исторіографа) въ Москвѣ отъ Николая Павловича письмо, въ которомъ онъ ее успокоивалъ *и обѣщалъ*, что по приговору не будетъ *пролито крови*.

2. 9 Іюля вечеромъ поздно, наканунѣ объявленія осужденнымъ высочайше утвержденнаго приговора, Опочининъ былъ у императора въ Красномъ Селѣ, и онъ сказалъ ему, что въ своей конфирмаціи онъ удивитъ всѣхъ своимъ милосердіемъ.

3. Упрашивали, чтобъ смертный приговоръ утвержденъ былъ надъ 9-ю человѣками (9-ый былъ князь Оболенской, на котораго особенно злились), стоявшимъ въ головѣ списка осужденныхъ. Въ числѣ ихъ 6-мъ былъ Трубецкой, которому Николай Павловичъ, по сдѣланномъ 15-го Декабря у себя въ кабинетѣ допросѣ и предъ отправленіемъ въ крѣпость, подавъ четвертку листа бумаги, приказалъ написать къ женѣ, что онъ живъ и здоровъ *будетъ*; и когда Трубецкой ограничился одними словами живъ и здоровъ, то онъ повторилъ приказаніе написать *буду*.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ 1857 ГОДА.

4 Октября (въ Кіевѣ). Вечеромъ меня извѣстили, что князь Долгоруковъ проситъ меня завтра утромъ въ 9 часовъ къ себѣ, желая со мной познакомиться.

5 Октября. Нельзя уклониться отъ знакомства съ шефомъ жандармовъ. Я пришелъ ровно въ назначенный часъ, сказалъ находившемуся въ передней каммеръ-лакею свое имя, и онъ тотчасъ повелъ меня въ гостинную, мимо стоявшихъ трехъ военныхъ штабъ-офицеровъ въ залѣ; пошелъ доложить въ слѣдующую комнату, въ которой былъ полусвѣтъ, и вышедъ, просилъ меня обождать. Слышно было, что въ сосѣдней комнатѣ разговариваютъ. Минуты чрезъ полторы вышелъ изъ нея жандармскій штабъ-офицеръ и за нимъ князь. Мы остались одни и сѣли. Онъ

сказалъ: "я просилъ васъ пожаловать ко мнѣ не по какому-либо дѣлу, а желая съ вами познакомиться". Потомъ распросы о здоровьѣ, о вліяніи климата, о жизни здѣсь и въ Сибири, о мѣстѣ тамъ пребыванія и вообще о сибирскомъ краѣ. "Вы были хорошо знакомы съ братомъ моимъ Ильей — прекрасный былъ человѣкъ, умеръ рано; и брата моего старшаго знали, сестру мою графиню Б..., она умерла" и. т. д. Пришли сказать, что губернскіе предводители пріѣхали — "сейчасъ!" Еще послѣ нѣсколькихъ словъ онъ всталъ и говорить съ милой улыбкой: "И по обязанности моей я долженъ былъ познакомиться съ вами." — Если вы говорите объ обязанностяхъ вашихъ, то дозвольте мнѣ этимъ воспользоваться и объявить, что по манифесту я имѣю полную свободу, а здѣсь я нахожусь какъ-бы подъ надзоромъ: встрѣчаю препятствія къ выѣзду, въ полученіи подорожной... "Однако вамъ выдали." — Да, но не сейчасъ, и я бы не сталъ говорить объ этомъ, еслибъ вы сами не упомянули объ обязанностяхъ вашихъ. Для меня оно вовсе ничего не значитъ, но есть другіе въ моемъ положеніи, которые живутъ въ маленькихъ городкахъ и могутъ оттого терпѣть притѣсненіе, на пр. Быстржицкой, который писалъ къ вашему сіятельству, прося о про-

долженія пособія, (см. прилож., No. 4). "Я думаю, что онъ его получитъ; это увижу, когда буду на мѣстѣ. Вѣдь онъ его получалъ?" — Да, и имѣетъ въ немъ нужду; здѣсь не оказываютъ участія. Простите, что я васъ этимъ безпокоилъ. "Я справлюсь, и благодарю васъ." — Манифестомъ мы освобождены отъ надзора. "Да, въ манифестѣ такъ!" — съ едва замѣтной улыбкой: "Всѣ подъ надзоромъ!" — Я не боюсь надзора, дѣйствія мои можетъ видѣть всякой, и пусть за мной надзираютъ, но не даютъ мнѣ этого чувствовать. "Я освѣдомлюсь." — Вѣроятно, это вышло по ошибкѣ министра внутреннихъ дѣлъ; при объявленіи намъ о манифестѣ, онъ прибавилъ подъ надзоромъ. Еще разъ прошу васъ извинить меня. "Напротивъ, я вамъ очень благодаренъ." За тѣмъ мы распрощались... Я вышелъ и, проходя залъ, гдѣ уже довольно собралось, ни на кого не смотрѣлъ, пожалуй, подумали, что бывъ принятъ на единѣ шефомъ жандармовъ, имѣлъ къ нему какой-нибудь доносъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1.

Письмо къ г. Руперту.

16го числа сего мѣсяца ваше превосходительство объявили намъ, что государь императоръ, по случаю торжествованія въ прошедшемъ году бракосочетанія его императорскаго высочества государя цесаревича наслѣдника, соизволилъ обратить высочайшее вниманіе на поступки женъ нашихъ, послѣдовавшихъ за нами въ заточеніе, и принять всемилостивѣйшее намѣреніе, въ уваженіе ихъ, оказать свое милосердіе на дѣтяхъ ихъ, родившихся въ Сибири. Что комитетъ, которому повелѣно было изыскать средства привести въ исполненіе благодѣтельную волю государя императора, собравъ подробныя свѣденія, положилъ:

по достиженіи дѣтьми узаконеннаго возраста принять ихъ для воспитанія въ одно изъ казенныхъ заведеній, для дворянскаго сословія учрежденныхъ, если отцы на то согласны будутъ; при выпускѣ же возвратить имъ права утраченныя отцами ихъ, когда они поведеніемъ своимъ и успѣхами въ наукахъ окажутся того достойными, но вмѣстѣ съ тѣмъ лишить ихъ фамильнаго имени ихъ отцовъ, приказавъ именовать по отечеству. До глубины души исполненный чувствомъ живѣйшей признательности къ вниманію всемилостивѣйше обращенному на женъ и дѣтей нашихъ, смѣю уповать, что государь императоръ по милосердію своему не допуститъ наложить на чела матерей незаслуженное ими пятно и лишеніемъ дѣтей фамильнаго имени отцовъ причислить ихъ къ незаконнорожденнымъ. Касательно-же согласія моего на помѣщеніе дѣтей моихъ въ казенное заведеніе, я въ положеніи моемъ не дерзаю взять на себя рѣшеніе судьбы ихъ; но не долженъ скрыть, что разлука на вѣкъ дочерей съ ихъ матерью будетъ для нея смертельнымъ ударомъ.

19 Апрѣля 1842 г., село Оёкъ.

2.

Въ началѣ 1845 года высочайше разрѣшено было женѣ государственнаго преступника Трубецкаго проживать съ дѣтьми въ Иркутскѣ, до излѣченія ея отъ болѣзни; мужу-же по временамъ пріїзжать къ ней на свиданіе, съ дозволенія генералъ-губернатора Восточной Сибири, каковое дозволеніе давать ему "съ должною осмотрительностію."

3.

Отъ 19 Іюня 1845 года, No. 752, графъ Орловъ увѣдомлялъ Вильгельма Яковлевича Руперта, что государь, по просьбѣ дѣйствительной тайной совѣтницы грагини Лаваль, разрѣшилъ помѣстить въ учрежденный въ г. Иркутскѣ дѣвичій институтъ двухъ внучекъ ея, рожденныхъ въ Сибири отъ дочери ея, состоящей въ замужествѣ за находящимся на поселеніи иркутской губерніи въ с. Оёкъ государственнымъ преступникомъ Трубецкимъ.

4.

Бывшему подпоручику Андрею Быстржицкому, судимому по прикосновенности къ политическимъ

дѣламъ 1825 года 14 Декабря, на основаніи высочайшаго указа, даннаго правительствующему сенату въ 26 день Августа 1856 года, даровано право потомственнаго дворянства съ возвращеніемъ изъ Сибири на жительство въ предѣлахъ Россійской имперіи (исключая С.-Петербурга и Москвы). Быстржицкой возвратясь на родину въ кіевскую губернію, не нашелъ въ живыхъ ни одного изъ родственниковъ и не имѣя никакихъ средствъ къ пропитанію, обратился къ г. шефу жандармовъ съ просьбою объ исходатайствованіи ему продолженія того пособія, которымъ онъ пользовался въ Сибири, и состоявшаго изъ 15 десятинъ пахатной и луговой земли, 114 рублей деньгами и сверхъ того на одежду и паекъ отъ 18 до 30 рублей, сообразно существовавшимъ на хлѣбъ цѣнамъ, т. е. всего деньгами отъ 132 до 142 р. с.

Записки Князя Трубецкаго

сохранились въ черновомъ спискѣ, не получившемъ окончательной отдѣлки; этимъ объясняются многія въ нихъ повторенія и отрывочность тѣхъ разсказовъ, которые присоединены нами въ концѣ. Эти послѣдніе составляютъ отчасти родъ замѣтокъ на записки Штейнгеля.

Печатано въ типографіи Г. Пеца въ Наумбург

МЕЖДУНАРОДНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Томъ [redacted] II.

ЗАПИСКИ

ИВАНА ДМИТРІЕВИЧА ЯКУШКИНА.

ЗАПИСКИ

ИВАНА ДМИТРІЕВИЧА

Jakuschkin

ЯКУШКИНА.

Aufzeichnungen des J. D. Jakuschkin.

LEIPZIG:
E. L. Kasprowicz.

ЛЕИПЦИГЪ:
Э. Л Каспровичъ.

1874.

I.

Война 1812 года пробудила народъ русскій къ жизни и составляетъ важный періодъ въ его политическомъ существованіи. Всѣ распоряженія и усилія правительства были-бы недостаточны, чтобы изгнать вторгшихся въ Россію Галловъ и съ ними двунадесять языцы, если-бы народъ по прежнему остался въ оцѣпененіи. Не по распоряженію начальства жители при приближеніи французовъ удалялись въ лѣса и болота, оставляя свои жилища на сожженіе; не по распоряженію начальства выступило все народонаселеніе Москвы вмѣстѣ съ арміей изъ древней столицы. По рязанской дорогѣ на право и на лѣво, поле было покрыто пестрой толпой и мнѣ теперь еще помнятся слова шедшаго около меня солдата: "ну слава богу, вся Россія въ походъ пошла!" Въ

рядахъ даже между солдатами не было уже безсмысленныхъ орудій; каждый чувствовалъ, что онъ призванъ содѣйствовать въ великомъ дѣлѣ.

Императоръ Александръ, оставившій войско прежде витебскаго сраженія, возвратился къ нему въ Вильно. Конечно, никогда прежде, и никогда послѣ не былъ онъ такъ сближенъ съ своимъ народомъ, какъ въ это время, въ это время онъ его любилъ и уважалъ. Россія была спасена, но для императора Александра этого было мало; онъ двинулся за границу съ своимъ войскомъ для освобожденія народовъ отъ общаго ихъ притѣснителя. Прусскій народъ, втоптанный въ грязь Наполеономъ, первый отозвался на великодушное призваніе императора Александра; все возстало и вооружилось. Въ 13мъ году императоръ Александръ пересталъ быть царемъ русскимъ и обратился въ императора Европы. Подвигаясь впередъ съ оружіемъ въ рукахъ и призывая каждаго къ свободѣ, онъ былъ прекрасенъ въ Германіи; но былъ еще прекраснѣе, когда мы пришли въ 14мъ году въ Парижъ. Тутъ союзники, какъ алчные волки, были готовы броситься на павшую Францію. Императоръ Александръ спасъ ее; предоставилъ даже ей избрать родъ правленія, какой она найдетъ для

себя болѣе удобнымъ, съ однимъ только условіемъ, что Наполеонъ и никто изъ его семейства не будетъ царствовать во Франціи. Когда увѣрили императора Александра, что французы желаютъ имѣть Бурбоновъ, онъ поставилъ въ непремѣнную обязанность Людовику XVIII, даровать права своему народу, обезпечивающія до нѣкоторой степени его независимость. Хартія Людовика XVIII, дала возможность французамъ продолжать начатое ими дѣло въ 89-мъ году. Въ это время республиканецъ Лагарпъ могъ только радоваться дѣйствіямъ своего царственнаго питомца.

Пребываніе цѣлый годъ въ Германіи и потомъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ Парижѣ не могло не измѣнить воззрѣнія хоть сколько-нибудь мыслящей русской молодежи; при такой огромной обстановкѣ, каждый изъ насъ сколько-нибудь выросъ.

Изъ Франціи въ 14-мъ году, мы возвратились моремъ въ Россію. 1-ая гвардейская дивизія была высажена у Ораніенбаума и слушала благодарственный молебенъ, который служилъ оберъ-священникъ Державинъ. Во время молебствія, полиція нещадно била народъ, пытавшійся приблизиться къ выстроенному войску. Это произвело

на насъ первое неблагопріятное впечатлѣніе по возвращеніи въ отечество. Я получилъ позволеніе уѣхать въ Петербургъ и ожидать тамъ полкъ. Остановившись у однопажника Толстова (теперь сенатора), мы отправились вмѣстѣ съ нимъ во фракахъ взглянуть на 9-ую гвард. дивизію, вступающую въ столицу. Для ознаменованія великаго этого дня, были выстроены на скорую руку у петергофскаго въѣзда ворота и на нихъ поставлены шесть алебастровыхъ лошадей, знаменующихъ шесть гвард. полковъ 1-ой дивизіи. Толстой и я стояли недалеко отъ золотой кареты, въ которой сидѣла императрица Марья Ѳедоровна съ вел, княж. Анной Павловной. Наконецъ показался императоръ, предводительствующій гвард. дивизіей, на славномъ рыжемъ конѣ, съ обнаженной шпагой, которую уже онъ готовъ былъ опустить передъ императрицей. Мы имъ любовались; но въ самую эту минуту, почти передъ его лошадью перебѣжалъ черезъ улицу мужикъ. Императоръ далъ шпоры своей лошади и бросился на бѣгущаго съ обнаженной шпагой. Полиція приняла мужика въ палки. Мы не вѣрили собственнымъ глазамъ, и отвернулись, стыдясь за любимаго нами царя. Это было во мнѣ первое разочарованіе на его счетъ; я невольно вспомнилъ

о кошкѣ, обращенной въ красавицу, которая однакожъ не могла видѣть мыши, не бросившись на нее.

Въ 14-мъ году существованіе молодежи въ Петербургѣ было томительно. Въ продолженіи двухъ лѣтъ, мы имѣли передъ глазами великія событія, рѣшившія судьбы народовъ и нѣкоторымъ образомъ участвовали въ нихъ; теперь было невыносимо смотрѣть на пустую петербургскую жизнь и слушать болтовню стариковъ, выхваляющихъ все старое и порицающихъ всякое движеніе впередъ. Мы ушли отъ нихъ на 100 лѣтъ впередъ. Въ 15-мъ году, когда Наполеонъ бѣжалъ съ острова Эльбы и вторгся во Францію, гвардіи былъ объявленъ походъ, и мы ему обрадовались, какъ неожиданному счастію. Походъ этотъ отъ Петербурга до Вильны и обратно былъ для гвардіи прогулкой. Въ томъ-же году мы возвратились въ Петербургъ. Въ семеновскомъ полку устроилась артель: человѣкъ 15 или 20 офицеровъ сложились, чтобы имѣть возможность обѣдать каждый день вмѣстѣ; обѣдали-же не одни вкладчики въ артель, но и всѣ тѣ, которымъ по обязанности службы приходилось проводить цѣлый день въ полку. Послѣ обѣда одни играли въ шахматы, другіе читали громко иностранныя га-

зеты и слѣдили за происшествіями въ Европѣ — такое время-препровожденіе было рѣшительно нововведеніе. Въ 11-мъ году, когда я вступилъ въ семеновскій полкъ, офицеры сходившись между собою, или играли въ карты, безъ зазрѣнія совѣсти надувая другъ друга, или пили и кутили на пропалую. Полковой командиръ семеновскаго полка генералъ Потемкинъ покровительствовалъ нашей артели и иногда обѣдалъ съ нами; но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ императоръ Александръ приказалъ Потемкину прекратить артель въ семеновскомъ полку, сказавъ: "что такого рода сборища офицеровъ ему очень не нравятся". Императора однако-же все еще любили, помия, какъ онъ былъ прекрасенъ въ 13 и 14 годахъ, и потому ожидали его въ 15-мъ съ нетерпѣніемъ. Наконецъ появился флагъ на Зимнемъ дворцѣ и въ тотъ-же день велѣно всѣмъ гвардейскимъ офицерамъ быть на выходѣ. Всѣхъ удивило, что при этомъ не было артиллерійскихъ офицеровъ; они пріѣзжали, но ихъ не пустили во дворецъ. Полковникъ Таубе донесъ государю, что офицеры его бригады въ сношеніи съ нимъ позволили себѣ дерзость. Таубе былъ ненавидимъ и офицерами и солдатами; но вслѣдствіе его доноса: два князя Горчакова (главнокомандующій на Ду-

ній и бывшій генералъ-губернаторъ Западной Сибири) и еще пять отличныхъ офицеровъ были высланы въ армію. Происшествіе это произвело непріятное впечатлѣніе на всю армію. До слуха всѣхъ безпрестанно доходили изрѣченія императора Александра, въ которыхъ выражалось явное презрѣніе къ русскимъ. Такъ на пр. при смотрѣ при Вертю во Франціи, на похвали Велингтона устройству русскихъ войскъ, императоръ Александръ во всеуслышаніе отвѣчалъ, что въ этомъ случаѣ онъ обязанъ иностранцамъ, которые у него служатъ. Генералъ-адъютант гр. Ожеровскій, родственникъ Сергѣя и Матвѣя Муравьевыхъ, возвратившись однажды изъ дворца, разсказалъ имъ, что императоръ, говоря объ русскихъ вообще, сказалъ: "что каждый изъ нихъ или плутъ или дуракъ" и. т. д. По возвращеніи императора въ 15-мъ году, онъ просилъ у министровъ на мѣсяцъ отдыха; потомъ передалъ почти все управленіе государствомъ графу Аракчееву. Душа его была въ Европѣ; въ Россіи-же болѣе всего онъ заботился объ увеличеніи числа войскъ. Царь былъ всякій день у развода; во всѣхъ полкахъ начались ученія и шагистика вошла въ полную свою силу.

Служба въ гвардіи стала для меня несносна.

Въ 16-мъ году говорили о возможности войны съ Турками, и я подалъ просьбу о переводѣ меня въ 37-ой егерскій полкъ, которымъ командовалъ полковникъ фонъ Визинъ, знакомый мнѣ еще въ 13-мъ году и извѣстный въ арміи за отличнаго офицера. Въ это время Сергѣй Трубецкой, Матвѣй и Сергѣй Муравьевы и я — мы жили въ казармахъ и очень часто бывали вмѣстѣ съ тремя братьями Муравьевыми: Александромъ, Михаиломъ и Николаемъ. Никита Муравьевъ также часто видался съ нами. Въ бесѣдахъ нашихъ обыкновенно разговоръ былъ о положеніи Россіи. Тутъ разбирались главныя язвы нашего отечества: закоснѣлость народа, крѣпостное состояніе, жестокое обращеніе съ солдатами, которыхъ служба въ теченіи 25 лѣтъ почти была каторгой, повсемѣстное лихоимство, грабительство и наконецъ явное неуваженіе къ человѣку вообще. То, что называлось высшимъ образованнымъ обществомъ — большею частію состояло тогда изъ старовѣрцевъ, для которыхъ коснуться котораго-нибудь изъ вопросовъ насъ занимавшихъ показалось-бы ужаснымъ преступленіемъ. О помѣщикахъ, живущихъ въ своихъ имѣніяхъ, и говорить уже нечего.

Одинъ разъ Трубецкой и я — мы были у

Муравьевыхъ, Матвѣя и Сергѣя; къ нимъ пріѣхали Александръ и Никита Муравьевы, съ предложеніемъ составить Тайное Общество, цѣль котораго по словамъ Александра должна была состоять въ противудѣйствіи нѣмцамъ, находящимся въ русской службѣ. Я зналъ, что Александръ и его братья были враги всякой нѣмчизнѣ, и сказалъ ему, что никакъ не согласенъ вступить въ заговоръ противъ нѣмцевъ; но что еслибы составилось Тайное Общество, членамъ котораго поставлялось-бы въ обязанность всѣми силами трудиться для блага Россіи, то я охотно вступилъ-бы въ такое общество. Матвѣй и Сергѣй Муравьевы, на предложеніе Александра отвѣчали почти то-же, что и я. Послѣ нѣкоторыхъ преній, Александръ признался, что предложеніе составить общество противъ нѣмцевъ, было только пробное предложеніе, что самъ онъ, Никита и Трубецкой условились еще прежде составить общество, цѣль котораго была въ обширномъ смыслѣ блага Россіи. Такимъ образомъ положено основаніе Тайному Обществу, которое существовало, можетъ быть, не совсѣмъ безплодно для Россіи.

Было положено составить уставъ для Общества, и въ началѣ принимать въ него членовъ не иначе, какъ съ согласія всѣхъ шестерыхъ

насъ. Вскорѣ послѣ этого я уѣхалъ изъ Петербурга въ 37-ой егерскій полкъ. Заѣхавъ по пути къ дядѣ, который управлялъ небольшимъ моимъ имѣніемъ въ смоленской губерніи, я ему объявилъ, что желаю освободить своихъ крестьянъ. Въ это время я не очень понималъ ни какъ это можно было устроить, ни того, что изъ этого выйдетъ; но имѣя полное убѣжденіе, что крѣпостное состояніе — мерзость, я былъ проникнутъ чувствомъ прямой моей обязанности освободить людей, отъ меня зависящихъ. Мое предложеніе дядя выслушалъ даже безъ удивленія, но съ какимъ-то скорбнымъ чувствомъ; онъ былъ увѣренъ, что я сошелъ съ ума.

Пріѣхавъ въ Сосницы, гдѣ была штабъ-квартира 37-го егерскаго полка, я узналъ что этотъ полкъ долженъ быть разформированъ и въ кадрахъ идти въ Москву. Фонъ Визинъ совѣтовалъ мнѣ не принимать роты, и обошелся со мной не такъ какъ полковой мой командиръ, но какъ самый любезный товарищъ. Мы были съ нимъ неразлучны цѣлый день и всякой день просиживали вмѣстѣ далеко за полночь; всѣ вопросы, занимавшіе насъ въ Петербургѣ, были столько-же близки ему, какъ и намъ. Въ разговорахъ нашихъ мы соглашались, что для того, чтобы про-

тивудѣйствовать всему злу, тяготѣвшему надъ Россіей, необходимо было прежде всего противудѣйствовать старовѣрству закоснѣлаго дворянства и имѣть возможность дѣйствовать на мнѣніе молодежи; что для этого лучшимъ средствомъ учредить Тайное Общество, въ которомъ каждый членъ, зная, что онъ не одинъ и излагая свое мнѣніе передъ другими, могъ-бы дѣйствовать съ большею увѣренностью и рѣшимостію. Наконецъ фонъ Визинъ сказалъ мнѣ, что если-бы такое Общество существовало, состоя только изъ 5 человѣкъ, то онъ тотчасъ-бы вступилъ въ него. При этомъ я не могъ воздержаться, чтобы не довѣрить ему осуществленіе Тайнаго Общества въ Петербургѣ и что я принадлежу къ нему. Фонъ Визинъ тутъ-же присоединился къ намъ. Съ первой почтой я извѣстилъ Никиту Муравьева о важномъ пріобрѣтеніи, какое я сдѣлалъ для нашего Общества въ лицѣ полковника фонъ Визина, и надѣялся получить за это отъ нихъ отъ всѣхъ благодарность; но напротивъ получилъ строгій выговоръ за то, что поступилъ противъ условій между нами, въ силу которыхъ никто не имѣлъ права принимать никого въ Тайное Общество безъ предварительнаго на то согласія прочихъ членовъ; и я чувствовалъ, что по всей

справедливости своей опрометчивостью я заслужилъ такой выговоръ.

Въ началѣ 17-го года я пріѣхалъ въ Москву, и скоро послѣ того прибылъ въ кадрахъ 37-ой егерской полкъ, котораго штабъ-квартира была назначена въ Дмитровѣ; не командуя ротой, я жилъ въ Москвѣ и ходилъ во фракѣ въ ожиданіи Сентября, чтобы подать въ отставку, фонъ Визинъ большую часть времени также проживалъ въ Москвѣ и также хотѣлъ оставить службу. Въ это время войска, бывшія во Франціи у графа Воронцова, возвращались въ Россію. Полки апшеронскій и 38 егерскій, привезенные на судахъ, были на смотру у царя въ Петербургѣ. Онъ ужаснулся увидѣвъ, какъ мало люди были выправлены и прогналъ ихъ со смотра. 37-ой егерскій полкъ поступилъ въ 5-ой корпусъ. Командиръ этого корпуса графъ Толстой, дивизіонный командиръ кн. Хованскій и бригадный генералъ Полтарацкій (Константинъ Марковичъ), коротко знакомые съ фонъ Визинымъ уговорили его принять 38 егерской полкъ и его назначили командиромъ этого полка. Прощаясь съ 37-мъ егерскимъ покломъ фонъ Визинъ прослезился и офицеры и солдаты также плакали. Въ этомъ полку палка была уже выведена изъ употребленія.

Принявъ 39-ой егерскій полкъ, задача для фонъ Визина состояла кромѣ обмундировки, выправка людей на столько, чтобъ полкъ могъ пройти передъ царемъ въ парадѣ, не обившись съ ноги. Фонъ Визинъ началъ съ того, что сблизился съ ротными командирами, поручилъ имъ первоначальную выправку людей и рѣшительно запретилъ при ученіи употреблять палку. Для подпрапорщиковъ онъ завелъ училище и нанималъ для нихъ учителей. Вообще въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ истратилъ на полкъ болѣе 20,000 р., за то въ концѣ года царь, увидѣвъ 38-ой егерскій полкъ въ парадѣ, былъ отъ него въ восторгѣ и изъявилъ фонъ Визину благодарность въ самыхъ лѣстныхъ выраженіяхъ.

Въ концѣ 17-го года вся царская фамилія переѣхала въ Москву и прожила тутъ мѣсяцевъ 9 или 10. Еще въ Августѣ прибылъ въ Москву отдѣльный гвардейскій корпусъ, состоящій изъ первыхъ баталіоновъ всѣхъ пѣшихъ и первыхъ эскадроновъ всѣхъ конныхъ полковъ. При корпусѣ была также артиллерія. Командовалъ этимъ отрядомъ генералъ Розенъ, а начальниковъ штаба былъ Александръ Муравьевъ. Вмѣстѣ съ отрядомъ прибыли Никита, Матвѣй и Сергѣй Муравьевы. Михайлъ Муравьевъ, вступившій уже

въ Общество пріѣхалъ также въ Москву. Въ мое отсутствіе Общество очень распространилось; въ Петербургѣ было принято много членовъ, въ числѣ которыхъ былъ Бурцевъ (послѣ уже генералъ-маіоромъ убитый на Кавказѣ) и Пестель, адъютанты гр. Витгенштейна. Пестель составилъ первый уставъ для нашего Тайнаго Общества. Замѣчательно было въ этомъ уставѣ во-первыхъ то, что на вступающихъ въ Тайное Общество возлагалась обязанность — ни подъ какимъ видомъ не покидать службы, съ тою цѣлью, чтобы со временемъ всѣ служебныя значительныя мѣста по военной и гражданской части были-бы въ распоряженіи Тайнаго Общества; во вторыхъ было сказано, что если царствующій императоръ не дасть никакихъ правъ независимости своему народу, то ни въ какомъ случаѣ не присягать его наслѣднику, не ограничивъ его самодержавія.

По прибытіи въ Москву, Муравьевы, особенно Михайло, находили уставъ, написанный въ Петербургѣ, неудобнымъ для первоначальныхъ дѣйствій Тайнаго Общества. Было положено приступить къ сочиненію новаго устава и при этомъ руководствоваться печатнымъ нѣмецкимъ уставомъ привезеннымъ княземъ Ильей Долгорукимъ

изъ за границы и служившимъ пруссакамъ для тайнаго соединенія противъ французовъ. Пока изготовлялся уставъ для будущаго Союза Благоденствія, было учреждено временное Тайное Общество подъ названіемъ Военнаго. Цѣль его была только распространеніе Общества и соединеніе единомыслящихъ людей. У многихъ изъ молодежи было столько избытка жизни при тогдашней ея ничтожной обстановкѣ, что увидѣть передъ собой прямую и высокую цѣль, почиталось уже блаженствомъ, и потому немудрено, что всѣ порядочные люди изъ молодежи бывшей тогда въ Москвѣ или поступили въ Военное Общество или по единомыслію сочувствовали членамъ его. Обыкновенно собирались или у фонъ Визина, съ которымъ я тогда жилъ, или въ Хомовникахъ, у Александра Муравьева, въ домѣ, въ которомъ жилъ также начальникъ гвардейскаго отряда генералъ Розенъ. Собранія эти все болѣе и болѣе становились многолюдны, на этихъ совѣщаніяхъ бывали между прочими оба Перовскіе (министръ удѣловъ и оренбургскій генералъ-губернаторъ), толковали о тѣхъ-же предметахъ, важность которыхъ насъ всѣхъ занимала. Къ прежде бывшимъ присоединилось еще новое зло для Россіи: императоръ Александръ давно замышлявшій воен-

ныя поселенія, приступилъ теперь къ ихъ учрежденію; графу Аракчееву было поручено привести въ исполненіе предначертанія, составленныя самимъ царемъ для устройства военныхъ поселеній. Графъ Аракчеевъ, во всѣхъ случаяхъ гордившійся тѣмъ, что онъ только неизмѣнное орудіе самодержавія, и въ этомъ случаѣ не измѣнилъ себѣ. Въ новгородской губерніи казенные крестьяне тѣхъ волостей, которыя были назначены подъ первыя военныя поселенія, чуя чутьемъ русскаго человѣка для себя бѣду — возмутились. Гр. Аракчеевъ привелъ противъ нихъ кавалерію и артиллерію; по нимъ стрѣляли, ихъ рубили, многихъ прогнали сквозь строй, и бѣдные люди должны были покориться. Послѣ чего было объявленно крестьянамъ, что домы и все имущество болѣе имъ не принадлежатъ, что всѣ они поступаютъ въ солдаты, дѣти ихъ въ кантонисты, что они будутъ исполнять нѣкоторыя обязанности по службѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ работать въ полѣ, но не для себя собственно, а въ пользу всего полка, къ которому будутъ приписаны. Имъ тотчасъ-же обрили бороды, надѣли военныя шинели, и росписали по ротамъ и капральствамъ. Извѣстія о новгородскихъ происшествіяхъ привели всѣхъ въ ужасъ. Императоръ Александръ,

въ Европѣ покровитель и почти корифей либераловъ, въ Россіи былъ не только жестокимъ, но что хуже того — безсмысленнымъ деспотомъ.

Разводы, парады и военные смотры были почти его единственныя занятія; заботился-же только о военныхъ поселеніяхъ и устройствѣ большихъ дорогъ по всей Россіи, при чемъ онъ не жалѣлъ ни денегъ, ни пота, ни крови своихъ подданныхъ. Никогда никто изъ приближенныхъ къ царю, ни даже самъ онъ не могли дать удовлетворительнаго объясненія, что такое военныя поселенія. Такъ, на примѣръ, въ Тульчинѣ за обѣдомъ и бывши въ веселомъ расположеніи духа послѣ очень удачнаго военнаго смотра, императоръ обратился къ генералу Киселеву съ вопросомъ: примиряется-ли онъ наконецъ съ военными поселеніями? Киселевъ отвѣчалъ, что его обязанность вѣрить, что военныя поселенія принесутъ пользу, потому что его императорскому величеству это угодно; но что самъ онъ тутъ рѣшительно ничего не понимаетъ. — "Какъ-же ты не понимаешь, возразилъ императоръ Александръ, что при теперешнемъ порядкѣ всякой разъ, что объявляется рекрутской наборъ, вся Россія плачетъ и рыдаетъ; когда-же окончательно устроятся военныя поселенія — не будетъ рекрутскихъ

наборовъ." Графъ Аракчеевъ, когда у него спрашивали о цѣли военныхъ поселеній, всякій разъ отвѣчалъ, что это не его дѣло и что онъ только исполнитель высочайшей воли. Извѣстно, что военныя поселенія со временемъ должны были составить посередь Россіи полосу съ Сѣвера на Югъ и совмѣстить въ себѣ штабъ-квартиры всѣхъ конныхъ и пѣшихъ полковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ собственными средствами продовольствовать войска, посреди ихъ квартирующія: ужъ это одно было (вѣроятно) предположеніе несбыточное. При окончательномъ устройствѣ военныхъ поселеній, онѣ неминуемо должны были образоваться въ военную касту съ оружіемъ въ рукахъ и неимѣющую ничего общаго съ остальнымъ народонаселеніемъ Россіи. Онѣ уничтожены и подверглись общей участи всякой безмыслицы, даже затѣянной человѣкомъ, облеченнымъ огромнымъ могуществомъ.

Въ 17-мъ году была напечатана по французски конституція Польши. Въ послѣднихъ пунктахъ этой конституціи было сказано: что никакая земля не могла быть отторгнута отъ царства польскаго, но что по усмотрѣнію и волѣ высшей власти могли быть присоединены къ Польшѣ земли, отторгнутыя отъ Россіи, изъ чего слѣдо-

вало заключить, что по волѣ императора часть Россіи могла сдѣлаться Польшей. Все это поселяло ненависть къ императору Александру въ людяхъ, готовыхъ жертвовать собой для блага Россіи.

Въ концѣ 17-го года вся царская фамилія была уже въ Москвѣ и скоро ожидали прибытія императора. Однажды Александръ Муравьевъ, заѣхавъ въ одинъ домъ, гдѣ я обѣдалъ и въ которомъ онъ не былъ знакомъ, велѣлъ меня вызвать и сказалъ съ какимъ-то таинственнымъ видомъ, чтобы я пріѣзжалъ къ нему вечеромъ. Я явился въ назначенный часъ. Совѣщаніе это было не многолюдно; тутъ были, кромѣ самаго хозяина, Никита, Матвѣй и Сергѣй Муравьевы, фонъ Визинъ, князь Шаховской и я. Александръ Муравьевъ прочелъ намъ только что полученное письмо отъ Трубецкова, въ которомъ онъ извѣщалъ всѣхъ насъ о петербургскихъ слухахъ; во первыхъ, что царь влюбленъ въ Польшу, и это было всѣмъ извѣстно; на Польшу, которой онъ только что далъ конституцію и которую почиталъ несравненно образованнѣе Россіи, онъ смотрѣлъ, какъ на часть Европы; во-вторыхъ, что онъ ненавидитъ Россію, и это было вѣроятно послѣ всѣхъ его дѣйствій въ Россіи съ 15го года. Въ-третьи-

ихъ, что онъ намѣревается отторгнуть нѣкоторыя земли отъ Россіи и присоединить ихъ къ Польшѣ, и это было вѣроятно; наконецъ, что онъ ненавидя и презирая Россію, намѣренъ перенести столицу свою въ Варшаву. Это могло показаться невѣроятнымъ, но послѣ всего невѣроятнаго, совершаемаго русскимъ царемъ въ Россіи, можно было повѣрить и послѣднему извѣстію, особенно при нашемъ въ эту минуту раздраженномъ воображеніи. Александръ Муравьевъ перечиталъ вслухъ еще разъ письмо Трубецкова, потомъ начались толки и сокрушенія о бѣдственномъ положеніи, въ которомъ находится Россія подъ управленіемъ императора Александра. Меня проникла дрожь; я ходилъ по комнатѣ и спросилъ у присутствующихъ, точно-ли они вѣрятъ всему сказанному въ письмѣ Трубецкова и тому, что Россія не можетъ быть болѣе несчастна, какъ оставаясь подъ управленіемъ царствующаго императора; всѣ стали меня увѣрять, что то и другое несомнѣнно. Въ такомъ случаѣ, сказалъ я, Тайному Обществу тутъ нечего дѣлать, и теперь каждый изъ насъ долженъ дѣйствовать по собственной совѣсти и по собственному убѣжденію. На минуту всѣ замолчали. Наконецъ Александръ Муравьевъ сказалъ, что для отвращенія бѣдствій,

угрожающихъ Россіи, необходимо прекратить царствованіе императора Александра, и что онъ предлагаетъ бросить между нами жребій, чтобы узнать, кому достанется нанесть ударъ царю. На это я ему отвѣчалъ, что они опоздали, что я рѣшился безъ всякаго жребія принести себя въ жертву и никому не уступлю этой чести. Затѣмъ наступило опять молчаніе. Фонъ Визинъ подошелъ ко мнѣ и просилъ меня успокоиться, увѣряя, что я въ лихорадочномъ состояніи и не долженъ въ такомъ расположеніи духа брать на себя обѣтъ, который завтра-же покажется мнѣ безразсуднымъ. Съ своей стороны я увѣрялъ фонъ Визина, что я совершенно спокоенъ, въ доказательство чего предложилъ ему съиграть въ шахматы и обыгралъ его. Совѣщаніе прекратилось и я съ фонъ Визинымъ уѣхалъ домой. Почти цѣлую ночь онъ не далъ мнѣ спать, безпрестанно уговаривая меня отложить безразсудное мое предпріятіе и со слезами на глазахъ говорилъ мнѣ, что онъ не можетъ представить безъ ужаса ту минуту, когда меня выведутъ на эшафотъ. Я увѣрялъ, что не доставлю такого ужаснаго для него зрѣлища. Я рѣшился по прибытіи императора Александра отправиться съ двумя пистолетами къ Успенскому собору, и когда царь

пойдетъ во дворецъ — изъ однаго пистолета выстрѣлить въ него, и изъ другаго въ себя. Въ такомъ поступкѣ я видѣлъ не убійство, а только поединокъ на смерть обоихъ.

На другой день фонъ Визинъ, видя, что всѣ его убѣжденія тщетны, отправился въ Хамовники и извѣстилъ живущихъ тамъ членовъ, что я никакъ не хочу отложить намѣреваемаго мной предпріятія. Вечеромъ собрались у фонъ Визина тѣже лица, которые вчера были у Александра Муравьева; начались толки, но совершенно въ противномъ смыслѣ вчерашнимъ толкамъ. Увѣряли меня, что все сказанное въ письмѣ Трубецкова можетъ быть и неправда, что смерть императора Александра въ настоящую минуту не можетъ быть ни на какую пользу для государства и что наконецъ своимъ упорствомъ я гублю не только всѣхъ ихъ, но и Тайное Общество при самомъ его началѣ и которое со временемъ могло бы принести столько пользы для Россіи. Всѣ эти толки и переговоры, длились почти цѣлый вечеръ; наконецъ я далъ имъ обѣщаніе не приступать къ исполненію моего намѣренія и сказалъ имъ, что если все то, чему они такъ рѣшительно вѣрили вчера — не болѣе какъ вздоръ, то вчера они своимъ легкомысліемъ увлекли было меня къ

совершенію самаго великаго преступленія; но что если въ самомъ дѣлѣ ничто не можетъ быть счастливѣе для Россіи, какъ прекращеніе царствованія императора Александра, то сегодня своей нерѣшительностью и своими требованіями они отнимаютъ у меня возможность совершить самое прекрасное дѣло, и въ заключеніе объявилъ, что я болѣе не принадлежу къ ихъ Тайному Обществу.

Потомъ фонъ Визинъ, Никита Муравьевъ и другіе очень уговаривали меня не покидать Общества, но я рѣшительно сказалъ имъ, что не буду ни на одномъ изъ ихъ совѣщаній. И въ самомъ дѣлѣ всякой разъ, что собирались у фонъ Визина, я куда нибудь уѣзжалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи коротко знакомъ съ главными членами Общества, я всякій день съ ними видѣлся. Они свободно говорили при мнѣ о дѣлахъ своихъ и я зналъ все, что̀ у нихъ дѣлается. Уставъ Союза Благоденствія, извѣстный подъ названіемъ Зеленой Книги, я читалъ при самомъ его появленіи. Главными редакторами были Михаилъ и Никита Муравьевы; въ самомъ началѣ изложенія его было сказано, что члены Тайнаго Общества соединились съ цѣлью противудѣйствовать злонамѣреннымъ людямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ споспѣ-

шествовать благимъ намѣреніямъ правительства. Въ этихъ словахъ была уже на половину ложь, потому что никто изъ насъ не вѣрилъ въ благія намѣренія правительства. Въ это время число членовъ Тайнаго Общества значительно увеличилось, и многіе изъ нихъ стали при всѣхъ случаяхъ гремѣть противъ дикихъ учрежденій, каковы: палка, крѣпостное состояніе и проч. Теперь покажется невѣроятнымъ, чтобы вопросы, давно уже порѣшенные между образованными людьми, 38 лѣтъ тому назадъ, были вопросами совершенно новыми, даже для людей почитаемыхъ тогда образованными, т. е. для людей, которые говорили по французски и были нѣсколько знакомы съ французскою словесностью. Въ этомъ дѣлѣ мы рѣшительно были застрѣльщиками или какъ говорятъ французы: пропалыми ребятами (enfants perdus); на каждомъ шагу встрѣчались Скалозубы не только въ арміи, но и въ гвардіи, для которыхъ было непонятно, чтобы изъ русскаго человѣка возможно выправить годнаго солдата, не изломавъ на его спинѣ нѣсколько возовъ палокъ. Всѣ почти помѣщики смотрѣли на крестьянъ своихъ какъ на собственность вполнѣ имъ принадлежащую, и на крѣпостное состояніе, какъ на священную старину, до которой нельзя было

коснуться безъ потрясенія самой основы государства. По ихъ мнѣнію Россія держалась однимъ только благороднымъ сословіемъ, а съ уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія уничтожалось и самое дворянство. По мнѣнію тѣхъ-же старовѣровъ ничего не могло быть пагубнѣе, какъ приступить къ образованію народа. Вообще свобода мыслей тогдашней молодежи пугала всѣхъ, но эта молодежь вездѣ высказывала смѣло слово истины.

Въ началѣ 18го года пріѣхалъ въ Москву полковникъ лубенскаго полка Граббе и остановился у фонъ Визина; они вмѣстѣ были адъютантами у Ермолова. Многіе изъ моихъ знакомыхъ выхваляли мнѣ Граббе, какъ человѣка отличнаго во всѣхъ отношеніяхъ; этого уже было достаточно для меня, чтобы не спѣшить съ нимъ познакомиться; я полагалъ, что онъ можетъ быть человѣкъ проникнутый чувствомъ высокихъ своихъ достоинствъ, а я такого рода отличныхъ людей не очень жаловалъ. Мы прожили съ нимъ нѣсколько дней подъ одной кровлей, не сходясь ни разу. Наконецъ въ одно прекрасное утро онъ вошелъ ко мнѣ въ комнату, когда я еще лежалъ въ постелѣ, и сказалъ, протянувъ мнѣ руку: "я вижу, что вы никакъ, не хотите со мной сой-

тись, такъ знайте-же, что я непремѣнно хочу познакомиться съ вами." Черезъ какой-нибудь часъ мы уже хорошо познакомились другъ съ другомъ. Пока мы ходили разговаривая по комнатѣ, человѣкъ Граббе принесъ его долманъ и ментикъ. Я спросилъ его, куда онъ собирается въ такомъ облаченіи? Онъ отвѣчалъ, что ему необходимо явится къ гр. Аракчееву. Между тѣмъ мы продолжали ходить и разговоръ попалъ на древнихъ историковъ. Въ это время мы страшно любили древнихъ: Плутархъ, Титъ-Ливій, Цицеронъ, Тацитъ и другіе — были у каждаго изъ насъ почти настольными книгами. Граббе тоже любилъ древнихъ. На столѣ у меня лежала книга, изъ которой я прочелъ Граббе нѣсколько писемъ Брута къ Цицерону, въ которыхъ первый, рѣшившійся дѣйствовать противъ Октавія, упрекаетъ послѣдняго въ малодушіи. При этомъ чтеніи Граббе видимо воспламенился и сказалъ своему человѣку, что онъ не поѣдетъ со двора, и мы съ нимъ обѣдали вмѣстѣ: потомъ онъ уже никогда не бывалъ у Аракчеева, не смотря на то, что до него доходили слухи чрезъ приближенныхъ Аракчеева, что графъ на него сердится и повторялъ нѣсколько разъ: Граббе этотъ видно возгордился, что ко мнѣ не ѣдетъ.

Вскорѣ послѣ этого фонъ Визинъ принялъ Граббе въ члены Тайнаго Общества.

Въ 18-мъ году 6-го Января назначенъ былъ всему гвардейскому отряду парадъ въ Кремлѣ. Погода была прегадкая, унтеръ-офицеры на линіяхъ были невѣрно поставлены — парадъ не удался. Царь взбѣсился и посадилъ начальника штаба Александра Муравьева подъ арестъ на главную гаубтвахту. Послѣ чего Александръ Муравьевъ вышелъ въ отставку и женился. Жена его, бывши невѣстой, пѣла съ нимъ Марсельезу, но потомъ въ нѣсколко мѣсяцевъ съумѣла мужа своего, отчаяннаго либерала, обратить въ отчаяннаго мистика, вслѣдствіе чего онъ отказался отъ Тайнаго Общества и написалъ къ прежнимъ своимъ товарищамъ то посланіе, о которомъ упоминается въ донесеніяхъ комитета; впрочемъ это было уже въ 19-мъ году.

Во время пребыванія императора въ Москвѣ были слухи, что онъ хочетъ освободить крестьянъ, чему можно было вѣрить, тѣмъ болѣе, что онъ освободилъ крестьянъ трехъ остъзейскихъ губерній, правда на такихъ условіяхъ, при которыхъ положеніе освобожденныхъ стало несравненно хуже прежняго. Императоръ Александръ стыдился передъ Европой, что болѣе 10 милліоновъ

его подданныхъ — рабы, но непослѣдовательнымъ своимъ поведеніемъ онъ смущалъ только умы, нисколько не подвигая дѣла впередъ. Однажды во время прогулки своей по набережной, онъ увидѣлъ нѣсколько крестьянъ на колѣнахъ и у одного изъ нихъ бумагу на головѣ. Онъ принялъ отъ нихъ просьбу, въ которой было сказано, что крестьяне тульской губерніи, работая на фабрикѣ своего помѣщика, не всегда получаютъ заработанную плату. Тотчасъ отправленъ былъ фельдъегерь къ тульскому губернатору Оленину привести это дѣло въ порядокъ. Оленина я зналъ, и онъ самъ разсказывалъ мнѣ про это происшествіе. Онъ отправился въ имѣніе своего пріятеля, приказалъ управляющему расплатиться съ крестьянами; оказалось, что недоимка за конторою была самая незначительная. Тульской губернаторъ донесъ императору, что крестьяне удовлетворены; тѣмъ все и кончилось. Но происшествіе это ужасно смутило помѣщиковъ. Въ тоже почти время безпрестанно доходили слухи объ экзекуціяхъ въ разныхъ губерніяхъ. Въ костромской, въ имѣніи Грибоѣдовой, матери сочинителя "Горе отъ ума," крестьяне выведенные изъ терпѣнія жестокостью управляющаго и поборами выше силъ ихъ, вышли изъ повино-

ченія. По именному повелѣнію къ нимъ была доставлена военная экзекуція и предоставлено было костромскому дворянству опредѣлить количество оброка въ костромской губерніи, который былъ-бы неотягчителенъ для крестьянъ. Костромское дворянство, какъ и всякое другое, не будучи врагомъ самому себѣ, донесло, что въ ихъ губерніи 70 рублей съ души можно полагать оброкомъ самымъ умѣреннымъ. На ихъ донесеніе не было ни отъ кого возраженій, тогда, какъ всѣмъ было извѣстно, что въ костромской губерніи ни одно имѣніе не платило такого огромнаго оброка.

Еще въ 15-мъ году императоръ принялся съ страстью за устройство дорогъ и украшеніе городовъ и селеній; но дороги эти такъ были устроены, что въ послѣднее десятилѣтіе его царствованія ни по одной изъ нихъ въ скверную погоду не было проѣзду. Въ 18-мъ году уѣзжая изъ Москвы, онъ назначилъ князя Хованскаго витебскимъ генералъ-губернаторомъ и приказалъ ему отправиться въ Ярославль поучиться у тамошняго губернатора Безобразова, какъ устроивать большія дороги. Императоръ остался очень доволенъ дорогой въ ярославской губерніи, проѣхавши по ней въ самую сухую погоду; но

Никита, который въ это время былъ въ отставкѣ и усердно занимался дѣлами Тайнаго Общества, познакомилъ меня въ Пестелемъ. При первомъ же знакомствѣ мы проспорили съ нимъ часа два. Пестель всегда говорилъ умно и упорно защищалъ свое мнѣніе, въ истину котораго онъ всегда вѣрилъ, какъ обыкновенно вѣрятъ въ математическую истину; онъ никогда и ничѣмъ не увлекался. Можетъ быть въ этомъ то и заключалась причина, почему изъ всѣхъ насъ онъ одинъ въ теченіи почти 10 лѣтъ, не ослабѣвая ни на одну минуту, усердно трудился надъ дѣломъ Тайнаго Общества. Одинъ разъ доказавъ себѣ, что Тайное Общество вѣрный способъ для достиженія желаемой цѣли, онъ съ нимъ слилъ все свое существованіе. На другой день моего пріѣзда въ Петербургъ, Никита сталъ меня уговаривать, чтобы я присоединился опять къ Тайному Обществу, доказывая мнѣ, что теперь не существуетъ болѣе причины, меня отъ нихъ удалившей, что въ Уставѣ Союза Благоденствія совершенно опредѣленъ мѣрный ходъ общества, прибавивъ, что Пестелъ и другіе находятъ очень страннымъ, что я привожу порученія отъ московскихъ членовъ и знаю все что̀ дѣлается въ Тайномъ Обществѣ, не принадлежавъ къ нему. Послѣ та-

кихъ доводовъ, мнѣ оставалось только согласиться на предложеніе Никиты, и я подписалъ записку, не читая ее; я зналъ, что она будетъ сожжена. Послѣ этого я былъ приглашенъ на совѣщаніе. Князь Лопухинъ, впослѣдствіи начальникъ уланской дивизіи при гренадерскомъ корпусѣ, Петръ Колошинъ, князь Шаховской и многіе другіе собрались у Никиты. Сама формальность этого совѣщанія давала ему видъ плохой комедіи. Въ Москвѣ когда собирались члены Военнаго Общества, они собирались для того, чтобы познакомиться и сблизиться другъ съ другомъ; всякой говорилъ свободно о предметахъ, занимавшихъ всѣхъ и каждаго изъ нихъ. Тутъ-же въ продолженіи всего совѣщанія разсуждали о составленіи самой заклинательной присяги для вступающихъ въ Союзъ Благоденствія, и о томъ, какъ приносить самую присягу — надъ Евангеліемъ или надъ шпагой вступающіе должны присягать. Все это было до крайности смѣшно. Но Лопухинъ, Шаховской и почти всѣ присутствующіе были ревностные масоны; они привыкли въ ложахъ разыгрывать безсмыслицу, нисколько этимъ не смущаясь, и имъ желалось нѣкоторый порядокъ масонскихъ ложъ ввести въ Союзъ Благоденствія.

Менѣе нежели въ два года своего существованія Союзъ Благоденствія достигъ полнаго своего развитія, и едва-ли 18й и 19й годъ не были самымъ цвѣтущимъ его временемъ. Число членовъ значительно увеличилось; многіе изъ принадлежавшихъ Военному Обществу поступили въ Союзъ Благоденствія; въ томъ числѣ оба Перовскихъ; поступили въ него также князь Бибиковъ, теперешній литовскій генералъ-губернаторъ, и Кавелинъ, бывшій с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ. Во всѣхъ полкахъ было много молодежи, принадлежащей къ Тайному Обществу. Бурцевъ, передъ отъѣздомъ своимъ въ Тульчинъ, принялъ Пущина, Оболенскаго, Нарышкина, Лорера и многихъ другихъ. Въ это время, главные члены Союза Благоденствія вполнѣ цѣнили предоставленный имъ способъ дѣйствія посредствомъ слова истины; они вѣрили въ его силу и орудовали имъ успѣшно. Вліяніе ихъ въ Петербургѣ было очевидно. Въ семеновскомъ полку палка почти совсѣмъ уже была выведена изъ употребленія: въ другихъ полкахъ ротные командиры нашли возможность безъ нея обходиться. Про жестокости, какія бывали прежде, слышно было очень рѣдко. Прежде похода за границу въ семеновскомъ полку, въ которомъ кругъ офи-

церовъ почитался тогда лучшимъ во всей гвардіи, когда собирались нѣкоторые изъ баталліонныхъ и ротныхъ командировъ, между ними бывали пренія о томъ, какъ полезнѣе наказывать солдатъ по немногу — но часто, или рѣдко — но мѣтко, и я очень помню, что командиръ 2-го баталліона баронъ Далласъ, впослѣдствіи бывшій во Франціи при Карлѣ X министротъ иностранныхъ дѣлъ, былъ такого мнѣнія, что должно наказывать рѣдко, но вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не давать солдату менѣе 200 палокъ, и надо замѣтить, что такія жестокія наказанія употреблялись не за одно дурное поведеніе, но иногда за самый ничтожный проступокъ по службѣ и даже за какой-нибудь промахъ во фрунтѣ. Многія притѣснительныя постановленія правительства, особенно военныя поселенія, явно порицались членами Союза Благоденствія, чрезъ что во всѣхъ кругахъ петербургскаго общества стало проявляться общественное мнѣніе; ужъ недовольствовались, какъ прежде, разсказами о выходахъ во дворцѣ и разводахъ въ манежѣ. Многіе стали разсуждать, что вокругъ ихъ дѣлалось.

Въ 19-мъ году, поѣхавъ изъ Москвы повидаться съ своими, я заѣхалъ въ смоленское свое имѣніе. Крестьяне собравшись стали просить меня,

что такъ какъ я не служу и ничего не дѣлаю, то мнѣ бы пріѣхать пожить съ ними, и увѣряли, что я буду имъ уже тѣмъ полезенъ, что при мнѣ будутъ менѣе притѣснять ихъ. Я убѣдился, что въ словахъ ихъ много правды и переѣхалъ на житье въ деревню. Сосѣди тотчасъ прислали поздравить съ пріѣздомъ, обѣщая каждый скоро посѣтить меня; но я черезъ посланныхъ ихъ просилъ передъ ними извиненія, что теперь никого изъ нихъ не могу принять. Меня оставили въ покоѣ, но разумѣется смотрѣли на меня, какъ на чудака. Первымъ моимъ распоряженіемъ было уменьшить на половину господскую запашку. Имѣніе было на барщинѣ, и крестьяне были далеко не въ удовлетворительномъ положеніи; многіе поборы, отяготительные для нихъ и приносившіе мало пользы помѣщику, были отмѣнены. Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ Жуково, я пришелъ въ столкновеніе съ земской полиціей. Мнѣ пришли сказать, что въ рѣчкѣ, текущей по моей землѣ и очень вздувшейся отъ дождей, утонулъ человѣкъ. Я въ тотъ-же день велѣлъ послать донесеніе о происшествіи въ вяземскій земскій судъ и приставить караулъ къ утопленнику. Прошло дня три или четыре, земскій судъ не сдѣлалъ никакого распоряженія по этому дѣлу.

Въ это время пріѣхалъ ко мнѣ изъ Москвы фонъ Визинъ; мы пошли съ нимъ гулять вдоль рѣки и были поражены зрѣлищемъ истинно ужаснымъ. Утопшій, привязанный за ногу къ колу, вбитому въ берегъ, плавалъ на водѣ; кожа на его лицѣ и рукахъ походила на мокрую сыромятину. Это было въ Іюнѣ и смрадъ отъ мертваго тѣла далеко распространялся. Кромѣ караульнаго на берегу сидѣли старикъ и молодая женщина. Старикъ былъ отецъ, женщина — жена утопшаго; оба они горько плакали и, увидѣвъ меня, бросились въ ноги, прося позволенія похоронить покойника. И фонъ Визинъ и я, мы были сильно взволнованы. Я приказалъ вытащить усопшаго изъ воды и взваливъ на тѣлегу отвести къ его помѣщику Барышникову, живущему верстъ 10 отъ меня. Я написалъ къ нему, что послѣ моего донесенія въ земской судъ о найденномъ утепленникѣ у меня въ рѣкѣ, не видя со стороны суда никакого распоряженія по этому дѣлѣ и опасаясь, чтобы мертвое тѣло, которое начало уже разлагаться — не причинило заразы, я рѣшился отправить его къ нему, съ тѣмъ, чтобы онъ приказалъ его похоронить. Барышниковъ весьма богатый помѣщикъ перепугался и первоначально, безъ распоряженія земскаго суда, не хотѣлъ при-

за что и никому я не продамъ. На другой день оба они получили отъ меня отпускную.

Мальчики мои по немногу начинали читать и писать, что очень забавляло ихъ родителей. Желая привести въ совершенную извѣстность всю мою дачу, я каждый день съ моими учениками ходилъ на съемку; они таскали за мной всѣ нужныя для этого принадлежности; скоро научились они таскать цѣпь и ставить колья по прямому направленію. Я показывалъ имъ какъ наводить діоптръ и насѣкать углы на планшетѣ: все это ихъ очень забавляло и они съ каждымъ днемъ становились смышленнѣй.

Наконецъ вяземскій дворянскій предводитель, получилъ предписаніе изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, потребовать отъ меня показаніе, на какихъ условіяхъ я хочу сдѣлать своихъ крестьянъ вольными хлѣбопашцами, и означить, сколько передаю я земли каждому изъ нихъ; потомъ допросить крестьянъ моихъ, согласны-ли они поступить въ вольные хлѣбопашцы на предлагаемыхъ мною условіяхъ, словомъ поступить совершенно по учрежденію для крестьянъ, поступающихъ въ вольные хлѣбопашцы, обнародованному въ 1805 году Февраля 20. Изъ этого было очевидно, что въ министерствѣ не обратили на

малѣйшаго вниманія на смыслъ моей просьбы. Оставалось только мнѣ ѣхать самому въ Петербургъ и изустно объясниться съ министромъ, но прежде мнѣ хотѣлось знать, оцѣнятъ-ли мои крестьяне выгоду для себя условій, на которыхъ я предполагалъ освободить ихъ. Я собралъ ихъ и долго съ ними толковалъ; они слушали меня со вниманіемъ, и наконецъ спросили: "земля, которою мы теперь владѣемъ, будетъ принадлежать намъ или нѣтъ?" Я имъ отвѣчалъ, что земля будетъ принадлежать мнѣ, но что они будутъ властны ее нанимать у меня. — "Ну такъ батюшка, оставайся все по старому; мы ваши, а земля наша". Напрасно я старался имъ объяснить всю выгоду независимости, которую имъ доставитъ освобожденіе. Русской крестьянинъ не допускаетъ возможности, чтобъ у него не было хоть клока земли, которую онъ пахалъ-бы для себя собственно. Надѣясь, что мои крестьяне со временемъ примирятся съ условіями, на которыхъ я предположилъ освободить ихъ въ началѣ 20 года, я отправился въ Петербургъ.

Въ два года моего отсутствія число членовъ Союза Благоденствія очень возросло; правда, что многіе изъ прежнихъ членовъ охладѣли, почти совсѣмъ отдалились отъ Общества; за то другіе

жаловались, что Тайное Общество ничего не дѣлаетъ. По ихъ понятіямъ создать въ Петербургѣ общественное мнѣніе и руководить имъ, была вещь ничтожная; имъ хотѣлось-бы отъ Общества теперь уже болѣе рѣшительныхъ, приготовительныхъ мѣръ, для будущихъ дѣйствій. Словомъ, Союзъ Благоденствія въ прежнемъ своемъ видѣ болѣе уже не существовалъ. По нѣскольку разъ въ недѣлю собирались члены Тайнаго Общества къ Никитѣ Муравьеву. Въ это время я познакомился со многими изъ нихъ, самые изъ нихъ значительные и ревностные по дѣлу Общества, кромѣ Никиты и Николая Тургенева, Ѳ. Н. Глинка, два брата Шиповы, (старшій впослѣдствіи командиръ новосеменовскаго полка), графъ Толстой — извѣстный нашъ медальеръ, Ид. Долгорукій и многіе другіе. Вмѣстѣ съ Никитою мы заѣзжали къ Ил. Долгорукому, который былъ болѣнъ и не выходилъ изъ комнаты. Онъ былъ блюстителемъ Союза Благоденствія. Служа при Аракчеевѣ и имѣя возможность знать многія тайныя распоряженія правительства и извѣщать о нихъ своихъ товарищей, онъ тѣмъ самымъ былъ полезенъ Тайному Обществу. Въ это время вообще онъ служилъ ему усердно. Во всѣхъ членахъ Союза Благоденствія проявлялось какое-

то ожесточеніе противъ царствующаго императора; и въ самомъ дѣлѣ онъ съ каждымъ днемъ становился мрачнѣе и все болѣе и болѣе отчуждался отъ Россіи. Графъ Аракчеевъ уже явно управлялъ государствомъ. Члены государственнаго совѣта и министры относились къ нему по повелѣнію императора въ большей части случаевъ, гдѣ требовалось высочайшее разрѣшеніе. Аракчеевъ жилъ иногда въ своемъ знаменитомъ Грузинѣ, въ новгородской губерніи, и члены совѣта, и министры и всѣ сановники отправлялись къ нему туда.

По дѣлу объ освобожденіи моихъ крестьянъ я обратился къ Николаю Тургеневу; онъ далъ мнѣ письмо къ Джуньковскому, директору департамента, въ которомъ было мое дѣло. Джуньковскій принялъ меня въ департаментѣ и толковалъ со мной часа два, сначала было съ важностію пожилаго человѣка, который много видѣлъ и много знаетъ и потому имѣетъ право читать поученіе молодому, неопытному человѣку; но потомъ онъ изъ словъ моихъ убѣдился, что условія, на которыхъ я предполагалъ освободить крестьянъ моихъ, не были мнѣ внушены какой-нибудь мимолетной мыслью, но были мной совершенно обдуманы. Я спросилъ у Джуньковскаго

— много-ли съ 1805 года освобождено крестьянъ по учрежденію о вольныхъ хлѣбопашцахъ? Онъ отвѣчалъ мнѣ 30,000, въ томъ числѣ 20,000 князя Голицына, извѣстнаго мота въ Москвѣ, проигравшаго жену свою графу Разумовскому. Крестьяне Голицына откупились, заплативъ долги его. Незначительное это число освободившихся крестьянъ, въ продолженіи какихъ-нибудь 15 лѣтъ, было лучшимъ доказательствомъ, что на существующее учрежденіе о вольныхъ хлѣбопашцахъ нельзя было расчитывать, какъ на средство для уничтоженія крѣпостнаго состоянія въ Россіи. Джуньковскій бывалъ за границей, имѣлъ воззрѣніе человѣка европейскаго и потому освобожденіе крестьянъ, которымъ не предоставлялось земли въ собственность, нисколько не возмущало его. Наконецъ онъ пожавъ мнѣ руку, сказалъ, что въ предлагаемомъ мной способѣ освобожденія много есть дѣльнаго, но что теперешній министръ графъ Кочубей въ этомъ случаѣ не согласится отступить на волосъ отъ учрежденій 1805 года, составленныхъ имъ самимъ во время перваго его министерства. Но я все-таки хотѣлъ увидѣться съ министромъ, хотя и мало надѣялся чтобъ чрезъ свиданіе съ нимъ дѣло мое кончилось успѣшно. Въ продолженіи цѣлой недѣли я

ходилъ ежедневно къ министру и никакъ не могъ добиться его лицезрѣнія; наконецъ я забрался къ нему съ утра и рѣшился дожидаться, пока онъ выйдетъ изъ своего кабинета. Напрасно дежурный чиновникъ увѣрялъ меня, что сегодня графъ никого не принимаетъ; я остался неподвижнымъ на своемъ стулѣ. Въ этотъ день министръ занимался съ своими директорами проэктомъ объ измѣненіи формы мундира для его министерства. Часа въ три по полудни дверь кабинета растворилась, и министръ, подошедъ ко мнѣ, сказалъ: что вамъ угодно? — Я вкратцѣ объяснилъ ему мое дѣло. Между прочими возраженіями, онъ сказалъ мнѣ: "я нисколько не сомнѣваюсь въ добросовѣстности вашихъ намѣреній; но если допустить способъ, вами предлагаемый, то другіе могутъ воспользоваться имъ, чтобы избавиться отъ обязанности относительно своихъ крестьянъ". На это я осмѣлился замѣтить его сіятельству, что это не совсѣмъ правдоподобно, по той причинѣ, что каждый помѣщикъ имѣетъ возможность очень выгодно избавиться отъ своихъ крестьянъ, продавши ихъ на выводъ. Окончательно министръ сказалъ мнѣ: "впрочемъ дѣло ваше въ нашихъ рукахъ и мы дадимъ ему надлежащій ходъ". И такъ хлопоты мои въ Пе-

тербургѣ по освобожденію крестьянъ кончились ничѣмъ. Въ это время, вообще въ Петербургѣ много толковали о крѣпостномъ состояніи. Даже въ государственномъ совѣтѣ разсуждали о непристойности, съ какою продаются люди въ Россіи. Вслѣдствіе чего объявленіе въ газетахъ о продажѣ людей замѣнилось другимъ; прежде печаталось прямо: такой-то крѣпостной человѣкъ или такая-то крѣпостная дѣвка продаются. Теперь стали печатать: такой-то крѣпостной человѣкъ, или такая-то крѣпостная дѣвка отпускаются въ услуженіе, что значило, что тотъ и другая продавались.

На возвратномъ пути я прожилъ нѣкоторое время въ Москвѣ съ фонъ Визинымъ и Граббе; послѣдній былъ переведенъ съ своимъ лубенскимъ полкомъ въ мое сосѣдство въ Дорогобужъ. Фонъ Визинъ былъ произведенъ въ генералы. Лѣтомъ въ 19-мъ году онъ перешелъ съ своимъ 38-мъ егерскимъ полкомъ во 2-ую армію, для того, чтобы No. 38 соединить съ No. 37-мъ. Въ этомъ году всѣ егерскіе полки были въ движеніи.

Фонъ Визинъ, ѣхавши во 2-ую армію сдавать полкъ, заѣхалъ ко мнѣ въ Жуково; отъ меня мы поѣхали въ Граббе въ Дорогобужъ и познакомились съ отставнымъ генераломъ Пассекомъ, ко-

торый пригласилъ насъ въ свое имѣніе недалеко отъ Ельни. Онъ недавно возвратился изъ за границы и жестоко порицалъ всѣ мерзости, встрѣчавшіяся на всякомъ шагу въ Россіи, въ томъ числѣ и крѣпостное состояніе. Имѣніе его было прекрасно устроено, и съ своими крестьянами онъ обходился человѣколюбиво, но ему все-таки хотѣлось какъ можно скорѣе уѣхать за границу.

По возвращеніи моемъ изъ Петербурга существованіе мое въ Жуковѣ стало какъ-то мрачно. Я уже не имѣлъ надежды освободить моихъ крестьянъ на тѣхъ условіяхъ, которыя тогда казались мнѣ наиболѣе удобными для общаго освобожденія крестьянъ въ Россіи. Впрочемъ, вскорѣ потомъ я убѣдился, что освобождать крестьянъ, не предоставивъ въ ихъ владѣніе достаточнаго количества земли, было-бы только въ половину обезпечить ихъ независимость. Распредѣленіе поземельной собственности между крестьянами и общинное владѣніе ею составляютъ у насъ основныя начала, изъ которыхъ со временемъ должно развиться все гражданское устройство нашего государства. Благомыслящіе люди или, какъ называли ихъ, либералы того времени болѣе всего желали уничтоженіи крѣпостнаго состояніи и, при европейскомъ своемъ воззрѣніи на этотъ

предметъ, были увѣрены, что человѣкъ никому лично непринадлежащій уже свободенъ, хотя и не имѣетъ никакой собственности. Ужасное положеніе пролетаріевъ въ Европѣ тогда еще не развилось въ такомъ огромномъ размѣрѣ, какъ теперь и потому возникшіе вопросы по этому предмету уже впослѣдствіи — тогда не тревожили даже самыхъ образованныхъ и благомыслящихъ людей. Крѣпостное-же состояніе у насъ обозначалось на каждомъ шагу отвратительными своими послѣдствіями. Безпрестанно доходили до меня слухи о неистовыхъ поступкахъ помѣщиковъ, моихъ сосѣдей. Ближайшій изъ нихъ — Жигаловъ, имѣвшій всего 60 душъ, разъѣзжалъ въ коляскѣ и имѣлъ огромную стаю гончихъ и борзыхъ собакъ; за то крестьяне его умирали почти съ голоду, и часто, ушедши тайкомъ съ полевой работы, приходили ко мнѣ и моимъ крестьянамъ просить милостыню. Однажды къ этому Жигалову пріѣхалъ Лимохинъ и проигралъ ему въ карты свою коляску, четверню лошадей и бывшихъ съ нимъ кучера, форейтора и лакея; стали играть на горничную дѣвку и Лимохинъ отыгрался. Въ имѣніи Анненкова, верстахъ въ 3-хъ отъ меня, управляющій придумывалъ ежегодно какой-нибудь новый способъ вымогатель-

ства съ крестьянъ. Однажды онъ объявилъ имъ, что барыня ихъ, живущая въ курскомъ своемъ имѣніи, приказала прислать къ себѣ нѣсколько взрослыхъ дѣвокъ для обученія ихъ коверному искуству; разумѣется крестьяне, чтобы откупиться отъ такого налога, заплатили все, что только могли заплатить. У богача Барышникова, при полевыхъ работахъ, разъѣзжали управитель, бурмистръ и старосты и поощряли народъ къ дѣятельности плетью. Проѣзжая однажды зимою по гословскому уѣзду, я заѣхалъ на постоялый дворъ. Изба была набита народомъ, совершенно оборваннымъ, иные даже не имѣли ни рукавицъ, ни шапки! Ихъ было болѣе 100 человѣкъ и они шли на винокуренный заводъ, отстоящій верстъ 150 отъ мѣста ихъ жительства. Помѣщикъ, которому они принадлежали, Фонтонъ де Вараіонъ отдалъ ихъ на всю зиму въ работу на заводъ и получилъ за это впередъ условленную плату. Сверхъ того помѣщикъ которому принадлежалъ заводъ, обязался прокормить крестьянъ Фонтона въ продолженіи зимы. Такаго рода сдѣлки были очень обыкновенны. Во время построенія нижегородской ярмарки, принцъ Александръ виртембергскій, отправилъ туда въ работу изъ витебской губерніи множество своихъ нищихъ кресть-

янъ, неплатившихъ ему оброка. Партія этихъ людей сотнями и въ самомъ жалкомъ положеніи проходила мимо Жукова. Все это вмѣстѣ было нисколько неутѣшительно. Къ тому-же не было дня, въ тоторомъ я бы могъ быть увѣренъ, что у меня не случится столкновенія съ земской полиціей. Ежегодно требовались люди на большія дороги на какой-нибудь мѣсяцъ, а иногда на два; они тамъ оставались въ совершенномъ распоряженіи засѣдателя и всякой разъ надо было хлопотать, чтобы онъ не оставилъ тамъ людей долѣе, чѣмъ это было нужно. Очень часто требовались подводы подъ проходившія венныя команды. Въ первый разъ я приказалъ подводчикамъ не давать квитанцій засѣдателю, не получивъ отъ него слѣдуемыхъ прогоновъ; люди мои пробыли 5 дней въ отлучкѣ и возвратились не получивъ ни копѣйки. Такъ какъ пригнано было подводъ несравненно болѣе нежели требовалось, то засѣдатель, продержавъ людей моихъ три дня, отпустилъ ни съ чѣмъ. Требовались также иногда лошади на станціи большихъ дорогъ подъ проѣздъ значительныхъ лицъ. Ежели въ предписаніи министра велѣно выставить 20 лошадей, то въ предписаніи генералъ-губернатвка требовалось 30, въ предписаніи губернатора 40, а земскій судъ

требовалъ уже 60 лошадей. Кончалось тѣмъ, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ я совсѣмъ не исполнялъ предписаній земской полиціи, очень зная, что тѣмъ самымъ на каждомъ шагу подвергался отвѣтственности передъ начальствомъ.

Фонъ Визинъ въ 20-мъ году, возвращаясь изъ Одессы въ Москву, извѣстилъ меня, что онъ заѣдетъ къ Левашевымъ верстъ за 200 отъ меня, и будетъ у нихъ меня дожидаться. Я пріѣхалъ въ назначенный срокъ къ Левашевымъ. Черезъ нѣсколько дней явился ко мнѣ нарочный изъ Жукова съ извѣстіемъ, что тамъ полевыя работы прекращены и всѣ крестьяне въ ужасной тревогѣ. Во время моего отсутствія, земскій засѣдатель, проѣзжая черезъ Жуково и узнавши отъ старосты, который говорилъ съ нимъ въ шляпѣ, что меня нѣтъ дома и что я не скоро возвращусь, бросился на старосту и избилъ его до полусмерти, потомъ отправился къ работавшимъ въ полѣ крестьянамъ и подъ предлогомъ, что за ними есть недоимочный рекрутъ, старался схватить кого-нибудь изъ нихъ. Засѣдатель увязался за однимъ молодымъ парнемъ, схватилъ его и увезъ въ Вязьму. За мной не бывало никакой недоимки, и въ послѣдній наборъ я представилъ рекрутскую квитанцію за моихъ крестьянъ. Происшествіе

въ Жуковѣ всѣхъ насъ чрезвычайно потревожило и я тотчасъ-же вмѣстѣ съ фонъ Визинымъ отправился въ Смоленскъ. Фонъ Визинъ былъ знакомъ съ губернаторомъ барономъ Ашемъ, объяснилъ ему все дѣло и баронъ Ашъ приказалъ крестьянина моего отпустить домой, а засѣдателя надѣлавшаго столько тревоги, отдать подъ судъ.

Фонъ Визинъ проводилъ меня до Жукова. Тутъ народъ былъ въ отчаянномъ положеніи и почти не работалъ. Все это вмѣстѣ меня ужасно смутило и я совершенно растерялся. Чтобы за одинъ разъ прекратить всѣ безпорядки въ Россіи, я придумалъ средство, которое въ эту минуту казалось мнѣ вдохновеніемъ, а въ самой сущности оно было чистой сумбуръ. Ночью, пока фонъ Визинъ спалъ, я написалъ адрессъ къ императору, который должны были подписать всѣ члены Союза Благоденствія. Въ этомъ адрессѣ излагались всѣ бѣдствія Россіи, для прекращенія которыхъ мы предлагали императору созвать Земскую Думу по примѣру своихъ предковъ. Поутру я прочиталъ свое сочиненіе фонъ Визину и и онъ, бывъ подъ однимъ настроеніемъ духа со мной, согласился подписать адрессъ. Въ тотъ-же день мы съ нимъ отправились въ Дорогобужъ къ Граббе. Къ счастю Граббе былъ благоразумнѣе

всъ обоихъ; не отказываясь вмѣстѣ съ другими подписать адресъ, онъ намъ ясно доказалъ, что этимъ поступкомъ за одинъ разъ уничтожалось Тайное Общество, и что это все вело насъ прямо въ крѣпость. Бумага мной написанная была уничтожена. Послѣ чего долго мы разсуждали о горестномъ положенія Россіи и средствахъ, которыя-бы могли спасти ее. Союзъ Благоденствія казалось намъ дремалъ. По собственному своему образованію, онъ слишкомъ былъ ограниченъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Рѣшено было къ 1 Января 21-го года пригласить въ Москву депутатовъ изъ Петербурга и Тульчина для того, чтобы они на общихъ совѣщаніяхъ разсмотрѣли дѣла Тайнаго Общества и пріискали средства для большей его дѣятельности. Фонъ Визинъ съ братомъ долженъ былъ отправиться въ Петербургъ, мнѣ-же пришлось ѣхать въ Тульчинъ. Фонъ Визинъ, не за долго передъ тѣмъ бывши въ Тульчинѣ, познакомился со всѣми тамошними членами и далъ мнѣ письма къ нѣкоторымъ изъ нихъ. Онъ мнѣ далъ также письмо въ Кишеневъ къ Михаилу Орлову. Въ Дорогобужкѣ я добылъ себѣ кое-какъ подорожную и пустился въ путь. Пріѣхавъ въ Тульчинъ, я тотчасъ явился къ Бурцову; отъ жида, у котораго я остановился, онъ перетащилъ меня

къ себѣ; въ тотъ-же день я побывалъ у Пестеля и у Юшневскаго; послѣдняго фонъ Визинъ превозносялъ какъ человѣка огромнаго ума. Тутъ случилось какъ случается не рѣдко, что одни добрыя качества принимаютъ за другія. Юшневскій, генералъ интендантъ 2-ой арміи, былъ отлично добрый человѣкъ и честности рѣдкой, но ума довольно ограниченнаго. Съ перваго раза онъ поразилъ меня своими пошлостями. Чтобы пребываніемъ моимъ въ Тульчинѣ не подать подозрѣнія властямъ, я ни у кого не бывалъ кромѣ Пестеля, съ которымъ былъ знакомъ прежде, и у Юшневскаго, къ которому привезъ письмо отъ фонъ Визина; но я скоро познакомился съ тульчинской молодежью; во время моего пребыванія въ Тульчинѣ всѣ почти члены перебывали у Бурцева. Въ Тульчинѣ члены Тайнаго Общества, не опасаясь никакого особеннаго надъ собою надзора, свободно и почти ежедневно сообщались между собой и тѣмъ самымъ не давали ослабѣвать другъ другу. Впрочемъ было достаточно уже одного Пестея, чтобы безпрестанно одушевлять всѣхъ тульчинскихъ членовъ, между которыми въ это время было что-то похоже на двѣ партіи: умѣренные, подъ вліяніемъ Бурцева и, какъ говорили, крайніе, подъ руководствомъ Пе-

стеля. Но эти партіи были только мнимыя. Бурцевъ, бывши увѣренъ въ превосходствѣ личныхъ своихъ достоинствъ, не могъ не чувствовать на каждомъ шагу превосходства Пестеля надъ собой и потому всѣми силами старался составить противъ него оппозицію. Однако это не мѣшало ему по наружности оставаться въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ Пестелемъ. Киселевъ, какъ умный чековѣкъ и умѣющій цѣнить людей, не могъ не уважать всю эту молодежь и многихъ изъ нихъ любилъ, какъ людей приближенныхъ къ себѣ. Всѣхъ ихъ онъ принималъ у себя очень ласково и, кромѣ какъ по службѣ, никогда не былъ съ ними начальникомъ. Иногда у него за обѣдомъ при общемъ разговорѣ возникали политическіе вопросы и, если при этомъ Киселевъ понималъ что-нибудь криво, ему со всѣхъ сторонъ возражали дѣльно и онъ всякій разъ принужденъ былъ согласиться съ своими собесѣдниками. Послѣ этого не трудно себѣ представить какое вліяніе имѣли тульчинскіе члены во всей 2-ой арміи. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что Киселевъ зналъ о существованіи Тайнаго Общества и смотрѣлъ на это сквозь пальцы. Впослѣдствіи, когда попалъ подъ судъ капитанъ Раевскій, завѣдывавшій школою взаимнаго обученія въ диви-

зіи Михаила Орлова, и генералъ Сабанѣевъ отправилъ, при донесеніи, найденный у Раевскаго списокъ всѣмъ тульчинскимъ членамъ, они ожидали очень дурныхъ для себя послѣдствій по этому дѣлу. Киселевъ призвалъ къ себѣ Бурцева, который былъ у него старшимъ адъютантомъ, подалъ ему бумагу и приказалъ тотчасъ же по ней исполнить. Пришедши домой, Бурцевъ очень былъ удивленъ, нашедши между листами данной ему бумаги списокъ тульчинскихъ членовъ, писанный Раевскимъ и присланный Сабанѣевымъ отдѣльно; Бурцевъ сжегъ списокъ, и тѣмъ кончилось дѣло.

Въ это время Пестель замышлялъ республику въ Россіи, писалъ свою *Русскую Правду*. Онъ мнѣ читалъ изъ нея отрывокъ и сколько помнится объ устройствѣ волостей и селеній. Онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы видѣть въ Русской Правдѣ будущую конституцію Россіи. Своимъ сочиненіемъ онъ только приготовлялся, какъ онъ самъ говорилъ, правильно дѣйствовать въ Земской Думѣ и знать, когда прійдется что о чемъ говорить. Нѣкоторые отрывки изъ Русской Правды онъ читалъ Киселеву, который ему однажды замѣтилъ, что царю своему онъ предоставляетъ уже слишкомъ много власти. Подъ

словомъ царя Пестель разумѣлъ исполнительную власть.

Наконецъ было назначено совѣщаніе у Пестеля, на которомъ я долженъ былъ объявить всѣмъ присутствующимъ о причинѣ моего прибытія въ Тульчинъ. Бурцевъ увѣрялъ меня, что если Пестель поѣдетъ въ Москву, то онъ своими рѣзкими мнѣніями и своимъ упорствомъ испортитъ тамъ все дѣло и просилъ меня никакъ не приглашать Пестеля въ Москву. На совѣщаніи я предложилъ тульчинскимъ членамъ послать отъ себя довѣренныхъ въ Москву, которые тамъ занялись бы вмѣстѣ съ другими опредѣленіемъ всѣхъ нужныхъ измѣненій въ уставѣ Союза Благоденствія, а можетъ быть и въ устройствѣ самаго Общества. Бурцевъ и Комаровъ просились въ отпускъ и по собственнымъ дѣламъ своимъ должны были пробыть нѣкоторое время въ Москвѣ. Пестелю очень хотѣлось пріѣхать на съѣздъ въ Москву, но многіе увѣряли его, что такъ какъ два депутата ихъ уже будутъ на этомъ съѣздѣ, то его присутствіе тамъ не необходимо и что просившись въ отпускъ въ Москву гдѣ — всѣ знаютъ что у него нѣтъ ни родныхъ и никакого особеннаго дѣла, онъ можетъ навлечь подозрѣніе тульчинскаго начальства, а можетъ быть и по-

дозрѣніе московской полиціи. Пестель согласился не ѣхать въ Москву.

Въ Тульчинѣ полковникъ Абрамовъ далъ мнѣ изъ дежурства подорожную по казенной надобности и я съ ней пустился въ Кишеневъ къ Орлову съ письмомъ отъ фонъ Визина и порученіемъ пригласить его на съѣздъ въ Москву. Я никогда не видалъ Орлова, но многіе изъ моихъ знакомыхъ превозносили его какъ человѣка высшаго разряда по своимъ умственнымъ способностямъ и другимъ превосходнымъ качествамъ. Когда-то императоръ Александръ былъ высокаго о немъ мнѣнія и пробовалъ употребить его по дипломатической части. Въ 15-мъ году, при отчужденіи Норвегіи отъ Даніи, Орловъ былъ посланъ съ тѣмъ, чтобы убѣдить норвежцевъ совершенно присоединиться къ Швеціи и имѣть съ ней вмѣстѣ одинъ сеймъ. Но Орловъ сблизился съ тамошними либералами и дѣйствовалъ не согласно съ данными ему предписаніями. Норвегія, присоединенная къ Швеціи, но имѣя свое собственное представительство, осталась во многихъ отношеніяхъ землею отъ нея отдѣльною. Когда сдѣлалось извѣстнымъ намереніе императора Александра образовать отдѣльный литовскій корпусъ и, одѣвши его въ польскій мундиръ, дать ему ли-

товскія знамена — намѣреніе это возмутило многихъ нашихъ генераловъ и они согласились между собой подать письменное представленіе императору, въ которомъ они излагали весь вредъ могущій произойти отъ образованія отдѣльнаго литовскаго корпуса и умоляли императора не приводить въ исполненіе своего намѣренія, столь пагубнаго для Россіи. Въ числѣ генераловъ, согласившихся подписать это представленіе, былъ генералъ-адъютантъ Васильчиковъ, впослѣдствіи начальникъ гвардейскаго корпуса. Онъ испугался собственной своей смѣлости и пришедши къ императору съ раскаяніемъ просилъ у него прощенія въ томъ, что задумалъ противъ него недоброе, назвалъ всѣхъ своихъ сообщниковъ и разсказалъ все дѣло, въ которомъ главнымъ побудителемъ, былъ Орловъ, написавшій самое представленіе. Государь потребовалъ къ себѣ Орлова, напомнилъ прежнее къ нему благоволеніе, и спросилъ — какъ могъ онъ рѣшиться дѣйствовать противъ него. Орловъ сталъ увѣрять императора въ своей къ нему преданности. Тутъ императоръ разсказалъ подробно все дѣло, замышляемое генералами и приказалъ Орлову принести къ нему представленіе, писанное имъ отъ имени генераловъ. Орловъ отъ всего отрекся,

послѣ чего императоръ разстался навсегда съ прежнимъ своимъ любимцемъ. Свиданіе это съ императоромъ разсказывалъ мнѣ самъ Орловъ. Скоро послѣ того онъ получилъ мѣсто начальника штаба при генералѣ Раевскомъ, командующимъ 4-мъ корпусомъ. Въ Кіевѣ Орловъ устроилъ едва-ли не первыя въ Россіи училища взаимнаго обученія для кантонистовъ. Въ библейскомъ обществѣ онъ произнесъ либеральную рѣчь, которая ходила тогда у всѣхъ по рукамъ, и вообще пріобрѣлъ себѣ въ это время еще бо́льшую извѣстность, нежели какой пользовался прежде. Какимъ-то случаемъ онъ потерялъ мѣсто начальника штаба, но вскорѣ потомъ Киселевъ, который былъ съ нимъ друженъ, выпросилъ для него у императора дивизію во 2-ой арміи. Командуя этой дивизіей, онъ жилъ въ Кишеневѣ, гдѣ опять завелъ очень полезныя училища для солдатъ и поручилъ ихъ надзору капитана Раевскаго, члена Тайнаго Общества и совершенно ему преданнаго. Къ несчастію Раевскій, въ надеждѣ на покровительство Орлова, слишкомъ рѣшительно дѣйствовалъ и впослѣдствіи попалъ подъ судъ. Самъ же Орловъ безпрестанно отдавалъ самые либеральные приказы по дивизіи.

Я съ любопытствомъ ожидалъ свиданія съ

Орловымъ и встрѣтился съ нимъ, не доѣхавъ до Кишенева. Съ нимъ былъ адъютантъ его Охотниковъ, славный малый, и совершенно преданный Тайному Обществу; я давно былъ знакомъ съ нимъ. Прочитавши письмо фонъ Визина, Орловъ обошелся со мной, какъ съ старымъ знакомымъ, и тутъ же предложилъ сѣсть къ себѣ въ дормезъ, а Охотниковъ сѣлъ на мою перекладную тѣлежку; потомъ мы съ нимъ черезъ станцію мѣнялись мѣстами въ дормезѣ. Орловъ съ перваго раза весь высказался передо мной. Наружности онъ былъ прекрасной и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ образованный, отмѣнно добрый и кроткій; обхожденіе его было истинно увлекательное, и потому познакомившись съ нимъ не было возможности не полюбить его; но бывши человѣкомъ не глупымъ — въ сужденіяхъ своихъ ему рѣдко удавалось попасть на истину. Онъ почти всегда становился къ ней боком, вслѣдствіе чего въ разговорахъ, въ которыхъ обсуживался какой-нибудь не совсѣмъ пошлый предметъ, онъ почти никогда не подвигалося съ успѣхомъ; за то по своей добротѣ и кротости никогда не обижался даже и самыми колкими противъ себя возраженіями. На убѣжденія мои пріѣхать въ Москву, онъ отвѣчалъ, что пока навѣрное объ-

щать не можетъ и съ своей стороны пригласилъ меня ѣхать съ нимъ къ Давыдову въ кіевскую губернію. Узнавши, что у Давыдова, съ которымъ я не былъ знакомъ, соберется много гостей къ 24 Ноября, на имянины его матери и избѣгавши гостинныхъ во всю мою жизнь, такое приглашеніе было не совсѣмъ пріятно для меня; но когда мы на станціи сошлись съ Охотниковымъ, онъ взялъ меня въ сторону и просилъ меня убѣдительно ѣхать съ ними вмѣстѣ, увѣряя меня, что въ это время мнѣ удастся уговорить Орлова, безъ чего было мало надежды, чтобы онъ пріѣхалъ въ Москву. Я рѣшился ѣхать въ Каменку къ Давыдову.

Проѣзжая черезъ Новый Міргородъ, мы заѣхали къ полковнику Гревсу. Орловъ былъ знакомъ съ нимъ, когда они еще вмѣстѣ служили въ кавалеріи. Гревсъ командовалъ однимъ изъ полковъ Бугскаго поселенія. За обѣдомъ онъ сказалъ съ нѣкоторою гордостью, что командуя своимъ полкомъ, онъ тоже, что помѣщикъ, у котораго 18,000 душъ. Вездѣ происходили неимовѣрныя грабительства въ военныхъ поселеніяхъ. А Аракчееву на устройство ихъ отпускались ежегодно десятки милліоновъ; теперь, по наружности, и бугскія и чугуевскія поселенія были

приведены въ нѣкоторый порядокъ. Сперва казаки, опираясь на свои права, означенныя въ граматахъ, дарованныхъ имъ прежними государями, не соглашались поступить въ военныя поселенія. Аракчеевъ изъ Харькова распорядился этимъ дѣломъ. Посланный имъ генералъ Саловъ наиболѣе непокорныхъ загналъ до смерти сквозь строй, а остальные смирились.

Пріѣхавъ въ Каменку, я полагалъ, что никого тамъ не знаю, и былъ пріятно удивленъ, когда случившійся здѣсь А. С. Пушкинъ выбѣжалъ ко мнѣ съ распростертыми объятіями. Я познакомился съ нимъ въ послѣднюю мою поѣздку въ Петербургъ у Петра Чаадаева, съ которымъ онъ былъ друженъ и къ которому имѣлъ большое довѣріе. Василій Львовичъ Давыдовъ, ревностный членъ Тайнаго Общества узнавши кто я, отъ Орлова, принялъ меня болѣе чѣмъ радушно. Онъ представилъ меня своей матери и своему брату генералу Раевскому, какъ давнишняго короткаго своего пріятеля. Съ генераломъ былъ сынъ его, полковникъ Александръ Раевскій. Черезъ полчаса я былъ тутъ какъ дома. Орловъ, Охотниковъ и я — мы пробыли у Давыдова цѣлую недѣлю. Пушкинъ, пріѣхавшій изъ Кишенева, гдѣ

въ это время онъ былъ въ изгнаніи и полковникъ Раевскій прогостили тутъ столько-же. Мы всякій день обѣдали внизу у старушки матери. Послѣ обѣда собирались въ огромной гостинной, гдѣ всякій могъ съ кѣмъ и о чемъ хотѣлъ бесѣдовать. Жена Ал. Львовича Давыдова, котораго Пушкинъ такъ удачно назвалъ "рогоносецъ величавый", урожденная графиня Грамонъ, впослѣдствіи вышедшая за мужъ въ Парижѣ за генерала Себестіани, была со всѣми очень любезна. У нея была премиленькая дочь, дѣвочка лѣтъ 12. Пушкинъ вообразилъ себѣ, что онъ въ нее влюбленъ, безпрестанно на нее заглядывался и, подходя къ ней, шутилъ къ ней очень неловко. Однажды за обѣдомъ онъ сидѣлъ возлѣ меня и раскраснѣвшись смотрѣлъ такъ ужасно на хорошенькую дѣвочку, что она бѣдная не знала что̀ дѣлать, и готова была заплакать. Мнѣ стало ее жалко и я сказалъ Пушкину вполголоса: посмотрите, что вы дѣлаете; вашими нескромными взглядами вы совершенно смутили бѣдное дитя. "Я хочу наказать кокету, отвѣчалъ онъ; прежде она со мной любезничала, а теперь прикидывается жестокой и не хочетъ взглянуть на меня." Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ обратить все это въ шутку и заставить его улыбнуться. Въ об-

щежитіи Пушкинъ былъ до чрезвычайности неловокъ и при своей раздражительности легко обижался какимъ нибудь словомъ, въ которомъ рѣшительно не было для него ничего обиднаго. Иногда онъ корчилъ лихача, вѣроятно вспоминая Каверина и другихъ своихъ пріятелей гусаровъ, въ Царскомъ Селѣ; при этомъ онъ разсказывалъ про себя самые отчаянные анекдоты, и все вмѣстѣ выходило какъ-то очень пошло. За то заходилъ-ли разговоръ о чемъ-нибудь дѣльномъ, Пушкинъ тотчасъ просвѣтлялся. О произведеніяхъ словесности онъ судилъ вѣрно и съ особеннымъ какимъ-то достоинствомъ. Не говоря почти никогда о собственныхъ своихъ сочиненіяхъ, онъ любилъ разбирать произведенія современныхъ поэтовъ, и не только отдавалъ каждому изъ нихъ справедливость, но и въ каждомъ изъ нихъ умѣлъ отыскать красоты, какихъ другіе не замѣтили. Я ему прочелъ его Noel: "Ура! въ Россію скачетъ" и онъ очень удивился, какъ я его знаю, а между тѣмъ всѣ его ненапечатанныя сочиненія: *Деревня*, *Кинжалъ*, *Четырехстишіе къ Аракчееву*, *Посланіе къ Петру Чаадаеву* и много другихъ, были не только всѣмъ извѣстны, но въ то время не было сколько нибудь грамотнаго прапорщика въ арміи, который не зналъ ихъ наизусть. Во-

обще Пушкинъ былъ отголосокъ своего поколѣнія, со всѣми его недостатками и со всѣми добродѣтелями. И вотъ, можетъ быть, почему онъ былъ поэтъ истинно народный, какихъ не бывало прежде въ Россіи.

Всѣ вечера мы проводили на половинѣ у Василья Львовича и вечернія бесѣды наши для всѣхъ насъ были очень занимательны. Раевскій, не принадлежа самъ къ Тайному Обществу, но подозрѣвая его существованіе, смотрѣлъ съ напряженнымъ любопытствомъ на все происходящее вокругъ его. Онъ не вѣрилъ, чтобъ я случайно заѣхалъ въ Каменку, и ему очень хотѣлось знать причину моего прибытія. Въ послѣдній вечеръ Орловъ, В. Л. Давыдовъ, Охотниковъ и я сговорились такъ дѣйствовать, чтобы сбить съ толку Раевскаго на счетъ того, принадлежимъ-ли мы къ Тайному Обществу или нѣтъ. Для большаго порядка при нашихъ преніяхъ былъ выбранъ президентомъ Раевскій. Съ полушутливымъ и съ полуважнымъ видомъ онъ управлялъ общимъ разговоромъ. Когда начинали очень шумѣть, онъ звонилъ въ колокольчикъ; никто не имѣлъ права говорить, не спросивъ у него на то дозволенія и. т. д. Въ послѣдній этотъ вечеръ пребыванія нашего въ Каменкѣ, послѣ многихъ разсужденій

о разныхъ предметахъ, Орловъ предложилъ вопросъ: на сколько было-бы полезно учрежденіе Тайнаго Общества въ Россіи? самъ онъ высказалъ все, что̀ можно было сказать за и противъ Тайнаго Общества. В. Л. Давыдовъ и Охотниковъ были согласны съ мнѣніемъ Орлова; Пушкинъ съ жаромъ доказывалъ всю пользу, какую-бы могло принести Тайное Общество Россіи. Тутъ испросивъ слово у президента, я старался доказать, что въ Россіи совершенно невозможно существованіе Тайнаго Общества, которое могло-бы быть хоть на сколько-нибудь полезно. Раевскій сталъ мнѣ доказывать противное и исчислилъ всѣ случаи, въ которыхъ Тайное Общество могло-бы дѣйствовать съ успѣхомъ и пользой; въ отвѣтъ на его выходку я ему сказалъ: мнѣ нетрудно доказать вамъ, что вы шутите; я предложу вамъ вопросъ: если-бы теперь уже существовало Тайное Общество, вы навѣрно къ нему не присоединились-бы? — Напротивъ, навѣрное-бы присоединился, отвѣчалъ онъ. Въ такомъ случаѣ давайте руку, сказалъ я ему. И онъ протянулъ мнѣ руку, послѣ чего я расхохотался, сказавъ Раевскому: разумѣется, все это только одна шутка. Другіе также смѣялись, кромѣ А. Л., рогоносца величаваго, который дремалъ и

Пушкина который былъ очень взволнованъ; онъ передъ этимъ увѣрился, что Тайное Общество или существуетъ, или тутъ-же получитъ свое начало, и онъ будетъ его членомъ; но когда увидѣлъ, что изъ этого вышла только шутка — онъ всталъ раскраснѣвшись и сказалъ со слезой на глазахъ: я никогда не былъ такъ несчастливъ, какъ теперь; я уже видѣлъ жизнь мою облагороженною и высокую цѣль передъ собой, и все это была только злая шутка. Въ эту минуту онъ былъ точно прекрасенъ. Въ 27-мъ году, когда онъ пришелъ проститься съ А. Г. Муравьевой, ѣхавшей въ Сибирь къ своему мужу Никитѣ, онъ сказалъ ей: я очень понимаю, почему эти господа не хотѣли принять меня въ свое Общество; я не стоилъ этой чести.

При прощаніи, Орловъ обѣщалъ мнѣ непремѣнно пріѣхать въ Москву. Въ первыхъ числахъ Января 21-го года Граббе, Бурцевъ, и я жили вмѣстѣ у фонъ Визиныхъ. Скоро потомъ пріѣхали въ Москву изъ Петербурга Николай Тургеневъ и Ѳедоръ Глинка, а потомъ изъ Кіева Михайло Орловъ съ Охотниковымъ. Было рѣшено Комарова не принимать на наши совѣщанія; ему уже тогда не очень довѣряли. На первомъ изъ этихъ совѣщаній были Орловъ, Охотниковъ и Ник. Тур-

геневъ, Ѳ. Глинка, два брата фонъ Визины, Граббе, Бурцевъ и я. Орловъ привезъ писанныя условія, на которыхъ онъ соглашался присоединиться къ Тайному Обществу; въ этомъ сочиненіи, послѣ многихъ фразъ, онъ старался доказать, что Тайное Общество должно рѣшиться на самыя крутыя мѣры и для достиженія своей цѣли даже прибѣгнуть къ средствамъ, которыя могутъ казаться преступными; во первыхъ онъ предлагалъ завести тайную типографію или литографію посредствомъ которой можно-бы было печатать разныя статьи противъ правительства и потомъ въ большомъ количествѣ разсылать по всей Россіи. Второе его предложеніе состояло въ томъ, чтобы завести фабрику фальшивыхъ ассигнацій, чрезъ что̀, по его мнѣнію, Тайное Общество, съ перваго раза пріобрѣло-бы огромныя средства и вмѣстѣ съ тѣмъ подрывался-бы кредитъ правительства. Когда онъ кончилъ чтеніе, всѣ смотрѣли другъ на друга съ изумленіемъ. Я наконецъ сказалъ ему, что онъ вѣроятно шутитъ, предлагая такія неистовыя мѣры; но ему того-то и нужно было. Помовленный на Раевской — въ угодность ея роднымъ онъ рѣшился прекратить всѣ сношенія съ членами Тайнаго Общества; на возраженія наши онъ сказалъ, что если мы не

принимаемъ его предложеній, то онъ никакъ не можетъ принадлежать къ нашему Тайному Обществу. Послѣ чего онъ уѣхалъ и ни съ кѣмъ изъ насъ болѣе не видался, и только уѣзжая уже изъ Москвы, въ дорожной повозкѣ заѣхалъ проститься съ фонъ Визинымъ и со мной. При прощаніи, показавъ на меня, онъ сказалъ: этотъ человѣкъ никогда мнѣ не проститъ. Въ отвѣтъ я парадировалъ нѣсколько строкъ изъ письма Брута къ Цицерону, и сказалъ ему: если мы успѣемъ, Михайло Ѳедоровичъ, мы порадуемся вмѣстѣ съ вами; если-же не успѣемъ, то безъ васъ порадуемся одни. Послѣ чего онъ бросился меня обнимать.

На слѣдующихъ совѣщаніяхъ собрались тѣже члены, кромѣ Орлова. Для большаго порядка выбранъ былъ предсѣдателемъ Н. Тургеневъ. Прежде всего было признано нужнымъ измѣнить не только уставъ Союза Благоденствія, но и самое устройство и самый составъ Общества. Рѣшено было объявить повсемѣстно, во всѣхъ управахъ, что такъ какъ въ теперешнихъ обстоятельствахъ малѣйшею неосторожностью можно было возбудить подозрѣніе правительства, то Союзъ Благоденствія прекращаетъ свои дѣйствія навсегда. Этой мѣрой не надежныхъ членовъ удаляли изъ Общества.

Въ новомъ уставѣ, цѣль и средства для достиженія ея должны были опредѣлиться съ большею точностію, нежели онѣ были опредѣлены въ уставѣ Союза Благоденствія и потому можно было надѣяться, что члены, въ ревностномъ содѣйствіи которыхъ нельзя было сомнѣваться, соединившись вмѣстѣ, составятъ одно цѣлое, и дѣйствуя единодушно — придадутъ новыя силы Тайному Обществу. За тѣмъ приступили къ сочиненію новаго устава; онъ раздѣлялся на двѣ части: въ первой для вступающихъ предлагались тѣже филантропическія цѣли, какъ и въ Зеленой Книгѣ. Редакціей этой части занялся Бурцевъ. Вторую часть написалъ Н. Тургеневъ для членовъ высшаго разряда. Въ этой второй части устава уже прямо было сказано, что цѣль Общества состоитъ въ томъ, чтобы ограничить самодержавіе въ Россіи, а чтобы пріобрѣсть для этого средства — признавалось необходимымъ дѣйствовать на войска и приготовить ихъ на всякой случай. На первый разъ положено было учредить 4 главныя думы: одну въ Петербургѣ подъ руководствомъ Н. Тургенева, другую въ Москвѣ, которую поручали Ив. Алекс. фонъ-Визину; третью я долженъ былъ образовать въ Смоленской губерніи, четвертую брался Бурцевъ привести въ

порядокъ въ Тульчинѣ. Онъ увѣрялъ, что по пріѣздѣ въ Тульчинъ, онъ первоначально объявить объ уничтоженіи Союза Благоденствія, но что вслѣдъ за тѣмъ извѣститъ всѣхъ членовъ, кромѣ приверженцевъ Пестеля, о существованіи новаго устава, и что они всѣ къ нему присоединятся подъ его руководствомъ. Уставъ былъ подписанъ всѣми присутствующими членами на совѣщаніяхъ и Мих. Муравьевымъ, который пріѣхалъ въ Москву уже къ самому концу нашихъ засѣданій. Обѣ части новаго устава были переписаны въ 4-хъ экземплярахъ: одинъ для Тургенева, другой для И. А. фонъ Визина, третій для меня, четвертый для Бурцева. Но еще при самыхъ первыхъ нашихъ совѣщаніяхъ были приглашены на одно изъ нихъ всѣ члены, бывшіе тогда въ Москвѣ. На этомъ общемъ совѣщаніи были князь Сергѣй Волконскій, Комаровъ, Петръ Колошинъ и многіе другіе. Тургеневъ, какъ нашъ президентъ, объявилъ всѣмъ присутствующимъ, что Союзъ Благоденствія болѣе не существуетъ и изложилъ предъ ними причины его уничтоженія.

Тургеневъ, пріѣхавши въ Петербургъ объявилъ, что члены бывшіе на съѣздѣ въ Москвѣ нашли необходимымъ прекратить дѣйствія Союза

Благоденствія и потомъ одному только Никитѣ Муравьеву прочелъ новый уставъ Общества, послѣ чего изъ предосторожности онъ положилъ его въ бутылку и засыпалъ табакомъ. Изъ петербургскихъ членовъ, дѣятельностью Никиты Муравьева, образовалось новое Общество. Скоро потомъ труды по Обществу раздѣляли съ Никитою, полковникъ князь Трубецкой и адъютантъ Бистрома князь Оболенскій; Николай же Тургеневъ, первое время по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, мало принималъ участія въ дѣлахъ новаго Тайнаго Общества, хотя и не прекращалъ сношеній со многими изъ членовъ. Не понятно, какъ съ своемъ сочиненіи о Россіи, онъ могъ рѣшиться отвергать существованіе Тайнаго Общества и потомъ отрекаться отъ участія, которое онъ принималъ въ немъ, какъ дѣйствительный членъ, на съѣздѣ въ Москвѣ и послѣ на многихъ совѣщаніяхъ въ Петербургѣ.

Въ Москвѣ, когда разъѣхались пріѣзжіе члены, остались только два брата фонъ Визины; въ Смоленской губерніи я былъ одинъ, если не считать Граббе, который съ своимъ полкомъ могъ быть всегда переведенъ оттуда. Правда мнѣ поручено было принять Пассека и Петра Чаадаева, при первомъ свиданіи съ ними. Когда

Чаадевъ пріѣхалъ въ Москву, я предложилъ ему вступить въ наше Общество; онъ на это согласился, но сказалъ мнѣ, что напрасно я не принялъ его прежде, тогда онъ не вышелъ-бы въ отставку и постарался-бы попасть въ адъютанты къ великому князю Николаю Павловичу, который очень можетъ быть покровительствовалъ-бы подъ рукой Тайное Общество, если бы ему внушить, что это Общество можетъ быть для него опорой въ случаѣ восшествія на престолъ старшаго брата.

Бурцевъ, по пріѣздѣ своемъ въ Тульчинъ, объявилъ на общемъ совѣщаніи о несуществованіи Тайнаго Общества. Всѣ присутствующіе члены напали на него и на членовъ бывшихъ на съѣздѣ въ Москвѣ, доказывая очень справедливо, что 8 человѣкъ не имѣли никакого права уничтожить цѣлое Тайное Общество. Они тутъ-же дали другъ другу обѣщаніе никакъ не прекращать своихъ дѣйствій. Бурцевъ остался одинъ и совершенно въ сторонѣ; онъ даже никому не показалъ новаго устава и съ тѣхъ поръ прекратилъ всѣ свои сношенія съ товарищами по Обществу. Изъ тульчинскихъ членовъ, подъ руководствомъ Пестеля, образовалось новое Общество, котораго уже явная цѣль была измѣненіе образа

правленія въ Россіи, и съ этого времени они назывались Южными, въ отличіе отъ петербургскихъ, которые назывались Сѣверными.

Въ 20-мъ году, въ смоленской губерніи, былъ повсемѣстный неурожай и въ началѣ 21-го года, гдѣ нуждались, а въ рославльскомъ уѣздѣ, вмѣсто хлѣба, ѣли сосновую кору и положительно умирали съ голоду. Михаилъ Муравьевъ, рославльскій помѣщикъ, бывши свидѣтелемъ крайней нужды, претерпѣваемой въ его уѣздѣ, хлопоталъ въ Москвѣ о средствахъ помочь бѣднымъ людямъ. Теща его, Н. Н. Шереметева собрала ему въ нѣсколько дней пожертвованій отъ разныхъ лицъ до 15,000. Дмитрій Давыдовъ, первый нашъ сахароваръ, принимавшій участіе во всѣхъ увеселеніяхъ Москвы, на одномъ балѣ возбудилъ сострадание къ умирающимъ отъ голоду знакомыхъ ему дамъ; каждая изъ нихъ тутъ-же отдала ему въ пользу бѣдныхъ или турецкую свою шаль (Вяземская) или браслетъ, или серьги и. т. д. Разумѣется, что мужья ихъ откупили вещи, пожертвованныя ихъ женами, и внесли за нихъ деньги, которыхъ набралось около 6,000; потомъ при другихъ еще пожертвованіяхъ составилось около 30,000 для вспомоществованія бѣднымъ въ рославльскомъ уѣздѣ. И А. фонъ Визинъ, ко-

ротко знакомый съ княземъ Голицынымъ, московскимъ генералъ-губернаторомъ, и много имъ уважаемый, отправился къ нему и разсказалъ о бѣдствіяхъ въ рославльскомъ уѣздѣ и о бездѣйствіи тамошняго начальства. Голицынъ ничего про это не зналъ. Бывши самъ человѣкъ очень добрый, онъ принялъ въ этомъ дѣлѣ живое участіе и обѣщалъ отъ себя донести правительству, но совѣтовалъ фонъ Визину прежде съѣздить въ Рославль и привести ему оттуда подробныя свѣденія, на которыхъ онъ могъ-бы основаться въ своемъ донесеніи. Фонъ Визинъ и я — мы отправились въ Рославль; М. Муравьевъ былъ уже тамъ. При въѣздѣ нашемъ въ этотъ уѣздъ, безпрестанно попадались намъ люди совершенно изнеможенные, и что многіе изъ нихъ умирали отъ нужды, въ этомъ не было никакого сомнѣнія. Нищіе со всѣхъ сторонъ шли въ городъ; каждый изъ нихъ надѣялся получить отъ городскихъ жителей, хоть небольшой кусокъ хлѣба. Чтобы опредѣлить имена помѣщиковъ, между крестьянами которыхъ наиболѣе было нищихъ, фонъ Визинъ и я — мы расположились на постояломъ дворѣ съ цѣлымъ мѣшкомъ мѣдныхъ денегъ. Всѣ нищіе входили къ намъ свободно; каждому изъ нихъ я давалъ пятакъ и спрашивалъ его имя, названіе

его деревни и какому помѣщику онъ принадлежитъ. Фонъ Визинъ все это записывалъ. Такимъ образомъ составился списокъ, изъ котораго уже можно было видѣть приблизительно въ какихъ селеніяхъ и чьихъ помѣщиковъ крестьяне наиболѣе нуждались. Потомъ мы поѣхали къ М. Муравьеву и нашли у него Левашевыхъ и дядю его Тютчева. Ни Левашевъ, ни Тютчевъ не были членами Тайнаго Общества, но дѣйствовали совершенно въ его смыслѣ. Левашевы жили уединенно въ деревнѣ, занимались воспитаніемъ своихъ дѣтей и улучшеніемъ своихъ крестьянъ, входя въ положеніе каждаго изъ нихъ и помогая имъ по возможности. У нихъ были заведены училища для крестьянскихъ мальчиковъ, по порядку взаимнаго обученія. Въ это время такихъ людей, какъ Левашевы и Тютчевъ, дѣйствующихъ въ смыслѣ Тайнаго Общества и сами того не подозрѣвая, было много въ Россіи. Муравьевъ, Левашевы и Тютчевъ, зная своихъ сосѣдей и при помощи привезеннаго нами списка изъ Рославля, могли опредѣлить въ какихъ мѣстахъ наиболѣе нуждались въ пособіи. Они распорядились покупкою хлѣба на пожертвованныя въ Москвѣ деньги и раздачей его. Въ это время цѣны на хлѣбъ необычайно возвысились; четверть ржи стоила до

25 руб. и на 30,000, которыя были въ нашемъ распоряженіи, можно было купить не болѣе, какъ 1,300 четвертей, количество незначительное въ отношеніи съ количествомъ нуждающихся во всемъ уѣздѣ; между тѣмъ не предвидѣлось никакихъ средствъ прокормить народъ до слѣдующей жатвы; но и будущая жатва не обѣщала ничего утѣшительнаго; за недостаткомъ зерноваго хлѣба большая часть крестьянскихъ полей остались не засѣянными. Въ этомъ случаѣ Михаилъ Муравьевъ предпринялъ рѣшительную мѣру. Онъ созвалъ въ Рославль своихъ знакомыхъ и многихъ незнакомыхъ помѣщиковъ и предложилъ имъ подписать бумагу къ министру внутреннихъ дѣлъ, въ которой рославльскіе дворяне доводили до свѣденія его о бѣдственномъ положеніи сего края. Бумага эта за подписью нѣсколькихъ десятковъ рославльскихъ дворянъ, пошла къ министру мимо уѣзднаго предводителя, который изъ опасенія прогнѣвать начальство, не хотѣлъ подписаться вмѣстѣ съ дворянами своего уѣзда, мимо губернскаго предводителя и мимо губернатора, за то она произвела сильное впечатлѣніе въ Петербургѣ. Тотчасъ былъ отправленъ въ Смоленскъ сенаторъ Мертваго и въ его распоряженіе было назначено милліонъ рублей. Онъ считался однимъ

изъ лучшихъ московскихъ сенаторовъ, но въ Смоленскѣ онъ проводилъ время или во снѣ, или на обѣдахъ, или за картами, исподволь собирая свѣденія о наиболѣе нуждающихся въ пособіи. Видѣть этого дремлющаго старика, когда все около него страдало, было отвратительно. Возвратясь въ Жуково, я заѣхалъ къ Пассеку и принялъ его въ члены нашего Тайнаго Общества. Онъ былъ этимъ чрезвычайно доволенъ; когда онъ бывалъ съ Граббе, фонъ Визинымъ и со мной, онъ замѣчалъ, что у насъ есть какая-то отъ него тайна, и ему было очень неловко. Онъ всегда былъ добръ до своихъ крестьянъ; но съ этихъ поръ онъ посвятилъ имъ все свое существованіе и всѣ его старанія клонились къ тому, чтобы упрочить ихъ благосостояніе. Онъ завелъ въ своемъ имѣніи прекрасное училище, по порядку взаимнаго обученія, и набралъ въ него взрослыхъ ребятъ, предоставляя за нихъ тѣмъ домамъ, къ которымъ они принадлежали разныя выгоды. Читать мальчики учились по книжкѣ "о правахъ и обязанностяхъ гражданина," изданной при императрицѣ Екатеринѣ и запрещенной въ послѣдніе годы царствованія императора Александра. Курсъ ученья оканчивался тѣмъ, что мальчики переписывали каждый для себя въ тет-

радку и выучивали наизусть учрежденія, написанныя Пассекомъ для своихъ крестьянъ. Въ этихъ учрежденіяхъ, между прочими правами, предоставлено было въ ихъ собственное распоряженіе отдача рекрутъ и всѣ мірскіе сборы. Они имѣли свой судъ и расправу; по воскресеньямъ, избранные отъ міра старики собирались въ конторѣ и разбирали тяжбы между крестьянами. Однажды Пассекъ за грубость послалъ своего камердинера съ жалобой на него къ старикамъ, и они присудили его заплатить два рубля въ общественный сборъ. Камердинеръ-же этотъ получалъ отъ своего барина 300 руб. въ годъ. Пассекъ въ этомъ случаѣ остался очень доволенъ и стариками и собой. Онъ вообще двадцатью годами предупредилъ нѣкоторыя учрежденія государственныхъ имуществъ. Бывши самъ уже не первой молодости и желая насладиться успѣхомъ въ дѣлѣ, которое было близко его сердцу, онъ употреблялъ усильныя мѣры для улучшенія своихъ крестьянъ и истратилъ на нихъ въ нѣсколько лѣтъ десятки тысячь, которыя онъ имѣлъ въ ломбардѣ; за то уже при немъ въ имѣніи было много грамотныхъ крестьянъ и состояніе ихъ до невѣроятности улучшилось. Но крѣпостное состояніе въ этомъ дѣлѣ все испортило. Теперь это имѣніе

принадлежитъ племянникамъ Пассека и очень вѣроятно, что ни одно изъ благихъ его учрежденій уже болѣе не существуетъ.

Осенью въ 21-мъ году было въ Петербургѣ происшествіе семеновскаго полка. Императоръ Александръ въ это время находился на съѣздѣ въ Лейбахѣ и узналъ отъ Метерниха, что любимой его полкъ взбунтовался; извѣстіе его сильно поразило. Семеновскій полкъ былъ расформированъ и нижніе чины были развезены по разнымъ крѣпостямъ Финляндіи, потомъ многіе изъ нихъ были прогнаны сквозь строй, другіе биты кнутомъ и сосланы въ каторжную работу, остальные посланы служить безъ отставки: первый баталіонъ въ сибирскіе гарнизоны, второй и третій размѣщены по разнымъ армейскимъ полкамъ. Офицеры же слѣдующими чинами всѣ были выписаны въ армію съ запрещеніемъ давать имъ отпуска и принимать отъ нихъ просьбы въ отставку; запрещено было также представлять ихъ къ какой-бы то ни было наградѣ. Четверо изъ нихъ: Ватковскій, Кошкаровъ, Ермолаевъ и князь Щербатовъ были отданы подъ судъ; при этомъ надѣялись узнать отъ нихъ что-нибудь положительное о существованіи Тайнаго Общества. На Щербатова падало болѣе подозрѣній нежели на

другихъ по связи его со мной и короткому знакомству съ лицами, подозрѣваемыми правительствомъ. Онъ былъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ разжалованію въ солдаты; но ему обѣщали совершенное прощеніе, если онъ сообщитъ какія-нибудь свѣденія о существованіи Тайнаго Общества. Самъ онъ не принадлежалъ къ нему; видаясь-же безпрестанно со мной, онъ зналъ многое, но наша тайна была для него священна, и онъ рѣшился лучше быть невинной жертвой, нежели поступить предательски. На всѣ задаваемые ему вопросы о Тайномъ Обществѣ онъ отвѣчалъ, что ничего не знаетъ. При вступленіи на престолъ нынѣ царствующаго императора приговоръ суда надъ Щербатовымъ былъ исполненъ и онъ былъ посланъ на Кавказъ солдатомъ.

Послѣ семеновской исторіи императоръ Александръ поступилъ совершенно подъ вліяніе Метерниха, перешелъ отъ народовъ, прежде усердно имъ защищаемыхъ на сторону властей, и во всѣхъ случаяхъ почиталъ теперь своею обязанностью защищать священныя права царей. Тутъ прекратилось въ немъ раздвоеніе; и въ Европѣ и въ Россіи политическія его воззрѣнія были одни и тѣже. Въ 22-мъ году, по возвращеніи въ

Петербургъ, первымъ распоряженіемъ правительства было закрыть массонскія ложи и запретить въ Россіи тайныя общества: со всѣхъ служащихъ были взяты росписки, что они не будутъ принадлежать къ тайнымъ обществамъ. Разумѣется, что такое распоряженіе поставило въ необходимость петербургскихъ членовъ быть очень осторожными, вслѣдствіе чего они рѣдко собирались между собой и пріемъ новыхъ членовъ почти совсѣмъ прекратился. У императора была въ рукахъ Зеленая Книга, и онъ, прочитавши ее, говорилъ своимъ приближеннымъ, что въ этомъ уставѣ Союза Благоденствія все было прекрасно, но что на это нисколько нельзя полагаться, что бо̀льшая часть тайныхъ обществъ при началѣ своемъ имѣютъ почти всегда только цѣль филантроническую, но что потомъ эта цѣль измѣняется скоро и переходитъ въ заговоръ противъ правительства. Съ этихъ поръ императоръ находился въ какомъ-то особенномъ опасеніи тайныхъ обществъ въ Россіи. Къ нему безпрестанно привозили бумаги, захваченныя у лицъ, подозрѣваемыхъ полиціей. И странно, въ этомъ случаѣ не попался ни одинъ изъ дѣйствительныхъ членовъ. Это самое еще болѣе смущало императора. Онъ былъ увѣренъ, что устрашающее его тайное

общество было чрезвычайно сильно, и сказалъ однажды князю П. М. Волконскому, желавшему его успокоить на этотъ счетъ: "ты ничего не понимаешь, эти люди могутъ кого хотятъ возвысить или уронить въ общемъ мнѣніи; къ тому-же они имѣютъ огромныя средства; въ прошломъ году, во время неурожая въ смоленской губерніи, они кормили цѣлые уѣзды." И при этомъ назвалъ меня, Пассека, фонъ Визина, Михаила Муравьева и Левашева. Все это передалъ мнѣ Павелъ Колошинъ, пріѣхавшій изъ Петербурга по порученію Н. Тургенева; я былъ тогда случайно одинъ въ Москвѣ. И. А. фонъ Визинъ жилъ въ подмосковной, а М. А. уѣхалъ въ свою Костромскую деревню. Тургеневъ заказывалъ намъ съ Колошинымъ быть, какъ можно, осторожнѣе послѣ того, что императоръ назвалъ нѣкоторыхъ изъ насъ.

Въ 22-мъ году, по сформированіи новаго семеновскаго полка вся гвардія выступила изъ Петербурга въ походъ, подъ предлогомъ предстоящей будто-бы войны, а въ самомъ дѣлѣ потому, что опасались пребыванія гвардіи въ столицѣ. Васильчиковъ уже не командовалъ гвардейскимъ корпусомъ. Чтобы уменьшить свою отвѣтственность по случаю исторіи семеновскаго полка, онъ

увѣрялъ императора, что не въ одной гвардіи, но и въ арміи распространенъ духъ неповиновенія, и въ доказательство подалъ ему письмо своего брата командира гусарской бригады, въ составъ которой входили полки лубенской и гродненской. Въ этомъ письмѣ Васильчиковъ жаловался старшему своему брату на Граббе, описывая всѣ случаи, въ которыхъ его подчиненный оказывалъ ему всѣ возможныя неуваженія. Меньшой этотъ Васильчиковъ былъ плохой человѣкъ. Дибичъ, бывши еще начальникомъ штаба 1-ой арміи и проѣзжая черезъ Дорогобужъ, просилъ убѣдительно Граббе, для пользы службы, во фрунтѣ вести себя пристойно съ бригаднымъ своимъ командиромъ, прибавивъ: въ комнатѣ дѣло другое, и сдѣлалъ рукою движенье, которое выражало: въ комнатѣ, пожалуй, можно его и поколотить. Письмо Васильчикова сильно подѣйствовало на императора. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, Граббе съ своимъ полкомъ изъ Дорогобужа былъ переведенъ не помню въ какую губернію. Совершенно неожиданно получилъ онъ бумагу отъ начальника штаба его императорскаго величества съ надписью: отставному полковнику Граббе. Князь Волконскій писалъ къ нему, что поведеніе его съ бригаднымъ командиромъ заслу-

живаетъ примѣрнаго наказанія, но что государь императоръ, во уваженіе прошедшей отличной его службы, приказалъ не подвергать его военному суду, и повелѣлъ ему съ полученіемъ сего сдать полкъ старшему по себѣ и отправиться на жительство въ Ярославль, не заѣзжая ни въ одну столицу. Случившіеся тутъ офицеры были такъ поражены неожиданнымъ распоряженіемъ, что спросили у Граббе, что онъ прикажетъ имъ дѣлать. Онъ ихъ успокоилъ и сдавши въ 24 часа полкъ подполковнику Курилову, отправился съ своимъ деньщикомъ Иваномъ, едва имѣя съ чѣмъ доѣхать до Ярославля. Онъ командовалъ лубенскимъ полкомъ почти 6 лѣтъ; въ это время на его мѣстѣ всякой дошлый полковой командиръ составилъ бы себѣ огромное состояніе. Нѣкоторые изъ короткихъ пріятелей Граббе сложились и доставляли ему годовое содержаніе, безъ чего онъ рѣшительно не имѣлъ чѣмъ существовать въ Ярославлѣ.

Походъ гвардіи имѣлъ совершенно противныя послѣдствія, нежели какихъ отъ него ожидалъ императоръ. Офицеры всѣхъ полковъ, болѣе свободные отъ службы, чѣмъ въ Петербургѣ, и не подвергаясь такому строгому надзору, какъ въ столицѣ, часто сообщались между собою, и много

новыхъ членовъ поступило въ Тайное Общество. Никита Муравьевъ, въ Витебскѣ, написалъ свою конституцію для Россіи; это былъ въ кратцѣ снимокъ съ англійской конституціи. Въ 23-мъ году по возвращеніи гвардіи въ Петербургъ, Пущинъ принялъ Рылѣева, съ поступленіемъ котораго дѣятельность петербургскихъ членовъ очень увеличилась. Много новыхъ членовъ было принято.

Въ 22-мъ году генералъ Ермоловъ, вызванный съ Кавказа начальствовать надъ отрядомъ, назначеннымъ противъ возставшихъ неаполитанцевъ, прожилъ нѣкоторое время въ Царскомъ Селѣ и всякій день видался съ императоромъ. Неаполитанцы были уничтожены австрійцами прежде, нежели нашъ вспомогательный отрядъ двинулся съ мѣста и Ермоловъ возвратился на Кавказъ. Въ Москвѣ, увидѣвъ пріѣхавшаго къ нему М. фонъ Визина, который былъ у него адъютантомъ, онъ воскликнулъ: "поди сюда величайшій карбонари." Фонъ Визинъ не зналъ, какъ понимать такого рода привѣтствіе. Ермоловъ прибавилъ: "я ничего не хочу знать, что у васъ дѣлается, но скажу тебѣ, что *онъ* васъ такъ боится, какъ бы я желалъ, чтобы онъ меня боялся." Болѣзненное воображеніе императора, конечно, преуве-

личивало средства и могущество Тайнаго Общества, и потому понятно, что, не имѣя никакихъ положительныхъ данныхъ даже на счетъ существованія этого Общества, ему трудно было приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ врага невидимаго. Члены Тайнаго Общества ничѣмъ рѣзко не отличались отъ другихъ. Въ это время свободное выраженіе мыслей было принадлежностью не только всякаго порядочнаго человѣка, но и всякаго, кто хотѣлъ казаться порядочнымъ человѣкомъ.

Императоръ, преслѣдуемый призракомъ Тайнаго Общества, все болѣе и болѣе становился недовѣрчивымъ, даже къ людямъ, въ преданности которыхъ онъ казалось не могъ сомнѣваться. Генералъ-адъютантъ князь Менщиковъ, начальникъ канцеляріи главнаго штаба, подозрѣваемый императоромъ въ близкомъ сношеніи съ людьми, опасными для правительства, лишился своего мѣста. Князь П. М. Волконскій, начальникъ штаба его императорскаго величества, находившійся неотлучно при императорѣ съ самаго восшествія его на престолъ, лишился также своего мѣста, и на нѣкоторое время удалился отъ Двора. Причина такой немилости къ Волконскому заключалась въ томъ, что онъ никакъ не соглашался ѣхать

въ Грузино на поклоненіе Аракчееву. Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, министръ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, съ самой его молодости непрерывно пользовавшійся милостями и довѣріемъ императора, внезапно былъ отставленъ отъ своей должности. Въ это время Аракчеевъ сблизилъ монаха Фотія съ императоромъ. Фотій былъ человѣкъ не совсѣмъ пошлый; малообразованный, изувѣръ съ пламеннымъ воображеніемъ, онъ сильно дѣйствовалъ, особенно на женщинъ смѣлостью и неожиданностью своихъ выраженій. Скоро онъ овладѣлъ полнымъ довѣріемъ императора, доказавъ ему, что благочестіе и набожность свѣтскихъ людей, въ томъ числѣ и князя Голицына, суть ничто иное, какъ отступничество отъ истиннаго православія, которое одно ведетъ къ вѣчному спасенію. Съ этихъ поръ императоръ сталъ усердно посѣщать монастыри, бесѣдовалъ съ схимниками, посылалъ значительные вклады въ разныя обители и началъ строго соблюдать всѣ обряды греко-россійской церкви. Многія книги, напечатанныя на счетъ правительства, были запрещены, въ томъ числѣ и естественное право Куницына и книжка, сочиненная Филаретомъ, теперешнимъ митрополитомъ московскимъ. За эту книжку, напечатанную по имен-

ному повелѣнію, а потомъ у всѣхъ отобранную, и пострадалъ князь Голицынъ. Цензура сдѣлалась крайне стѣснительна. Въ университетахъ многія каѳедры уничтожены; во всѣхъ училищахъ запрещено учить миѳологіи древнихъ, такъ какъ во всѣхъ высшихъ заведеніяхъ преподавалась древняя словесность. Въ послѣдніе годы своего царствованія, императоръ сдѣлался почти нелюдимымъ. Въ путешествіяхъ своихъ онъ не заѣзжалъ ни въ одинъ губернскій городъ, и для него прокладывалась большая дорога и устроивалась по мѣстамъ дикимъ и по которымъ прежде не было никакого проѣзда.

Въ концѣ 22-го года я женился и весь 23-ій годъ прожилъ очень уединенно въ подмосковной тещи моей Н. Н. Шереметевой. Оба фонъ Визины были женаты и жили тоже въ своихъ подмосковныхъ, и я даже съ ними очень рѣдко видался. О томъ, что̀ дѣлалось въ Тульчинѣ, ни они, ни я почти ничего не знали. Лѣтомъ въ 23-мъ году, мнѣ случилось пріѣхать въ Москву не надолго; тутъ, познакомившись съ полковникомъ Копыловымъ, перешедшимъ изъ гвардейской артиллеріи на Кавказъ къ Ермолову, и видя его готовность дѣйствовать въ смыслѣ Тайнаго Общества, я принялъ его въ наше Общество. Черезъ

нѣсколько дней послѣ того заѣхалъ ко мнѣ Ив. Ан. фонъ Визинъ и пригласилъ меня пріѣхать къ нему въ опредѣленный часъ, въ который онъ назначилъ свиданіе съ Бестужевымъ-Рюминымъ. Бестужевъ ему сказалъ, что онъ имѣетъ важное порученіе, отъ Сергѣя Муравьева и другихъ Южныхъ членовъ, передать тѣмъ изъ насъ, которыхъ застанетъ въ Москвѣ. Я зналъ этого Бестужева взбалмошнымъ и совершенно безтолковымъ мальчикомъ. Увидѣвъ меня, съ улыбкой на устахъ, онъ повторилъ мнѣ тоже, что говорилъ прежде фонъ Визину. Я ему на это отвѣчалъ, что зная его, я никакъ не повѣрю, чтобъ Сергѣй Муравьевъ далъ какое-нибудь важное порученіе къ намъ, и объявилъ ему, что мы не войдемъ съ нимъ ни въ какія сношенія. Онъ на это улыбнулся также неразумно, какъ и въ первый разъ, и затѣмъ удалился. Послѣ оказалось, что онъ точно пріѣзжалъ отъ Сергѣя Муравьева съ предложеніемъ къ намъ вступить въ заговоръ, затѣваемый на Югѣ противъ императора. Странное существо былъ этотъ Бестужевъ-Рюминъ. Если про него нельзя было сказать, что онъ рѣшительно глупъ, то въ немъ безпрестанно проявлялось что-то похожее на недоумка. Въ обыкновенной жизни онъ безпре-

станно говорилъ самыя невыносимыя пошлости и на каждомъ шагу дѣлалъ самые непозволительные промахи. Выписанный вмѣстѣ съ другими изъ стараго семеновскаго полка, онъ попалъ въ полтавскій полкъ, которымъ командовалъ полковникъ Тизенгаузенъ. Въ Кіевѣ Раевскіе, сыновья генерала, и Сергѣй Муравьевъ часто подымали его на смѣхъ. Матвѣй Муравьевъ однажды сталъ упрекать брата своего за поведеніе его съ Бестужевымъ, доказывая ему, что дурачить Бестужева, вмѣстѣ съ Раевскими, не пристойно. Сергѣй въ этомъ согласился, и чтобы загладить вину свою передъ юношей, прежнимъ своимъ сослуживцемъ, онъ особенно сталъ ласкать его. Бестужевъ привязался къ Сергѣю Муравьеву съ неограниченной преданностью; впослѣдствіи и Сергѣй Муравьевъ страстно полюбилъ его. Бестужевъ былъ принятъ на Югѣ въ Тайное Общество, въ которомъ въ это время происходило сильное броженье и требовались люди на все готовые. Тутъ Бестужевъ попалъ совершенно на свое мѣсто. Рѣшительный до безумія въ своихъ дѣйствіяхъ, онъ не ставилъ никогда въ расчетъ препятствій, какія могли встрѣтиться въ предпринятомъ имъ дѣлѣ и шелъ всегда впередъ безъ оглядки. Въ Кіевѣ, на контрактахъ, онъ нашелъ

возможность первый войти въ сношеніе съ варшавскимъ Тайнымъ Обществомъ. Узнавши черезъ прежняго своего сослуживца Тютчева о существованіи Тайнаго Общества соединенныхъ Славянъ, къ которому Тютчевъ принадлежалъ, и что начальникъ этого Тайнаго Общества артиллеріи поручикъ Петръ Борисовъ, Бестужевъ поспѣшилъ съ такимъ важнымъ открытіемъ къ Сергѣю Муравьеву, потомъ отправился въ 8-ю дивизію къ Борисову и уговорилъ его присоединиться съ своими Славянами къ Южному Тайному Обществу.

24-го и 25-го года я жилъ въ Жуковѣ, ни съ кѣмъ не видаясь, кромѣ Пассека, Мих. Муравьева и Левашевыхъ, и то довольно рѣдко по дальности между нами разстоянія. Я пристально занялся сельскимъ хозяйствомъ, и часть моихъ полей уже обработывалъ наемными людьми. Я могъ надѣяться, что при улучшеніи состоянія моихъ крестьянъ, они скоро найдутъ возможность платить мнѣ оброкъ, часть котораго ежегодно учитывалась-бы на покупку той земли, какою они пользовались, и что со временемъ они, совершенно освободясь, будутъ имѣть въ собственность нужную имъ землю. Въ концѣ 25-го года, я отправился съ моимъ семействомъ въ Москву и

прибылъ туда 8 Декабря. На пути я узналъ о кончинѣ императора Александра въ Таганрогѣ и о приносимой вездѣ присягѣ цесаревичу Константину Павловичу. Извѣстіе это меня болѣе смутило, нежели этого можно было ожидать. Теперь, съ горестнымъ чувствомъ, я представилъ бѣдственное положеніе Россіи подъ управленіемъ новаго царя. Конечно, послѣдніе годы царствованія императора Александра были жалкіе годы для Россіи; но онъ имѣлъ хоть за себя прошедшее; по вступленіи на престолъ, въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ, онъ усердно подвизался для блага своего отечества и благія его усилія по всѣмъ частямъ двинули Россію далеко впередъ. Цесаревичь же, славный наѣздникъ, первый фрунтовикъ во всей имперіи, ничего и никогда не хотѣлъ знать, кромѣ солдатиковъ. Всѣмъ былъ извѣстенъ его неистовый нравъ и дикій обычай. Чего-же можно было отъ него ожидать добраго для Россіи? Въ Москвѣ, кромѣ фонъ Визиныхъ и Ал. Шереметева, я нашелъ и много другихъ членовъ Тайнаго Общества: полковника Митькова, полковника Нарышкина, Семенова, служившаго въ канцеляріи князя Голыцына, Нелидинскаго, адъютанта цесаревича, и много другихъ. Мы иногда собирались или у фонъ Визиныхъ или у

Митькова. На этихъ совѣщаніяхъ всѣ присутствующіе члены, казалось, были очень одушевлены и какъ будто ожидали чего-то торжественнаго и рѣшительнаго. Нарышкинъ, недавно пріѣхавшій съ Юга, увѣрялъ, что тамъ все готово къ возстанію и что южные члены имѣютъ за себя огромное число штыковъ. Митьковъ съ своей стороны также увѣрялъ, что петербургскіе члены могутъ въ случаѣ нужды расчитывать на большую часть гвардейскихъ полковъ. 15 Декабря я цѣлый день былъ дома, и въ этотъ день никого не видѣлъ. Ал. Шереметевъ возвратился домой поздно ночью и сообщилъ мнѣ полученныя извѣстія объ отреченіи цесаревича, и что на мѣсто его взойдетъ на престолъ Николай Павловичъ; потомъ онъ разсказалъ мнѣ, что Семеновъ получилъ письмо отъ 12, въ которомъ Пущинъ писалъ къ нему, что они въ Петербургѣ рѣшились сами не присягать и не допустить гвардейскіе полки до присяги, вмѣстѣ съ тѣмъ Пущинъ предлагалъ членамъ, находившимся тогда въ Москвѣ, содѣйствовать петербургскимъ членамъ, на сколько это будетъ для нихъ возможно. Я очень удивился, что М. А. фонъ Визинъ не сообщилъ мнѣ въ теченіи дня такихъ важныхъ извѣстій. Причина тому была дворянскіе вы-

боры, на которыхъ онъ очень хлопоталъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ. Не смотря на то, что было уже за полночь, мы съ Алек. Шереметевымъ поѣхали къ фонъ Визинымъ; я его разбудилъ и уговорилъ его вмѣстѣ съ нами ѣхать къ полковнику Митькову, который казался мнѣ человѣкомъ весьма рѣшительнымъ; мы его также разбудили. Надо было опредѣлить, что мы могли сдѣлать въ Москвѣ при теперешнихъ обстоятельствахъ. Я предложилъ фонъ Визину ѣхать тотчасъ-же домой, надѣть свой генеральскій мундиръ, потомъ отправиться въ Хамовническія казармы и поднять войска, въ нихъ квартирующія, подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ. Митькову я предложилъ ѣхать вмѣстѣ со мной къ полковнику Гурко, начальнику штаба 5 корпуса. Я съ нимъ былъ довольно хорошо знакомъ еще въ семеновскомъ полку и зналъ, что онъ принадлежалъ къ Союзу Благоденствія. Можно было надѣяться уговорить Гурко дѣйствовать вмѣстѣ съ нами. Тогда при отрядѣ войскъ, выведенныхъ фонъ Визинымъ, въ эту-же ночь мы бы арестовали корпуснаго командира графа Толстаго и градоначальника, московскаго князя Голицына, а потомъ и другія лица, которыя могли-бы противудѣйствовать возстанію. Алекс. Шереметевъ, какъ адъютантъ

Толстаго, долженъ былъ ѣхать къ полкамъ, квартирующимъ въ окрестностяхъ Москвы и приказать имъ именемъ корпуснаго командира идти въ Москву. На походѣ Шереметевъ, полковникъ Нарышкинъ и нѣсколько офицеровъ, служившихъ въ старомъ семеновскомъ полку, должны были приготовить войска къ возстанію и можно было надѣяться, что пришедши въ Москву, они присоединились-бы къ войскамъ уже возставшимъ. На другой день мы непремѣнно должны были получить извѣстіе о томъ, что совершилось въ Петербургѣ. Если-бы предпріятіе петербургскихъ членовъ удалось, то мы нашимъ содѣйствіемъ въ Москвѣ дополнили-бы ихъ успѣхъ; въ случаѣ-же неудачи въ Петербургѣ, мы нашей попыткой въ Москвѣ заключили-бы наше поприще, исполнивъ свои обязанности до конца и къ Тайному Обществу и къ своимъ товарищамъ. Мы бесѣдовали у Митькова до четырехъ часовъ по полуночи, и мои собесѣдники единогласно заключили, что мы четверо не имѣемъ никакого права приступить къ такому важному предпріятію. На завтрашній день вечеромъ назначено было всѣмъ съѣхаться у Митькова и пригласить на это совѣщаніе Михаила Орлова.

На другой день утромъ я сидѣлъ у фонъ Ви-

зина, когда вбѣжалъ къ нему человѣкъ съ извѣстіенъ, что великій князь Николай Павловичъ пріѣхалъ въ Москву въ открытыхъ саняхъ и прямо въѣхалъ въ домъ военнаго губернатора. Фонъ Визинъ былъ увѣренъ, что великій князь бѣжалъ изъ Петербурга, гдѣ все возстало противъ него. Оказалось, что прискакалъ въ открытыхъ саняхъ генералъ-адъютантъ графъ Комаровскій съ приказаніемъ привести Москву къ присягѣ Николаю Павловиву. Новый императоръ собственноручно написалъ князю Голицыну: мы здѣсь только что потушили пожаръ, примите всѣ нужныя мѣры, чтобы у васъ не случилось чего-нибудь подобнаго. Въ тотъ-же день, когда собрались для принесенія присяги въ Успенскій соборъ, преосвященный Филаретъ вынесъ изъ алтаря небольшой золотой ящикъ и сказалъ, что въ этомъ ковчегѣ заключается залогъ будущаго счастья Россіи; потомъ открывъ ящикъ, онъ прочелъ духовное завѣщаніе покойнаго императора Александра Павловича, въ которомъ онъ назначилъ наслѣдникомъ престола великаго князя Николая Павловича. При этомъ завѣщаніи было отреченіе цесаревича. Филаретъ его прочелъ! Послѣ чего всѣ бывшіе въ соборѣ принесли присягу импера-

тору Николаю Павловичу, а потомъ и вся Москва присягнула ему.

По утру фонъ Визинъ просилъ меня непремѣнно побывать у Орлова и привести его вечеромъ къ Митькову; я отправился къ нему подъ Донской. Всѣмъ уже были извѣстны происшествія 14 Декабря въ Петербургѣ; знали также, что всѣ дѣйствующія лица въ этомъ происшествіи сидѣли въ крѣпости. Пріѣхавъ къ Орлову, я сказалъ ему: Eh bien, general, tout est fini? Онъ протянулъ мнѣ руку и съ какой-то увѣренностью отвѣчалъ: Comment fini? Ce n'est que le commencement de la fin. Тутъ его позвали на верхъ къ графинѣ Орловой; онъ сказалъ, что воротится черезъ нѣсколько минутъ и просилъ меня непремѣнно дожидаться его. Во время его отсутствія взошелъ человѣкъ высокій, толстый, рыжій, въ изношенномъ адъютантскомъ мундирѣ безъ аксельбанта и вообще наружности непривлекательной. Я молчалъ, онъ также. Орловъ, возвратившись, сказалъ: А! Мухановъ, здравствуй; вы не знакомы?... и познакомилъ насъ. Пришлось протянуть руки рыжему человѣку. Ни Орловъ, ни я — мы никого не знали лично изъ членовъ дѣйствовавшихъ 14 Декабря. Мухановъ былъ со всѣми коротко знакомъ. Онъ намъ разсказы-

валъ подробности про каждаго изъ нихъ и наконецъ сказалъ: это ужасно лишиться такихъ товарищей; во чтобы ни стало, надо ихъ выручить: надо ѣхать въ Петербургъ и убить его. Орловъ всталъ съ своего мѣста, подошелъ къ Муханову, взялъ его за ухо и чмокнулъ его въ лобъ. Мнѣ казалось все это очень странно. Передъ приходомъ Муханова, я уговаривалъ Орлова поѣхать къ Митькову, гдѣ всѣ его ожидали. На это приглашеніе онъ отвѣчалъ, что никакъ не можетъ удовлетворить моему желанію, потому что онъ сказался больнымъ, чтобы не присягать сегодня; а между тѣмъ онъ былъ въ мундирѣ, звѣздѣ и лентѣ, и можно было подумать что онъ возвратился отъ присяги. Видя что съ нимъ не добиться никакого толку, я подошелъ къ нему и сказалъ, что такъ какъ въ теперешнихъ обстоятельствахъ сношенія мои съ нимъ могутъ подвергнуть его опасности, то чтобы успокоить его — я обѣщаюсь никогда не посѣщать его. Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и обнялъ меня, но прежде чѣмъ мы разстались, онъ обратился къ Муханову и сказалъ: поѣзжай Мухановъ къ Митькову. Потомъ сказалъ мнѣ: везите его туда, имъ всѣ останутся довольны. Такое предложеніе меня ужасно удивило, и на этотъ разъ

я совершенно потерялся. Вмѣсто того, чтобы сказать Орлову откровенно, что я не могу везти Муханова, котораго я совершенно не знаю, къ Митькову, который его также не знаетъ, я вышелъ вмѣстѣ съ Мухановымъ, сѣлъ съ нимъ въ мои сани и повезъ его на совѣщаніе. Митьковъ принялъ его вѣжливо; Мухановъ почти никого не зналъ изъ присутствующихъ, но черезъ полчаса онъ уже разглагольствовалъ какъ будто былъ въ кругу самыхъ короткихъ своихъ пріятелей. Онъ былъ знакомъ съ Рылѣевымъ, Пущинымъ, Оболенскимъ, Ал. Бестужевымъ и многими другими петербургскими членами, принявшими участіе въ возстаніи. Всѣ слушали его со вниманіемъ; все это онъ опять заключилъ предложеніемъ ѣхать въ Петербургъ, чтобы выручить изъ крѣпости товарищей и убить царя. Для этого онъ находилъ удобнымъ сдѣлать въ эфесѣ шпаги очень маленькій пистолетъ и на выходѣ, нагнувъ шпагу, выстрѣлить въ императора. Предложеніе самого предпріятія и способъ привести его въ исполненіе были такъ безумны, что присутствующіе слушали Муханова молча и безъ малѣйшаго возраженія. Въ вечеръ этотъ у Митькова собрались въ послѣдній разъ на совѣщаніе нѣкоторые изъ членовъ Тайнаго Общества, су-

ществовавшаго почти 10 лѣтъ. Въ это время въ Петербургѣ все уже было кончено и въ Тульчинѣ начались аресты. Въ Москвѣ первый былъ арестованъ и отвезенъ въ петропавловскую крѣпость М. Орловъ, потомъ полковникъ Митьковъ и многіе другіе. Меня арестовали не раньше 10 Января 1826 года.

II.

Послѣ 14-го Декабря многіе изъ членовъ Тайнаго Общества были арестованы въ Петербургѣ; я оставался на свободѣ го 10-го Января. Въ этотъ день вечеромъ я спокойно пилъ дома чай; вдругъ вызвалъ меня полицмейстеръ Обрѣзковъ и объявилъ, что ему надобно переговорить со мной на единѣ. Я повелъ его къ себѣ въ комнату. Онъ потребовалъ отъ меня моихъ бумагъ. Я объявилъ ему, что у меня никакихъ бумагъ нѣтъ, а что еслибъ и были такія, которыя могли быть для него любопытны, то я бы имѣлъ все время ихъ сжечь. Я ожидалъ ареста и нарочно положилъ на столъ листокъ съ исчисленіями о выкупѣ крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи, надѣясь, что этотъ листокъ возьмутъ вмѣстѣ со мной, что онъ, можетъ быть, обратитъ на себя вниманіе и

правительства. Я предложилъ Обрѣзкову взять эти исчисленія, но онъ отвѣчалъ мнѣ, что эти цифры ему нисколько не нужны. Послѣ этого онъ посовѣтовалъ мнѣ одѣться потеплѣе и пригласилъ ѣхать съ собой. — Къ отъѣзду у меня было уже все приготовлено заранѣе. Я зашелъ, въ сопровожденія полицмейстера, проститься съ женой, сыномъ и тещей. Обрѣзковъ отвезъ меня къ оберъ-полицмейстеру Дмитрію Ивановичу Шульгину, который встрѣтилъ меня словами: „вы много повредили себѣ тѣмъ, что сожгли свои бумаги". Я отвѣчалъ, что не жегъ никакихъ бумагъ, но что ежели-бы имѣлъ опасныя для себя бумаги, то зная, что каждый день арестуются разныя лица, я имѣлъ бы все время сжечь ихъ. "Не можетъ быть, чтобъ у васъ не было какихъ *писменъ* (sic), сказалъ мнѣ на это Оберъ-полицмейстеръ, потому что васъ учили читать и писать; вы вѣрно получаете и какія-нибудь письма и отвѣчаете на нихъ." — У меня лежатъ на столѣ, сказалъ я ему, два письма, одно отъ сестры, другое изъ деревни отъ старосты. Шульгинъ съ радостью сказалъ мнѣ, что больше ничего и не нужно, и тотчасъ послалъ Обрѣзкова за этими письмами. Когда я остался вдвоемъ съ Шульгинымъ, мы разговорились съ нимъ, и онъ мнѣ

признался, что ему необходимо было хоть одно письмо, потому что въ бумагѣ, при которой должны были меня отправить и которая была подписана княземъ Голицынымъ, было сказано, что со мной отправляются найденныя у меня бумаги. Вскорѣ Обрѣзковъ возвратился съ письмами и сочиненіемъ Теэра, которое онъ будучи пьянъ, захватилъ у меня на столѣ.

Я былъ отправленъ въ Петербургъ съ частнымъ приставомъ, который и привезъ меня прямо въ главный штабъ. Тутъ какой-то адъютантъ повелъ меня къ Потапову. Потаповъ былъ очень вѣжливъ и отправилъ меня въ зимній дворецъ къ с.-петербургскому коменданту Башуцкому. Башуцкій распорядился и меня отвели въ одну изъ комнатъ нижняго этажа зимняго дворца. У дверей и окна поставлено было по солдату съ обнаженными саблями. Здѣсь провелъ я ночь и другой день. Вечеромъ повели меня на верхъ, и къ крайнему моему удивленію я очутился въ эрмитажѣ. Въ огромной залѣ, почти въ углу, на томъ мѣстѣ, гдѣ висѣлъ портретъ Климента IX, стоялъ раскрытый ломберный столъ и за нимъ сидѣлъ въ мундирѣ генералъ Левашевъ. Онъ пригласилъ меня сѣсть противъ него и началъ вопросомъ: принадлежали ли вы Тайному Об-

ществу? Я отвѣчалъ утвердительно.' Далѣе онъ спросилъ: какія вамъ извѣстны дѣйствія Тайнаго Общества, къ которому вы принадлежали? Я отвѣчалъ, что собственно дѣйствій Тайнаго Общества, я никакихъ не знаю.

— Милостивый государь, сказалъ мнѣ тогда Левашевъ, не думайте, чтобы намъ ничего не было извѣстно. Происшествія 14-го числа были только преждевременною вспышкою и вы должны были еще въ 1818 году нанести ударъ императору Александру. —

Это заставило меня призадуматься; я не полагалъ, чтобы совѣщаніе, бывшее въ 18-мъ году въ Москвѣ могло быть извѣстно.

— Я даже вамъ разскажу, продолжалъ Левашевъ, подробности намѣреваемаго вами цареубійства: изъ числа бывшихъ тогда на совѣщаніи вашихъ товарищей — на васъ палъ жребій.

— Ваше превосходительство, это не совсѣмъ справедливо: я вызвался самъ*) нанести ударъ императору и не хотѣлъ уступить этой чести никому изъ моихъ товарищей. —

---

*) Въ донесеніи сказано, что я вызвался на покушеніе, бывши терзаемъ страстью несчастной любви. Я имѣю всѣ причины думать, что это показаніе Никиты Муравьева, желавшаго такой сентиментальной фразой уменшить мою

Левашевъ сталъ записывать мои слова.

— Теперь, милостивый государь, продолжалъ онъ, неугодно-ли вамъ будетъ назвать тѣхъ изъ вашихъ товарищей, которые были на этомъ совѣщаніи.

— Этого и никакъ не могу сдѣлать, потому что вступая въ Тайное Общество, я далъ обѣщаніе никого не называть.

— Такъ васъ заставятъ назвать ихъ. Я приступаю къ обязанности судьи и скажу вамъ, что въ Россіи есть пытка.

— Очень благодаренъ вашему превосходительству за эту довѣренность; но долженъ вамъ сказать, что теперь еще болѣе, нежели прежде, я чувствую моею обязанностію никого не называть.

— Pour cette fois, je ne vous parle pas comme votre juge, mais comme un gentilhomme votre égal, et je ne conçois pas, pourquoi vous voulez être martyr pour des gens, qui vous ont trahi et vous ont nommé.

— Je ne suis pas ici pour juger la conduite de mes camarades, et je ne dois penser qu'à rem-

---

виновность передъ комитетомъ. Послѣ, когда я у него спрашивалъ объ этомъ, онъ всякій разъ смѣялся и отшучивался вмѣсто отвѣта.

plir les engagements, que j'ai pris en entrant dans la société!

— Всѣ ваши товарищи показываютъ, что цѣль Общества была замѣнить самодержавіе представительнымъ правленіемъ.

— Это можетъ быть, отвѣчалъ я.

— Что вы знаете про конституцію, которую предполагалось ввести въ Россію?

— Про это я рѣшительно ничего не знаю. — Дѣйствительно, про конституцію Никиты Муравьева я не зналъ ничего въ то время и хотя въ бытность мою въ Тульчинѣ, Пестель и читалъ мнѣ отрывки изъ "Русской Правды", но сколько могу припомнить, объ образованіи волостныхъ и сельскихъ обществъ.

— Но какія-же были ваши дѣйствія по Обществу? — продолжалъ Левашевъ.

— Я всего болѣе занимался отысканіемъ способа уничтожить крѣпостное состояніе въ Россіи.

— Что-же вы можете сказать объ этомъ?

— То, что это такой узелъ, который долженъ быть развязанъ правительствомъ или, въ противномъ случаѣ насильственно разорванный, онъ можетъ имѣть самыя пагубныя послѣдствія.

— Но что же можетъ сдѣлать тутъ правительство?

— Оно можетъ выкупить крестьянъ у помѣщиковъ.

— Это невозможно! Вы сами знаете, какъ русское правительство скудно деньгами. —

Затѣмъ послѣдовало опять приглашеніе назвать членовъ Тайнаго Общества и, послѣ отказа, Левашевъ далъ мнѣ подписать измаранный имъ почтовый листокъ; я подписалъ его не читая — Левашевъ пригласилъ меня выйти. Я вышелъ въ ту залу, въ которой висѣла картина Сальватора Розы: "блудный сынъ". При допросѣ Левашева мнѣ было довольно легко и я во все время допроса любовался "святою фамиліей" Доминикина; но когда я вышелъ въ другую комнату, гдѣ ожидалъ меня фельдъ-егерь и когда остался съ нимъ вдвоемъ, то угрозы пытки въ первый разъ смутили меня. Минутъ черезъ десять дверь отворилась и Левашевъ сдѣлалъ мнѣ знакъ войти въ залу, въ которой былъ допросъ! — Возлѣ ломбернаго стола стоялъ новый императоръ. Онъ сказалъ мнѣ, чтобы я подошелъ ближе и началъ такимъ образомъ:

— Вы нарушили вашу присягу?

— Виноватъ, государь.

— Что васъ ожидаетъ на томъ свѣтѣ? проклятіе. Мнѣніе людей вы можете презирать, но

что ожидаетъ васъ на томъ свѣтѣ — должно васъ ужаснуть. Впрочемъ, я не хочу васъ окончательно губить: я пришлю къ вамъ священника. Чтоже вы мнѣ ничего не отвѣчаете?

— Что вамъ угодно, государь, отъ меня?

— Я, кажется, говорю вамъ довольно ясно, если вы не хотите губить ваше семейство и чтобы съ вами обращались какъ съ свиньей, то вы должны во всемъ признаться.

— Я далъ слово не называть никого; все-же что зналъ про себя, я уже сказалъ его превосходительству — отвѣтилъ я указывая на Левашева, стоящаго поодаль въ почтительномъ положенiи.

— Что вы мнѣ съ его превосходительствомъ и съ вашимъ мерзкимъ честнымъ словомъ.

— Назвать, государь, я никого не могу. — Новый императоръ отскочилъ три шага назадъ, протянулъ ко мнѣ руку и сказалъ; „Заковать его такъ, чтобы онъ пошевелиться не могъ". —

Во время этого втораго допроса я былъ спокоенъ; я боялся сначала, что царь уничтожитъ меня, говоря умѣренно и съ участiемъ, что онъ нападетъ на слабыя и ребяческiя стороны Общества, что онъ побѣдитъ великодушiемъ. Я былъ спокоенъ, потому что во время допроса былъ сильнѣе его; но когда по знаку Левашева я вы-

шелъ къ фельдъ-егерю, и фельдъ-егерь повезъ меня въ крѣпость, то мнѣ еще болѣе прежняго стала приходить мысль о пыткѣ; я былъ увѣренъ, что новый императоръ не произнесъ слова: "пытка" только потому, что считалъ это для себя непристойнымъ.

Фельдъ-егерь привезъ меня къ коменданту Сукину; его и меня привели въ небольшую комнату, въ которой была устроена церковь. Воображеніе мое было сильно поражено; прислуга, по случаю траура, одѣтая въ черное, предвѣщала что-то недоброе. Съ фельдъ-егеремъ просидѣлъ я съ полчаса; онъ по временамъ зѣвалъ, закрывая ротъ рукою, а я молилъ объ одномъ — чтобы Богъ далъ мнѣ силы перенести пытку. Наконецъ въ ближнихъ комнатахъ послышался звукъ желѣза и приближеніе многихъ людей. Впереди всѣхъ появился комендантъ съ своей деревянной ногой. Онъ подошелъ къ свѣчкѣ, поднесъ къ ней листокъ почтовой бумаги, и сказалъ съ разстановкой: "Государь приказалъ заковать тебя." На меня кинулось нѣсколько человѣкъ, посадили меня на стулъ и стали надѣвать ручныя и ножныя желѣза. Радость моя была невыразима; я былъ убѣжденъ, что надо мной совершилось чудо: желѣзы еще не совсѣмъ пытка. Меня передали

плацъ-адъютанту Трусову; онъ связалъ вмѣстѣ два конца своего носоваго платка, надѣлъ его мнѣ на голову и повезъ въ Алексѣевскій равелинъ. Переѣзжая подземный мостъ, я вспомнилъ знаменитый стихъ: "Оставьте всякую надежду вы, которые сюда входите." Про этотъ равелинъ говорили, что въ него сажаютъ только "забытыхъ," и что изъ него никто никогда не выходилъ. Изъ саней меня вынули солдаты, принадлежащіе къ командѣ Алексѣевскаго равелина и ввели меня въ 1-ой номеръ. Тутъ я увидѣлъ семидесяти лѣтняго старика, главнаго начальника равелина, подчиненнаго непосредственно императору. Съ меня сняли желѣза, раздѣли, надѣли толстую рубашку въ лохмотьяхъ и такія-же панталоны; потомъ комендантъ сталъ на колѣни, надѣлъ на меня снятыя желѣза, обернулъ наручники тряпкой и надѣлъ ихъ, спрашивая: "Мого-ли я такъ писать?" Я сказалъ, что могу. Послѣ этого комендантъ пожелалъ мнѣ доброй ночи, сказавъ: "Божья милость всѣхъ насъ спасетъ." Всѣ вышли, дверь затворилась и замокъ щелкнулъ два раза.

Комната, въ которую посадили меня, была 6 шаговъ длины и 4 ширины. Стѣны, послѣ наводненія 1824 года, были покрыты пятнами;

стеклы были выкрашены бѣлой краской и внутри отъ нихъ была вдѣлана въ окно крѣпкая желѣзная рѣшетка. Около окна въ углу стояла кровать, на ней былъ тюфякъ и гошпитальное бумажное одѣяло. Возлѣ кровати стоялъ маленькій столикъ, на немъ кружка съ водою — на кружкѣ были вырѣзаны букву "А. Р." Въ другомъ углу, противъ кровати, была печь. Въ третьемъ углу, противъ печи, стольчакъ. Кромѣ того было еще два стула и на одномъ изъ нихъ ночникъ. Когда я остался одинъ, я былъ совершенно счастливъ: пытка миновалась на этотъ разъ. Я имѣлъ время собраться съ духомъ и даже спрашивалъ у себя, что̀ они думали произвести надо мной надѣтыми на меня желѣзами, которыя, какъ я узналъ послѣ вѣсили 23 фунта. Въ 9 часовъ принесли ужинать, при чемъ солдатъ, исполнявшій должность дворецкаго, каждый разъ очень вѣжливо кланялся. Не ѣвши болѣе двухъ сутокъ, я поѣлъ щей съ большимъ удовольствіемъ. Ходить по комнатѣ мнѣ было нельзя, потому что въ желѣзахъ это было неудобно, и я опасался, что звукъ желѣзъ произведетъ непріятное чувство въ сосѣдяхъ. Я легъ спать и спалъ-бы очень спокойно, ежели-бы порой не пробуждали меня наручники.

На другой день, по заведенному въ равелинѣ

порядку, по утру явился комендантъ равелина въ сопровожденіи унтеръ-офицера и ефрейтора. Онъ спросилъ объ моемъ здоровьѣ и отправился далѣе по казематамъ. Все утро я не вставалъ съ постели; часовъ въ 12 услышалъ я приближающіеся къ двери шаги и сдѣланный почти шопотомъ вопросъ: "Кто здѣсь сидитъ?" На этотъ вопросъ отвѣчано: „Дмитріевъ." Дверь разтворилась и взошелъ рослый, старый и бѣлый какъ лунь, протопопъ петропавловскаго собора Стахій. Я съ ногами сидѣлъ на кровати. Онъ взялъ стулъ и, проговоривъ что-то на счетъ моего жалкаго положенія, сказалъ, что его прислалъ государь. За тѣмъ начался формальный допросъ и увѣщаніе:

— Всякій-ли годъ бываете у исповѣди и святаго причастія?

— Я не исповѣдывался и не причащался 15 лѣтъ.

— Конечно, это случилось, потому что вы были заняты обязанностями службы и не имѣли времени исполнить этого христіанскаго долга?

— Я уже восемъ лѣтъ какъ въ отставкѣ, и не исповѣдывался и не причащался, потому что не хотѣлъ исполнять это, какъ обрядъ, зная что въ Россіи болѣе, нежели гдѣ-нибудь оказываютъ

терпимость къ религіознымъ мнѣніямъ: словомъ, я не христіанинъ. —

Стахій увѣщевалъ меня какъ умѣлъ, и наконецъ напомнилъ о томъ, что ожидаетъ меня на томъ свѣтѣ.

— Ежели вы вѣрите въ божественное милосердіе, сказалъ я ему, то вы должны быть увѣрены, что мы всѣ будемъ прощены: и вы, и я, и мои судьи. —

Этотъ старикъ былъ добрый человѣкъ; онъ заплакалъ и сказалъ мнѣ, что ему очень жалко, что онъ не можетъ быть мнѣ полезенъ. Тѣмъ наше свиданіе и кончилось. Стахій вышелъ. Воображеніе мое разыгрывалось болѣе и болѣе и по временамъ доходило до какой-то восторженности; когда появился Стахій, онъ мнѣ напомнилъ собой инквизитора въ "Донъ-Карлосѣ," но послѣ разговора я узналъ въ немъ весьма простаго русскаго попа. Послѣ его ухода, вмѣсто обѣда, ефрейторъ съ обыкновенною вѣжливостію принесъ кусокъ чернаго хлѣба, за который я его поблагодарилъ также вѣжливо. Этотъ день прошелъ безъ дальнѣйшихъ приключеній.

На третій день по утру (16 Января) взошелъ ко мнѣ съ обыкновенной свитой плацъ-адъютантъ Трусовъ. Кромѣ священника, всѣ

должны были входить въ казематъ въ сопровожденіи ефрейтора и унтеръ-офицера. Трусовъ принесъ мою трубку и табакъ. Узнавши отъ меня, что они не принадлежатъ мнѣ — онъ унесъ ихъ назадъ. Въ то время я никакъ не догадался, что это было что-то въ родѣ искушенья. Въ тотъ-же день вечеромъ неожиданно распахнулись двери и ко мнѣ вошелъ еще болѣе рослый, чѣмъ Стахій, протопопъ казанскаго собора П. Н. Мысловскій. Пріемы его были совсѣмъ другіе; онъ бросился ко мнѣ на шею, обнялъ меня съ нѣжностію и просилъ, чтобы я переносилъ свое положеніе съ терпѣніемъ и чтобы я помнилъ, какъ страдали Апостолы и первые Отцы церкви.

— Батюшка, спросилъ я его, вы пришли ко мнѣ по порученію правительства? —

Это его нѣсколько озадачило.

— Конечно, безъ позволенія правительства я не могъ-бы посѣтить васъ, отвѣчалъ онъ; но въ вашемъ положеніи вы бы, вѣроятно, обрадовались, ежели-бы какимъ-нибудь образомъ забѣжала къ вамъ даже собака, и потому я полагалъ, что мое посѣщеніе не можетъ быть излишне.

— Конечно, въ моемъ положеніи посѣщеніе человѣка, который-бы пришелъ ко мнѣ побесѣдовать, могло быть для меня очень пріятно; но вы

священникъ, и поэтому я почитаю своею обязанностью на первый разъ нашего знакомства объясниться съ вами откровенно. Какъ священникъ вы не можете доставить мнѣ никакаго утѣшенья, тогда какъ для нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей посѣщенія ваши могутъ быть очень утѣшительны, и вы можете облегчить ихъ положеніе.

— Мнѣ нѣтъ дѣла, отвѣчалъ Мысловскій, какой вы вѣры; я знаю только, что вы страдаете, и очень буду счастливъ, ежели мои посѣщенія не какъ священника, а какъ человѣка могутъ быть для васъ хоть сколько-нибудь пріятны. —

Послѣ такого объясненія, я подалъ ему руку и поблагодарилъ его.

Онъ являлся ко мнѣ потомъ всякій день и въ нашихъ разговорахъ не было и рѣчи о религіи. Велъ себя онъ со мной просто и безъ малѣйшихъ фразъ. Пройдя пѣшкомъ отъ казанскаго собора до крѣпости и обойдя много казематовъ, онъ ѣлъ съ большимъ аппетитомъ ломоть рѣшетнаго хлѣба, запивая его славной невской водой, которую впослѣдствіи мы называли нашимъ шампанскимъ.

Кажется, на 7-ой день моего пребыванія въ равелинѣ, я услышалъ очень явственно шаги двухъ человѣкъ, подходившихъ къ моей двери. Въ двери было небольшое стекляное окошко,

изнутри загороженное желѣзной рѣшеткой, а снаружи закрытое зеленымъ фланелевымъ мѣшкомъ. Обыкновенно часовые подходили къ этому окну въ валеныхъ башмакахъ и едва раздвигали мѣшокъ, чтобы осмотрѣть каземать, такъ что почти никогда нельзя было замѣтить ихъ приближенья и осмотра. На этотъ разъ весь мѣшокъ былъ поднятъ и я могъ явственно видѣть усъ и часть лица Левашева, который сказалъ кому-то: Celui-ci a les vers aux bras et aux pieds. Меня увѣряли впослѣдствіи, что другой былъ царь, что не совсѣмъ вѣроятно, но очень можетъ быть, что это былъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Въ этотъ вечеръ, черезъ три номера отъ меня, противъ обыкновенной тишины въ равелинѣ происходилъ довольно долго продолжавшійся шумъ. Я узналъ отъ Мысловскаго, что въ эту ночь вынесли изъ равелина несчастнаго Булатова полоумнаго и полуживаго. Впродолженіи 8 дней ни ласки, ни угрозы не могли заставить его съѣсть что-нибудь. Его отвезли въ сухопутный гошпиталь, гдѣ онъ на другой или на третій день умеръ. Передъ смертію ему было дозволено свиданіе съ двумя малолѣтними дочерями, страстно имъ любимыми. Дочери не узнали его и убѣжали отъ него съ ужасомъ.

На другой день вечеромъ послѣ того, какъ всѣ двери были уже заперты, взошелъ ко мнѣ тихо ефрейторъ и подалъ мнѣ крупитчатую булку; онъ просилъ меня отъ имени офицера непремѣнно съѣсть ее всю, потому что если на другое утро найдутъ у меня хоть кусочекъ отъ этой булки, то офицеру можетъ быть за это худо. Я, со своей стороны, просилъ ефрейтора унести булку, но онъ оставилъ ее на столѣ и ушелъ. Мнѣ ничего другаго не оставалось, какъ съѣсть ее, хоть ѣсть мнѣ вовсе не хотѣлось. Послѣдствіемъ такой любезности со стороны офицера было то, что у меня сдѣлались жестокія спазмы въ желудкѣ; я простоналъ цѣлую ночь и только утромъ меня облегчила сильная рвота.

При обыкновенномъ утреннемъ посѣщеніи явился ко мнѣ крѣпостной докторъ и спросилъ меня о моемъ здоровьѣ. Я сказалъ, что у меня были спазмы, но что мнѣ теперь лучше. Онъ совѣтывалъ мнѣ воздерживаться отъ сухой пищи, на что я ему отвѣчалъ, что я всегда заливаю хлѣбъ водой. Часа черезъ два взошелъ ко мнѣ петропавловскій комендантъ Сукинъ; изъявивъ предварительно сожалѣнье о моемъ положеніи, онъ со слезами на глазахъ просилъ меня сжалиться надъ собой и назвать всѣхъ своихъ това-

рищей. Я отвѣчалъ ему, что назвать своихъ товарищей ни для него, ни для кого на свѣтѣ я не могу. Впрочемъ я былъ тронутъ слезами старика и мнѣ было жаль, что я не имѣлъ возможности сдѣлать ему пріятнаго. Онъ много распространился о томъ, какой у насъ добрый царь, и назвалъ его даже ангеломъ. Я отвѣчалъ ему: дай Богъ, чтобы это было правда.

— Вы затѣяли пустое, говорилъ онъ, Россія обширный край, который можетъ управляться только самодержавнымъ царемъ. Если-бы даже и удалось 14-ое, то за нимъ послѣдовало-бы столько безпорядковъ, что едва-ли черезъ 10 лѣтъ все пришло-бы въ порядокъ.

— Мы никогда и не предполагали, отвѣчалъ я ему, устроить все съ перваго разу. —

Во все это время я сидѣлъ съ ногами на кровати, а старикъ стоялъ передо мной на своей деревянной ногѣ. Окончивъ свои разсужденія, онъ сказалъ: "Несмотря на ваше упорство, я велю вамъ дать обѣдать. А такъ какъ вы давно не употребляли скоромной пищи, то я велю прежде напоить васъ чаемъ." Я увѣрялъ его, что это нисколько не нужно, но онъ не слушая меня повторилъ еще разъ, что велитъ напоить меня чаемъ и принести мнѣ обѣдать. Въ этотъ-же

день мнѣ дали очень жидкаго чаю и щей съ говядиной, которыхъ я почти не ѣлъ. Когда вечеромъ пришелъ ко мнѣ Мысловскій, я разсказалъ ему все бывшее между мной и комендантомъ и чистосердечно отозвался объ немъ, какъ о весьма добромъ человѣкѣ. На это Мысловскій замѣтилъ, что главная доброта коменданта состоитъ въ желаніи, чтобы я не умеръ отъ сухой ѣды, какъ умеръ Булатовъ отъ голоду, и что вообще члены слѣдственной коммиссіи очень хлопочутъ о томъ, чтобы никто изъ насъ не умеръ до окончанія дѣла.

Я понялъ, что въ этихъ словахъ много правды.

На другой день зашелъ ко мнѣ Трусовъ и объявилъ мнѣ отъ имени коменданта, что я такъ упрямъ, что его превосходительство никогда болѣе не придетъ ко мнѣ.

Мнѣ часто приходили на умъ жена и сынъ, но какъ такія мысли не были утѣшительны въ моемъ положеніи, то я отгонялъ ихъ отъ себя.

Въ первыхъ числахъ Февраля, Трусовъ принесъ мнѣ письмо отъ жены, въ которомъ она извѣщала, что она благополучно родила сына, и что она и дѣти здоровы. Прочтя это письмо, я чуть не сошелъ съ ума; я такъ былъ счастливъ,

что бросился къ двери, стучалъ кулакомъ и требовалъ къ себѣ офицера. Намѣреніе мое было потребовать бумаги и перо и изъявить за мое счастье искреннюю благодарность царю, приславшему мнѣ письмо. Въ это время офицера не было въ равелинѣ, и письмо мое осталось не написаннымъ. Я былъ совершенно покоенъ, не имѣя болѣе надобности отгонять отъ себя мысли о семействѣ, и считалъ себя самымъ счастливымъ человѣкомъ во всемъ Петербургѣ. Послѣ ужина я долго не могъ уснуть, и только что началъ дремать, дверь съ шумомъ растворилась и Трусовъ вошелъ ко мнѣ съ обыкновенной свитой. Мнѣ принесли мое платье и шубу, сняли съ меня желѣза, и когда я одѣлся, то надѣли ихъ опять. Трусовъ взялъ у офицера 4 ключа отъ моихъ замковъ. По его совѣту я сдѣлалъ изъ носоваго платка подвязку посредствомъ которой держалъ ножныя желѣза. Трусовъ накинулъ мнѣ на голову свой носовой платокъ и повезъ меня въ домъ къ коменданту. Тутъ изъ рукъ его кто-то принялъ меня и посадилъ за ширмы, не смотря на которыя и на платокъ, я могъ видѣть прислугу, носившую блюда въ боковую комнату. Около полуночи меня взяли за руку и повели въ тѣ комнаты, въ которыхъ передъ этимъ ужинали.

Въ первой изъ этихъ комнатъ я ничего не могъ видѣть сквозь платокъ, кромѣ множества свѣчей и столовъ, за которыми сидѣли люди и писали. Изъ этой комнаты меня привели въ довольно большую залу, также очень ярко освѣщенную. Руку мою опустили, я остановился и съ меня зняли платокъ. Я стоялъ посреди комнаты, шагахъ въ 10 отъ меня стоялъ столъ, покрытый краснымъ сукномъ. На крайнемъ концѣ его сидѣлъ предсѣдатель слѣдственной коммиссіи Татищевъ, рядомъ съ нимъ великій князь Михаилъ Павловичъ; съ боку отъ Татищева сидѣли князь Голицынъ (Александръ Николаевичъ) и Дибичъ; 3-ій стулъ былъ порожній (Левашева), 4-ое мѣсто занималъ Чернышевъ. По другую сторону стола около великаго князя сидѣлъ Голенищевъ-Кутузовъ, потомъ Бенкендорфъ, Потаповъ и полковникъ флигель-адъютантъ Адлербергъ, который, не будучи членомъ коммиссіи, записывалъ все сколько-нибудь важное, чтобы тотчасъ доставлять императору свѣденія о ходѣ дѣла. Когда сняли съ меня платокъ, съ минуту во всей комнатѣ продолжалось молчаніе. Наконецъ Чернышевъ махнулъ мнѣ пальцемъ и весьма торжественнымъ голосомъ сказалъ: "приближтесь." Подходя къ

столу, я нарушилъ моими цѣпями тишину въ комнатѣ. Начался опять формальный допросъ.

Чернышевъ спросилъ у меня: всякій-ли годъ я бываю на исповѣди и у св. причастія? Я отвѣчалъ ему тоже, что Стахію.

— Присягали-ли вы императору Николаю Павловичу?

— Нѣтъ, не присягалъ.

— Почему-же вы не присягали?

— Я не присягалъ потому, что присяга происходитъ съ такими обрядами и съ такою клятвою, что я считалъ ее для себя неприличною, тѣмъ болѣе что я нисколько не вѣрю святости такой клятвы. —

Только при появленіи моемъ въ комитетъ я вполнѣ понялъ, что доставивши мнѣ письмо отъ жены, меня котѣли поймать въ ловушку; я смотрѣлъ на всѣхъ членовъ коммиссіи съ какимъ-то омерзѣніемъ.

Чернышевъ просилъ меня назвать членовъ Тайнаго Общества, но я отвѣчалъ ему тоже, что и Левашеву.

— Что-же можетъ васъ заставлять такъ сильно упорствовать въ этомъ случаѣ? спросилъ Чернышевъ.

— Я уже сказалъ, что далъ слово не называть никого.

— Вы хотите спасти вашихъ товарищей, но это вамъ не удастся.

— Еслибъ я думалъ о спасеніи кого-нибудь, то вѣроятно постарался-бы спасти себя и не разсказалъ-бы того, что̀ разсказалъ генералу Левашеву.

— Себя, милостивый государь, вы спасти не можете. Комитетъ долженъ вамъ объявить, что ежели онъ спрашиваетъ у васъ имена вашихъ товарищей, то единственно потому, что желаетъ доставить вамъ возможность облегчить свою судьбу. И такъ какъ вы упорствуете, то комитетъ назоветъ вамъ всѣхъ членовъ Тайнаго Общества, бывшихъ въ 1818 году на совѣщаніи, на которомъ рѣшено было убить покойнаго императора. Тутъ были: Александръ, Никита, Сергѣй и Матвѣй Муравьевы, Лунинъ, фонъ Визинъ, и Шаховской. Иные изъ вашихъ товарищей показываютъ, что на васъ палъ жребій нанести ударъ императору, а другіе-что вы сами вызвались на это.

— Послѣднее показаніе справедливо, и я точно вызвался самъ.

— Какое ужасное положеніе, сказалъ князь

Голицынъ, имѣть душу, обремененную такою грѣховностью! Былъ-ли у васъ священникъ?

— Да, священникъ приходилъ ко мнѣ. —

Въ это время, дремавшій прежде, Кутузовъ проснулся и, съ просонья не разобравъ въ чемъ дѣло, воскликнулъ: какъ, онъ и попа не хотѣлъ пустить къ себѣ?

Голицынъ его успокоилъ, сказавши, что у меня былъ священникъ.

Когда я объявилъ на вопросъ одного изъ членовъ, что я совсѣмъ не православный христіанинъ, то Дибичъ (лютеранинъ) воскликнулъ: такъ, мы умнѣе нашихъ предковъ; гдѣ-же намъ вѣрить и дѣйствовать, какъ вѣрили и дѣйствовали отцы наши.

— Сначала вы были, продолжалъ допросъ Чернышевъ, однимъ изъ самыхъ ревностныхъ членовъ; что-же заставило васъ удалиться отъ Общества?

— По полученіи письма отъ Трубецкова, которое всѣхъ насъ такъ встревожило, и послѣ общаго мнѣнія, что Россія не можетъ быть болѣе несчастною, какъ подъ управленіемъ императора Александра, я объявилъ, что въ этомъ случаѣ каждый долженъ дѣйствовать отдѣльно по своей совѣсти, а не такъ какъ членъ Тайнаго Общества,

— и сказалъ, что я рѣшился убить императора. Въ тотъ вечеръ, въ который было это совѣщаніе, никто не сопротивлялся моему намѣренію; на другой день вечеромъ собрались всѣ тѣ-же члены и умоляли меня не приводить въ исполненіе моего намѣренія: но я сказалъ имъ, что они не имѣютъ никакого права препятствовать мнѣ, что я буду дѣйствовать совершенно независимо отъ Тайнаго Общества, и что никакъ не могу отказаться совершить то, что они вчера сами находили необходимымъ. Послѣ упорныхъ, нѣсколько разъ повторенныхъ просьбъ отложить намѣреніе, которое по ихъ мнѣнію могло погубить всѣхъ, я согласился и сказалъ, что не принадлежу болѣе къ ихъ Обществу, потому что они или возбудили меня вчера къ самому ужасному преступленію, или сегодня лишаютъ возможности совершить самое прекрасное дѣло, какое только возможно для человѣка истинно любящаго Россію.

— Не было-ли кого, спросилъ Чернышевъ, кто-бы при самомъ началѣ уговаривалъ васъ отказаться отъ вашего намѣренія?

— Точно; Михайло фонъ Визинъ, съ которымъ я жилъ въ то время вмѣстѣ, уговаривалъ меня въ продолженіи всей ночи. Я назвалъ фонъ Визина, думая, что мое показаніе можетъ быт

ему полезно. По окончаніи этого допроса мнѣ опять пришла мысль о пыткѣ, и я былъ почти убѣжденъ, что на этотъ разъ мнѣ ее не миновать; но къ крайнему моему удивленію Чернышевъ, очень грозно смотрѣвшій на меня во время допроса, взглянулъ улыбаясь на великаго князя Михаила Павловича и потомъ сказалъ мнѣ довольно кротко, что мнѣ зададутся вопросы письменно, и что я долженъ буду отвѣчать также письменно.

Мнѣ надѣли на глаза платокъ и отвезли обратно въ равелинъ.

На другой день утромъ Трусовъ привезъ мнѣ письменные вопросы отъ комитета. Вопросы были тѣ-же самые, которые мнѣ предлагались изустно наканунѣ. Тутъ опять былъ отдыхъ. Я хорошо зналъ, что пока я буду писать отвѣты, меня оставятъ въ покоѣ. Мнѣ дали перо и чернилицу и я писалъ отвѣты, медленно — кажется дней 10. Въ продолженіи этого времени Трусовъ заходилъ ко мнѣ нѣсколько разъ, чтобы спросить, кончилъ-ли я. На все я отвѣчалъ тоже, что и въ комитетѣ; но когда мнѣ пришлось отвѣчать на вопросъ, кто извѣстенъ мнѣ изъ членовъ Тайнаго Общества, то меня взяло раздумье. Кромѣ тѣхъ лицъ, которыхъ мнѣ назвалъ комитетъ, мнѣ-бы

пришлось назвать очень немногихъ, и назвавши этихъ немногихъ, я не подвергалъ-бы почти никакой опасности, потому что одни изъ нихъ были за границей, другіе слишкомъ мало принимали участія въ дѣлахъ Общества. Тутъ мнѣ представилось, что я разыгрываю роль Донъ-Кихота, вышедшаго съ обнаженной шпагою противъ льва, который, увидавши его, зѣвнулъ, отвернулся и спокойно улегся. Тутъ мнѣ представилось мое семейство, соединеніе съ которымъ я дѣлалъ невозможнымъ и можетъ быть изъ пустаго тщеславія. Въ это время Мысловскій по прежнему посѣщалъ меня ежедневно; мы съ нимъ очень сблизились; онъ мнѣ приносилъ письма отъ моихъ. Подосланный правительствомъ, онъ совершенно перешелъ на нашу сторону. Сначала я рѣшительно не хотѣлъ читать принесенныхъ имъ писемъ, опасаясь, чтобы изъ этого не вышло бѣды для него; но онъ ужасно этимъ обидѣлся и сказалъ мнѣ, что онъ никогда не сочтетъ преступленіемъ служить ближнему, который находится въ такомъ положеніи, какъ я. Во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ дѣйствовалъ такъ ловко и рѣшительно, что я наконецъ за него успокоился и черезъ него переписывался съ своими. Бывши въ раздумьи — назвать мнѣ или нѣтъ извѣстныхъ мнѣ чле-

новъ Тайнаго Общества, я попросилъ совѣта у Мысловскаго. Можно было подумать, что онъ только и ждалъ этого вопроса. Онъ отвѣчалъ мнѣ и даже нѣсколько торжественно, что я веду себя не совсѣмъ благородно, и тогда какъ всѣ признались, я моимъ упорствомъ могу только замедлить ходъ дѣла въ комитетѣ. На что я могъ ему отвѣтить только: "Такъ и вы батюшка, тоже противъ меня; я этого не ожидалъ отъ васъ." При этихъ словахъ онъ бросился меня обнимать и сказалъ: "Любезный другъ, поступайте по совѣсти и какъ Богъ вамъ внушитъ".

Я наконецъ отправилъ мои отвѣты, не назвавши никого; но я самъ чувствовалъ, что прежнее намѣреніе мое не называть никого слабѣло съ каждымъ часомъ. Тюрьма, желѣза и другаго рода истязанья произвели свое дѣйствіе, они развратили меня. — Отсюда начался цѣлый рядъ сѣлокъ съ самимъ собой, цѣлый рядъ придуманныхъ мною-же софизмовъ. Я старался себя увѣрить, что назвавши извѣстныхъ мнѣ членовъ Тайнаго Общества, я никому не могу повредить, но многимъ могу быть полезенъ своими показаніями.

Отославши отвѣты, въ которыхъ я никого не назвалъ, на другой день я потребовалъ пера и

бумаги и написалъ въ комитетъ, что я наконецъ убѣдился, что не называя никого я лишаю себя возможности быть полезнымъ для тѣхъ, которые-бы сослались на меня для своеге оправданія. Это былъ первый шагъ въ тюремномъ развратѣ.

Разумѣется, я тотчасъ-же получилъ вопросные пункты, на которые я такъ долго отказывался отвѣчать. Я назвалъ тѣ лица, которыя самъ комитетъ назвалъ мнѣ и еще два лица: генерала Пассека, принятаго мною въ Общество и П. Чаадаева. Первый умеръ въ 1825 году; второй былъ въ это время за границей. Для обоихъ судъ былъ не страшенъ.

Послѣ этого я оставался долго забытымъ.

Наступилъ великій постъ; у меня спросили, что я буду ѣсть: постное или скоромное. Я отвѣчалъ, что мнѣ все равно, и меня цѣлый постъ кормили щами со снятками. Мысловскій по прежнему навѣщалъ меня, но никогда не заводилъ со мной религіознаго разговора. Однажды мнѣ случилось сказать ему почему-то, что правительство дѣйствительно ничего не требуетъ, но что многихъ людей, которые были крещены въ православной вѣрѣ и которые оказались впослѣдствіи не православными, ссылали въ Соловку, или другіе монастыри на заключеніе.

Этими словами Мысловскій отворилъ мнѣ еще одинъ выходъ къ соблазну. Я началъ разсуждать очень основательно, что ежели правительство требуетъ отъ православныхъ, чтобы они всегда оставались православными, то слѣдовательно оно требуетъ только одного соблюденія обрядовъ. На шестой недѣлѣ поста я прямо сказалъ Мысловскому, что я желаю исповѣдаться и причаститься — "Любезный другъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, я самъ давно хотѣлъ предложить вамъ это, но зная васъ никакъ не смѣлъ". — Было положено, что онъ прійдетъ ко мнѣ въ вербное воскресенье съ дарами, и въ самомъ дѣлѣ въ этотъ день онъ явился ко мнѣ въ эпитрахили. Онъ хотѣлъ было начать формальностью, но я прямо сказалъ, что онъ знаетъ мое мнѣніе на этотъ счетъ. Послѣ этого онъ только спросилъ у меня: вѣрю-ли я Богу? Я отвѣчалъ утвердительно. Онъ пробормоталъ про себя какую-то молитву и причастилъ меня. Впослѣдствіи я узналъ, что этотъ день былъ для казанскаго протопопа днемъ великаго торжества. Въ моемъ казематѣ онъ велъ себя, какъ самый простой, очень не глупый и весьма добрый человѣкъ, но за то, внѣ стѣнъ крѣпости, онъ велъ свои дѣла не совсѣмъ для себя безвыгодно. Онъ не могъ удержаться отъ искушенія и разсказалъ

всѣмъ, что онъ обратилъ въ христіанство самаго упорнаго безбожника.

Въ вербное воскресенье вечеромъ, когда я уже началъ засыпать, часовъ въ 10, взошелъ ко мнѣ обыкновеннымъ порядкомъ плацъ-маіоръ Подушкинъ; онъ развернулъ бумагу и прочелъ при всѣхъ присутствующихъ, что государь императоръ приказалъ снять съ меня оковы. Съ меня сняли ножныя кандалы, послѣ чего Подушкинъ объявилъ, что ручныя останутся на мнѣ. Первое время мнѣ было не ловко безъ ножныхъ оковъ; я былъ обезсиленъ долгимъ содержаніемъ, и наручники иногда совершенно перевѣшивали меня впередъ. Въ свѣтлое воскресенье вечеромъ, также въ 10 часовъ, посѣщеніе Подушкина повторилось, и онъ опять по прежнему произнесъ, что императоръ велѣлъ снять съ меня наручники. Послѣ этого цѣлый мѣсяцъ меня не тревожили, время тянулось съ страшною медленностію, но не безъ радостныхъ минутъ. Когда я жилъ въ Москвѣ теща моя Н. Н. Шереметьева требовала отъ меня, чтобы я каждое воскресенье обѣдалъ у ея брата И. Н. Тютчева, отца Ѳ. И Тютчева и Д. И., вышедшей за Сушкова. За этими обѣдами я проводилъ самыя скучныя минуты въ моей жизни, но отказаться отъ нихъ было невозможно

это было-бы ужасное огорченье для Н. Н. Шереметьевой. Когда въ воскресенье солдатъ приносилъ мнѣ крѣпостныхъ щей, я всегда вспоминалъ съ удовольствіемъ, что не пойду обѣдать къ Тютчевымъ.

Въ Маѣ мѣсяцѣ я неожиданно получилъ новый вопросъ изъ комитета о томъ, въ чемъ состоялъ разговоръ полковника Митькова съ Мухановымъ по полученіи извѣстія о 14 Декабря? Я совершенно пропалъ. Въ этомъ разговорѣ Муханов предлагалъ ѣхать въ Петербургъ и убить императора. Сказать, что я не былъ при этомъ разговорѣ, было невозможно. Мнѣ-бы могли доказать, что я лгу, и потомъ можетъ быть не повѣрили-бы, еслибъ я сказалъ что-нибудь въ пользу Муханова. Я видѣлъ Муханова только одинъ разъ у Михаила Орлова, онъ вызвался и у него убить императора. Услышавъ этотъ вызовъ, М. Орловъ взялъ его за ухо и поцѣловалъ за такое намѣреніе въ лобъ. Потомъ Орловъ просилъ меня отвести Муханова къ Митькову.

Мнѣ показалась одна возможность спасти Муханова: описать мое свиданіе съ нимъ у Орлова и Митькова, не показывая разумѣется, что Орловъ цѣловалъ его; но описать то что̀ по словамъ Муханова я былъ увѣренъ, что онъ ни-

когда не принадлежалъ къ Тайному Обществу, и потому въ моихъ показаніяхъ не назвалъ его, что многорѣчивый вызовъ его отправиться въ Петербургъ всѣ присутствующіе выслушали какъ пустую болтовню, и на нее никто не обратилъ вниманія. Отправивъ такой отзывъ въ комитетъ, я нисколько не успокоился; а чувствовалъ, что я былъ, хотя и невинной причиной, можетъ быть, совершенной гибели Муханова. Положеніе мое было ужасное, это были минуты самыя тяжелыя изъ всѣхъ лѣтъ моего заточенія. Я рѣшился написать къ императору и разсказать въ письмѣ все, что̀ уже отвѣчалъ въ комитетѣ и объяснить ему какимъ образомъ Мухановъ черезъ меня попалъ къ Митькову. Я просилъ наложить на меня какое угодно наказанье, но избавить Муханова отъ отвѣтственности въ дѣлѣ, въ которомъ онъ участвовалъ одной болтовней. *)

На другой день меня повезли въ комитетъ. За краснымъ столомъ сидѣлъ одинъ Чернышевъ. Онъ торжественно прочелъ мнѣ мое показаніе,

---

*) Не могу навѣрное утверждать, что это письмо имѣло хорошее послѣдствіе для Муханова. Но наказаніе для него, можетъ быть и независимо отъ моего письма, было значительно смягчено.

это было-бы ужасное огор[illegible] въ которомъ еще метьевой. Когда въ [illegible]ыу М. Орлова, чѣмъ силъ мнѣ крѣпостг [illegible] спросилъ меня потомъ, съ удовольствіем[illegible] мое показаніе? Я отвѣвымъ.

Въ Маѣ м[illegible] его.

Въ [illegible]ная обязанность всегда гововый вопрос[illegible] сказалъ онъ. — состоялъ р[illegible] меня вывели въ другую комнату, хановым[illegible] слышалъ разговоръ Чернышева съ Я сове[illegible] Мухановымъ. хановъ[illegible] Это была страшная для меня минута. Я ожиимпе[illegible]ъ, какъ пытки, очной ставки съ Мухановымъ раз[illegible] вздохнулъ свободно только тогда, когда по ка[illegible] прочтеніи моего показанія Мухановъ сказалъ: [illegible] "Я не запираюсь, что я говорилъ вздоръ, но намѣренье совершить преступленье я никогда не имѣлъ."

Меня отвели въ равелинъ, и съ этихъ поръ меня не тревожили до окончанія слѣдствія.

Когда слѣдственная коммиссія поднесла свое донесеніе императору, все дѣло поступило въ верховный уголовный судъ.

Во время суда мнѣ дозволены были свиданія съ Н. Н. Шереметьевой, а потомъ съ женою и сыновьями. Съ наступленіемъ лѣта всѣхъ содер[illegible]шихся въ равелинѣ поочередно пускали гулять

енькой трехугольный садикъ, находящійся
авелина. Въ этомъ саду есть могила:
по крѣпостному преданію, похоронена
жна Тараканова, дочь императрицы Елизаветы
Петровны и Разумовскаго, предательски увезенная графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ изъ Италіи. По прибытіи въ Россію княжна Тараканова была посажена въ равелинъ; она утонула къ казематѣ во время наводненія, бывшаго въ семидесятыхъ годахъ.

Въ началѣ Іюля меня повели въ домъ коменданта. Я уже зналъ черезъ Мысловскаго, что насъ позовутъ въ верховный уголовный судъ для свидѣтельства всѣхъ нашихъ показаній. Меня привели въ небольшую комнату, гдѣ за столомъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ сидѣлъ бывшій министръ в. д., князь Ал. Бор. Куракинъ: на право и на лѣво отъ него сидѣло еще человѣкъ 6, членовъ суда. Бенкендорфъ присутствовалъ, какъ депутатъ отъ комитета.

Сенаторъ Барановъ очень вѣжливо предложилъ пересмотрѣлъ лежащія передъ нимъ бумаги и спросилъ — "мои-ли это показанія?" Прочесть всѣ эти бумаги было невозможно въ короткое время, да и къ тому-жъ я очень понималъ, что меня не затѣмъ призвали, потому что 121 подсу-

димыхъ должны были въ одни или не болѣе какъ въ двое сутокъ повѣрить всѣ свои показанія и бумаги. Я перелиставалъ кое-какъ бумаги, которыхъ Барановъ даже не выпускалъ во все время изъ рукъ, и видѣлъ на иныхъ листахъ свой почеркъ, на другихъ почеркъ мнѣ совершенно незнакомый. Барановъ предложилъ мнѣ что-то подписать, и я подписалъ его листокъ, не читая. Въ этомъ случаѣ верховный уголовный судъ хотѣлъ сохранить ежели не самую форму, требуемую въ судебныхъ мѣстахъ, то по крайней мѣрѣ хоть тѣнь этой формы.

15 Іюля, часу въ 1-мъ, меня опять повели въ домъ коменданта, и на этотъ разъ я очень былъ удивленъ, когда Трусовъ, приведя меня въ одну проходную комнату, исчезъ, и я очутился съ глаза на глазъ съ Никитой и Матвѣемъ Муравьевыми и Волконскимъ. Тутъ было еще два лица, мнѣ незнакомыя. Одно въ адъютантскомъ мундирѣ — это былъ Александръ Бестужевъ (Марлинскій); другое въ самомъ смѣшномъ нарядѣ, какой только можно себѣ представить — это былъ Вильгельмъ Кюхельбекеръ (издатель *Мнемозины*). Онъ былъ въ той-же одеждѣ, въ которой его взяли при входѣ въ Варшаву — въ изорванномъ тулупѣ и теплыхъ сапогахъ. Свя-

даніе съ Муравьевыми и въ особенности разговоръ съ Никитой были для меня истиннымъ наслажденіемъ. Матвѣй былъ мраченъ; онъ предчувствовалъ, что ожидало его брата. Кромѣ Матвѣя, никто не былъ мраченъ. О себѣ я не могъ судить — похудѣлъ-ли я во время 6-мѣсячнаго заключенія, но я былъ истинно пораженъ худобой не только присутствующихъ товарищей, но и всѣхъ подсудимыхъ, которыхъ проводили черезъ нашу комнату. Вскорѣ явился Мысловскій, отозвалъ меня въ сторону и сказалъ: "Вы услышите о смертномъ приговорѣ — не вѣрьте, чтобы совершилась казнь."

Нѣкоторое время мы оставались въ шестеромъ въ нашей комнатѣ; потомъ Трусовъ провелъ насъ черезъ рядъ пустыхъ комнатъ, и мы прошли въ Верховный Уголовный Судъ.

Митрополиты, архіереи, члены государственнаго совѣта и генералы сидѣли за краснымъ столомъ; за ними стоялъ сенатъ. Всѣ были обращены лицемъ къ подсудимымъ. Насъ 6-хъ выстроили гуськомъ. Министръ юстиціи князь Лобановъ очень хлопоталъ, чтобы все происходило надлежащимъ образомъ.

Передъ столомъ стоялъ пюпитръ на одной ножкѣ; на немъ лежали бумаги.

Оберъ-секретарь, пресмѣшной наружности первоначально сдѣлалъ намъ перекличку, и когда Кюхельбекеръ нескоро откликнулся на свое имя, то Лобановъ закричалъ повелительнымъ голосомъ: "Да отвѣчайте-же, да отвѣчайте-жъ!" Потомъ началось чтеніе приговора. Когда прочли мое имя въ числѣ приговоренныхъ къ смертной казни, мнѣ показалось это только смѣшнымъ фарсомъ — и въ самомъ дѣлѣ намъ всѣмъ 6-мъ смертная казнь была замѣнена ссылкою въ каторжныя работы на 20 лѣтъ. Послѣ этого меня отвели опять въ 1-ой номеръ равелина. Священникъ обѣщался зайти ко мнѣ и не зашелъ. Едва успѣли меня раздѣть, какъ явился крѣпостной докторъ — съ вопросомъ о моемъ здоровьѣ. Я сказалъ, что у меня немного зубъ болитъ; онъ удивился и ушелъ. Его послали ко всѣмъ бывшимъ въ судѣ, чтобы подать помощь тѣмъ, которые занемогли, выслушавъ приговоръ.

Ужинъ-же дали не много ранѣе обыкновеннаго, и я тотчасъ-же крѣпко заснулъ. Въ полночь меня разбудили, принесли платье, одѣли меня и вывели на мостъ, который идетъ отъ равелина къ крѣпости. Здѣсь я встрѣтилъ опять Никиту Муравьева и еще нѣсколькихъ знакомыхъ. Всѣхъ насъ повели въ крѣпость; изо всѣхъ концевъ,

изо всѣхъ казематовъ вели приговоренныхъ. Когда всѣ собрались — насъ повели подъ конвоемъ отряда павловскаго полка черезъ крѣпость въ петровскія ворота. Вышедши изъ крѣпости, мы увидѣли влѣво что-то странное и въ эту минуту никому непоказавшееся похожимъ на висѣлицу. Это былъ помостъ, надъ которымъ возвышалось два столба, на столбахъ лежала перекладина, а на ней висѣли веревки. Я помню, что когда мы проходили, то за одну изъ этихъ веревокъ схватился и повисъ какой-то человѣкъ; но слова Мысловскаго увѣрили меня, что смертной казни не будетъ. Большая часть изъ насъ была въ той-же увѣренности.

На кронверкѣ стояло нѣсколько десятковъ лицъ — большею частью это были лица, принадлежавшія къ иностраннымъ посольствамъ; они были, говорятъ, удивлены, что люди, которые черезъ полчаса будутъ лишены, всего, чѣмъ обыкновенно такъ дорожатъ въ жизни, шли безъ малѣйшаго раздумья, съ торжествомъ и весело говоря между собою. Передъ воротами всѣхъ насъ (кромѣ носившихъ гвардейскіе и флотскіе мундиры) выстроили покоемъ спиной къ крѣпости, прочли общую сентенцію; военнымъ велѣли снять мундиры и поставили насъ на колѣна. Я стоялъ

на правомъ фланѣ и съ меня началась экзекуція. Шпага, которую должны были переломить надо мной, была плохо подпилена; фурлейтъ ударилъ меня ею со всего маху по головѣ, но она не переломилась: я упалъ. Ежели ты повторишь еще разъ такой ударъ, сказалъ я фурлейту, такъ ты убьешь меня до смерти. Въ эту миниту я взглянулъ на Кутузова, который былъ на лошади, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня и видѣлъ, что онъ смѣялся.

Всѣ военные мундиры и ордена были отнесены шаговъ на 100 впередъ и были брошены въ разведенные для этого костры.

Экзекуція кончилась такъ рано, что ее никто не видалъ; вообще передъ крѣпостью не было народа. Послѣ экзекуціи насъ отвели опять въ крѣпость и меня опять въ 1-ой No. равелина. Ефрейторъ, который принесъ мнѣ обѣдать, былъ необыкновенно блѣденъ и шепнулъ мнѣ, что за крѣпостью совершился ужасъ, что 5-хъ изъ нашихъ повѣсили. Я улыбнулся, нисколько ему не вѣря, но ожидалъ Мысловскаго съ нетерпѣньемъ. Наконецъ вечеромъ онъ взошелъ ко мнѣ съ сосудомъ въ рукахъ. Я бросился къ нему и спросилъ: правда-ли, что была смертная казнь? — Онъ хотѣлъ было отвѣчать мнѣ шуткою, но я

сказалъ, что теперь не время шутить. Тогда онъ сѣлъ на стулъ, судорожно сжалъ сосудъ зубами и зарыдалъ. Онъ разсказалъ мнѣ все печальное происшествіе.

Послѣ приговора Пестель, Сергѣй Муравьевъ, Рылѣевъ, Михайло Бестужевъ и Каховскій были отведены въ особые казематы. Сестра Сергѣя Муравьева Кат. Ив. Бибикова, узнавши, что братъ ея приговоренъ къ смертной кизни, поскакала въ Царское Село и просила черезъ Дибича о дозволеніи имѣть свиданіе съ братомъ. Ей позволено увидѣться съ нимъ на одинъ часъ. Свиданіе ихъ происходило въ домѣ коменданта Сукина и въ его присутствіи. Сергѣй Муравьевъ былъ очень покоенъ и просилъ сестру не оставлять попеченіями ихъ брата Матвѣя. Разлука ихъ навсегда, по словамъ самаго Сукина, была ужасна. Когда Сергѣй Муравьевъ возвратился въ казематъ, къ нему вошелъ въ печальнымъ видомъ плацъ-маіоръ Подушкинъ. Сергѣй Муравьевъ предупредилъ его: "вы конечно пришли надѣть на меня оковы." Подушкинъ позвалъ людей; на ноги ему надѣли желѣза. Тоже было сдѣлано и съ 4-мя товарищами Сергѣя Муравьева. Всѣ смотрѣли совершенно покойно на приготовленія казни, кромѣ Михаила Бестужева: онъ былъ очень молодъ и

ему не хотѣлось умирать. Ночью пришелъ къ нимъ священникъ Мысловскій съ дарами. Кромѣ Пестеля, который былъ лютеранинъ, всѣ они причастились. Когда послѣ экзекуціи насъ ввели въ казематы — ихъ вывели передъ соборъ. Былъ 2-ой часъ ночи. Бестужевъ насилу могъ идти и священникъ Мысловскій велъ его подъ руку. Сергѣй Муравьевъ, увидя его, просилъ у него прощенья въ томъ, что погубилъ его. Когда ихъ привели къ висѣлицѣ Сергѣй Муравьевъ просилъ позволенья помолиться: онъ сталъ на колѣни и громко произнесъ: Боже спаси Россію и царя! Для многихъ такая молитва казалась непонятною, но Сергѣй Муравьевъ былъ съ глубокими христіанскими убѣжденіями и молилъ за царя, какъ молилъ Іисусъ на крестѣ за враговъ своихъ. Потомъ священникъ подошелъ къ каждому изъ нихъ съ крестомъ. Пестель сказалъ ему: "Я хоть не православный, но прошу васъ благословить меня въ дальній путь." Прощаясь въ послѣдній разъ, они всѣ пожали другъ другу руки. На нихъ надѣли бѣлыя рубашки, колпаки на лицо и завязали имъ руки. Сергѣй Муравьевъ и Пестель нашли и послѣ этого возможность еще разъ пожать другъ другу руку. Наконецъ ихъ поставили на помостъ и каждому накинули петлю-

Въ это время священникъ, сошедши по ступенямъ съ помоста, обернулся и съ ужасомъ увидѣлъ висѣвшихъ Бестужева и Пестеля и троихъ, которые оборвались и упали на помостъ. Сергѣй Муравьевъ жестоко разбился; онъ переломилъ ногу и могъ только выговорить: "Бѣдная Россія! и повѣсить-то порядочно у насъ не умѣютъ!" Каховскій выругался по-русски. Рылѣевъ не сказалъ ни слова. Неудача казни произошла отъ того, что за полчаса передъ тѣмъ шелъ небольшой дождь, веревки намокли, палачь не протянулъ довольно петлю, и тогда опустилъ доску, на которой стояли осужденные, то веревки соскользнули съ ихъ шеи. Генералъ Чернышевъ, бывшій распорядителемъ казни, не потерялъ голову; онъ велѣлъ тотчасъ-же поднять трехъ упавшихъ и вновь ихъ повѣсить. Казненные оставались не долго на висѣлицѣ; ихъ сняли и отнесли въ какой-то погребъ, куда едва пропустили Мысловскаго; онъ непремѣнно хотѣль прочесть надъ ними молитвы.

Еще нѣсколько словъ о Мысловскомъ. 15-го Іюля на петровской площади былъ назначенъ нарадъ и очистительное молебствіе, которое долженъ былъ отслужить митрополитъ со всѣмъ духовенствомъ. Протоіерей Мысловскій отпустилъ образъ

казанской Божьей Матери на молебствіе съ другимъ священникомъ, а самъ въ тоже время надѣлъ черную ризу и отслужитъ въ казанскомъ соборѣ панихиду по пяти усопшимъ. Бибикова зашла помолиться въ казанскій соборъ и удивилась, увидавъ Мысловскаго въ черномъ облаченіи и услышавъ имена Сергѣя, Павла, Михаила, Кондратія.

Печатано въ типографіи Г. Пеца въ Наумбургѣ.

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WITHDRAWN
CANCELLED
JUN 28 1966
JUN 24 1966
70873

Slav 4170.4
Novgorodskoe vozmushchenie v 1831;
Widener Library 006628137
3 2044 085 485 456